

ИГОРЬ МОЖЕЙКО

1185 ГОД.
ВОСТОК

ИГОРЬ
МОЖЕЙКО

1185 ГОД.
ВОСТОК

ИГОРЬ МОЖЕЙКО

1185 ГОД.
ВОСТОК

Москва 1996

ББК 84Р7
Б90

МОЖЕЙКО
Игорь Всеволодович
(Кир Булычев)

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Историческая серия

1185 год. ВОСТОК

Можейко И.В.

Б90 Полное собрание сочинений. Историческая серия. т.3. 1185 год. Восток — М.: «Хронос», 1996. — 416 с., 44 ил.
ISBN 5-85482-025-0

В этой книге исторической серии рассказывается об истории стран Востока XII века. Книга состоит из небольших, изложенных в увлекательной форме очерков.

ББК 84Р7

Художник **К. Сошинская**

ISBN 5-85482-025-0

© «Хронос», 1996
© Кир Булычев
© К. Сошинская

ВСТУПЛЕНИЕ

История стран и народов подобна рекам. Эти реки текут по времени, становясь шире, принимая притоки, проносясь порой в стремнинах, а иногда разливаясь.

Между реками — водоразделы. С ходом времени, а может быть, из-за того, что реки делаются шире, расстояния между ними уменьшаются. Возможно, в будущем реки сольются в общий океан. И тогда будет просто Человечество.

Изучение истории обычно построено как путешествие по той или иной реке. Мы словно исследуем особенности ее течения, состав воды, смотрим, как часто мелькают по берегам верстовые столбы дат. Заглядываем через водораздел мы чаще всего тогда, когда народы сражаются, когда армии вторгаются на чужие территории. Но наступил мир, миновало наводнение, и снова река вошла в берега.

Человечество, хотя и разделенное на народы, движется по своим рекам синхронно.

Из этого образа возникло желание нарушить привычный ход путешествия. Возникло оно случайно. Читая один исторический труд, я увидел знакомое имя — Владимир Галицкий. Персонаж оперы о неудачливом князе Игоре. В труде говорилось, что, враждуя с галицкими боярами, Владимир обратился за помощью к императору Священной Римской

империи Фридриху Барбароссе и тот помог князю. Фридрих же спешил на юг, к Иерусалиму, чтобы встретиться там с Ричардом Львиное Сердце. И тут мне пришло в голову, что я, историк, никогда не задумывался над тем, что Ричард Львиное Сердце и князь Игорь были современниками и имели общих знакомых. Я, конечно, должен был знать, что они современники: для этого достаточно было вспомнить даты их жизни, но, так как эти люди были обитателями разных речных долин, в сознании они не связывались.

Подобное заблуждение невозможно, когда вспоминаешь, к примеру, о Кутузове и Наполеоне, Пушкине и Байроне, Эйнштейне и Боре. За последние сто—двести лет водоразделы значительно сузились, и, чем ближе к современности, тем яснее общее движение истории. Но продвинемся в прошлое, к истокам рек, — там, если еще раз обратиться к придуманному мною образу, реки разделены горами и дремучими лесами. Впрочем, так ли уж были непроходимы водоразделы?

Мы спесивы. Мы горды тем, что пользуемся телефоном и смотрим телевизор, можем долететь за несколько часов от Москвы до Нью-Йорка, а подняв глаза к небу, видим спутник Земли. От этого протекает в определенной степени недоверие к нашим предкам. Мы с сомнением относимся к их знаниям и их мыслям. У них же не было телефона!

В этом отношении любопытен феномен инопланетных пришельцев. Еще сто лет назад никому не приходило в голову ставить под сомнение искусство строителей Древнего Египта и Ливана, астрономические познания народа майя или выучку индийских металлургов древности, создавших железную колонну близ Дели. Но в последние десятилетия появилось множество теорий, авторы которых, ссылаясь на

эти великие достижения наших предков, утверждают, что некогда Землю посещали инопланетяне.

Популярность таких теорий объясняется, на мой взгляд, двумя причинами. Первая не имеет отношения к теме этой книги. Она касается области массового сознания, массовых суеверий: джинны и ведьмы, лешие и привидения в наш трезвый век переоделись в наукообразные одежды и превратились в экстрасенсов и пришельцев из космоса. Вторая причина нам ближе. Она кроется в неправильно понимаемом смысле прогресса. Прогресс технологический, прогресс социальный еще не означает прогресса умственного. Объем мозга человека со времен крома-ньонцев не изменился, принципы его функционирования — тоже. Менялись образ мышления, отношения с окружающим миром, но не уровень индивидуального сознания. Леонардо да Винчи был бы великим ученым и художником и сегодня. Но иное бы изобретал и иные полотна писал.

В древнем мире избыточный продукт использовался, по современным меркам, нерентабельно. Возвеличивая правителя или бога, подданные строили громадные гробницы и храмы, не имевшие утилитарного (с нашей точки зрения) назначения. Однако это не означает, что человечество, продвинувшись по пути прогресса, перестало возводить гигантские сооружения во славу гордыни и тщеславия. Просто процент от общих сил общества, уходящий на это, резко снизился. Талантливый экспериментатор давних веков не мог заняться ядерными реакциями, но сфера применения для его таланта существовала: он рассчитывал пирамиду Хеопса или фундамент храма Дианы Эфесской. Мыслитель мог провести жизнь, доказывая возможность размещения двадцати ангелов на острие иглы, и делал это очень талантливо. И бессмысленно (с нашей точки зрения). Но таков был осознанный социальный заказ.

Когда же мы сегодня распространяем торжество технологического прогресса на всю умственную деятельность человека, неизбежно возникает убеждение в том, что мы умнее наших предков.

На такой почве вымыслы сторонников инопланетного происхождения памятников земной цивилизации дают быстрые и пышные всходы. Плиты в основании Баальбекского храма весят тысячу тонн, — разумеется, наши предки никогда не смогли бы дотащить их до места. Ведь даже нам это сложно сделать. Значит, тут побывал добрый инопланетный дядя. Колонна в Дели не ржавеет тысячу лет? А у меня автомобиль на третий год поржавел. Значит, добрый инопланетный дядя отлил эту колонну. В Южной Америке, в пустыне Наска, кто-то когда-то изобразил громадные фигуры животных. Увидеть их целиком можно только с неба. Значит, их делали пришельцы или для пришельцев. И так далее...

И начинается грабеж собственного прошлого. Прошлого, в котором строители знали и умели очень многое, располагая к тому же практически не ограниченными резервами мускульной силы рабов. Им приказывали создавать великие сооружения. И они столетиями отработывали приемы и методы такого строительства — и были притом не глупее нас с вами. Металлурги прошлого тоже умели многое. Мы до сих пор стараемся открыть секрет булатной стали, пользуясь тончайшими лабораторными методами. Металл был нужен для войн. Железо в Индии было в древности дешевле, чем в Европе, но и там оно было очень дорого. Спесь очередного тирана могла удовлетворить шестиметровая колонна из железа. И он приказал ее сделать. А специалисты тогда были. Только не инопланетные, а обыкновенные. О нетленности колонны в Дели много говорят. Но лишь недавно металлурги обнаружили, что она не литая, а склепана из кусков, что металл в ней вовсе не

чистый, что подземная часть колонны проржавела на глубину десяти сантиметров, что кусочки металла, отрубленные от колонны и перенесенные в места с более влажным климатом, благополучно и быстро корродировали.

Размышления о людях и талантах прошлых веков привели меня к желанию не только заглянуть в те времена, но и нарушить закон плавания по рекам: пересечь водоразделы, шагая поперек течения рек, то есть оставаясь в пределах узкого отрезка времени.

Мне захотелось увидеть и показать читателю мир одного года (или нескольких лет), но не сегодняшний и не близкий нам по времени, а отдаленный, тот самый мир, к которому мы испытываем чувство снисходительности, мир, в котором не пользовались телефоном. Мне захотелось показать читателю, что великие мыслители и художники, воины и поэты далекого прошлого были частицами человечества, пусть и разделенного горами и лесами. Мне захотелось показать, что деление истории народов на изолированные потоки — условность и что картина мира в целом не только интересна, но и поучительна. Для тех же, кто не любит историю за то, что в ней много дат и их надо зубрить, я сделаю большую поблажку. Дата будет одна: мир такого-то года.

Следующий этап, предшествовавший работе над этой книгой, заключался в решении нелегкой задачи: какой год избрать?

Мир расцвета античной культуры?

В нем есть явная неуравновешенность. Мы многое знаем о Древней Греции, о Риме, зато мир за их пределами, за исключением Китая, где существовала традиция летописания, малоизвестен; к тому же во многих частях Земли в силу неравномерности развития цивилизаций социальные общества лишь начинали

зарождаться. А это значит, что путешествие через водоразделы будет относительно коротким.

Мир после падения Римской империи?

Это мир взбаламученный, мир движения народов, неустойчивый и почти лишенный письменных источников.

Средневековье?

К нему издавна принято относиться плохо. «Мрачное средневековье». «Средневековые порядки». «На смену тьме средневековья приходит светлое время Возрождения». Средневековье в нашей памяти связывается с инквизицией, монгольскими завоеваниями, чумой, беззаконием... Пропустим пока это время и заглянем в эпоху Ренессанса.

И тут же становится ясно, что она для нашей цели слишком близка. Гении и знаменитости этого времени широко известны, великие географические открытия описаны, полотна художников тысячи раз репродуцированы. С Ренессанса начинается та история человечества, к которой мы уже относимся всерьез. Гиганты Возрождения признаны нами как гиганты общечеловеческие. Мир уже связан знаменитыми плаваниями Колумба, Васко да Гамы и Кабрала. Магеллан уже доказал всем, что Земля круглая. Преемственность деяний четко прослеживается в последующие эпохи. За Магелланом придет Фрэнсис Дрейк, за Дрейком — капитан Кук. От Кука уже недалеко до Крузенштерна. Европа начинает диктовать миру свои законы.

Описать любой год Возрождения исследователю, с одной стороны, легче, потому что идешь проторенными путями, но с другой — сложнее, ибо найти новое на столь изученных дорожках трудно.

Пришлось вернуться в прошлое, в «темное» средневековье.

Хотелось увидеть мир более или менее стабильным, чтобы он хоть немного попозировал перед

объективом. Значит, верхним рубежом такого периода станет монгольское завоевание, которое кардинально и надолго нарушило естественный порядок вещей. Тогда искомый год надо выбирать в десятилетиях, предшествовавших монгольскому завоеванию. Забираться далеко в глубь средневековья опасно: письменные источники с каждым десятилетием становятся все более скудными и ненадежными, ценность же исследования находится в прямой зависимости от его достоверности. Чем меньше домысливаешь, тем цельнее и достовернее картина.

Осталось уточнить дату.

Что взять за отправную точку?

Падение Иерусалима? Смерть Фридриха Барбароссы? Или какую-нибудь известную дату русской истории?

А почему не остановиться на событии, незначительном для мировой истории, но силой литературы ставшем вехой в истории нашей страны?

В 1185 году князь Игорь потерпел поражение от половцев и был взят ими в плен. Обычная, одна из многих, пограничная война. Русские княжества и половецкая степь. Но это событие послужило причиной создания первой дошедшей до нас русской поэмы, первого великого произведения русской литературы. Неизвестный поэт писал эту поэму как пророчество. Словно заглянул в будущее на полвека, словно увидел причину скорой трагедии русских земель. Ужаснулся, закричал, но не был услышан.

1185 год...

Относительное затишье. Не только в Европе, но и в Азии — в Китае, Индии, Иране. Мир разобщен, суров, но, чем более вглядываешься в его жизнь, тем более богатым и разнообразным он представляется. И тем яснее понимаешь, что его невозможно охватить и описать целиком. Путешествие через водоразделы приведет к тому, что на некоторые

реки мы лишь взглянем, переправляясь через них, на берегах других задержимся. Ведь это не строго научное исследование, а рассказ о людях, которые жили, страдали, любили, умирали восемьсот лет назад*.

Когда пишешь историческую книгу, независимо от степени ее научности и важности проблем, о которых там говорится, в ней, на мой взгляд, обязателен сюжет, схема, конструкция повествования. Бывает, что сама по себе проблема уже достаточна для построения конструкции. Например, если объект книги — человек. В исследовании об Александре Македонском само движение его личности во времени и в пространстве является сюжетом.

История, естественно, более других наук связана с течением времени. И потому временной стержень — основа всякого сюжета исторического труда.

Иначе получается с этой книгой.

Цель ее — дать временной срез, то есть показать, что происходило в мире в исторически короткий промежуток времени. Практически одновременно. Таким образом, время как основа схемы исчезает. Оно начинает действовать лишь внутри каждой главы, причем всякий раз приходится начинать с определенной, наиболее приемлемой хронологической точки и проходить относительно короткий путь с героями этой главы.

Но тогда встает вопрос: как превратить набор сюжетов в единое повествование?

Выход один — организовать главы в пространстве, географически.

* Дата, избранная мною, условна. Рассказать о том, что было в 1185 году, умолчав о предшествовавших и последующих годах, неразумно. Ведь книга эта о людях, живших во второй половине XII века. Так что, попав в очередную речную долину, мы совершим путешествие по реке истории длинной в несколько лет, прежде чем перейдем в следующую долину.

Сначала я хотел ввести в книгу воображаемого путешественника, который движется от реки к реке и наблюдает события. Однако от этой идеи пришлось отказаться. Путешественник XII века передвигается медленно. Скажем, путь от берегов Англии до Японии или Явы займет годы. Поэтому он не в состоянии находиться в нужном месте в нужный день или месяц. Между тем события, ограниченные 1185-м и ближайшими к нему годами, происходили одновременно в разных концах планеты.

Даже писем путешественник получать не сможет, так как письма будут двигаться с той же скоростью, что и он сам.

В итоге путешественник остался дома, но размышления о нем натолкнули на другую возможность построения книги. Ведь мир XII века был связан торговыми путями. Бывают кочующие проселочные дороги в плоской степи. Если посмотреть на такую дорогу с высоты, то увидишь, что она состоит из множества колеи; некоторые уже заросли травой, другие основательно протоптаны; тропки ответвляются от дороги во влажных низинах и вливаются в нее вновь через несколько метров или бегут к недалекой деревне; иногда дорога превращается в широченную многоколейную полосу, а порой сужается до одной колеи.

Вот таким мне видится Великий торговый путь средневековья.

Он непостоянен. В зависимости от политических условий, от возникновения и гибели государств, от войн и разбойничьих набегов колеи его смещаются, порой возникают дальние объезды. Но что бы ни происходило в мире, товары с одного конца Земли требовались в другом, и потому Великий торговый путь был всегда.

Пусть же он и станет пространственным

стержнем, на который будут нанизаны главы этой книги.

Великий торговый путь — иногда его именуют и Великим шелковым путем — существовал много столетий. От Восточного Средиземноморья через Сирию он тянулся к Ирану, где издревле были устроены колодцы и водоемы для караванщиков, оттуда вел к Бухаре и Самарканду (кстати, лучшие шелка вырабатывались тогда не только в Китае, но и там, в среднеазиатских городах), затем переваливал через Северный Памир к Кашгару и Яркенду; здесь он раздваивался, обходя с севера и юга пустыню Такла-Макан, и сходиллся у озера Лобнор, оттуда шел в степи, населенные кочевыми народами, и далее в Китай.

Арабские историки тех времен считали, что от Красного моря до Китая двести дневных переходов. Реально же никто не мог так быстро проделать этот путь, потому что любой караван должен был останавливаться в городах и в оазисах, вести там торговлю. В дороге путников встречала непогода, зимой никто не решался проходить через Гоби, да и вечные войны и вражда государств, каждое из которых было заинтересовано в доходах с торгового пути, отнюдь не способствовали скорости движения караванов. Так что на самом деле путешественник, чтобы добраться, скажем, из Генуи или Тира до Китая, тратил два-три года.

Объем торговли на Великом шелковом пути был, даже по нынешним меркам, весьма велик. Там шли не случайные спутники с тюком шелка. Надежнее и безопаснее было собираться в большие караваны, которые насчитывали сотни купцов, имели солидную охрану и тысячи выючных животных. Магнаты, которые правили этой торговлей, были столь богаты, что, к примеру, один из них, вернувшись из Китая, на свои деньги выложил золотыми листами

бассейн для омовения в Мекке. Многочисленные оазисы и города вдоль пути жили пошлинами, которые собирали с купцов, и доходами от караванов, что останавливались там.

До сих пор археологи не перестают удивляться, находя в самых неожиданных местах предметы, попавшие туда издалека по Великому торговому пути. Это и сасанидские серебряные блюда в тайге Северного Урала, и китайские фарфоровые чашки в предгорьях Кавказа, и нефрит в Ирландии. Торговый путь был горячей артерией средневековья, источником товаров и информации, предметом раздоров и войн. Одной из причин экспансии державы Чингисхана было стремление господствовать на Великом торговом пути, а рыцари-крестоносцы шли освобождать гроб Господень, не подозревая зачастую, что их толкают к завоеванию Святой земли венецианские и генуэзские купцы, желающие контролировать важнейшие перевалочные порты Средиземноморья.

Лишь в своей средней части — в Центральной Азии — Великий торговый путь был сравнительно узок и един. Далее, к концам, он дробился на множество ответвлений, которые разбегались к городам и странам. С одной стороны они заканчивались у берегов Ирландии и норвежских фиордов, в Португалии и Дании, в Суздале и у Уральских гор, а с другой — тянулись к Японии, к островам Пряностей за Индонезией, к Цейлону и Филиппинам. От каждого истока пути, как бы ни был он мал, текли товары, от каждого начинался ручеек, который вливался потом в основной путь.

Существовали и побочные дороги, порой весьма оживленные и важные. Например, морская дорога вдоль побережья Северной Европы, одним из важных пунктов на которой был Новгород, и далее, по рекам, путь «из варяг в греки» или путь от Аравии к Южной Индии и далее к Малайскому архипелагу,

а от него — вокруг Вьетнама к Южному Китаю. Эти пути так или иначе были связаны с Великим шелковым путем, питались им и питали его.

Великий шелковый путь часто определял не только политику и судьбу государств и народов, но и жизнь отдельного человека, который мог и не подозревать о том, что на свете есть Китай или Япония, Ирландия или Норвегия. Он в значительной степени определил и судьбы героев этой книги — Ричарда Львиное Сердце, который отправился освободить Иерусалим, и молодого Тэмучжина (будущего Чингисхана), царицы Тамары и северского князя Игоря. Правда, влияние пути на судьбы людей часто было настолько сложным и опосредствованным, что необходимо построить длинную логическую цепочку причин и следствий, пока доберешься до конкретного человека.

Впрочем, это и необязательно делать.

Факт существования Великого торгового пути установлен, и можно двинуться вдоль него, останавливаясь, подобно путникам, в городах и замках, на постоянных дворах и возле военных лагерей.

Мир конца XII века, каким он показан в этой книге, сходен с вечерним городом. В некоторых окнах горят огни, и, если шторы не задернуты, мы можем туда заглянуть. В других света нет, но это необязательно означает, что комнаты пусты: может быть, их обитатели спят. Те сцены, что предстали нашему взору, позволяют получить представление о жизни города в целом.

В рамках общих законов развития средневекового общества рождались, жили, гибли многие народы. В городах трудились художники и поэты, строители и философы. Но по разным причинам информация, прорвавшаяся к нам через восьмисотлетнюю талицу времени, недостаточна и неодинаково равноценна. Причин много. И неравномерное развитие государств,

и то, что одни из них сохранились по сей день и даже сберегли свои архивы и документы, а другие исчезли. Одни, как Ангкор, канули в небытие, но от них сохранились великолепные памятники. От других не осталось и следа. Названия их почерпнуты из летописей соседних стран.

Цель этой книги — не воссоздать строго научную историческую картину мира, а рассказать о людях, которые тогда жили, о творцах и жертвах истории. Следовательно, речь пойдет лишь о тех освещенных окнах, которые не закрыты шторами...

Остается лишь один вопрос: откуда начать путь?

Здесь выбор достаточно велик, и определяется он чисто субъективными факторами. Исходным пунктом путешествия и повествования я сделал страны Юго-Восточной Азии — один из дальних истоков Великого торгового пути.

* * *

Со времени первого издания книги прошло около десяти лет. Она давным-давно исчезла из магазинов, ведь в конце восьмидесятых годов сотысячный тираж для исторической книги был мизерным и зачастую книга не доходила до прилавка: продавец книжного магазина, работник книжной базы были персонами трепетно уважаемыми и могли сравниться по влиянию с зубными врачами или распределителями колбасы. Тогда мы были самой читающей нацией на земле и у нас издавалось больше книг, чем во всем цивилизованном мире. Однако из того, прежнего количества книг девяносто пять процентов смиренно старели в магазинах и на базах, а населению нашей империи остро нехватало книг для чтения. Теперь же дефицитных книг не осталось. Как не осталось дефицитных бананов. Зато все стало дорогим.

Правда, сравнительно с прочими продуктами и вещами книги подорожали меньше всего, но ведь десять лет назад цена книги была чисто номинальной — как цена проезда на метро. Тиражи книг упали не потому, что мы стали в несколько раз меньше читать — люди читают, но предпочитают литературу легкоусвояемую, в изящной упаковке, не требующую при чтении умственных усилий. Раньше можно было купить сто книг в месяц и не помереть с голоду от таких расходов. Значительную часть средней городской квартиры занимали стеллажи с собраниями сочинений авторов, которых никто и не раскрывал, но надеялись, что «дети подрастут и заинтересуются» письмами Стендаля или публицистикой Достоевского. Дети подросли и заинтересовались боевыми роботами и повестями о том, как мисс Смит отдается на берегу острова Таити графу Джонсу. В новых домах книги занимают такое же скромное место, как во Франции. Но все это не означает, что в нашей стране куда-то провалились любители почитать о пирамиде Хеопса или опричниках. Правда, этим любителям сегодня предлагают несколько иную литературу. Вроде «Тайн пирамиды Хеопса», «Пирамид Хеопса и астрологических судеб вашей бабушки» либо «Секса среди опричников».

Тем не менее, полагая, что определенное число людей, интересующихся просто историей и желающих понять, что происходило на земле в самом деле, в нашей стране существует, мы с издателем решили включить в собрание моих работ и работы научно-популярные, включая «1185 год».

Не считая некоторых исправлений и добавлений, которые в принципе не меняют объема, сути и тона книги, решено было внести в нее иллюстрации. Ведь зачастую мир, описываемый здесь, настолько чужд или неизвестен читателю, что без иллюстраций книга становится слепой.

Введение в текст иллюстраций (к сожалению, они распределены в тексте неравномерно, так как к некоторым главам иллюстраций немало, а к другим их не удалось обнаружить в достаточном количестве) увеличило объем книги. И тогда, по здравому размышлению, было решено разделить текст на две части и выпустить новое издание в двух томах: «1185 год: Восток» и «1185 год: Запад».

Разделение книги на два тома далось нелегко. Ведь она писалась как единое путешествие по Великому шелковому пути. И где кончается Восток, а где начинается Запад, порой не догадаешься — границы спорны и зыбки. Относит ли к Востоку Византию, владения которой лежали большей частью в Азии, но которая оставалась христианским государством и в политике оставалась чаще всего составляющей европейского ареала? Или границу провести по странам Закавказья? А что делать с ними? Азербайджан и Иран входили в сельджукскую империю, там царил ислам, Грузия и Армения — упорный и упрямый оплот христианства в Закавказье. Но формально это Азия, Восток.

В конце концов мы решили провести границу по восточным пределам Руси.

Это уже Европа, но это еще и Степь. Русь соединяет Восток с Западом и защищает Запад от завоевания Востоком. По крайней мере от половцев и прочих степных народов Европа была прикрыта Русью, да и монгольское завоевание истоцилось на русских просторах и, преодолев их, вышло на европейские равнины настолько ослабленным, что удавшееся гуннам оказалось для монголов непосильным.

Здесь же, в долинах рек, меняет характер Великий шелковый путь. По Волге, Днепру, Днестру плывут ладьи с разнообразными товарами, среди которых шелк и пряности с Востока занимают уже

небольшое место. Движение серебра с Запада на Восток, о чем будет рассказано в этой книге, меняет здесь направление — Русь не имела собственного серебра. Серебро в виде дирхемов и слитков поступало к нам большей частью с Востока.

По сравнению с первым изданием написан новый раздел о портретах героев этой книги, подробнее рассказано о функционировании Великого торгового пути. Был, конечно, соблазн вернуться к ней основательно и не ограничиваться иллюстрациями, поправками и дополнениями. Мне кажется, например, что существует некоторый перекося — немало времени и места посвящено творчеству Низами и Руставели, зато о западной литературе, если не считать «Слова о полку Игореве», в книге сообщается слишком мало. А ведь именно в те годы создавались «Песнь о Нибелунгах», «Тристан и Изольда» и «Парсиваль», складывался европейский эпос об английском короле Артуре. Мне кажется сегодня, что слишком мало места уделено философским воззрениям интеллигентов XII века, религиозным системам и таким удивительным ересям, как ересь альбигойцев...

Но расширение книги увеличило бы ее и без того немалый объем раза в полтора. И потребовало бы еще год работы. Так что было решено на этот раз ограничиться «косметическим ремонтом», а там, Бог даст, может, я смогу сделать книгу такой, какой хотелось бы видеть ее в приближении к идеалу.

Впрочем, автоматическое увеличение объемов также рискованно. Ведь в книге тогда будет страниц 700—800, а многим читателям просто скучно одолевать такой кирпич.

Так что сейчас вы держите в руках первый том из двухтомника «1185 год», посвященный странам Востока.

Часть I

ИСТОКИ

ВЫДУМАННЫЙ КОРОЛЬ

Страны Юго-Восточной Азии подобны виноградной грозди, повисшей на южной ветви Великого шелкового пути. Это комплекс государств, связанных между собой торговыми, политическими и культурными узами. Им были свойственны общие черты. Они заимствовали у Индии религию — индуизм или буддизм, концепции государственной власти, письменность, многие приемы в строительстве и архитектуре, принципы искусства, даже мифологические мотивы и литературные жанры. Постепенно там укреплялась местная власть, связи с Индией становились все менее ощутимыми. Вместе с тем в них долго сохранялось индийское влияние в духовной жизни (куда большее, чем влияние китайское, хотя Китай периодически претендовал на верховную власть над ними).

Из государств, возникших на южном морском торговом пути, самым знаменитым, могучим и долговечным была островная империя Шривиджайя, которая включала Суматру и часть нынешней Малайи и контролировала проливы, ведущие из Бенгальского залива и Андаманского моря в Тихий океан. Государство это то усиливалось, то теряло часть владений, входило в союзы с властителями Южной Индии и Цейлона, подчиняло себе государства Индокитайского полуострова. Оно владело множеством островов и морских портов. Сила его заключалась во флоте, самом могучем в Азии. Китайский пилигрим, побы-

вавший там в XII веке, писал, что Шривиджайя — «важный перекресток для торговли иноземных народов, где встречаются товары из всех стран и где они хранятся на складах для иноземных судов». А если «какой-нибудь иностранный корабль, проходящий мимо, не заходит в порт, вооруженная стража снаряжается в погоню и убивает экипаж и команду корабля до последнего человека».

В конце XII века Шривиджайя контролировала почти весь Малайский архипелаг, лишь на Яве существовали другие государства (впрочем, они не оставили о себе памяти). В портах Шривиджайи бросали якоря корабли китайские, цейлонские, кхмерские, тямские, вьетские, арабские. Везли они сандаловое дерево и слоновую кость, золото, серебро и олово, железо и лак, рис и пшеницу, фарфор и пряности. Эти и многие другие товары перечислены в записках любознательных китайских пилигримов.

Шривиджайя, государство знаменитое и могучее, тем не менее для нас подобна окну, закрытому плотной шторой. О Шривиджайе повествовали гости. Сама же эта держава ничего о себе не рассказала. И не оставила памятников — ни литературных, ни архитектурных. Археологи лишь приступают к раскопкам в тех краях.

Впрочем, этому можно найти объяснение: Шривиджайей правили купцы и солдаты. В ней было множество морских портов — иначе не сохранить контроль над торговым путем. Зато собственное хозяйство было развито слабо, и за стенами крепостей и городов простирались леса, населенные племенами охотников и рыбаков.

Мы не знаем ничего достоверного о людях Шривиджайи. Следовательно, раз наша книга не об экономических проблемах и не о социальных законах, мы минуем Шривиджайю и перекочуем на Индокитайский полуостров, где процветали в XII веке Паган и Ангкор.

*Пагода Шведагон в Рангуне (Южная Бирма).
Возводилась несколько столетий, с начала нашей эры
до позднего средневековья.*

В мире совсем немного мертвых городов, которые не забыты, не съедены лесом, как Ангкор или города майя, не разрушены завоевателями и временем, не погребены под новыми жилищами.

Паган же — редчайшее исключение.

Последние жители покинули его в XIV веке, умирание города растянулось на столетие, но никто не посмел тронуть его дворцов и храмов. Да и не было в тех краях яростных завоевателей, желавших изгладить память о Пагане. Неподалеку возникали новые столицы и росли новые государства. Среди храмов, на месте сторевших или сгнивших деревянных домов, дворцов и монастырей, появились деревушки, бывшие площади и улицы города превратились в поля. Но не погиб народ, не умерла религия, которой были посвящены храмы, и оттого потомки жителей Пагана с почтением и удивлением относились к громадам, воздвигнутым его царями. Не разрушаясь, ибо был построен на редкость крепко, превратившись в легенду, Паган продолжал существовать, и любой человек, проплывавший по могучей Иравади, видел белые и бурые силуэты храмов. А если он был бирманцем, то помнил с детства и названия храмов, и имена строителей. Правда, с течением времени все связанное с Паганом отрывалось от исторической действительности и становилось преданием: за именами скрывались не конкретные люди, но герои древности, замыслы и поступки которых соотносились в сознании потомков с красотой и величием их творений.

Каждая вторая бирманская сказка начинается словами: «Это было в Пагане». Там жили великие герои и знаменитые поэты, мудрые короли и коварные злодеи.

Паган — это крупнейший в мире мертвый город, который никто никогда не терял, никто никогда не забывал, и тем не менее его, уже в наши дни, пришлось открывать заново, чтобы вернуть истории.

Мне кажется правильным (хотя, может быть, и недостаточно эстетичным) сравнить Паган со скелетом

некогда жившего существа, кости которого отполированы ветрами и дождями. По ним дотошные ученые могут восстановить внешний вид этого мастодонта, хотя наверняка ошибутся в деталях, в частности. Костяк города — храмы — лишен плоти: домов, улиц и площадей, базаров, постоялых дворов и садов. Даже самый маленький из храмов, который некогда прятался в тени манговых деревьев и возникал перед путником внезапно, так как увидеть его можно было лишь вблизи, теперь виден издали: он стоит на голой равнине. Мы можем оценить его пропорции и точность линий, но никогда не увидим и не поймем его в живой сумме строений и деревьев живого города. Потому требуется немалое воображение, чтобы представить себе, какой же была столица первого бирманского государства в 1185 году.

Бирманцы, построившие Паган, пришли в долину великой реки Иравади в IX веке. Они спускались с гор, стеной отделявших Бирму от Китая, и селились на жаркой, сухой равнине, оттесняя к югу или поглощая племена, занимавшие ее раньше. Паган, который тогда был, очевидно, небольшой крепостью, лежал несколько в стороне от их первоначальных владений, но вскоре стал предметом спора между бирманскими вождями, так как располагался на берегу Иравади — главного торгового пути. Оттуда можно было спуститься до самого моря, где стояли богатые города монов — народа, заселившего юг Бирмы за несколько веков до бирманцев. Паган стал форпостом государства, долины, в которых обосновались бирманские племена, — тылом, резервом.

Объединить Бирму и создать государство, которое вошло в историю под именем Паганского, суждено было бирманскому вождю Анорате, который укрепился в Пагане в середине XI века и в течение последующих двадцати лет предпринял несколько удачных походов на юг. Оттуда, из завоеванных монских городов, он привез в столицу каменщиков и художников, буддийских монахов и, что было немаловажно для

последующей истории Бирмы, буддийские рукописи. Буддизм стал официальной религией нового государства, сменив первобытные анимистические верования, которых придерживались бирманцы до этого.

В течение последующих десятилетий Паган превратился в одно из самых крупных государств Юго-Восточной Азии. Иравади была важной торговой артерией, южные морские порты располагались на пути из Индии к странам Южных морей. Сильное государство строило каналы, водохранилища, плотины, поэтому поля Бирмы давали обильные урожаи и население быстро росло. Но вот расширить границы Паганское государство не смогло: мешал географический фактор. С трех сторон Бирма окружена труднопроходимыми горами, и лишь на юге низменность переходит в море. Покорение соседних стран — это обязательно переход через горы. Такие походы были и в паганские времена, и позднее. Но как только бирманская армия уходила через перевалы, она оказывалась отрезанной от резервов, снабжение ее становилось трудным делом, и в конце концов, какими бы ни были внушительными военные успехи, рано или поздно ей приходилось отступать: Бирма оставалась за горами и непроходимыми лесами и не могла оказать помощи. А мореходами бирманцы, народ сухопутный, оказались посредственными, сильного флота у них никогда не было.

Паганское государство было богато и сильно. В руках королей и знати скапливались немалые богатства. Богатства следовало использовать. Если еще недавно бирманские вожди устраивали знатные пиры, то теперь, в стране централизованной, могучей, никакими пирами прибавочный продукт не уничтожишь. И как везде в мире на этом этапе социального развития, именно религия дала стимул к грандиозным тратам. Началось строительство храмов и пагод, которые должны были стать «заслужкой» в следующем рождении государя или вельможи, улучшить его карму, зависящую от добрых дел во славу буддийской религии.

И вот с середины XI века на берегу Иравади,

*Самый знаменитый из храмов Пагана — Ананда
(конец XI века).*

среди деревянных хижин, монастырей и дворцов, стали подниматься кирпичные громады храмов. Они возникли как бы сразу, это был взрыв творческого гения паганских зодчих. Уже первый из больших храмов — Ананда, построенный королем Тилуин Маноном и освященный в 1091 году, стал одним из самых выдающихся архитектурных памятников Азии. А ведь прошло всего пятьдесят лет с момента образования Паганского государства.

Всего в Пагане было построено за двести пятьдесят лет его существования немало храмов, пагод, храмиков и других каменных сооружений (по разным данным, от двух с половиной до пяти тысяч), и, разумеется, далеко не все сохранились.

Строительство большого храма было общегосударственным предприятием. Такой храм — главное дело жизни государя, причем не каждый из них мог себе это позволить. По крайней мере последние полвека существования Паганского государства — период его упадка — не знают ни одного большого храма: короли были бессильны собрать столько средств и строителей, чтобы прославить свое имя достойным образом.

Большой храм — это гигантское сооружение, высотой шестьдесят—семьдесят метров, выше современного двадцатизэтажного дома, со сложной системой внутренних помещений, со статуями и фресками. Есть в той же Бирме пагоды, которые выше храмов, но это постройки типа египетских пирамид — правильно организованные груды кирпича, без внутренних помещений.

Храмы Пагана — своего рода революция в восточноазиатской архитектуре. Их конструктивная основа — широкое применение арок и сводов. Именно это и позволило храмам дожить до наших дней, несмотря на время и стихийные бедствия, главным образом землетрясения. А землетрясений в Бирме бывает немало, и очень сильных. Последнее, катастрофическое, в 1974 году, повредило ряд храмов, в том числе храм Ананда, повредило, но не разрушило.

Как могло произойти, что пришедший с гор небольшой народ, никогда раньше не имевший традиций каменного строительства, сразу после основания первого своего государства воздвиг подобные храмы? Естественно, что исследователи в поисках прототипов паганских храмов обращали свои взоры в сторону великих азиатских цивилизаций древности, в первую очередь в сторону Индии.

Что такое индийский храм? Он произошел от горы и пещеры в ней. И не скрывает своего происхождения. Внешне индийский средневековый храм невероятно тяжел, и настолько раздроблены его фасады, настолько измельчены украшениями и скульптурами, что создается ощущение поросшей лесом крутой горы. Внутри же под многотонной тяжестью этой горы скрывается низкая темная пещера — внутреннее помещение храма, чаще всего перекрытое толстыми балками. Индийский храм по-своему един и логичен.

Бирманский храм противоречив и нелогичен.

Внешне храмы Пагана просты. Светлые, чистые стены, украшенные лишь пышными порталами. Само здание — куб. Над ним ступенчатой пирамидой крыша, увенчанная сикхарой, сходной с початком кукурузы.

По простоте линий и некоторому пренебрежению к деталям, к точности кладки, по геометрической выверенности входов храмы Пагана напоминают церкви Пскова или Новгорода. Храмы гармонируют с открытым пространством равнины и целью голубых холмов на горизонте.

Зато, когдаходишь внутрь храма, попадаешь в мир тесный, темный, загадочный. Внутренние помещения, как правило, невелики, коридоры узки, статуи стоят в полумраке, лишь узкие лучи света падают на их улыбающиеся лица. Храм создан для того, чтобы вызвать своего рода душевный шок у человека, пересекающего границу между светлым внешним миром и загадочным миром души.

Прототипы бирманских храмов в последние десяти-

тилетия найдены в самой Бирме. Ведь бирманцы пришли не на пустое место. До них в долине Иравади и на южном побережье существовали небольшие государства — монов и народа пью. Раскапывая развалины их городов, археологи убедились в том, что основные принципы паганских храмов были разработаны в самой Бирме за столетия до создания Паганского государства. Объединив страну, свезя в столицу зодчих из других городов, имея в своем распоряжении громадные средства и человеческие ресурсы, короли Пагана смогли сделать важный шаг — от строительства маленьких святилищ древности перейти к сооружению великих храмов средневековья.

За двести пятьдесят лет существования Паганского государства там было построено шесть больших храмов. В 1091 году — Ананда, самый изящный и благородный из них. В середине XII века был воздвигнут Татбинью, самый массивный и высокий. Можно подняться на его верхнюю террасу и оттуда с высоты шестидесяти метров увидеть весь Паган, Иравади и далекие холмы за рекой. У входа в этот храм стоит маленький храмик, сходный с гигантским собором. По преданию, на его сооружение пошел каждый десяти тысячный кирпич из тех, что были уложены в тело Татбинью. На рубеже XIII века родились два храма — Годопалин, самый легкий, совершенный из храмов, и Суламини. Кансу II был единственным королем, при котором были воздвигнуты два храма. Последний из больших храмов, Тхиломинло, завершен в 1211 году, при короле Натомья.

Выше перечислены пять храмов.

Но есть и шестой. Единственный незаконченный храм в Пагане.

Называется он Дхаммаянджи.

Он построен по образцу храма Ананда, но его создатели не смогли найти той гармонии линий, что превращает гигантское сооружение в произведение архитектуры. Он тяжел, громоздок, и это подчеркива-

отся темно-бурым цветом стен, так как оштукатурить его не успели.

С ним связана тайна Пагана второй половины XII века.

После смерти великого паганского короля Тилуин Мана в 1112 году на престол вступил Кансу I. И процарствовал больше полувека.

Нас сейчас интересуют события последних лет его правления.

Обратимся к бирманским хроникам. Их множество — начиная от главных, составленных по приказу короля, и кончая местными — монастырскими, областными, чуть ли не деревенскими.

Есть необъясненные законы создания исторической литературы, отношения к истории в пределах той или иной цивилизации. Например, в скандинавских странах историческая литература в средние века была необычайно развита. Даже в маленькой Исландии создавались замечательные саги. От них лишь шаг до хроники, такой, как «Земной круг». Это гигантский по объему и скрупулезный труд, который и сегодня служит основным источником по истории викингов и Норвегии. В то же время «Земной круг» — одно из величайших произведений художественной литературы средневековья.

На Руси писание летописей было делом монахов. История русских княжеств была зафиксирована. Беда в том, что в России в последующие века плохо сохранялись рукописи. Те из них, что пережили монгольское иго, горели вместе с монастырями и библиотеками, гнили в подвалах и уходили на растопку. Еще первый русский историк В. Н. Татищев в начале XVIII века пользовался летописями, о которых мы можем судить лишь по цитатам в его «Истории российской»: они потом погибли. Сгорело «Слово о полку Игореве». И все же сохранилось немало.

В Японии эстетическая сторона дела играла столь важную роль, что летопись превращалась в роман.

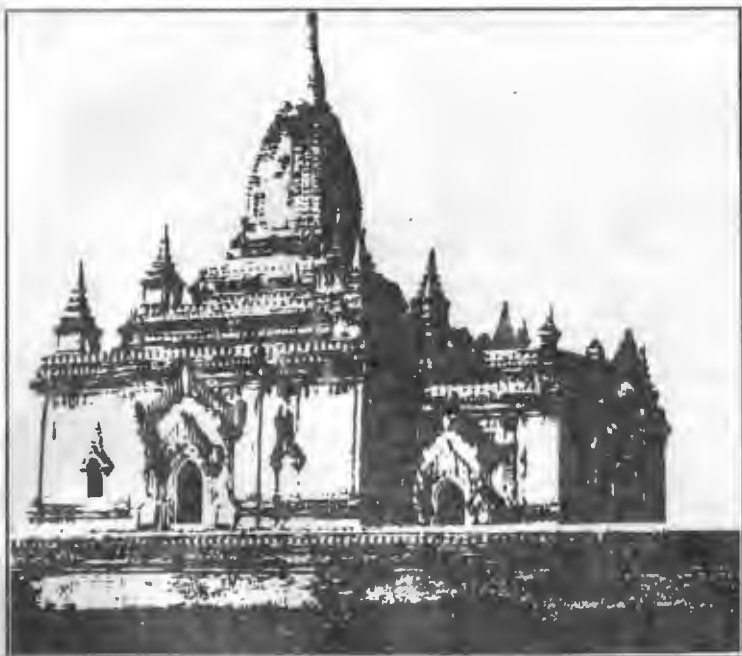
Японский читатель средних веков ждал героической повести — и писатели шли ему навстречу. История была лишь материалом для прозы. Правда, она была настолько драматична, что порой и не надо было ничего додумывать. Достаточно было снабдить ее моральными выводами.

В Китае историческая традиция была развита издавна. История относилась к области делопроизводства, она была средством фиксировать для потомков величие державы. Поэтому китайские хроники — незаменимые исторические документы. Достаточно сказать, что тщательная и подробная фиксация прибытия посольств из других стран и отправки собственных миссий сохранила для нас достоверные сведения об исчезнувших государствах Азии.

А вот в Индии хроник и летописей практически не было. Древнюю и средневековую историю Индии порой очень трудно реконструировать. И если датировка событий в Китае прослеживается на тысячелетия, то в древней Индии хронология даже важнейших событий нередко весьма сомнительна.

Возможно, это объясняется господствовавшими в Индии религиозными концепциями — непостоянства, вечного перерождения — и вечным движением людей и идей по бесконечным раскаленным долинам и лесным дорогам грандиозной страны. В Индии вплоть до нового времени не было понятия принадлежности к стране. Не было индийцев — были индусы, джайны, сикхи и буддисты, были хайдарабадцы и бенгальцы, пенджабцы и кашмирцы. Многие страны, развивавшиеся под влиянием индийской цивилизации, так и не пришли к созданию собственной исторической литературы. Лишен ее был великий Ангкор, пропали, не оставив летописей, Фунань, Тямпа, Ченла, Шривиджайя, а ведь это были обширные и могучие державы, и существовали они многие десятилетия, а то и века.

Бирме в этом отношении повезло. Она попала как бы на перекресток влияний. Первые бирманские

Храм Швегуджи в Пагане. XII век.

летописи берут начало во времена Пагана. После его гибели старые списки сохранились в монастырях; впоследствии они многократно переписывались и вошли в состав новых хроник. Последняя королевская хроника была создана в середине XIX века, незадолго до того, как Бирму завоевали англичане.

История Паганского государства, зафиксированная в летописях, в основном совпадает с тем, что отражено в надписях на камнях, высеченных в паганское время. Правда, официальные имена королей изменены в летописях на те, что вошли в народную традицию. Например, с 1210 по 1234 год в Пагане, судя по надписям, правил король Натомья. В летописях он назван Тху-минло. Это имя означает «Тот, на которого указал вонт». Происхождение странного имени

объясняется так: у короля Кансу было пять сыновей, и, чтобы выбрать достойного править государством, их посадили перед белым королевским зонтом. Зонт склонился к младшему сыну. Остальные четыре брата помогали ему править страной.

Находясь на юго-восточном ответвлении Великого торгового пути, Паган контролировал долину Иравади. А если взглянуть на карту, то становится ясно, какую роль играла эта река, одна из крупнейших в Азии.

Иравади берет начало в Южном Китае и впадает в Бенгальский залив. В устье Иравади стекались пряности с островов Южных морей, опалы с Цейлона, целебные рога носорогов и ткани из Шривиджайи, олово, свинец, серебро и сандаловое дерево из Малайи. Сама Бирма была богата драгоценными камнями, тиковым деревом, из нее в Китай и в другие страны поступали и прирученные слоны — их в Бирме было великое множество, нефть — уже с паганских времен по берегам Иравади добывали ее в глубоких колодцах. В самом Пагане и в южных, монских провинциях жило немало богатых купцов и менял, делавших крупные пожертвования буддийским монастырям и пагодам.

Вверх по Иравади торговые суда плыли через все Паганское государство до северных гор. Там товары грузили на слонов и лошадей, и караваны горными тропами пробирались в Южный Китай.

Торговый путь следовало охранять. Это и было заботой паганских королей.

Судя по хроникам, король Алаунситу (Кансу I надписей) (1112 — 1167) провел первые годы царствования в походах, усмиряя непокорные окраины государства. Через несколько лет он отправился в морское путешествие, попал на Цейлон, побывал в Малайе. Затем он двинулся на север и по торговому пути добрался до государства Наньчжао, на юге Китая. Там Алаунситу пытался добыть священную реликвию — зуб Будды, но зуб королю не отдали. Собственную

страну этот неутомимый путешественник изъездил вдоль и поперек. Следы того — многочисленные пагоды, построенные им в самых различных уголках королевства. К тому же он был страстным охотником и более всего любил охотиться на слонов.

Время шло, и Алаунситу состарился.

События последних лет его царствования подробно описаны в хрониках. Из этих историй нас интересуют две.

В семьдесят пять лет король решил взять новую жену — принцессу из Южной Индии. Молодая жена, как гласит хроника, «заботилась о короле днем и ночью».

Естественно, старшие жены и принцы всполошились. Отец не только отказывался умирать, но и намеровался произвести на свет еще одного сына — от любимой, молодой и к тому же иноземной жены.

Ненависть к новой королеве проявилась довольно скоро. Однажды сыновья пришли к отцу — тот находился в тронном зале. С ним там, на троне, восседала его молодая жена.

Следует сказать, что бирманский трон несколько отличался от европейских. Он представлял собой возвышение метра полтора высотой и диаметром около двух метров. За ним находилась «спинка», то есть богато разукрашенная стена, в которой была дверь, через эту дверь король, поднявшись по лесенке, входил на «сиденье» и садился, скрестив ноги. Рядом с ним могло уместиться несколько человек.

Когда принцы увидели, что молодая королева сидит на троне, они не смогли сдержать возмущения. Или не захотели его сдержать. Старший из сыновей, Миншинсо, отказался поклониться отцу и закричал:

— Я наследник престола! Как смеет эта развратница восседать надо мной и всеми министрами!

И пошел прочь из зала.

Король приказал сыну вернуться.

В дверях Миншинсо остановился и насмешливо сообщил, что ему неможется и потому он вынужден

покинуть зал. За ним вышли его младшие братья. Кроме принца Нарату, рожденного от наложницы и потому «второстепенного». Очевидно, Нарату остался, чтобы выразить возмущение наглостью братьев.

Вскоре случился еще один скандал, на этот раз из-за фаворита. Король подарил этому молодому человеку одно из своих парадных одеяний. И тот, похваляясь им, пришел во дворец. Тогда принц Миншинсо сорвал с него одеяние.

— Ты недостойн носить его! Только мы, принцы крови, имеем на это право! — кричал он.

Старик вышел из себя.

— Здесь, — сказал он, — дарую и милую только я один. И если сын мой позволяет так себя вести, когда я жив, каким же он будет после моей смерти? Он начнет сводить счеты с братьями и сестрами, с моими верными министрами и губернаторами. Могут ли я оставить лису в этом курином царстве?

И тут же последовал указ: лишить Миншинсо всех его владений и заточить в тюрьму.

Гордого принца увели в тюрьму, но тут к королю бросились королева, мать Миншинсо, и ее родственники, умоляя простить виновного. В конце концов король смиростивился, вернул сыну его владения и богатства, но запретил жить в столице.

В течение нескольких лет опальный принц жил в своих землях, которые были велики и давали немалый доход. Он строил там плотины, рыл каналы — в общем, оставил о себе добрую память.

Алаунситу решил, что, избавившись от непокорного наследника, он найдет иного, более смиренного и любящего. А так как иноземная принцесса сына ему не принесла, он остановил свой выбор на послушном Нарату.

Королю уже было за восемьдесят. Все дела по управлению государством он передал Нарату. Новый наследник постепенно отстранил остальных принцев и всюду посадил своих людей. Король этого не замечал, он тихо угасал в своем дворце, наслаждаясь обществом

индийской принцессы, еще более прекрасной, чем прежде.

В 1167 году Алаунситу серьезно заболел. Он был очень плох, и никто не верил, что он выживет. По приказу Нарату короля вынесли из дворца и положили в небольшом храме Швегу. В храме было прохладно и тихо, о короле забыли.

Алаунситу открыл глаза.

Над ним смыкался темный свод. Шепот слуг и врачей казался ему дыханием звезд.

— Где я? — спросил король тихо.

Никто не ответил. Шепот стих.

— Это не мой дворец, — произнес король громче.

Старый слуга склонился к уху своего повелителя.

— Это не дворец, — сказал он. — Но это святое место. Это храм Швегу.

— Кто придумал эту дурную шутку? — Старик приподнялся на локте, и его глаза загорелись. — Кто решил избавиться от меня? Где моя любимая жена? Где мой верный сын Нарату?

— Это приказ твоего сына Нарату, великий король, — сказал слуга.

— Не может быть! — закричал старик, но понял, что — может. Он уже никому не нужен.

Король велел призвать Нарату, чтобы объявить ему о лишении титула наследника престола. Наследником будет Миншинсо.

Но прежде чем послать гонца к Миншинсо, придворные кинулись к Нарату. Они понимали, что болезнь короля отступила лишь на время: все равно ему не жить. Но если он протянет еще хоть несколько дней, Миншинсо успеет вернуться в столицу и завести порядки, которые вряд ли обернутся добром для Нарату и его друзей.

Нарату это тоже отлично понимал.

Он вбежал в затихший храм. Лишь тяжелое дыхание Алаунситу слышалось в нем.

— Уходите все, — приказал Нарату. — Мне надо поговорить с королем наедине.

Алаунситу, который после вспышки гнева почувствовал глубокую слабость, попытался остановить придворных, но те знали, кому подчиняться. Храм опустел.

Когда последние шаги затихли и дверь затворилась — лишь лучи света, падавшие из маленьких окошек, освещали пустой зал и невысокое ложе, — Нарату подошел к отцу. Старик лежал неподвижно, лишь пальцы его судорожно сжимали край покрывала. Он испуганно глядел на сына.

Нарату спешил. Он рванул покрывало, но сухие старческие пальцы не выпускали его.

Нарату навалился на старика. Борясь, они упали на пол. Нарату нащупал горло короля...

Когда дверь храма распахнулась и, оттолкнув перепутанных слуг, в зал вбежала молодая королева, было уже поздно.

— Отец умер, — сказал Нарату и быстрыми шагами вышел из храма.

Придворные испуганно расступились, Нарату шел словно в коридоре растерянных взглядов. Он им никогда не простит ни этих взглядов, ни этого страха, за которым скрывалось знание того, что произошло.

Ночью, загнав коня, во дворец к Миншинсо ворвался человек из Пагана. Он сообщил ему, что отец мертв. Наутро Миншинсо с отрядом всадников двинулся к Пагану. Правительственные войска в растерянности отступали. Для всех истинным королем был Миншинсо.

Нарату понял, что ему грозит гибель. Он призвал к себе главу буддийской церкви Пантагу и начал умолять, чтобы тот примирил его со старшим братом. Пантагу оказался в затруднительном положении. Он знал, что собой представляет узурпатор, но, как буддийский монах, почитал своим долгом установить мир в стране. Он согласился выполнить просьбу Нарату, но при условии, что тот торжественно поклянется уступить трон старшему брату. В присутствии монахов Нарату поклялся, что уступает престол и что

Миншинсо невредимым войдет в королевский дворец. После этого Пантагу отправился навстречу Миншинсо и пригласил его в столицу. У ворот Пагана Нарату встретил брата и принес клятву верности. Миншинсо на белом слоне, под белым зонтом, как и положено королю, подъехал к дворцу, и Нарату помог ему подняться на трон.

Вечером состоялся пир. Братья сидели рядом, и оба делали вид, что скорбят по безвременно усопшему отцу.

Через час после окончания пира Миншинсо почувствовал себя плохо. Той же ночью в страшных мучениях он умер. Он был отравлен.

Утром возмущенный Пантагу бросился к Нарату. Его речь воспроизводится в «Хронике стеклянного дворца».

— Проклятый король! — кричал старец. — Гнусный король! Разве ты не боишься адских мук? Ты забыл, что и тебе предстоит состариться и умереть, подобно прочим людям? Нет на всем белом свете короля более злокозненного, чем ты!

Нарату усмехнулся и спокойно ответил:

— Ты не прав, старец, я не нарушил клятвы. Разве я не ввел брата во дворец и не посадил на трон?

— Ты недостойн жить среди людей, — сказал Пантагу и, как сообщают хроники, вскоре отплыл на Цейлон. Бирма осталась без главы церкви.

Вслед за ним на Цейлон отправились и прочие ученые монахи.

Злодеяния короля Нарату не поддаются описанию. Авторы хроник, обычно весьма сдержанные, обрушивают на Нарату весь свой гнев. Оказывается, что в предыдущем своем существовании Нарату был не человеком, а злым демоном. В число многочисленных жертв узурпатора они включают его невесту и ее родственников. «Его королевы, служанки, наложницы дрожали при виде его и ненавидели короля и проклинали его от всей души. Все обитатели королевства трудились с утра до вечера, но все, что они получали,

у них отбирали, много людей умерло, деревни были разрушены, разрушены были и крепости». Так говорит одна из хроник.

«Даже великий храм Дхаммаянджи, который должен был стать королевской “заслуженной”, не был завершен, несмотря на то, что строители трудились день и ночь». Запомним эти слова хроники.

Следующее преступление Нарату описано в хрониках с излишним натурализмом. Но что поделаешь — в те времена нормы стыдливости были несколько иными.

А произошло вот что.

Индийская жена Алаунситу осталась жить при дворе. Нарату заставил индианку разделить с ним ложе и не отпускал от себя ни на шаг. И вот однажды... Далее передаю слово хронисту: «Она узнала, что, когда король идет в уборную, он не берет с собой воду, чтобы вымыть руки. И к тому же ей стало известно, что король не моется перед исполнением своих мужских обязанностей. Индианка была столь возмущена такой нечистоплотностью, что не смогла скрыть от короля своего отвращения и отказалась от близости с ним. Короля это так взбесило, что он выхватил меч и зарубил ее насмерть».

Весть о том, что его дочь погибла, докатилась до индийского царя. Страшный гнев охватил его. Он призвал к себе восьмерых отважных и преданных воинов и сказал так:

— Переоденьтесь брахманами и идите к тому королю, который убил мою дочь. И убейте его. Когда вы совершите эту казнь, убейте этими же мечами друг друга. И будьте уверены, что я достойно позабочусь о ваших осиротевших семьях.

Витязи переоделись странствующими брахманами, спрятали под одеждой мечи и отправились исполнять приказание. Им удалось проникнуть во дворец и даже получить аудиенцию у Нарату. Они приблизились к королю, выхватили мечи и зарубили его. А затем зарубили друг друга.

Наратгу, «плохой король», продержался у власти четыре года — с 1167 до 1171-го. Когда он погиб, ему было сорок девять лет.

На престол воссел его сын Наратейнка. У него было три королевны, утверждают хроники, любил он их всех одинаково и потому старательно следил за тем, чтобы и слонов, и дворцов, и музыкантов у них было поровну.

Любовь сразу к трем женщинам опасна. В конце концов обнаруживается, что любить трех — значит, не любить ни одну. И можно предположить, что Наратейнке хотелось настоящей любви.

Как-то королю подарили юную девушку, которая ему не понравилась, так как была слишком юна, костлява и голенаста. И уши ее торчали в стороны. Сообщив об этом со смехом окружающим, Наратейнка отдал ее своему младшему брату Нарпатиситу.

Младший брат жил с матерью, и та, полюбив девочку, не только научила ее всему, что положено знать и уметь наложнице, но и подрезала ей уши.

Далее все было как в сказке.

Король увидел наложницу младшего брата, уже расцветшую и прекрасную, и возжелал ее. Чтобы овладеть ею, он решил отправить брата с глаз подальше и потому приказал ему подавить восстание, вспыхнувшее в горах. Брат взял войско и двинулся в поход, а король тут же приказал привести к нему красавицу с подрезанными ушами. Но Нарпатиситу перед отъездом призвал к себе верного слугу Нга Пью и сказал:

— Если случится что неладное, бери моего любимого коня Тудо, которого я оставляю тебе для этой цели, и скачи ко мне.

Пока король развлекался с красавицей, Нарпатиситу добрался до места назначения и там обнаружил, что никакого восстания нет.

А верный слуга поскакал к своему господину. Ехал он весь день, устал и, когда начало смеркаться, остановился переночевать.

Нга Пью не знал, что был совсем рядом с лагерем

Нарапатиситу. Пока он спал, конь пасся в лесу. Почувяв, что близко его господин, он помчался к шатру принца.

Ночью Нарапатиситу проснулся оттого, что рядом ржал его любимый конь. И понял, что в столице случилось несчастье.

А утром, не найдя коня, Нга Пью пешком за полчаса добрался до лагеря принца. И все ему рассказал.

Принц выслушал слугу и пришел в ярость. Гнев его был обращен как против старшего брата, так и против Нга Пью.

— Как ты смел спать рядом с лагерем! Мы потеряли несколько драгоценных часов!

И тут же зарубил своего верного слугу.

Затем он повернул войско назад и выслал разведчиков, которые должны были проникнуть во дворец и убить короля.

Король долго бегал от убийц по помещениям дворца. Наконец заперся в уборной, но его отыскиали и там. И зарубили, хотя он молил даровать ему жизнь и обещал верно служить брату.

Это случилось в 1174 году. Значит, Наратейнка успел пробыть на троне три года.

Нарапатиситу взошел на престол, провозгласил своей главной королевой красавицу с подрезанными ушами и благополучно царствовал тридцать пять лет.

Такова версия бирманских хроник о событиях 1167 — 1174 годов.

Однако эти сведения вызвали у ученых сомнения: так ли было на самом деле?

Уже внимательное чтение самих хроник дает повод для недоумения.

Про всех королев паганской династии подробно рассказывается, какие они осуществили реформы, какие пагоды и храмы построили, какие богоугодные дела совершили, где прорыли каналы и какие воздвигли плотины, с кем воевали и с кем заключали договоры. Это естественно — такова королевская

службы. Ничего подобного о Нарату и Наратейнке не сообщается. Есть только перечень беззаконий и описание любовных историй, аналоги которым нетрудно отыскать в фольклоре.

Но даже не это главное.

Обнаруживается, что надписи того времени и археологические данные радикально расходятся с хрониками — единственный раз за всю историю государства. Двести пятьдесят лет истории Пагана отражены в хрониках достоверно, а семь лет — неправильно.

Из надписей известно, что храм Дхаммаянджи возводился королем Имто Сьяном, который наследовал Кансу I (Алаунситу). Но храм начали сооружать в 1165 году, и в том же году строительство было прервано. Значит, Алаунситу не дожил до 1167 года, как утверждают хроники: уже в 1165 году престол занимал другой король.

В так называемой надписи на горе Тицо приводится список паганских королей — правда, без дат царствования. В этом списке за Кансу I следует Имто Сьян, а за ним сразу — Кансу II, другое имя которого было Нарапатиситу. Таким образом, даже если Имто Сьян — это Нарату, то никакого Наратейнки вообще не существовало.

Наконец, еще одно соображение. В течение всего XII века в Пагане земельные сделки и результаты судебных процессов, касающихся владения землей, фиксировались на камнях — так было надежнее, чем обращаться к бумаге. Камни эти ставились на той земле, которая была объектом сделки. Они обычно датированы, и чаще всего на них указывается имя короля, при котором сделка совершена. Таких надписей сотни. Надписей же с именами Нарату и Наратейнки нет. Правда, нет и надписей с именем Имто Сьяна.

Последнее соображение. Строительство большого храма — дело престижное, государственное. Прервать его могло лишь страшное бедствие. Даже если бы Имто Сьян просто умер, процарствовав совсем немно-

го, его преемник обязательно бы завершил сооружение храма — это важная заслуга в понимании буддиста. А храм Дхаммаянджи не был завершен. Значит, не только с Имто Сьяном что-то случилось. Случилось со всем государством. И событие это было настолько трагическим и, очевидно, неприятным для потомков, что о нем вообще следовало забыть.

Но что могло произойти в Паганском государстве?

Эта загадка так и осталась бы неразрешенной, если бы на помощь не пришли хроники Цейлона (Шри-Ланки), государства, тесно связанного с Паганом торговыми и религиозными узами. Именно туда уехал Пантару, а за ним и другие буддийские монахи.

В цейлонской надписи Деванагала, относящейся к концу XII века, говорится: «Человек по имени Бхуваннадита, царь Араманны, сказал: “Мы не будем заключать договор с островом Ланка...” И тогда его величество король Ланки скомандовал: “Погрузите людей на тысячу кораблей и пошлите их в поход на Араманну”. Полководец Кит Нуvaraга, подчинившись этому приказанию, отплыл к Араманне, взял штурмом город Кусумья, и через пять месяцев король Араманны направил послов со словами: “Мы заключим договор”».

Араманна в цейлонских текстах — Паган. Кусумья — город Бассейн, южный морской порт Бирмы. Надпись сообщает о событиях 1165 года. Именно того года, когда было внезапно прервано строительство храма Дхаммаянджи.

Эти события описаны несколько подробнее в цейлонской же хронике Чулавамса.

Чулавамса сообщает, что некий паганский король вдвое поднял цены на слонов, которыми Бирма торговала с Цейлоном. И запретил, хотя это и было принято, отдавать слона за каждое судно с грузом, пришедшее с Цейлона. Цейлонские послы, которые ехали в государство Ангкор, были арестованы на побережье. Тенассерима, то есть на юго-востоке Па-

инского государства. Цейлонская принцесса, которая плыла в Ангкор, чтобы выйти замуж за тамошнего короля, была перехвачена и увезена в Паган.

Последнее было прямым вызовом цейлонскому королю Параккама Баху I (1153 — 1186).

Очевидно, за этими событиями скрывается сложная политическая игра, связанная с Великим торговым путем. Цейлон, ранее союзник Пагана, вступает в дружественные отношения с государством кхмеров — Ангкором. Ангкор, восточный сосед Пагана, претендовал на южные области Бирмы и, судя по камбоджийским хроникам, даже одно время владел тем самым Тенассеримом, где бирманцы арестовали цейлонских послов. Так что посольство, которое оказалось именно в спорных, пограничных с Ангкором местах, и принцесса, которую послали старому противнику Пагана, никакой радости в Пагане не вызвали. Паган не хотел оказаться меж двух огней.

Цейлон принял вызов, и там стали готовить флот вторжения.

Как правило, в Пагане первые годы после воцарения нового короля проходили в подавлении мятежей — как провинциальных, так и поднятых королевскими родственниками. У королей было несколько жен, множество наложниц и, разумеется, немало сыновей, и обойденные властью обычно не соглашались с тем, что престол должен принадлежать именно тому, кому достался. Их сопротивление должно было возрасти, если рассказ хроник о смерти Кансу I отвечал действительности и Имто Сьян был отцеубийцей.

Следовательно, цейлонцы, которые к тому же получили информацию о положении дел в Пагане от Пантагу и других монахов, знали, в какой момент ударить.

Вот что сообщает хроника Чулавамса о дальнейших событиях.

Флот был снаряжен за пять месяцев. На корабли были погружены годовой запас продовольствия и

оружие, включая стрелы с тяжелыми железными наконечниками — специально для борьбы со слоновьей кавалерией (элефантерией). Были взяты даже лекарства от лихорадки, что свирепствовала в низинах Южной Бирмы, и средства против яда, которым бирманские воины смазывали свои стрелы.

Не все корабли добрались до Бирмы. Некоторые утонули, попав в шторм, один пристал к Андаманским островам, и его экипаж захватил там много рабов. Военачальник по имени Китти высадился в Бассейне и взял его. А другая группа войск поднялась вверх по Иравади и захватила Паган. Король был убит. Затем под треск барабанов цейлонцы провозгласили конец бирманского государства и присоединение его на вечные времена к Цейлону.

Дополнительные сведения содержатся в одной кхмерской надписи, где говорится, что войска Ангкора захватили Тенассерим и оккупировали область Пегу — это Юго-Восточная Бирма. Обладание южными портами Пагана означало контроль над торговым путем.

Надписям следует верить. А если так, то в 1165 году или чуть ранее престол в Бирме занял Имто Сьян и, борясь с мятежниками и соседями, начал сооружать храм Дхаммаянджи. В том же году он вступил в конфликт с процейлонской группировкой — так можно трактовать бегство монахов на Цейлон. Разразилась война на два фронта — с Цейлоном и кхмерами. Паганское государство было побеждено, а сам король погиб. Разумеется, строительство храма было прервано.

Но что случилось потом? Господство Цейлона над Паганом не могло быть длительным. Как намеревались цейлонцы держать в руках большое государство, отделенное от них морем? Иное дело, если в этом предприятии участвовали кхмеры: у них была возможность ввести в Бирму более значительные силы.

Бирманский историк Тан Тун полагает, что вплоть до 1174 года в Бирме сидел цейлонский наместник. И именно этот факт был настолько возмутителен и

унигиелен для авторов хроник, что они пошли на подлог и ввели вместо наместника двух вымышленных королей.

Мне трудно согласиться с Тан Туном. Против него — исторический прецедент. В те времена и в том регионе происходило немало войн и войска одних государств занимали столицы других. Но никогда или почти никогда не наблюдалось прямого подчинения, даже если враждующие государства были соседями. Куда проще было посадить на престол своего ставленника из местной знати. А он держался за власть с помощью завоевателей, иначе бы его свергли. Сам собирал налоги, содержал армию. Иногда такие марионетки восставали против своих благодетелей — очевидно, в Бирме это случилось не сразу. Посадив на трон одного из принцев, вернее всего, Наратейнку — сына убитого Имто Сьяна, цейлонцы оставили в Пагане гарнизон, который мог рассчитывать на помощь кхмеров, обосновавшихся на юге страны. Именно поэтому унижение Пагана растянулось на несколько лет. И лишь в 1174 году Кансу II сумел вернуть стране независимость и изгнать врагов.

О том, что бирманский престол занимал ставленник цейлонцев, говорит фраза в цейлонской надписи: «Через пять месяцев король Араманны сказал: “Мы заключим договор”». Договор, очевидно, выгодный для Цейлона.

Марионетки и коллаборационисты никогда не пользовались уважением потомков. И бирманские хроники следовали этой традиции.

Но намеки на действительные события в них проскальзывают. Например, в них говорится, что король Нарату был убит иностранцами.

Разумеется, при нехватке письменных источников всегда остается возможность ошибки. А единственный доживший до нас участник тех драматических событий — храм Дхаммаянджи — молчит.

ЛИКИ ЖИВОГО БОГА

Судьба Ангкорской империи сложилась иначе, чем судьба Пагана.

Паган никогда не переставал быть важнейшей частью бирманской истории. Ангкор же канул в небытие.

Паганское королевство погибло в конце XIII века. Но Бирма осталась. Остались бирманцы, осталась религия — буддизм-хинаяна. Остались принципы государственной власти и структура общества, сохранилась непрерывная последовательность сменявших друг друга государств и столиц. Паган был гордой памятью о прошлом и источником легенд.

Тому целый ряд причин.

Во-первых, бирманцы никому вплоть до конца прошлого века не уступали власти в своей стране.

Во-вторых, Бирма ограждена с суши горами, и потому внешнее влияние на нее ограничено.

В-третьих, Паган был первым большим государством в стране, все остальные — его продолжение.

На территории нынешней Кампучии история текла иначе.

Занимая юг Индокитайского полуострова, Кампучия географически составляет часть обширной холмистой равнины, и никаких серьезных преград между нею и соседями не существует.

Кхмеры, обитатели тех мест, жили в тесном общении с соседними народами, и центры политичес-

кого господства то и дело перемещались. Господство кхмеров — лишь один из исторических эпизодов. До них этой областью правили цари Фунани, короли Шривиджайи, Тямпы, Ченлы и других государств, некоторые из них оставили в истории лишь свое имя. После падения империи, созданной кхмерами, там властвовали тайские короли. Перемена власти вела и к переменам идеологическим.

Правда, можно проследить известную преемственность: уже в раннем средневековье тут, как и в европейском феодальном обществе, действовали правила династийной общности сменявших друг друга государств. Происхождение от «лунной» и «солнечной» династий древней Фунани было важным фактором при выдвижении притязаний на власть. Мельчая, скрываясь на Яве или правя кучкой деревень на окраине страны, потомки древних царей ждали своего часа. Они надеялись вернуться к власти с помощью выгодного брака, сильных родственников или союзников. И для этого имелись веские основания.

Цари и князья меняли религию в зависимости от своих политических интересов. Чаще всего они были вишнуитами или буддистами-махаянистами (северного толка). Эти верования пришли из Индии на рубеже нашей эры вместе с индийскими торговцами, авантюристами и брахманами. Но население тех мест исповедовало в основном анимизм: перемены в идеологическом окружении того или иного властителя мало кого интересовали.

В текучем, неустойчивом мире, границы которого менялись в зависимости от баланса сил между царями и князьями, где верхушка общества поклонялась одним богам, а само общество — иным, и возникает Ангкорская империя...

Сто лет назад французский натуралист Анри Муо, путешествуя по Центральной Камбодже, прослышал о том, что в глубине леса стоит «затерянный город». Католический миссионер, который видел развалины,

утверждал, что они невероятно велики. Муо заинтересовался и предложил ему отправиться в лес.

Сначала они шли несколько часов по узким тропинкам, потом пробирались через чащу и наконец, когда Муо уже совсем обессилел, оказались на прогалине. Среди толстых стволов и густой поросли бамбука он увидел огромные каменные глыбы, раздвинутые корнями деревьев. Некоторые башни поднялись выше самых высоких деревьев.

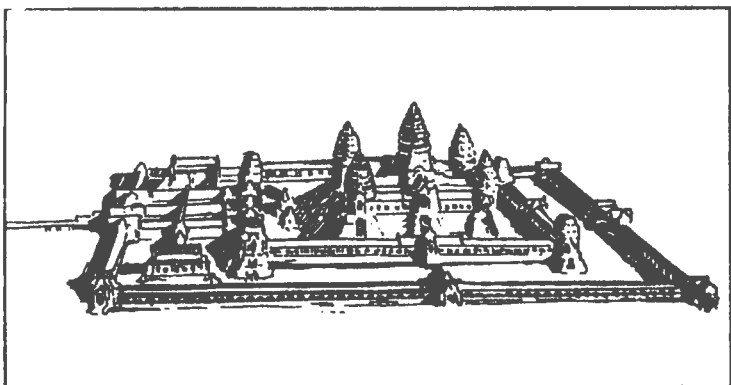
До сумерек Муо и его спутник, забыв об усталости и жаре, осматривали развалины, но оценить их размеры и значение Муо не смог. И это неудивительно: самый большой в мире мертвый город занимает площадь во много десятков квадратных километров. Его значение и масштабы стали ясны лишь после того, как в течение многих лет экспедиции археологов работали там, расчищая лес и составляя план города.

Поверить в Ангкор было трудно, так как народ, некогда воздвигший его, впоследствии не создал ничего подобного или даже похожего. Не было аналогий Ангкору и в других странах.

Постепенно история Ангкорского государства была восстановлена по надписям, археологическим раскопкам и летописям соседних государств. И вот что нам теперь известно.

Кхмерское государство было в очередной раз возрождено в начале IX века принцем, приплывшим с Явы. Этот принц принадлежал к «солнечной династии», и, очевидно, при нем и было принято название страны — Камбуджа.

Царям кхмеров подчинялась лишь часть современной Кампучии, но претензии у них были велики. Хотелось сравняться могуществом с соседними государствами, куда более сильными. И вот в 822 году впервые был совершен священный обряд, призванный объявить всему миру, что отныне Камбуджей правит живой бог. Более того, кхмерский царь объявил себя чакравартином — завоевателем вселенной. Был даже избран брахманский род, члены которого, наследуя

Ангкор-Ват — главный храм Ангкора.

друг другу, должны были исполнять функцию верховных жрецов при живых богах.

После этого история Камбуджи, или Ангкорской империи, шла замысловатыми зигзагами. То государство распадалось на несколько княжеств, то в него вторгались армии соседней державы — Тямпы, то оно попадало в зависимость от Шривиджайи, то само покоряло окрестные земли. Но что бы ни случилось с Камбуджей, все ее властители считались живыми богами и независимо от того, была ли там в чести буддийская религия или индуизм, главным в стране оставался культ дэвараджи — бога-царя.

Для того чтобы этот культ укрепить, создавались многочисленные храмы и монументы, строились новые столицы. Если паганские короли (да и то далеко не все) ограничивались строительством одного большого храма, то цари Ангкора старались превзойти друг друга в грандиозности и числе сооружений, призванных возвеличить самого властителя или его предков.

Рекорд в этом отношении побил царь Сурьяварман II, который умер в 1150 году, разорив страну бесконечными войнами и грандиозным строительством. Именно при нем был сооружен знаменитый храм

Ангкор-Ват, тот самый, который откроет через семьсот лет Муо.

Ангкор-Ват был построен с единственной целью — восславить навечно бога-царя Сурьявармана, о котором сегодня помнят лишь несколько историков и искусствоведов.

Что же это такое — Ангкор-Ват?

На углах прямоугольной каменной платформы размерами сто на сто пятнадцать метров и высотой тринадцать метров поднимаются четыре башни, сходные с обрезанными снизу початками кукурузы, высотой с двадцатипятиэтажный дом каждая. В центре платформы стоит центральная башня, значительно более высокая. Все это гигантское сооружение покоится на мощном основании, обнесенном высокой стеной с крытыми галереями. Вокруг — лес колонн, затем внешняя стена, сторона которой — километр. И это еще не все: за внешней стеной находился ров шириной почти в двести метров, выложенный каменными плитами.

Все каменные плоскости украшены барельефами и орнаментом. Если к тому же учесть, что основные башни Ангкор-Вата были позолочены, а все стены и барельефы раскрашены, то можно себе представить, какое изумительное зрелище являл собой этот храм.

Вокруг Ангкор-Вата был расположен правильно спланированный город с миллионным населением, вокруг и внутри которого стояли храмы, посвященные предыдущим царям-богам или их предкам. Некоторые ветшали в небрежении, ибо принадлежали представителям другой династии или узурпаторам, другие подновлялись.

Вокруг, за полями, каналами и водохранилищами, расстилались бесконечные тропические леса. И ждали, когда уйдут люди, когда забудутся имена спесивых владык и можно будет спокойно поглотить город и храмы.

Сурьяварман, создатель Ангкор-Вата, был индуистом и почитал себя воплощением бога Вишну. Челю-

иск, о котором пойдет речь, ибо его жизнь пересекла то мгновение в истории человечества, что условно юнется 1185 годом, царь Джаяварман VII, был буддистом-махаянистом.

Сурьяварман II умер в 1150 году.

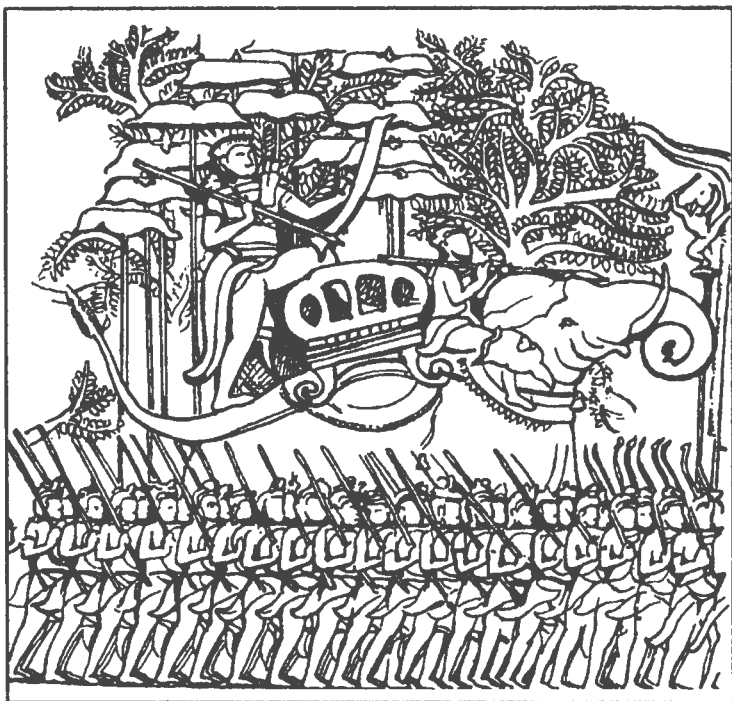
Его наследник принял разоренную войнами и гигантскими строительными причудами страну, которой дорого обошлась имперская политика.

Такое случалось и будет случаться в истории. В XVI веке Португалия станет мировой державой и ее колонии многократно превзойдут метрополию размерами и населением. Выкачивая из колоний золото и пряности, Португалия в то же время станет беднеть. Ее солдаты и моряки погибнут в джунглях Бразилии и у берегов Китая, золото и пряности сожрет политика завоеваний — стремление раздвинуть границы империи. А когда в Европу придет капитализм и поднимутся новые нации, они легко оттеснят Португалию. Общественные и экономические отношения в этой империи закоснеют — сил для развития не останется.

Подобная беда постигла и Ангкорскую империю.

Преемник Сурьявармана продержался на престоле десять лет. Строительство при нем велось в меньших масштабах: царь старался удержать в руках то, что завоевал его предшественник. Но это ему не удавалось. Государство катилось к распаду. И вскоре начались крестьянские восстания, религиозные войны, сепаратистские выступления, заговоры и борьба кланов. Ни одной надписи не дошло до нас от этого десятилетия — люди жили только сегодняшним днем, уже не веря, что когда-нибудь наступят более спокойные времена.

Джаяварман VII был законным наследником престола, старшим сыном царя. Но, когда его отец умер, он отказался от власти в пользу своего младшего кузена. Иное решение повлекло бы за собой гражданскую войну, а принц полагал, что страна и без того сыта войнами.

*Кхмерская армия в походе
(с барельефа Ангкор-Вата).*

Он уехал из столицы.

Вскоре после этого страну охватило крестьянское восстание Бхарата Раху, и, прежде чем его подавили, прошло несколько лет. Одно время повстанцы даже осадили столицу.

Восстание настолько ослабило империю, что от нее отпали вассальные государства и в пределы Ангкора начали вторгаться враги.

В этой обстановке произошел дворцовый переворот, и царь был свергнут. К власти пришел один из придворных.

Узнав о перевороте, Джаяварман решил предотвра-

гить новые несчастья, грозившие стране, и поспешил в столицу. Но, когда он подступил к ее стенам, оказалось, что его кузен уже убит, а узурпатор твердо уселся на троне.

И вновь Джаяварман мирно уходит в тень. Он не хочет крови. Ему уже под сорок.

У Джаявармана сильное лицо. Широкое, с выступающими скулами, с выпуклым широким лбом. Под размахнувшимися густыми бровями чуть раскосые большие глаза, нос широкий, ноздри раздуты, очень большой рот с умеренно толстыми, четко оформленными губами, уголки которых опущены, отчего выражение лица кажется несколько презрительным. И крутой, упрямый подбородок. Лицо красивое, энергичное, лицо вождя, а не отшельника.

Узурпатор продержался на троне двенадцать лет. Он жестоко подавил крестьянские восстания, казнил недовольных вельмож, но тут на страну навалилось новое несчастье: соседнее государство Тямпа, которое неоднократно становилось вассалом Ангкора, воспользовалось ослаблением кхмеров и не только вернуло себе независимость, но и начало наступать на Ангкор. Тямский царь пригласил китайских военачальников, которые перестроили и перевооружили его войско, в частности сформировали отряды конных лучников. Армия тямов вторглась в пределы Ангкорской империи и год за годом все более теснила кхмеров.

Ангкор сопротивлялся несколько лет, но ресурсы государства были истощены, и в 1177 году тямский флот под командованием китайцев подошел по внутренним водным артериям к стенам ангкорской столицы. Этот удар был неожидан. Столица после недолгого сопротивления пала, узурпатор был убит. Впервые по улицам Ангкора шли алчные завоеватели, впервые они врывались в его храмы, оскверняя гробницы кхмерских царей и разбивая статуи.

Когда тямы наконец покинули страну, Ангкорской империи фактически не существовало.

И тогда вельможи и монахи из разграбленной

столицы отправились на север, где в своем имении жил постаревший Джаяварман, проводя время в сельских занятиях и за чтением мудрых книг.

Они бросились в ноги Джаяварману: он был их последней надеждой. Он был единственным бескорыстным и уважаемым князем. Поддавшись уговорам, поверив, что его долг — спасти Ангкор, который стоит на краю гибели, Джаяварман принялся энергично организовывать сопротивление врагам.

Война продлилась еще четыре года. Были поражения, отступления, но кхмеры понимали, что мир может наступить только в случае победы над тямой — пощады от них ждать не приходилось.

Джаяварман решил нанести врагам удар там, где они чувствовали себя неуязвимыми: Тямпа была морской державой, и флот ее господствовал у берегов Индокитайского полуострова. Джаяварман понимал, что до тех пор, пока господство на море не будет отнято у тямов, их не удастся победить: неприятельский флот всегда сможет оказать поддержку своим войскам. К тому же тямы блокировали порты кхмеров и прервали торговлю Ангкора с другими странами.

На реках и озерах Ангкора спешно в строжайшей тайне сооружались боевые корабли. Так как верфи были разбросаны в разных местах, тямские лазутчики не смогли оценить масштабы этого предприятия.

Когда флот был построен, Джаяварман приказал посадить на корабли лучших воинов и вывести половину флота в море. На этот раз все совершалось открыто, с шумом, празднествами: царь хотел, чтобы обо всем узнали тямы.

Те узнали.

И были удивлены, но не испуганы, так как их силы превосходили ту часть кхмерского флота, которую царь решил «обнародовать».

Когда же до Ангкора докатились вести о приближении тямской армады, Джаяварман повелел вывести в море и те корабли, что были спрятаны на реках.

В 1181 году произошло грандиозное по тем време-

*Морской корабль кхмеров
(с барельефа Ангкор-Вата).*

нам морское сражение. Каким оно было, можно увидеть и сегодня — на барельефах ангорского храма Байон. Тямский флот был уничтожен.

Это сражение, в ходе которого погиб царь Тямпы, предопределило исход войны. Тямское войско начало отступать, и был подписан мирный договор.

На этот раз Джаяварман не уехал в свои имения. В конце 1181 года он был коронован под именем Джаявармана VII.

Первые годы его правления ушли на подавление восстаний и волнений в дальних провинциях, а когда в стране воцарился мир, Джаяварман приступил к восстановлению столицы. Это было естественно, но Джаяварман пошел дальше всех своих предшественников.

Немалых средств и усилий потребовало возрождение ирригационных систем и водохранилищ, ремонт

плотин и каналов, разрушенных за время двадцатилетней смуты. Но без возрождения хозяйства попросту не было бы средств для исполнения широкой программы, задуманной Джаяварманом. Ведь завоевательных войн Ангкор тогда не вел: царь отказался от них.

Отстроив разрушенную тьямами столицу, Джаяварман обнес ее стометровым рвом и каменной стеной высотой восемь метров: он надеялся, что такие укрепления будут не по зубам врагу, даже если он сможет добраться до Ангкора. Сохранились мосты через рвы, каждый шириной пятнадцать метров. На обеих сторонах моста сидят по пятьдесят четыре гиганта, которые держат на руках огромную каменную змею — она и служит перилами.

Ров и внешняя стена города достигают в длину тринадцати километров. Но ограниченная ими территория — лишь религиозный и административный центр столицы. Горожане жили за ее пределами, в кварталах, тянувшихся вдоль каналов.

Одновременно Джаяварман наводил порядок во всей империи. Были проложены широкие мощеные дороги, связавшие столицу с провинциальными центрами. Они шли по высоким насыпям, так, чтобы в половодье вода не достигала дорожного полотна.

«Дорога дружбы», соединившая Ангкор со столицей Тямпы, тянулась на семьсот пятьдесят километров, а длина Южной дороги, петлей обегавшей приморские провинции, составляла девятьсот километров.

Но проложить дороги было еще полдела. Джаяварман решил позаботиться о тех, кто будет путешествовать по ним. Вдоль дорог были построены гостиницы, всего их было сто двадцать одна. Развалины пятнадцати гостиниц были найдены археологами. Все они сооружены по «типовым» проектам. Это каменные здания длиной по фасаду в пятнадцать метров. Внутри находились жилые помещения с очагами.

Следующий шаг Джаявармана был уж совсем необычным. Он приказал построить во всех провинциях империи больницы. Было построено более ста

больниц. В надписи, найденной возле одной из них, приводятся слова Джаявармана, сказанные им о самом себе: «Он страдал от болезней своих подданных больше, чем от собственных, ибо горести народа, а не свои горести составляют заботу царей».

Было бы заблуждением полагать, что эти больницы были примитивными лечебными пунктами, где знахарь выдавал снадобья страждущим. Сохранилось их «штатное расписание». В каждой было девяносто восемь человек — врачи и обслуживающий персонал. Лекарства они получали с царских складов. К каждой больнице были прикреплены деревни, которые снабжали больных пищей, за что освобождались от налогов.

Пожалуй, подобного не сыщешь ни в одной средневековой стране.

Позабывшись о телесном здоровье народа, Джаяварман перешел к делам духовным. В столице и провинциальных центрах были открыты многочисленные школы для ремесленников и художников. При буддийских монастырях и независимо от них существовали школы, где преподавали философию, риторику и искусство поэзии. Была создана даже академия для женщин, которую возглавила жена Джаявармана, Индрадэви, женщина мудрая и ученая. Ей принадлежат выбитые на камне слова о Джаявармане: «Он поднялся для того, чтобы спасти землю, отягощенную грехами».

В стране царит мир. Правит ею царь, который столько раз отказывался от власти и пришел на помощь народу лишь в час крайнего бедствия. Мудрая власть его — отеческая рука, простертая над миллионами подданных...

И самое удивительное, что все это — правда.

До определенного момента.

Метаморфоза, происшедшая с Джаяварманом, кажется удивительной, когда смотришь на те события с высоты столетий, и объяснения ей мы никогда не

получим, так как надписи молчат об этом, современники не оставили воспоминаний, летописи соседних стран лишь упоминают о результатах событий, но не говорят о побудительных причинах. Так что мы можем лишь гадать.

До пятидесяти лет Джаяварман прожил в тишине своей добровольной ссылки; истинный буддист, он отрешенно смотрел на мирскую суету современников. Можно предположить, что, будучи призван на царство и вступив в отчаянную схватку с тьямами, он почитал свои действия лишь выполнением долга и верил, что, добившись мира, вернется к покою отшельничества.

Но дальше действовала железная логика событий. Разгром тямов еще ничего не решал. Оставить разоренную страну на милость корыстных вельмож значило погубить плоды всех своих трудов. Ясно было: пройдет несколько месяцев, и все вернется на круги своя. Гибель Ангкора станет неизбежной. И он, Джаяварман, будет виноват в том, что уклонился от тяжелой доли государя.

Джаяварман короновался. И старался быть идеальным буддийским монархом.

Но нельзя быть правителем государства, охватывавшего большую часть Индокитайского полуострова, занимаясь лишь строительством больниц и гостиниц. Снова зашевелились тьямы, к войне с Паганом толкал Цейлон, сложно складывались отношения с островной империей Шривиджайя. Внутри страны подняла голову оппозиция. Провинциальные князья, видя, что царь стар, исподволь подкатывались под трон.

К тому же Джаявармана окружали тщеславные жены и родственники, напыщенные брахманы, жрецы бога-царя, каковым он быть не желал...

Легко оставаться скромным буддистом, живя в отдаленном имении. Куда труднее, если ты вознесен на вершину власти и у твоих ног ползают князья и вельможи, перед тобой склоняют головы иностранные послы, а поэты создают тебе панегирики.

*Ангкор. Одно из сотен каменных изображений
Джаявармана VII.*

Неизвестно, произошла ли перемена в Джаявармане мгновенно и однажды утром он проснулся другим человеком или этот процесс шел постепенно — процесс превращения человека, чуждого тщеславия, в тирана, страдающего манией величия.

Можно примерно указать тот рубеж, после которого мы уже не видим прежнего Джаявармана. Это конец 80-х годов.

Почва для такого превращения была подготовлена традицией Ангкора, культом бога-царя. Культ личности как бы сидел в засаде, поджидая момента.

И дождался.

Старый царь провозгласил себя живым богом, земным воплощением бодхисаттвы Локешвары, будущим Буддой. И, разумеется, чакравartiном — покровителем вселенной.

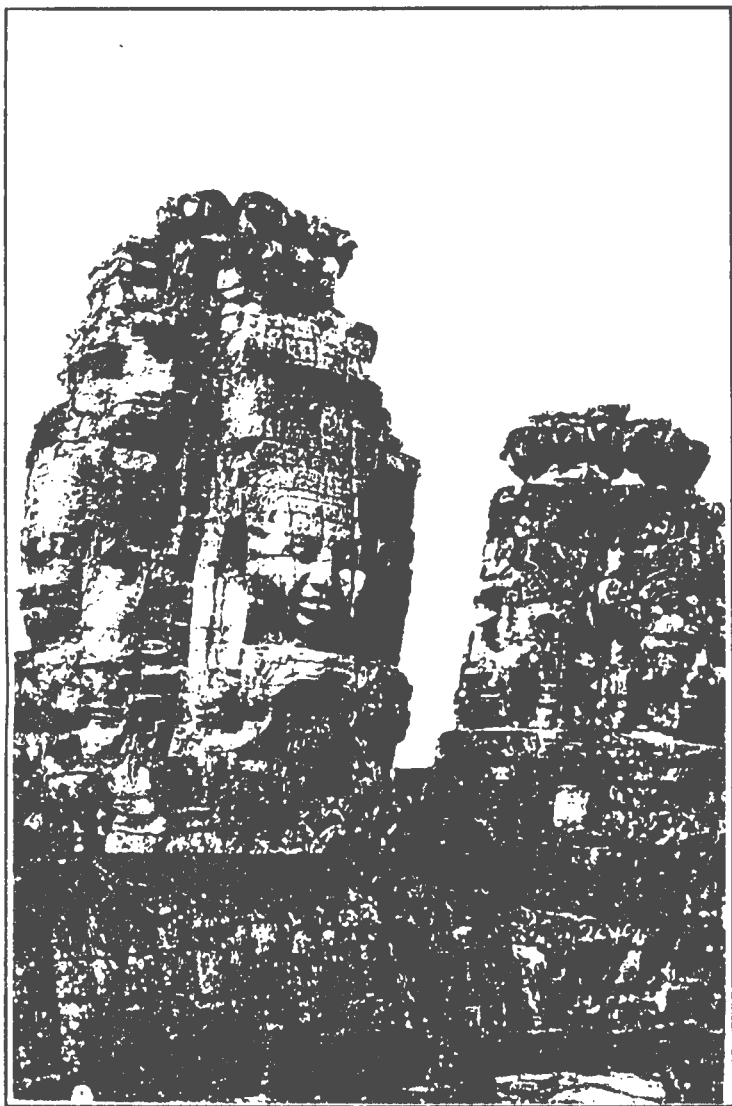
Джаяварман в одночасье забывает о собственных принципах. И на страну, лишь недавно вздохнувшую свободно и поверившую в приход счастливых времен, обрушиваются страшные бедствия. Царь собирает громадное войско и бросает его против Тямпы, шлет армию завоевывать Южную Бирму, покоряет княжества Южной Малайи.

Все эти действия уничтожили то, к чему он стремился ранее, и были сходны с попыткой рубить мечом жидкое тесто. Как только вытаскиваешь клинок, тесто смыкается. Тямпа была покорена, столица ее разрушена, и король привезен в цепях в Ангкор. Но через несколько лет оставленный там марионеточный властитель изгнал кхмеров.

Паган вернул себе южные провинции, да и малайские княжества вскоре забыли о кхмерском завоевании.

Но войны, которые будут идти без перерыва до самой смерти Джаявармана, — только часть беды. Вторая — безумное строительство сооружений, призванных возвеличить живого бога. Оно тоже будет вестись непрерывно до самой смерти Джаявармана.

Вчерашний благодетель обескровил государство. И

*Ангкор. Храм Байон — башни
с ликами Джаявармана VII.*

трагедия усугублялась тем, что прожил Джаяварман удивительно долго. Судя по надписям, он умер лишь в 1218 году, дожив до девяноста лет.

Самым невероятным произведением Джаявармана стал храм Байон. Ничего подобного для прославления одного человека на Земле не делалось. Фантастическая изобретательность больного манией величия царя вызвала к жизни фантастическое творение зодчего.

В центре столицы было построено приземистое сооружение, состоящее из каменных галерей и низких залов. Все они богато украшены барельефами — удивительными по экспрессии сценами боев с тьямами. Куда ни посмотришь — кипит сражение. Гибнут корабли, крокодилы пожирают тонущих, слоны топчут воинов, люди убивают друг друга под деревьями и среди городских строений — голова кружится от бесконечного жестокого боя.

И на этом постаменте, воспевающем насилие, поднимаются к небу пятьдесят башен. Они стоят тесно, они подобны толпе гигантов, господствующих над городом. Каждая из четырех сторон каждой из пятидесяти башен представляет собой многометровое каменное лицо царя Джаявармана.

Двести лиц царя возвышались над столицей и отовсюду были видны — задумчивые, глядящие вниз, большеротые, лобастые, вечные.

Джаяварман не ограничился Байоном. Его лица глядели с въездных башен, на площадях и в храмах стояли его статуи.

Повелитель дряхлел. Но все новые и новые башни с его лицами воздвигались в империи, и лицо царя на них не менялось. Да и могут ли морщины избородить лицо бога?

Давно уже перестали строить в Ангкоре больницы и гостиницы, прекратилось сооружение водоемов и каналов: каждый камень из каменоломен везли в город, чтобы положить в стену нового храма или новой башни.

Обсумевший от веры в собственное величие, впавший в маразм, царь каждое утро садился в носилки, и его несли по строительным площадкам. И он смотрел, как поднимаются стены, и торопил чодчих: каждый храм был его божественной заслугой, царь старался заработать себе славу, достойную Будды.

Исследователи, изучая историю Ангкора, обратили внимание на то, что от многочисленных храмов и монументов, созданных в последние годы жизни Джаявармана, до нас почти ничего не дошло — только развалины. И когда они стали искать причину, обнаружилось, что эти здания были построены халтурно, на живую нитку. Видимо, архитекторы понимали, что от них никто не требует истинно великих произведений — нужно было одно: много, много, еще больше храмов!

...На следующий год после смерти Джаявармана его сын был вынужден окончательно вывести войска из Тямпы. Империя съеживалась. Ее дни были сочтены...

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ВРАЖДЫ

Японская империя развивалась в изоляции от остального человечества, прячась на краю света, за морем, на гористых островах, которые нередко трясло жестокими землетрясениями, а порой трепало свирепыми бурями.

Но изолированность Японии была относительна. За странными даже для соседей — китайцев и корейцев — обычаями скрывались те же самые закономерности развития общества, которые господствовали на всей планете, а за удивительным и нелогичным, с точки зрения европейца, характером японца таился тот же человек, что во Франции или Иране.

Контакты с материковой Азией существовали издавна. На западе Японии были целые районы, заселенные выходцами из Китая и Кореи. В течение всего I тысячелетия нашей эры эти контакты развивались. К XII веку Япония — уже постоянный торговый партнер Китая и один из важнейших истоков Великого шелкового пути.

Ко времени, о котором идет рассказ, китайская цивилизация уже во многом определила духовное развитие Японии, подарив ей множество изобретений и идей. Внешние влияния воздействовали на японское общество не напрямую. Чужой опыт и чужая мудрость переосмысливались — все становилось японским и порой неузнаваемым. Японская поэзия, соприкоснувшись с китайской, приобрела еще большую утончен-

и лаконичность. Буддизм, пришедший из Индии, потеснил местную религию — синтоизм, но, будучи учением чрезвычайно гибким, впитал в себя элементы верования и изменился, чтобы укорениться на японской почве. Быстро покоряя чужие к изящному мир и зная столицы, новые веяния куда медленнее проникали японского крестьянина, охотника или жителя северных провинций. За пределами городов существовал другой мир, созданный веками суровой борьбы с природой.

Средневековая японская империя была куда меньше современной Японии: северная оконечность острова Хонсю — самого большого из Японских островов — все еще оставалась пограничным краем, где укрывались банды изгоев и разбойников. Северный остров — Хоккайдо — был землей почти неизвестной и принадлежал бородатым айнам, поклонявшимся медведю.

Уже давно замечена закономерность: социально интенсивнее развиваются те народы, природные условия страны обитания которых суровее и разнообразнее. Разумеется, эта закономерность верна лишь до известных пределов: экстремальный климат, как в Гренландии или в Сахаре, настолько подрывает экономические возможности развития, что цивилизации там как бы консервируются, тратя основные силы на то, чтобы выжить. Но природные условия Японии, с одной стороны, были достаточно приемлемы, чтобы прокормить ее население и даже создать прибавочный продукт, с другой — там ничто не давалось даром. За все приходилось платить — потом, кровью, риском. К тому же к XII веку обозначилась и значительная неравномерность в развитии областей Японии: юг был густонаселен, там существовали многочисленные города, развивались ремесла, но земельные наделы были невелики и было много лишних ртов. На севере и северо-востоке природа была злее, шло покорение новых земель — их отвоевывали у гор и лесов, у айнов. Там, вдали от столицы, вырабатывался особый

характер — воина, свободного землепашца. И это тоже сыграло свою роль в истории Японии.

Императоры обитали в Киото — огромном деревянном городе со множеством богатых домов и дворцов, храмов и кумирен. Землетрясения, жестокий бич Японии, диктовали свои законы: легкий, почти невесомый деревянный домик с раздвижными перегородками не погубит хозяина, когда обрушатся стены и крыша.

В Киото находились не только административный аппарат государства и императорский двор, но и множество чиновников и вельмож, проводивших жизнь у трона в надежде подняться по служебной лестнице, получить выгодную синекуру, заслужить земли и деревни. Там жили также оружейники, маляры, ткачи, вышивальщики, столяры, пекари, торговцы, менялы. Юноши обучались наукам и искусствам, купцы вели торговлю с заморскими странами. Из Китая и Кореи, из стран Юго-Восточной Азии шли шелка, парча, фарфор, чай, сандаловое дерево, изделия из меди, даже китайские медные монеты. Япония отправляла на материк золото и серебро и поделки из этих металлов, ремесленные изделия, а также оружие, в первую очередь мечи. У японцев был свой торговый флот, но чаще перевозками занимались китайцы.

А вокруг столицы, на холмах, в подступавшем к ее стенам лесу стояли буддийские и синтоистские храмы и монастыри.

Центром столицы был императорский дворец. Там обитал, окруженный гордыми королевами и прекрасными наложницами, мудрыми вельможами и отважными полководцами, абсолютный владыка государства.

Все делали вид, что это именно так.

На самом же деле императоры Японией в средние века не правили. Государственные земли — а по закону все земли в стране были государственными —

постепенно разбазаривались: надо было покупать верность, пелѣмож, благосклонность фаворитов и монастырей. Государство постепенно теряло власть над землей, а значит, и над страной в целом. Быстрее всего этот процесс шел на окраинах, где феодалы, захватывая или завоевывая земли с помощью своих служилых людей — самураев, не желали делить доходы с императором. Формально императору продолжали поклоняться как священной особе. В действительности с ним не считались.

Поочередно реальную власть в стране завоевывали могущественные феодальные роды — Фудзивара, Тайра и Минамото. Все они находились в родственных отношениях с царствующим домом. Помимо жен, у императоров были еще и многочисленные наложницы, у всех рождались дети; принцев в Японии было так много, что еще задолго до описываемых событий были узаконены правила, в соответствии с которыми на пятом поколении царские отпрыски переставали считаться принцами крови, получали иное имя и становились рядовыми членами класса феодалов. Предками Тайра и Минамото были такие вот несостоявшиеся принцы. Они также плодились, делились на ветви и семейства. Например, клан Минамото включал тринадцать больших семейств, владения которых были разбросаны по всей стране, в основном на востоке и на севере. Клан Тайра состоял из четырех больших семейств. Клан Фудзивара пользовался большим влиянием в столице, и его члены занимали важные придворные и государственные должности; между тем мало кто из Тайра или Минамото служил при дворе — для придворных они были провинциальными варварами.

А двор в XII веке был декадентским, утонченным до женственности, щеголи даже ходили в женских одеждах, красили брови и чернили зубы, подобно женщинам, изысканность чувств и слезливость переживаний были законом, ухищрения придворного эти-

кета были доведены до сложнейшей игры, нарушить правила которой считалось святотатством.

Чем могущественнее становились провинциальные феодалы, тем труднее было в этом жестоком мире уцелеть феодалам мелким. Их деревни грабили сильные соседи, на их дома нападали шайки бандитов. Для сельского жителя и мелкого феодала единственным выходом было отдаться под покровительство крупного князя, и, чем больше сокращалось число независимых владельцев, тем крепче становились Тайра и Минамото. Да и императоры, не надеясь на силу своей армии, несшей в основном охранные функции, в случае беспорядков и волнений обращались к крупным князьям, чьи отряды были более боеспособны.

Были в стране еще вооруженные формирования, многочисленные и воинственные, — монашеские дружины. На японской почве мирный буддизм претерпел невероятные превращения. А причиной тому были экономические факторы: монастыри скопили в своих руках громадные земли и богатства. Богатства надо охранять, крестьян надо заставлять работать — монастыри обзавелись своими собственными отрядами, причем монахи отлично владели оружием. Тысячи застоявшихся в сытой и спокойной жизни монахов готовы были по первому знаку подняться на бой. Монастыри были подобны ежам, ошестинившимся иголками. А так как любой богач стремится стать богаче, то монастыри боролись не только за сохранение накопленного, но и за расширение владений. Они даже воевали между собой.

Человеческая жизнь ценилась невысоко. Святой обязанностью воина было верно служить князю, который защищал и его самого, и его дом. Беспредельная преданность господину стала главным принципом кодекса чести, и готовность умереть за господина была возведена в высшую добродетель и опозитизирована. Дети самураев с пеленок воспитывались в этих понятиях. Буддизм отлично прижился в Японии, ему было легко приспособиться к феодальной

Знатная японская семья. Гравюра XII века.

морали: жизнь быстротечна, славная смерть улучшает карму и дает право надеяться на лучшую долю в будущем рождении.

Но нельзя забывать, что самурайская мораль была не столь обязательна при дворе, неприемлема для городских жителей и совсем чужда ремесленникам и крестьянам. Самурайский дух — не дух Японии, а лишь кодекс чести служилых воинов.

В течение нескольких столетий в Японии главенствовал дом Фудзивара. Возвысившись уже в середине I тысячелетия, Фудзивара далеко не сразу захватили власть. Сначала их главными соперниками были буддийские монахи, особенно в те годы, когда трон занимали императрицы, — как правило, при них влияние монахов было особенно сильным. В 781 году Фудзивара добились эдикта, запрещавшего женщинам занимать императорский престол.

Против власти Фудзивара стали подниматься другие феодальные кланы, чаще всего Тайра и Минамото. Но Фудзивара, занимавшие должности ближайших советников императоров, подавляли восстания Тайра с помощью Минамото, и наоборот. Правда, эти восстания не проходили бесследно для дома Фудзивара: победители обогащались за счет земель соперников, а Фудзивара были вынуждены еще и платить своим союзникам — опять же землями государственными или собственными. Неизбежно должен был наступить момент, когда провинциальные кланы станут угрозой для Фудзивара.

Еще в IX веке Фудзивара добились узаконения важной для их господства традиции: императоры должны были жениться лишь на девицах из этого дома. В каждом последующем императоре доля крови Фудзивара увеличивалась. К XII веку императоры по крови были чистыми Фудзивара. Но Фудзивара они себя не ощущали, а старались найти способ отделаться от постоянной опеки могучих родственников.

Остроумное решение принял император Сиракава в 1087 году. Четырнадцать лет он сидел на престоле, подчинялся Фудзивара и сильно недолюбливал их. Положение в стране ухудшалось, феодальные стычки и войны вскипали в разных ее концах, монахи полностью вышли из повиновения и даже вторглись в столицу Киото. Именно этому императору принадлежат печальные слова: «В моих владениях есть три силы, над которыми я не властен: это воды реки Камо, игральные кости и служители Будды».

В 1087 году Сиракава отрекся от престола и принял монашеский сан. Такое случалось и раньше, императоры уходили в монахи, устав от государственных дел либо не угодив Фудзивара. Но Сиракава не перебрался в монастырь, чтобы предаваться благочестивым размышлениям. Он попросту покинул императорский двор, передав трон своему сыну Хорикане, которому еще не исполнилось и десяти лет, и основал новый двор. Фудзивара были застигнуты врасплох.

Один из них остался канцлером при малолетнем императоре, другие Фудзивара и их вассалы занимали все главные должности при дворе и формально оставались хозяевами в стране. В действительности же Сиракава стал теперь куда более значительной фигурой, чем раньше.

Все это произошло потому, что род Фудзивара уже был не всемогущ, как раньше, иначе хитроумный ход императора они пресекли бы в зародыше.

Императоры-иноки (когда Сиракава в 1129 году скончался, по его пути пошел император Тоба, процарствовавший в иноках тридцать три года) ищут союзов с Тайра и Минамото, опираются на воинственные монастыри, собирают земли уже не как государственные, а как частные, «иноческие». В государстве отныне существуют две власти.

Император-иннок Тоба не выносил своего старшего сына Сутоку, царствующего императора. Он заставил его отречься от престола в пользу своего сына от любимой наложницы. Новому императору было всего два года. Сутоку ушел в монахи, и в стране стало три императора. Регентом при двухлетнем правителе Поднебесной империи был назначен его дядя из рода Фудзивара.

Прошло четырнадцать лет. Мальчик-император стал юношей, но до зрелого возраста не дожил. Тогда в борьбу бросился свергнутый Сутоку, который задумал отдать престол другому младенцу — собственному сыну.

Решение Сутоку вызвало раскол в семействе Фудзивара. На стороне Сутоку выступил умный, энергичный министр Ёринага Фудзивара. Компания, объединившаяся против Сутоку и его младенца-сына, была достаточно внушительной: она включала старого императора-иннока, его любимую постаревшую наложницу, других принцев и большинство членов клана Фудзивара. Враги Сутоку объявили, что преждевременная кончина юного императора была вызвана колдовством и виновен в этом не кто иной, как Сутоку.

Своим кандидатом на престол они выдвинули Госиракаву, по выражению японской официальной истории, «юношу посредственных способностей». И в этот момент, в 1156 году, неожиданно умер император-иннок Тоба.

Сутоку сделал попытку захватить престол, но это ему не удалось. Тогда он удалился в резиденцию своего главного союзника Ёринаги Фудзивара, чтобы начать войну.

Феодальный мир Японии раскололся, и вражда разделила не только большие кланы, но и семейства внутри них. Один из братьев Фудзивара поддерживал Сутоку, второй — Госиракаву. Минамото были как среди сторонников Сутоку, так и в числе его противников. Тадамаса Тайра вышел на защиту Сутоку, а его племянник Киёмори выступил за Госиракаву.

В первом же сражении войско Сутоку было разгромлено. Победители сослали Сутоку на остров Сануки.

Об этой короткой, но кровавой войне в Японии говорили, что она разрушила человеческие отношения и погубила мораль.

С людьми, выдвинувшимися тогда, нам придется встретиться еще не раз: на историческую арену выходят «юноша посредственных способностей», новый император Госиракава, и молодой князь из рода Тайра по имени Киёмори.

Госиракава не желал быть игрушкой в руках слабеющих Фудзивара. Поэтому он отрекся от престола, ушел в монахи и таким образом — удивительный японский парадокс — обрел власть. Формально императором стал юный Нидзё.

Госиракаве было суждено пережить нескольких «светских» императоров. Он пережил великую войну восьмидесятых годов. Удивительная цепкость, отсутствие принципов и жажда удержать «теневой» престол позволили ему активно действовать в политической игре в течение тридцати пяти лет.

Власть дома Фудзивара катилась к закату.

Поводом для новой междоусобной войны послужило оскорбление, которое нанес канцлер Мицунори Фудзивара князю Минамото, отказавшись женить своего сына на его дочери и предпочтя дочь Киёмори Тайра. Минамото и их союзники из дома Фудзивара захватили императорский дворец, и Нидзё попал к ним в руки. От его имени они начали издавать эдикты и награждать друг друга высшими должностями и землями. Заодно они жестоко казнили канцлера Мицунори Фудзивара.

Грубые самураи громко топали в дворцовых залах, пугая изысканных придворных, во дворе ржали кони, звенело оружие, поэты и поэтессы попрятались по углам, в городе царил переполох; года не прошло с прошлых неурядиц, как снова в Киото льется кровь.

Через десять дней Тайра удалось выкрасть и перевезти к себе юного императора, и в тот же день император-инок Госиракава бежал из Киото и укрылся в буддийском храме.

Тогда в дело вступила армия Тайра. Минамото были разгромлены, их вождь бежал в свои земли, но по дороге его перехватили вассалы Тайра и убили.

После этого Тайра начали истреблять либо ссылая не только активных участников неудавшегося переворота, но и их родственников — могущество клана Минамото было сильно подорвано. Одни князья были убиты, другие вынуждены были укрыться в своих поместьях. Правда, сыновья предводителя восстания, Ёритомо и Ёсицунэ, остались в живых.

Император Нидзё умер двадцати трех лет от роду. Это случилось в 1166 году. Ему наследовал двухлетний сын. Малышу, который знал только своих нянек и кормилиц, так и не удалось понять, что происходит вокруг, потому что его дни на троне были сочтены. Глава клана Тайра, Киёмори, использовал традицию, введенную домом Фудзивара: он заставил императора-инока породниться с ним, и к тому времени, когда состоялась коронация, в доме Госиракавы уже подрас-

тал очередной кандидат в императоры — его сын Такакура, приходившийся Киёмори племянником.

Через два года Киёмори приказал убить четырехлетнего императора и передать престол Такакуре. Еще через несколько месяцев Киёмори велел готовиться к торжествам в честь совершеннолетия императора.

Совершеннолетие императора праздновалось не в каком-либо определенном возрасте, а тогда, когда, по мнению близких и мудрецов, император созрел для такого события. Киёмори решил, что Такакура созрел к восьми годам. Как только это торжество совершилось, он женил императора на своей пятнадцатилетней дочери. Таким образом Киёмори приобрел полный контроль над императорской властью. Правда, еще оставался император-инок, но он был обязан дому Тайра жизнью и к тому же находился в изоляции.

До конца семидесятых годов дом Тайра безраздельно господствовал в Японии. Тайра правили нагло, жестоко, не считаясь ни с кем. Для старой знати и окружения императора-инока они были мужланами, которых еще недавно не допускали ко двору. Для провинциальных феодалов Тайра были соперниками, угнетателями: их сборщики налогов и соглядатеи контролировали всю страну, верша суд и расправу над непокорными и следя за тем, чтобы другие семейства не усиливались. Недовольны были и монахи; они кипели негодованием, глядя, как Тайра вмешиваются в дела монастырей и храмов.

Когда недовольных много, они начинают искать пути к объединению. В стране начали зреть заговоры, и за ними стояли либо двор Госиракавы, либо остатки клана Минамото.

В средневековой Японии было развито уважение к литературе, к написанному слову, понимание высокого призвания поэта и писателя. Поэтому романы, сборники стихотворений и исторические сочинения сберегались там даже в самые тяжелые годы.

Японская средневековая литература удивительно многообразна. Она впитала в себя богатство китайской литературы танской эпохи. Любой образованный японец мог прочесть наизусть стихи Бо Цзюй-и, великого китайского поэта, причем на китайском языке, который был латынью средневековой Японии. Немалое влияние на японскую культуру оказал и буддизм, пришедший в Японию через Китай, но сохранивший свою индийскую первооснову.

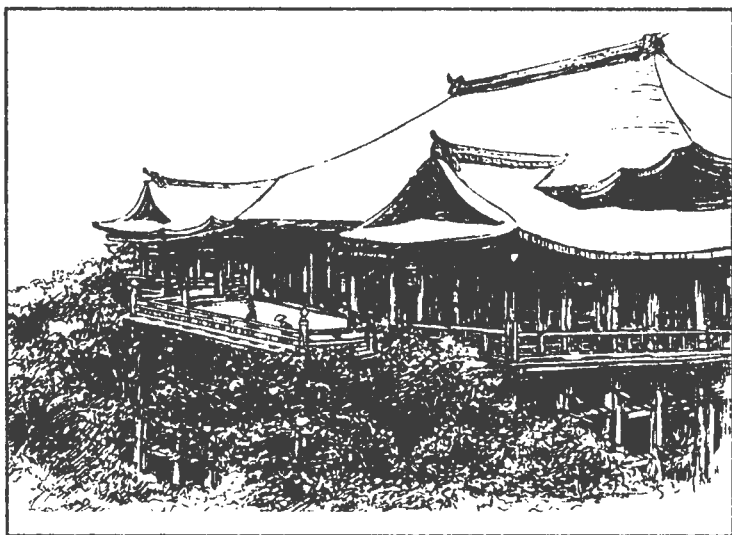
И все же литература средневековой Японии никак не подражательна. По своему разнообразию, самобытности, изысканности она не имеет аналогов во всемирной литературе того периода.

Притом нет иной литературы в мире, которая бы добилась столь органичного слияния прозы и поэзии. Обращаешься ли к дневнику фрейлины, сборнику анекдотов, приключенческому роману, исторической хронике — это обязательно синтез прозы и поэзии, потому что для японца уже в ту далекую пору поэзия — неотъемлемая часть повседневности.

Эпоха Хэйан* (IX — XII вв.), на конец которой и падают события, описанные в нашей книге, дала произведения разных жанров — от сборника анекдотов и историй «Ямато моногатари» («Повести из Ямато»), антологий поэзии типа «Кокинсю» до множества романов, как «бестселлеров» вроде «Повести о дупле» («Уцубо моногатари»), так и исторических романов-хроник, подобных «Повести о Гэндзи» («Гэндзи моногатари»), и, наконец, лирических дневников знатных женщин.

Для меня как читателя наиболее поразительны последние. Тысячу лет назад женщины в Японии много и хорошо писали. Автором самого знаменитого романа — «Гэндзи моногатари» — была придворная дама Мурасаки Сикибу, «Ямато моногатари» скорее всего написала фрейлина Исэ. Куртуазность двора,

* Хэйан — официальное название столицы Японии города Киото, означает «мир», «покой».

Храм Киёмидзу в Киото.

присутствие множества фрейлин, наложниц и жен императоров и вельмож создавали особую атмосферу, которая требовала от светской дамы высокой образованности, утонченности и изысканного вкуса. Японские знатные дамы были изящны, прекрасны, как цветы, и жизнь их была ненадежна, как у нежных цветов, ибо они целиком зависели от прихоти императора или вельможи.

Стены дворца, хрупкие перегородки ширм создавали иллюзию постоянства и даже прочности окружающего мира, но этот мир рушился не только от землетрясения, но и от дуновения ветра. Литература, которая рождалась в такой жизни, была трепетной, откровенной и в то же время надломленной глубинной ложью этого эфемерного существования.

Потрясающие «Записки у изголовья» придворной дамы Сэй Сёнагон или «Непрошенная повесть» Нидзё, как бы обрамляющие эпоху Хэйан, во многом сходны: они о тщетных поисках счастья и полном крушении

и конце. Как отчаянно эти женщины строят свой мимический мир, как мечтают они о любви! Чудесно пишет об этом автор «Ямато моногатари»: «Однажды в дождливую ночь он подошел к шторке двери ее комнаты; она же, не зная этого и так как дождь просочился внутрь, перестилала соломенную подстилку. При этом она сказала:

Если бы
Тот, кого люблю,
Был дождем, который льется сюда,
Не меняла бы я
Свое ложе, на которое каплет вода»*

В этих коротких строчках все: и быт дворца, в котором люди отгорожены лишь шторками и ширмами, и соломенная подстилка, на которой спит придворная дама высокого ранга, и даже протекающая крыша. И главное — ожидание любви, столь часто тщетное.

И бесправие. Поэтически и горько пишет о нем, как бы предвидя свою грустную судьбу, великая писательница Сэй Сёнагон: «Посадишь хаги и мискант, выйдешь любоваться их необычной красотой... И вдруг является кто-то с длинным ящиком и лопатой, у тебя на глазах начинает копать всюду, выкопает растения и унесет. Как обидно и больно!.. Тебе не терпелось прочитать письмо, но мужчина выхватил его у тебя из рук, отправился в сад и там читает... Вне себя от досады и гнева, погонишься за ним, но перед бамбуковым занавесом поневоле приходится остановиться, дальше идти тебе нельзя...»

Бамбуковый занавес той жизни был прочнее железных решеток.

В дневниках писательниц эпохи Хэйан достигаются редкая даже для современной литературы искренность и то сочетание высокого и низкого, трагического и смешного, ничтожного и значительного, из которого

* Здесь и ниже — перевод В. Марковой.

складывается жизнь. Нигде в европейской средневековой литературе автор не пускает читателя в свою душу — японские писательницы первыми в мире позволили читателю слиться с автором... А впрочем, помните, что написала фрейлина Исэ тысячу лет назад?

Душа, сказали вы.
Но ничего особого
В ней нет и нет.
Ведь все находится в теле.

Монастырь, нищета, безвестная смерть и забвение были уготованы этим женщинам. Много позже возник рассказ о последних годах жизни Сэй Сёнагон. Когда она покинула дворец и умерли все ее близкие, она оказалась никому не нужна. Как-то путник проходил мимо ее хижины. Оттуда выглянула изможденная старуха и крикнула: «Почем идет связка старых костей?»

В европейской литературе средневековья автор чаще всего неизвестен либо не присутствует в повествовании. О нем только догадываешься по косвенным признакам. Об этом пишут многие исследователи, изучающие особенности творческого сознания средневекового писателя, его отношение к своему труду. Для японской лирической прозы главное — сам автор.

Иное отношение к тексту у авторов исторических романов. А исторический роман в Японии в эпоху Хэйан был великолепен, и вершины его — «Повесть о доме Тайра» и «Сказание о Ёсицунэ» — служат по сей день основными источниками по истории XII века. Все наше дальнейшее повествование основывается в значительной степени именно на этих книгах.

И если дневники фрейлин и поэтические сборники рождены в тиши дворцов, то исторические хроники игнорируют эту жизнь. Как писал академик Н.И. Конрад, «нет ничего более парадоксального в Японии, чем картина культуры этой эпохи: с одной стороны, блестящее развитие цивилизации, высокий

утонченность просвещения и образованности, роскошь и утонченность быта и обихода... с другой — огрубление нравов, иногда граничащее с одичанием, бедственное положение народных масс... Рядом стоят варварство и утонченность, роскошь и убожество, высокая образованность и невежество... Век самых разительных контрастов». Но именно это варварство и определяло историю Японии и в конечном счете судьбы всех — от обитателей дворца до последнего крестьянина.

Для автора «Тайра моногатари», «Повести о доме Тайра», важнее всего поучение, мораль. Он готов пожертвовать деталями, опустить важный исторический элемент, если тот не вписывается в концепцию. В отличие от скальдов, создателей скандинавских саг, он может остановиться в самый решительный момент, для того чтобы рассказать пришедшуюся к случаю историю из древнекитайской жизни или заставить героя произнести длинную торжественную речь о смысле жизни или ее быстротечности. В скандинавской средневековой литературе скальд чаще всего один из воинов или человек, близкий к ним. Авторы же японских романов-хроник — горожане или профессиональные сказители, но не самураи. Они никогда не забывают, что учат, не столько вознося хвалу самим героям, сколько воспевая на их примере великие истины буддизма.

Скальд скуп на художественные приемы. Он говорит о том, кто куда пошел и кого убил. И почему убил. И что из этого вышло. Для японского автора всегда существует природа во всей ее красоте и своеобразии, она безразлична к событиям, и люди безразличны к ней. В историческом романе нередки стихотворные вставки, призванные неожиданным парадоксом по-новому высветить героя, удивить читателя его неоднозначностью. Так поэзия создает иное, дополнительное измерение. Мир скальда двухмерен. Мир японского писателя объемлен.

В историческом повествовании скандинав и японец документальны. Они не придумывают историю,

они следуют за ней. Но если для скальда история сама по себе достаточно драматична и увлекательна, то японский автор не может удовлетвориться этим. История порой недостаточно поучительна, в ней наказываются невинные и далеко не всегда торжествует добродетель. И, признавая это, японский писатель все же вносит в историю коррективы путем отбора нужных ему событий и умолчания о тех, что противоречат его концепции.

Поэтому норвежский «Земной круг» — достоверный исторический источник, а «Тайра моногатари» следует использовать как источник по истории восьмидесятых годов XII века с оговорками. Война домов Тайра и Минамото, которая длилась четыре года с переменным успехом, показана как прямая нисходящая линия: у Тайра поражение следует за поражением. О победах умалчивается. Злодей обречен судьбой, как в греческой трагедии, с первого акта.

Удивительно, что более полудюжины великих произведений литературы было написано в весьма короткий промежуток времени — на рубеже XII — XIII веков. Могучий всплеск духовной жизни не ограничился какой-либо одной страной — он охватил весь мир. Однако мы, как правило, не замечаем, что эти великие творения были созданы современниками. «Хосров и Ширин», «Слово о полку Игореве», «Тайра моногатари», «Витязь в тигровой шкуре», «Земной круг», «Песнь о Нибелунгах» — доказательство того, насколько мы наивно спесивы, полагая, что сегодня литература выше, чем восемьсот лет назад, потому что у нас есть телевизоры и мотоциклы. Поднимаясь из темных времен, пришедших вслед за падением античного мира, к зрелому средневековью, мир накопил столько интеллектуальной энергии, что родился протуберанец удивительной яркости. При этом, если в некоторых культурах, например, в русской или грузинской, до нас дошли лишь единичные творения гениев, воплотивших в себе творческие силы народа, то в

других их сохранилось немало: «Повесть о доме Тайри» — лишь лучший из нескольких романов-хроник средневековой Японии, а поэмы Низами — лишь наиболее высокие из вершин мусульманской поэзии.

Но вернемся к драматическим событиям, разыгравшимся в конце XII века в Японии. Однажды в пригородной усадьбе собрались несколько вельмож, в той или иной мере обиженных домом Тайра. К ним присоединились некоторые самураи. Заговорщики призвали к себе на совет императора-инока Госиракаву. Тот прибыл к ним и дал согласие участвовать в заговоре.

Между тем тяжело заболел Киёмори. Ему как раз исполнилось пятьдесят лет — возраст для средневековья солидный. Он дал обет, что если выздоровеет, то покинет греховный мир и уйдет в монахи.

Князь выздоровел. От обета отказываться было нельзя. Поэтому Киёмори постригся в монахи, но от дел удалился не более, чем император-инок, и остался в своей усадьбе Рокухара. Таким образом, помимо императора-инока, появился еще и правитель-инок. Страной правили два царственных монаха, и трудно было найти в Японии двух других людей, столь далеких от буддийского смирения.

Приготовления к мятежу затянулись, ибо против правительства поднялись монахи одного из монастырей, недовольные тем, что император-инок отказался наказать не поладившего с ними вельможу. Они даже пошли на штурм Киото, и его с трудом удалось отбить, так как в столице было мало войск.

Время шло. У некоторых участников заговора появились сомнения в его успехе. И сильнее всех они одолевали вельможу, назначенного командовать армией.

Ночью, тайком главнокомандующий прибыл в Рокухару и сообщил главе рода Тайра о заговоре и о том, что его вдохновитель — не кто иной, как император-инок.

Киёмори созвал своих сыновей, а сыновей у него было семеро, да и внуки уже подрастали, поднял на ноги дворцовую стражу и приказал начальнику сыскного ведомства скакать к императору-иноку и заявить ему: «При дворе государя нашлись люди, задумавшие погубить род Тайра и ввергнуть государство в новую смуту. Всех заговорщиков намерены мы схватить, допросить и поступить с ними по закону, а государь да не будет причастен к этому делу». Затем отряды верных самураев схватили заговорщиков. Расправа была быстрой и, как было свойственно правителю-иноку, безжалостной.

Воспользовавшись показаниями мятежников об участии в заговоре самого Госиракавы, Киёмори решил арестовать его и заточить в загородном дворце. Однако этому воспротивился его сын Сигэмори, который понимал, что такой поступок будет лучшим подарком врагам: поднять руку на императора было бы святотатством, которое лишило бы дом Тайра поддержки нейтральных феодалов и горожан. Киёмори отказался от своего замысла, и на несколько лет в стране воцарился мир.

Шли годы, император Такакура вырос и стал, как утверждают, красивым юношей. И тут захворала его жена, дочь правителя-инока, которая была старше своего юного мужа на семь лет. Вскоре обнаружилось, что это не болезнь, что она просто-напросто ждет ребенка. Но беременность была тяжелой, боялись, что императрица не доживет до родов. В государстве поднялся переполох. Наследник престола был очень нужен Тайра как залог их благополучия.

В монастырях служили молебны за здоровье императрицы, были помилованы и возвращены из ссылки некоторые второстепенные участники заговора.

Когда это не помогло, правитель-иннок решил, что рождению внука мешают духи его врагов, погибших во время смуты двадцатилетней давности. Поэтому после консультации с покорным теперь Госиракавой

был издан указ о возвращении императорского звания сосланному после смут и умершему в неизвестности Сүтоку, затем решено было умиловить и дух министра Ёринаги Фудзивары, убитого самураями Тайра.

В торжественной обстановке был обнародован императорский эдикт о присвоении покойному министру второго ранга Ёринаге звания главного министра империи. После этого придворному летописцу велели отыскать могилу Ёринаги и довести эдикт до сведения его духа. Однако, когда тот приехал в деревню, возле которой двадцать лет назад стрела пресекла жизнь Ёринаги, обнаружилось, что самураи Тайра выкопали останки министра и разбросали кости вдоль дороги. Вот и пришлось придворному летописцу зачитать эдикт траве, которая росла в придорожной канаве.

Радикальные меры помогли. Молодая императрица родила младенца мужского пола.

Наступил 1180 год — ему было суждено стать поворотным в истории страны.

Трудно установить точную последовательность событий, но, вернее всего, сначала умер мудрый Сигэмори — старший сын правителя-инока. Это был единственный человек, к мнению которого прислушивался Киёмори. Сигэмори заболел после того, как съездил на богомолье в монастырь Кумано. Впоследствии японские моралисты утверждали, что в монастырь князь отправился неспроста: он молил богов даровать ему смерть, чтобы не быть свидетелем злодеяний, совершаемых его отцом. Версия более чем сомнительная, потому что за годы, прошедшие после раскрытия заговора, никакими чрезвычайными злодеяниями правитель-инок не отличался, а суровость характера отца и его строгость в управлении страной вряд ли могли повергнуть Сигэмори в крайнее уныние. Возможно, то было отражением ходивших в столице слухов о неладах в семействе Тайра, а может быть, благочестивая выдумка авторов, желавших дока-

зять доверчивому читателю, что даже близкие не одобряли поступков Киёмори.

Сигэмори отказался принять знаменитого китайского врача, которого выписал отец. Мотивировал он это чисто патриотическими соображениями: «Мне не хотелось бы быть обязанным жизнью какому-то иностранцу».

Узнав о словах доблестного Сигэмори, правитель-инок прослезился и заявил: «Наша маленькая Япония — слишком тесноеместилище для столь великого духа». После этого вернулся к себе в усадьбу и больше сына не навещал.

На восьмой день болезни князь Сигэмори умер, оставив пятерых сыновей, старшим из которых был весьма популярный в японской истории Корэмори.

После смерти сына правитель отбыл в дальние вотчины, и несколько недель о нем не было слышно.

Внезапно разнеслась весть, что Киёмори Тайра возвращается в столицу во главе нескольких тысяч вооруженных солдат.

Трепетавший от страха император-инок Госиракава послал к Киёмори монаха, который был причастен к заговору, но уцелел, потому что заговорщики его не называли.

Приехав утром в усадьбу Киёмори, монах уселся у веранды в ожидании, когда его примут. Ему пришлось просидеть целый день. Лишь поздно вечером князь Тайра принял монаха и изложил ему свои претензии к Госиракаве.

Во-первых, император-инок не соблюдал траура по Сигэмори и еще до истечения срока траура устроил праздник с музыкой. Во-вторых, отобрал у сыновей Сигэмори земли, которые были за службу подарены ему на вечные времена. В-третьих, отдал высокую должность не зятю Киёмори, как было договорено, а сыну своего канцлера Мотофусы. К тому же Киёмори напомнил об участии императора в заговоре.

Когда монах пересказал эти слова императору-

иноку, тому нечего было возразить: обвинения Киёмори были справедливы.

На следующий день по распоряжению правителя-инока сорок три высокопоставленных чиновника были лишены должностей, канцлер Мотофуса сослан.

Еще через четыре дня наступил последний акт драмы. С утра самураи окружили дворец императора-инока, и разнесся слух, что они намерены сжечь заживо всех его обитателей. Госиракава сидел в тронном зале и ждал смерти.

В зал вошел Мунэмори, второй сын правителя-инока, ставший теперь наследником. Он был в латах и шлеме.

— Носилки ждут у дворца, — сказал он. — Прошу вас немедленно пройти туда.

— Но я не знаю за собой никакой вины! — попытался возразить император-иннок.

— Вам ничто не грозит, — ответил Мунэмори. — Вы сейчас проследуете в загородную резиденцию. И будете там находиться, пока в государстве не наступят тишина и порядок.

Лишь один слуга да старуха-кормилица осмелились сопровождать императора-инока. Там, оторванный от всех, он проводил месяц за месяцем. Грустную картину этого заточения рисует «Повесть о доме Тайра»:

«Миновала уже половина зимы, лишь громкий посвист зимней бури в горах доносился в усадьбу да ясным светом сияла луна в заледеневшем саду. Снег плотной пеленой заносил сад, но никто не оставлял следов на белом покрове; пруд сковало льдом, исчезли птицы, прежде стаями летавшие над водой... Морозной ночью издалека чуть слышно долетал к изголовью веявший холодом стук валька да на рассвете за воротами раздавался в отдалении скрип повозок, ломавших хрустевшие под колесами льдинки. По дороге спешили путники, ступали вьючные лошади — это зрелище жизни, по-прежнему совершавшейся в бренном мире, навевало печаль на государя. Воору-

женные до зубов войны днем и ночью сторожили ворота».

Той же весной 1181 года наступила очередь юного императора Такакуры. Его не спасло даже то, что он был женат на дочери правителя-инока. Тому были известны связи Такакуры с враждебными вельможами, влияние на него Госиракавы. Император Японии должен был быть абсолютно послушен дому Тайра, а этого можно было достичь лишь одним — сменой императора. Ведь Антоку, сыну Такакуры, внуку Киёмори, уже исполнилось три года. Возраст достаточный, чтобы стать императором.

На Японию обрушилась новая весть: Такакура добровольно отказывается от престола в пользу своего сына. Это еще более усилило раздражение феодалов, упрямо сидевших в своих поместьях.

Три драгоценности — священный меч, священное зеркало и священную яшму — перенесли в новый дворец, а Киёмори и его жена были провозглашены дедом и бабкой императора.

Такакуре дозволено было отправиться на богомолье и даже навестить опального отца. Отныне в Японии три императора: дед, отец и внук, но ни один из них не правит — правит Киёмори Тайра.

Чем безмернее становилась власть старого правителя-инока, тем сильнее росли ненависть к нему и готовность к сопротивлению. Процесс был необратим, какие бы жестокие кары ни обрушивал Киёмори на непокорных.

В Киото, на Третьей дороге, стоял скромный дом принца Мотихито, второго сына Госиракавы. Престол по праву должен был в свое время достаться ему, а не его младшему брату. Но Тайра никогда бы не допустили, чтобы Мотихито стал императором: он не приходился им родственником. Принц играл на флейте, занимался каллиграфией и писал стихи. Так он дожил до тридцати лет.

В тот год, когда Киёмори заставил отречься от

престола Такакуру, к принцу Мотихито приехал гость — бывший вельможа третьего ранга, а ныне монах Ёримаса Минамото. Монах принялся уговаривать принца возглавить восстание против Тайра. Он сообщил, что многие вельможи только ждут сигнала, чтобы подняться против Киёмори, но у них нет знамени, нет человека императорской крови, вокруг которого можно было бы собирать войска. Ёримаса доказывал принцу, что в восточных и северных землях у врагов Тайра есть надежные замки, верные самураи.

Принц колебался, но в конце концов дал себя уговорить. И подписал манифест к вельможам и феодалам с призывом подниматься на войну против Тайра. Ёримаса отправился с манифестом на восток, где жили его родственники и друзья. Теперь у них был документ, который давал моральное право более не подчиняться правителю-иноку.

Первым делом Ёримаса отвез манифест скрывавшемуся на севере Ёритомо, старшему сыну погибшего за двадцать лет до того вождя клана Минамото. От него поехал по соседним замкам и усадьбам.

Поездка монаха из рода Минамото не прошла незамеченной. Губернатор северной области, верный вассал Тайра, дознался, что Ёримаса остановился в большом монастыре, где подстрекает к бунту монахов. Он решил разгромить заговор в зародыше, собрал тысячный отряд и бросился к монастырю. Но об этом стало известно нескольким феодалам, уже читавшим манифест, — они реагировали очень быстро: тут же отправились к монахам на помощь. И когда войско губернатора прибыло под стены буддийской обители, там уже собралось более двух тысяч защитников. После трехдневного боя губернатору пришлось отступить.

В те дни в холодном доме императора-инока Госиракавы вдруг появился целый выводок хорьков. Они носились по комнатам, громко пища. Госиракава не на шутку перепутался и послал письмо об этом главе ведомства астрологии и гаданий. В то время

гадания были столь же обычны, как сегодня прогнозы погоды. И прорицателям верили так же умеренно, как синоптикам сегодня.

Верному слуге удалось ускользнуть из усадьбы и получить ответ в ведомстве. Ответ гласил: «В ближайшие три дня вы испытаете сначала радость, а потом горе».

Как утверждают современники, предсказание сбылось. Радость последовала на следующий же день: Киёмори смилостивился и разрешил императору-иноку вернуться в столицу, но не во дворец, а в дом покойной императрицы, под строгую охрану. Но тут же Госиракава узнал горестную весть: его сын, принц Мотихито, возглавил заговор против Тайра и отдал приказ о его аресте.

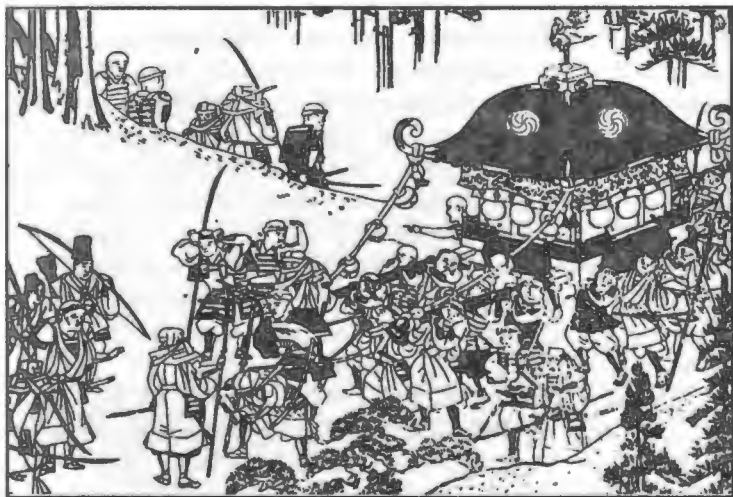
Принца успели предупредить, и он, переодевшись в женское платье, бежал в обитель Трех Источников. Монахи срочно вооружились, начали копать рвы и сооружать колючие изгороди вокруг монастыря. И в тот же день отправили гонцов в соседние монастыри с призывом прийти на помощь.

Но откликнулись лишь монахи одного из крупных монастырей в Наре. И, понимая, что его убежище находится слишком близко к столице, принц вместе с пришедшим ему на помощь отрядом Минамото решил укрыться в этом монастыре.

Войско Тайра догнало отряд принца у реки. Повстанцы успели перебраться на другой берег, а мост — разрушить. Пока воины Тайра переправлялись через реку, Ёримаса Минамото отрядил тридцать всадников и приказал им доставить принца в Нару. Имея в своих рядах принца, Минамото могли рассчитывать на поддержку монахов и старой знати.

Но один из самураев Тайра, увидев, что принца нет среди воинов Минамото, кинулся по дороге в Нару, и его отряд настиг Мотихито. В завязавшемся коротком бою принц был смертельно ранен стрелой, и ему тут же отрубили голову.

Семь тысяч монахов из Нары, которые выступили

Монахи-воины буддийского монастыря в XII веке.

на помощь Мотихито, опоздали к месту последнего боя на несколько минут. Узнав о гибели принца, монахи повернули обратно.

Киёмори никогда не забывал обид. Страна замерла, в ужасе ожидая кары. И она обрушилась на обитель Трех Источников, которая дала приют принцу Мотихито.

Целый день монахи сопротивлялись войску Тайра, лишь ночью, в полной темноте, самураям удалось ворваться в монастырь и поджечь его.

Сгорело шестьсот тридцать семь строений, «славных красотой и древностью». Было уничтожено книгохранилище — более семи тысяч свитков, погибли две тысячи статуй. Многие монахи были убиты, некоторых отправили в ссылку, а настоятеля и старших монахов, как сообщается в летописи, «лишили сана и передали в руки чиновников сыскного ведомства».

У Киёмори не было оснований полагать, что мятеж был инспирирован Госиракавой, но он был уверен,

что зараза шла от императорского семейства и клана Минамото, от вельмож, от монахов, окруживших Киото своими монастырями. Старому князю всюду чудились враги: к старости тираны всегда испытывают страх, и, чем ближе конец их земного пути, тем более они бесчинствуют. И множат врагов — не столько для себя, сколько для потомков, которым и приходится расплачиваться за их злодеяния. История разнообразна, она никогда в точности не повторяется, но как похожи ее трагедии, словно никто и никогда не способен научиться на горьких примерах!

Киёмори никогда не любил Киото, даже свою пригородную усадьбу Рокухару, и при первой возможности уезжал в дальние поместья. Там ему, выросшему в горах, было вольготно. Громадный же Киото казался ему скопищем порока, местом, где укрываются тысячи врагов.

И тут в голове Киёмори рождается дикий замысел — перенести столицу на новое место. Вообще говоря, на Востоке это было дело обычное. Такое случалось при смене династии, при изменении торговых путей. Почти всегда в основе этого события лежали гигиенические соображения. Восточный город, разрастаясь до гигантских размеров, становится громадной клоакой, и в жаркое время нередко возникают эпидемии, а скученность ведет к страшным пожарам. Но Киёмори менее всего думал о гигиене — он уничтожал очередного врага.

Место для нового города он выбрал не случайно — это была земля Тайра. Во всех, даже самых, казалось бы, безумных начинаниях Киёмори всегда присутствовал холодный расчет. Хотят его враги или нет, отныне столица империи будет на земле Тайра, и все ее обитатели станут арендаторами Тайра.

Никто не смел перечить всевластному тирану. В считанные месяцы старая столица была разрушена — разобраны храмы, сняты черепичные кровли с домов, благо город был деревянным. Но люди оставляли не

только старые стены. Город — это и мастерские, и лавки, и сады, и родовые кладбища — целый мир.

Насильственный и разорительный переезд умножил ненависть к Тайра. И те, кто уже перебрался в новую столицу — Фукухару, и те, кто продолжал владеть существованием в опустевшем Киото, с тревогой ждали новых перемен. Людям казалось, что все происходящее — смерть Сигэмори, отречение Такакуры, ссылка императора-инока, восстание принца Мотихито, гибель в огне монастыря Трех Источников — это лишь ступени к страшным и кровавым событиям завтрашнего дня.

Разумеется, не было недостатка в слухах, предзнаменованиях, пророчествах...

Рассказывали, что однажды ночью в опочивальню правителя-инока внезапно просунулась огромная, чуть ли не во весь покой, рожа и в упор воззрилась на хозяина. Но тот, ничуть не дрогнув, устремил на нее такой суровый взор, что привидение исчезло.

И тут до новой столицы донеслась весть о новом восстании. Весть восприняли как должное: ее ждали.

На этот раз восстание поднял Ёритомо, подросток наследник главы клана Минамото, сосланный на остров Идзу. Но не забытый. Мы помним, что, когда годом раньше начинался мятеж принца Мотихито, его манифест повезли именно Ёритомо. Тогда тот не успел выступить. Теперь же он напал ночью на усадьбу наместника острова и всех там перебил. Правда, за пределы острова он не двинулся.

Этот малорослый человек обладал любопытными качествами: он с полным равнодушием относился к таким понятиям, как рыцарская честь, законы войны, отвага и верность. Он редко участвовал в бою, никогда не стыдился бежать, если обстоятельства были против него. Ради достижения цели был готов на все. На сцену наконец вышел достойный соперник суровому Киёмори.

Вождя клана Минамото подтолкнул к действиям

неуемный монах Монгаку. Этот человек не мог не бунтовать, не поднимать смуту, не призывать к ней.

Как Тайра, так и императора-инока Монгаку не выносил. Однажды он появился в императорском дворце и громко потребовал, чтобы ему построили обитель на горе Такао, где на него низошла благодать. Вел он себя настолько нагло, что Госиракава приказал выставить его вон. Монах бросился в драку, избил какого-то вельможу, и понадобились усилия нескольких самураев, чтобы его скрутить. Когда же его волокли из дворца, он не придумал ничего лучше, как проклинать императора. Естественно, Монгаку угодил в темницу. Через некоторое время по случаю кончины императрицы была объявлена амнистия, и монаха выпустили. Но он вовсе не смирился. Он принялся расхаживать по Киото и громовым голосом провозглашать скорое наступление смуты и кровавую гибель всех господ. Тогда Монгаку сослали на остров Идзу, где жил Ёритомо Минамото.

Мстительный Монгаку понял, что именно Ёритомо мечом проложит ему путь в столицу. Он торопил молодого Минамото с выступлением и добился своего. И когда Ёритомо поднял белое знамя восстания, рядом с ним встал монах.

Киёмори решил задушить восстание в корне. Опасность нового мятежа заключалась в том, что он вспыхнул не в столице, где контроль Тайра был эффективен, а в северо-восточных землях, населенных недовольными феодалами, близкими к роду Минамото. Поэтому, отправив на разгром Ёритомо губернатора северной провинции, он послал туда и своего старшего внука Корэмори. У войска стало два командующих, что всегда плохо.

Пока армия Тайра добиралась до мятежных земель, к Ёритомо присоединялись все новые отряды непокорных феодалов. Достаточно оказалось искры, чтобы пламя охватило весь край.

И вот наконец враждующие силы сблизились. Правительственная армия находилась в горах, что, на

взгляд Корэмори, лишало ее преимущества в дисциплине и численности. Поэтому он решил двинуть ее вперед, на широкую равнину.

Губернатор, бывший куда старше князя и полагавший себя авторитетом в военном деле, возразил, что именно ему поручено общее командование и он лучше знает, как надо воевать. Поэтому он остановил армию в горах, на берегу бурной речки.

Вокруг стоял настороженный, чужой лес, поднимались до неба скалы. Людям Тайра казалось, что враг везде. Нерешительность командующего, непонятная остановка в диких горах подрывали дух воинов. Начали расползаться панические слухи.

Глубокой ночью кто-то крикнул:

— Мы окружены!

«Так велик был обуявший их страх, такой начался тут беспорядок, что схвативший лук позабыл взять стрелы, взявший стрелы позабыл захватить лук; тот вскочил на чужого коня, его конь достался чужому, а иной, взгромоздившись на неотвязанного коня, как безумный, бессмысленно кружился вокруг коновязи. Многим гулящим женщинам и девам веселья, приглашенным из близлежащих селений, в суматохе пробили голову, многих задавили, и они громко охали и стонали», — пишет автор «Повести о доме Тайра».

Утром к стану Тайра пробрались разведчики Ёритомо. И странная картина покинутого в суматохе лагеря предстала их глазам: валялись панцири, оружие, были брошены шатры, повозки — и ни одной живой души.

Так Ёритомо одержал первую победу над войском Тайра.

Правитель-инок метался в своем дворце, страшась завтрашнего дня. Воспользовавшись удобным моментом, настоятели крупнейших монастырей обратились с петицией об отмене переноса столицы. Монастыри, окружавшие опустевший Киото, лишились паломников и доходов. Киёмори решил не ссориться с

монахами, и последовал указ: вернуть столицу в Киото.

Это решение было понято всеми как свидетельство слабости правителя-инока. Общая радость от этого лишь увеличилась. Вот как описывает возвращение столицы автор «Повести о доме Тайра»:

«Все... устремились прочь отсюда... Да и кто стал бы хоть на лишний миг оставаться в постылой сердцу новой столице! С шестой луны минувшего года в старой столице ломали строения, перевозили добро и разную утварь, наконец кое-как обосновались на новом месте, а теперь снова в безумной спешке торопились обратно! На сей раз уже ничего не ломали, не разбирали, а побросали все, как было, и умчались назад, на старое пепелище. Там ни у кого не осталось жилья, и потому пришлось расселиться по окраинам... временно приютиться в галереях монастыря, в молитвенных залах храмов. Там жили даже знатные люди».

Монахи не скрывали торжества.

Новым центром волнений стал огромный монастырь в Наре, тот самый, что мог выставить семь тысяч воинов. Почувяв слабость Киёмори, монахи потребовали его ухода. С каждым днем они становились все более воинственными, угрозы по адресу правителя-инока звучали все громче. Правитель-инок, стараясь сохранить мир, послал для переговоров главу Школы поощрения наук. Того с позором изгнали. Монахи сделали деревянный шар, кричали, что это голова правителя-инока, и катали его ногами по всему монастырю.

Последнюю попытку уладить дело мирным путем правитель-инок предпринял, послав туда главу сыска области Ямато с конным отрядом. Всадники отправились в монастырь без оружия. Монахи захватили шестьдесят человек в плен, отрубили им головы и развесили на стенах обители. Тогда Киёмори был вынужден послать к монастырю в Наре войско под командованием одного из своих сыновей.

Штурм монастыря продолжался целый день, лишь к ночи монахи обратились в бегство.

Дул сильный ветер, собирался дождь, низкие облака неслись над поверженным монастырем. Командир карателей приказал принести факелы, чтобы искать бунтовщиков. Факелов не было. Тогда один из самураев поджег крестьянскую хижину, стоявшую возле монастыря. Быстро занялась вся деревня. Ветер перенес огонь на храмовые строения. К тому времени многочисленные обитатели монастыря, не принимавшие участия в сражении: старые и обезноженные монахи, рядовые послушники, служки и женщины — в поисках спасения кинулись в храм Великого Будды — самое большое деревянное здание в мире, в котором стояла громадная медная статуя Будды. Более тысячи человек забрались на второй этаж храма и втянули наверх лестницы, чтобы самураи Тайра не могли подняться следом. Однако вскоре храм был охвачен огнем. Те же, кто там скрывался, попали в ловушку: сначала огонь охватил нижний этаж и отрезал пути к спасению, затем занялись столбы и перекрытия. Сквозь треск огня пробивался вой сотен горящих людей. Почти никто не спасся.

Правитель-инок демонстративно игнорировал стенания, поднявшиеся в столице. Все считали, что воины Тайра сожгли монастырь, следуя его тайному приказу.

Враги Тайра воспользовались этим случаем, чтобы обвинить их в святотатстве.

А тут еще Японию облетела печальная весть: неожиданно скончался Такакура. Средневековые японские историки объясняют смерть двадцатилетнего экс-императора скорбью по причине гибели монастыря в Наре. О покойном рассказывали, что он был слаб духом и плотью, но очень добр и тих. Его все жалели.

Между тем правитель-инок, понимая, что время работает против него, стал собирать силы клана Тайра. Во главе войска он поставил своего наследника Мунэмори. Но за день до выхода армии в поход

правитель-инок внезапно заболел. Его мучили жар и жажда. Автор «Повести о доме Тайра» позволяет своей фантазии создать страшную картину последних дней правителя-инока.

Как описать страдания тяжелобольного, чтобы высокая температура превратилась в символическое адское пламя, пожирающее злодея?

Жена приближается к правителю, превозмогая нестерпимый жар, исходящий от него. Дощатый настил, на котором лежит князь, поливают ледяной водой, и он катается по доскам, чтобы унять жжение. Княгине снится сон, в котором ее муж сгорает заживо в наказание за гибель храма в Наре.

Но даже в последние минуты жизни правитель-инок повторяет, что у него только одно желание — увидеть отрубленную голову главаря мятежников Ёритомо Минамото. И молит сыновей: «Снесите голову Ёритомо и повесьте над моей могилой! Это будет мне лучшее утешение!»

«...Правителю-иноку исполнилось шестьдесят четыре года — не такой уж старческий возраст, чтобы смерть была неизбежной. Но когда вдруг приходит конец назначенному судьбой сроку человеческой жизни, не помогут никакие сокровеннейшие молитвы: тут не властны сами будды и бодхисаттвы, и боги всех миров не придут человеку на помощь. Тысячи верных воинов, душой и телом преданных правителю-иноку, рядами теснились в его усадьбе, готовые отдать свою жизнь взамен его жизни, но, увы, не смогли ни одолеть, ни отогнать, пусть хотя бы на короткое время, посланцев подземного мира, невидимых взору, неуязвимых для любого оружия. И пришлось ему в одиночестве пуститься в последний путь...»

Киёмори был великим вождем, и смерть его описана торжественным языком эпоса. Он как бы сгорает в гигантском пламени пожара священного храма Нары. Остается проклятие его судьбы, за которое расплачиваться сыновьям и внукам.

Императрица-мать и братья Мунэмори, Сигэмори и Норимори из рода Тайра.

В день похорон сгорела усадьба Киёмори. И все в столице говорили, что усадьбу подожгли.

Главой клана Тайра стал второй сын правителя-инока — Мунэмори.

Так бывало в истории: в наследники предназначался другой, он учился править и владеть. Но умер раньше, чем наступил его час.

Мунэмори к роли правителя государства не готовился, да и был он, как видно из последующих событий, человеком ординарным и мирным.

В той ситуации спасти дом Тайра могли лишь решительные меры. Переход власти всегда вызывает активизацию противников режима. А Мунэмори решил, что для успокоения страны он должен не только

воевать с врагами, но и умиловить оппозицию. Первым актом нового правителя было разрешение императору-иноку вернуться в столицу. Мунэмори лишь попросил императора повременить с возвращением, пока он за свой счет не отремонтирует дворец. Но Госиракава и слышать не желал о задержках.

Как только тело правителя-инока было сожжено, а кости его, зашитые в мешочек, кроткий монах понес в далекий горный монастырь, император-иннок приказал готовить повозки: он возвращался в Киото.

В тот же день он издал эдикт о возвращении наказанным монахам монастыря в Наре духовного сана. Вскоре начались работы по восстановлению Великого храма.

Мунэмори понимал, что одними уступками с Минамото не справиться. И потому после некоторого перерыва сбор войска возобновился. Командующим на этот раз был назначен третий сын правителя-инока — Томомори.

Войско Тайра не стало дожидаться, пока подтянутся ополчения феодалов, которые к тому же не спешили, надеясь, что обойдутся и без них.

Армии встали друг против друга, разделенные речкой. Силами Минамото командовал талантливый и смелый Юкиэ, дядя князя Ёритомо. Он знал, что враги превосходят его отряды числом, и решил напасть неожиданно. Его армия переправилась через реку и рано утром ударила по строю Тайра.

Томомори приказал пропустить всадников Минамото и закричал:

— Они плыли через реку, доспехи и кони у них намокли и отяжелели — бейте мокрых!

В этом бою погиб младший брат Ёритомо, а сам Юкиэ еле успел переправиться обратно. Но тут Томомори совершил ошибку. Он не преследовал врага. Победоносное войско Тайра повернуло обратно к столице. Так что Минамото потерпели неудачу, но не проиграли кампанию.

Уже к концу 1181 года Минамото не только

оправились от поражения, но постепенно начали вытеснять наместников Тайра из восточных земель. Восстание ширилось, постепенно приближаясь к столице, но там словно и не подозревали, что творится в стране. Гонцов с дурными вестями забывали принять, зато не скупились на всяческие увеселения. Мунэмори не ведал, что с темнотой во дворце императора-инока появлялись беззвучные тени — гонцы из стана Минамото. Госиракава надеялся, что с приходом к власти Минамото он вернет себе бразды правления.

Следующей весной стало ясно: армия Минамото движется на Киото. Пришлось принимать меры. Снова был объявлен всеобщий сбор войск, и если с юга самураи послушно прибыли, то, к удивлению правящего князя, ни один вассал из земель к востоку и северу от Киото на призыв Тайра не откликнулся, словно непроницаемая стена выросла неподалеку от столицы. Что творится за ней, можно было догадываться, но догадываться было страшно.

Никогда еще столь большое войско не покидало Киото. По пути его все деревни были ограблены — словно саранча прошла по полям. Источники утверждают, что в войске было шесть великих генералов во главе с князем Корэмори, триста сорок знаменитых самураев, а всего более ста тысяч воинов.

Целью Тайра был разгром армии Ёсиаки Минамото из Кисо, которого чаще именовали просто Кисо. Именно его отряды подходили к столице.

Небольшое войско Минамото в открытом бою наверняка потерпело бы поражение. Поэтому Кисо решил не допустить выхода армии Тайра на равнину, задержав ее на горных переходах.

Он пошел на хитрость: собрал всех знаменосцев и велел им выстроиться в кустах и среди деревьев так, чтобы разведчикам Тайра казалось, будто перед ними большая армия.

Хитрость удалась. Войско Тайра остановилось в предгорьях, не рискуя спуститься на равнину. Насту-

пила ночь. Малочисленные отряды Минамото, обойдя по горным тропам армию Тайра, неожиданно ударили по ней с тыла. В полной темноте, не зная, откуда ждать нападения, слыша со всех сторон боевой клич врагов, громадное войско Тайра начало отступать к глубокому ущелью Курикара. «В темноте не было видно, что стало с теми, кто первым бросился в пропасть; остальные же решили, что там, на дне, есть дорога... все смешалось, люди и кони — все катилось вниз вперемешку! Кровью заструились горные реки, горы трупов заполнили все ущелье...»

Не теряя времени, Кисо тут же повернул армию и кинулся на помощь своему родственнику Юкиизэ, который отступал под натиском другой армии Тайра, и там Минамото тоже победили. Объединившись, они устремились к Киото.

Все окрестные феодалы, которые до того колебались, не зная, на чью сторону встать, спешили со своими самураями на помощь Кисо. И хотя по численности войско Тайра не уступало армии противника, оно было деморализовано после двух поражений, самураи бежали из него при первой возможности, и над ним нависла обреченность.

Решительное сражение вблизи столицы было очень упорным и кровопролитным. В «Повести о доме Тайра» рассказ о нем распадается на отдельные картины. Автор как бы высвечивает, отыскивает в сумятице гремящего боя отдельные лица и показывает их нам крупным планом.

Вот история отважного рыцаря Нагацуны, одного из верных вассалов Тайра. Оставшись один после бегства своих, он встретил юного самурая Юкисигэ. Тот обрадовался, увидев по роскошному панцирю, что перед ним знатный вельможа, и кинулся на старого воина. Но Нагацуна был силен и опытен. Он прижал юного самурая к земле и приказал ему назваться.

— Я Юкисигэ из селения Нюдзэн, восемнадцати лет от роду, — признался юноша.

Нагацуна взгляделся в лицо Юкисигэ и вдруг

подумал, что его сыну, погибшему год назад, тоже было восемнадцать лет и кто-то не пожалел его. Нагацуна произнес:

— Долг велит мне снять тебе голову, но я пощажу твою молодость. Уезжай.

Старый воин сошел с коня, чтобы передохнуть и дожидаться своих. Он велел юному самураю сесть рядом с ним и рассказать о себе, о своих родителях, о том, собирается ли он жениться. Отвечая на вопросы, Юкисигэ думал: «Он пощадил меня, но все-таки он завидный противник. Надо убить его во что бы то ни стало!»

И, воспользовавшись тем, что Нагацуна отвлекся, а меч его спрятан в ножнах, Юкисигэ ловким ударом полоснул собеседника мечом по шее, а когда тот упал, отрубил ему голову.

Автор «Повести о доме Тайра» не осуждает предательский удар. Он лишь говорит: «Отважен был Нагацуна, да, видно, счастье на сей раз ему изменило». Автор эпоса — буддист, для него очевидно неумолимое решение судьбы, а юноша — лишь орудие этой судьбы. С одинаковым спокойствием он рассказывает и о коварстве, и о высокой чести. И понимаешь, что люди тогда испытывали те же чувства, что и сегодня, но поступки, которые, казалось бы, должны были следовать за чувствами, на самом деле нарушают логику нашего времени. И потому неуместно и наивно применять к средневековым самураям или викингам наши моральные критерии.

Потерпев сокрушительное поражение, войска Тайра частью отступили к Киото, а частью разбежались по домам или влились в армию победителей. Отныне между армией Кисо и столицей реальной преграды не было.

А между тем в Киото кипели слухи: одни говорили, что Кисо уже на холмах, занимает монастыри и дымь его армии можно увидеть от императорского дворца, другие твердили, что разведчики Минамото достигли пригородов столицы.

Тайра собрали все силы, какие были под рукой, и направили их к воротам города. Там воздвигали баррикады, рыли рвы. Минамото не было видно, но паника, которая охватывала столицу, была хуже врагов: с ней нельзя было сразиться, ее нельзя было победить.

Правитель Мунэмори явился во дворец к вдовствующей императрице и заявил ей, что не имеет права подвергать ее и императора-малыша опасности. Разумеется, столицу будут оборонять и не отдадут неприятелю, но мало ли что может случиться.

Императрица, как говорилось, была сестрой слабого и растерянного главы клана, а шестилетний император приходился Мунэмори племянником. Так что, склоняясь перед императрицей как послушный подданный, Мунэмори разговаривал с ней как старший брат и глава семьи.

По плану выезд должен был состояться на следующее утро. Эвакуация не ограничивалась малолетним императором и его матерью: выехать должны были все без исключения члены дома Тайра и, разумеется, император-инок. Оставлять его в столице Тайра не желали.

Но той же ночью начальник стражи у дворца Госиракавы прибежал в резиденцию Мунэмори. Император-инок ускользнул из своего дворца через заднюю калитку и бежал в неизвестном направлении.

Послали погоню, но она вернулась ни с чем. Под покровом ночи Госиракава добрался до леса и там затаился.

Бегство императора-инока было последней каплей — паника восторжествовала в столице. По дороге, ведущей на запад, мчались всадники и повозки, носилки и кареты: все, кто связал свою судьбу с Тайра или боялся гнева Минамото, покидали город. В этом обезумевшем потоке людей неслись и вожди Тайра, тоже бежавшие из столицы во главе с правителем, императрицей и малолетним императором. Тайра успели захватить во дворце три сокровища, три святыни

империи, без которых было немыслимо коронование другого императора: зеркало, чашу и меч.

Корэмори Тайра, племянник правителя, задержался в своей усадьбе, прощаясь с красавицей женой и двумя детьми — восьмилетней дочерью и десятилетним сыном Рокудаем. Они молили его не оставлять их в Киото. Но Корэмори полагал, что взять семью с собой, обречь ее на бродячую военную судьбу, когда у него нет надежного убежища, еще опаснее, чем оставлять в Киото. Он надеялся, что победители не тронут женщин и детей.

— Я не могу взять тебя с детьми, — повторял он. — Как только мы укрепимся где-нибудь в глуши, я сразу пришлю за вами.

— Разве мы не клялись друг другу уйти из жизни вместе? — отвечала жена. — Как исчезают капли росы на одной и той же равнине.

— Помни, — говорил Корэмори, — если ты услышишь, что я погиб, не смей принимать постриг! Снова выходи замуж, устрой свою жизнь и воспитай наших детей. Не может быть, чтобы не нашлось на свете доброго человека, который бы тебя пожалел.

Слова удивительные для феодала, скованного жесткими традициями средневекового общества. Ведь для вдовы знатного японца уход в монастырь был естественным и желанным: она была собственностью, которую нельзя передать никому, она не может, не должна существовать без мужа.

Корэмори сел на коня.

Дети не отпускали стремян, умоляя отца взять их с собой. Рыдала жена. Корэмори не мог заставить себя уехать.

И в этот момент во двор влетели разноцветной стаей братья князя. Все пятеро младших братьев — надежда рода Тайра.

— Что ты медлишь? — кричали они.

Князь показал на своих детей.

— Меня задержало горе малышей, — сказал он.

— Никогда я не могла подумать, что вы столь

жестоки! — воскликнула супруга князя и, упав ниц, зарыдала, в отчаянии катаясь по земле. Домочадцы плакали во весь голос. «Навсегда остались звучать у князя в ушах эти рыдания; они слышались ему в плеске волн на западном море, в свисте ветра над безбрежным морским простором!»

А над Киото поднимались столбы черного дыма. Тайра, уезжая, поджигали свои дома и дворцы. От них огонь перекинулся на дома бедняков. Говорят, что в тот день сгорело пятьдесят тысяч хижин простых людей, лишь недавно вернувшихся в этот проклятый небом город.

Но судьба Киото уже не беспокоила Тайра — они спешили к морю, в свои западные родовые владения...

Братья догнали императорский кортеж только у моря. Их сопровождала тысяча всадников — арьергард разгромленной армии.

Затем прискакал старый самурай Садаёси с пятьюстами воинами. Он сообщил князю Мунэмори, что в столице нет войск Минамото, там догорают пожары, а в окрестностях скрывается множество людей из знати и бывших слуг Тайра, которые ждут прихода Минамото. Он долго уговаривал Мунэмори, чтобы тот повернул свои отряды обратно и с честью погиб в столице, перед тем перебив всех предателей. Но Мунэмори был непреклонен. Он знал, что, пока остается в родных владениях, пока у него в руках император и императорские регалии, он сохраняет надежду переломить ход войны. В сгоревшем городе он будет в ловушке.

Так и не переубедив старшего Тайра, Садаёси кинулся со своим отрядом в Киото. При виде его всадников предатели разбежались, прячась в пепелищах. Казнить было некого, сражаться не с кем. Тогда верный самурай раскопал могилу князя Сигэмори и вынул оттуда прах, чтобы враги не осквернили его. Он ускакал к высокой лесистой горе, где укрыл прах под камнями, а затем отдался под покровительство нейтрального провинциального барона.

Еще через три дня, подобрав по пути прятавшегося в горах императора-инока, войско Кисо подошло к опаленному Киото. Белые стяги Минамото развевались вдоль всего пути.

Вечером император-инок Госиракава, окруженный невесть откуда высыпавшими вельможами, дал аудиенцию представителям рода Минамото. Аудиенция, можно предположить, была весьма благосклонной, и по окончании ее Госиракава приказал принести заготовленный днем указ: догнать и истребить до последнего человека род Тайра.

В заключение аудиенции Госиракава выразил лицемерное сожаление по поводу того, что его внук, император Антоку, оказался в лапах злодеев и теперь вынужден скитаться в неведомых землях.

Так как надежд на возвращение Антоку не было, Госиракава замыслил хитрую операцию: он решил еще более умножить число императоров в Японии. Выбор его пал на рожденного от наложницы одного из младших братьев императора Антоку, который и был коронован под именем Готоба.

Так Госиракава, казалось, добился своего: он снова правит страной, у него есть свой собственный малолетний император, не имеющий отношения к дому Тайра. Но не хватало одного — императорских регалий, без которых коронация была недействительной.

А императора, владевшего регалиями, Тайра держали в усадьбе одного из вассалов. Они никак не могли решить, строить ли им новую столицу либо ждать, когда они смогут отвоевать столицу старую.

Власть Минамото ничем, в сущности, не отличалась от власти Тайра: в Киото сидел Кисо, размышлявший, не отмежеваться ли ему от главы рода Ёритомо, который в Киото так и не приехал, а предпочитал править страной из своего замка. Кисо грабил земли вассалов Тайра, Ёритомо железной рукой наводил порядок в провинциях.

Проходили месяцы, а положение не менялось.

Можно было подумать, что Япония так и останется разделенной на две части — с разными императорами.

Весь 1183 год шли пограничные бои между войсками Тайра и Минамото; обе стороны копили силы, не решаясь на генеральное наступление.

Между тем Госиракава пустился в новую интригу. Он понимал, что с течением времени отношения между Кисо и Ёритомо неизбежно ухудшатся. Именно Кисо одержал решительные победы над Тайра, именно он изгнал их из столицы. Кисо чувствовал себя обделенным. Почему он должен подчиняться Ёритомо, который ничего не сделал для торжества дома Минамото?

Госиракава решил поставить на Ёритомо.

К нему был послан вельможа с императорским указом о присвоении ему титула сёгуна, то есть великого военачальника. Такого титула не имел даже Киёмори. Этим император-иннок как бы признавал, что отдает Ёритомо реальную власть в стране.

Ёритомо принял посла в своем собственном тронном зале. Он сидел за занавесом на помосте, который был устлан циновками, окаймленными полосой из парчи с черным узором. Когда занавес поднялся, собравшиеся увидели нового властителя Японии — маленького человека, почти карлика, в коричневом кафтане, с громадной головой, увенчанной высокой черной лакированной шапкой.

Ёритомо благосклонно выслушал посла и принял императорский указ.

А дальше разговор пошел о том, как избавиться от Кисо, который уже раздает земли и должности.

Ёритомо тут же обратился к императору-инноку с просьбой издать эдикт об истреблении Кисо. Но эдикт надо было подкрепить силой. А сила была у Кисо. В любой момент этот мужлан, выросший в глухой деревушке и никогда не носивший придворных одежд, мог отрубить голову представителю священной династии.

Госиракава не мог дожидаться, когда же придут с

севера войска Ёритомо, чтобы разделаться с Кисо. Войска не спешили. Ёритомо внимательно наблюдал за делами в столице, в его интересах было ослабить и Кисо, и императора: ему не нужны были сильные союзники. Большоголовый карлик был талантливым политиком — он умел действовать за сценой.

Наконец Госиракава не выдержал ожидания. Он решил, что можно будет неожиданным ударом разделаться с Кисо без помощи Ёритомо. И пускай тогда Ёритомо остается в своей провинции, а Япония будет подчиняться императорскому дому.

Император-иннок послал за помощью в соседние монастыри. Кроме того, он приказал своим вельможам созвать самураев из собственных владений. Наконец, агенты сысканого ведомства собирали отряды городского люда и распространяли слухи о том, что могущественный Ёритомо Минамото разгневался на Кисо и лишил его своей поддержки.

Кисо ничего не подозревал и даже отослал на запад большую часть своей армии. В столице у него осталось всего шесть тысяч воинов. Правда, они были закаленными ветеранами, преданными своему суровому вождю.

Узнав о том, что в город ворвались толпы вооруженных монахов, а императорская стража и отряды вельмож движутся к его усадьбе, Кисо гневно воскликнул:

— Во всех сражениях я ни разу не показывал врагу спину! Даже к самому государю не пойду я сдаваться на милость как побежденный, сняв шлем и ослабив тетиву лука. Так бейтесь же отважно, мои воины!

Так начался новый этап гражданской войны, запутанной, как сама японская политика, чреватой неожиданными вспышками и странными переворотами.

Не дожидаясь, пока подойдут войска Госиракавы, Кисо бросил свой отряд к императорскому дворцу. Дворец охраняло более двадцати тысяч человек, и все они укрепили на шлемах сосновые веточки, чтобы различить, кто свой, а кто чужой.

Воины Кисо сразу начали стрелять по дворцу зажигательными стрелами. Кровля дворца занялась, ветер гнал огонь на защитников, и их охватила паника.

Не обошлось и без трагических недоразумений. Городское ополчение устроило отряду Кисо засаду на Седьмой дороге. Но по ошибке перебили союзников императора, несмотря на их вопли о пощаде.

Монахи же после нескольких коротких стычек с ветеранами Кисо бежали к себе в горы. Госиракаве снова пришлось спешно покинуть дворец, причем в суматохе чуть не погиб малолетний император Готоба.

На следующий день Кисо приказал развесить на стенах головы погибших врагов. Их оказалось более шестисот, среди них были головы настоятелей крупнейших монастырей и даже одного из принцев.

Гордыня полководца разыгралась. Он объявил себя главным конюшим и заставил бывшего канцлера Мотофусу отдать ему в жены дочь. К тому же, чтобы было неповадно сомневаться в его могуществе, он лишил чинов и должностей сорок девять высших сановников империи, превзойдя в самоуправстве правителя-инока.

А Ёритомо был спокоен. Он наблюдал за событиями из Камакуры и был уверен, что в конце концов верх возьмет он. Более того, когда до него дошла весть о разгроме императора, он велел передать Госиракаве, что во всем виноват вовсе не Кисо, а вельможи, которые подняли бунт против Кисо и заставили его прибегнуть к суровым мерам. Ёритомо не спешил.

Но Кисо чувствовал себя в столице неуверенно, так как отлично понимал, что, если дело дойдет до открытого боя с родственниками, шансы на победу у него минимальные. Он тоже принимал меры. Он послал гонца к Тайра и предложил им союз против собственного клана. Но Тайра решили, что предложение Кисо — знак слабости дома Минamoto, и не пожелали заключать с ним союз, пока он не явится с повинной.

Кисо отказался это сделать и, прервав переговоры с Тайра, решил умиротворить императора-инока. Назначенным вельможам были возвращены должности.

1184 год подошел к концу. Теперь Япония была разделена на три части. Юг и острова остались у Тайра, у которых был свой император — Антоку. В столице правил Кисо, во власти которого были два других императора. На севере, в Камакуре, ждал большеголовый карлик.

Тайра, внимательно следившие за событиями в столице, решили, что силы Минамото расколоты враждой, и двинулись на север. Время было выбрано удачное, потому что именно тогда Кисо, прослышав о том, что Ёритомо наконец послал против него своего брата, чтобы отобрать Киото, ринулся ему навстречу. Пока дом Минамото решал семейные проблемы, Тайра с императором Антоку вернулись в Киото, и двум другим императорам снова пришлось бежать.

Кисо не смог устоять в борьбе против армии Минамото.

После разгрома он бежал в глубь страны, надеясь укрыться во владениях своих верных вассалов. Но Минамото умело перекрыли ему дорогу сильными заслонами.

В конце концов с ним осталось всего пятьдесят всадников.

Кисо, в красном парчовом кафтане, поверх которого был надет панцирь, скрепленный узорчатым шелковым китайским шнуром, на голове — двурогий шлем, мчался первым на могучем жеребце по кличке Серый Дьявол. За ним — последние его самураи и среди них — Томозэ, его прекрасная возлюбленная. «Была она искусным стрелком из лука, славной воительницей, одна равна тысяче! Верхов ли, в пешем ли строю — с оружием в руках не страшилась она ни демонов, ни богов, отважно скакала на самом резвом коне, спускалась в любую пропасть, а когда начиналась битва, надевала тяжелый боевой панцирь, опоясывалась мечом, брала в руки мощный лук и вступала

в бой в числе первых, как самый храбрый, доблестный воин! Не раз гремела слава о ее подвигах, никто не мог сравниться с нею в отваге».

Всадники Кисо стремились к горам, но тут на их пути возник новый заслон. Когда они прорвались, в живых осталось лишь пятеро.

Кисо обернулся к девушке.

— Беги отсюда, — велел он ей. — Сегодня я намерен пасть в бою. А если мне будет грозить плен, я сам покончу счеты с жизнью. Не хочу, чтобы надо мной смеялись, что в последний бой я потащил с собой бабу.

Томоз была оскорблена: пока шел бой, никто не напоминал ей, что она всего лишь женщина. Теперь же ее гонят. Разве она убила меньше врагов, чем другие самураи?

Но Кисо хотел спасти ее — он дал слово ее отцу.

Томоз наконец подчинилась Кисо и отстала.

Но совсем не для того, чтобы спастись. Она искала себе достойного противника, чтобы сразиться с ним. И вскоре увидела небольшой отряд, во главе которого скакал прославленный силач Моросигэ Онда. Шлем скрывал от него лицо одинокого рыцаря, и, когда тот поднял меч, вызывая его на бой, Онда с готовностью бросился рыцарю навстречу. Томоз превосходила силача ловкостью и умением.

Она стащила его с коня, намертво прижала к луке своего седла и одним ударом снесла ему голову. Потом сбросила тяжелый панцирь и поскакала прочь: она не желала, чтобы ее голова досталась неизвестному солдату, а тело подверглось поруганию. Враги нестройно кричали вслед. Томоз обгоняла отдельных беглецов — никто не узнавал в девушке возлюбленную Кисо. К вечеру она оказалась у дома старого друга ее отца...

Потеряв последнего вассала, который ценой своей жизни на несколько минут задержал врагов, Кисо поскакал напрямик к лесу. На всем скаку конь влетел на заливное рисовое поле и увяз по брюхо в грязи.

И тут Кисо услышал сзади чавканье копыт. Он

обернулся. В следующее мгновение в лицо ему вонзилась стрела.

Раскол в стане Минамото на том не завершился. Шел столь свойственный завоевателям дележ пирога. Власть была достижима и соблазнительна, брат начинал с подозрением глядеть на брата, племянник — на дядю, все стали соперниками.

Среди победителей Кисо был младший брат Ёритомо по имени Ёсицунэ, такой же карлик с большой головой, как и его старший брат, но если Ёритомо остался в японской истории как жестокий и коварный правитель, то Ёсицунэ — любимый герой японского фольклора. Романтические рассказы об этом рыцаре, в которых переплетаются быль и легенда, известны в Японии любому ребенку. Его судьбе посвящен знаменитый средневековый роман «Сказание о Ёсицунэ».

За четверть века до описываемых событий, когда род Минамото был разгромлен и почти весь уничтожен, мать Ёсицунэ с годовалым ребенком бежала из столицы, надеясь укрыться в монастыре, но на горной дороге ее подстерегли и захватили солдаты Тайра. Когда правитель-инок узнал, что Ёсицунэ в плену, он хотел было его убить: чем меньше подрастет Минамото, тем меньше будет мстителей. Но, увидев мать, он был пленен ее красотой. К тому же за нее и за ребенка вступилась мать Киёмори. Глава рода Тайра согласился сохранить жизнь ребенку при условии, что мать станет его наложницей. Чтобы спасти сына, мать согласилась. Мальчика же, когда тот подрос, отослали в монастырь, чтобы подготовить к монашеской жизни. Но монаха из него не получилось. Вместо того чтобы читать сутры, он делал деревянные мечи и сражался с другими мальчишками. В легендах рассказывается, как он еще ребенком совершил немало подвигов, подобных подвигам Геракла. Наконец он убежал из монастыря в пограничную северную провинцию, где нашел убежище у одного самурая. Братья Ёритомо и Ёсицунэ впервые встретились в начале восстания против Тайра,

и тогда Ёритомо сказал, что приход к нему младшего брата важнее, чем подкрепление в миллион солдат.

После подавления мятежа Кисо Ёсицунэ смог снова выбить из столицы Тайра. На этот раз он преследовал их по пятам, так как имел приказ от старшего брата — уничтожить Тайра, чего бы это ни стоило.

Ёсицунэ вел наступление против Тайра целеустремленно и последовательно. Он громил одного за другим вассалов Тайра, все глубже вклиниваясь в их владения. Казалось, лишь вчера Тайра покинули столицу, и вот они уже на острове Сикоку, а маленький император пристроен на время в небогатой усадьбе самурая.

Тайра надеялись, что в разгар зимы Ёсицунэ не посмеет идти через горные перевалы, но тот нашел охотника, который показал оленьи тропы. Зайдя в тыл Тайра, Ёсицунэ прорвался к морю — теперь владения Тайра были разрублены его армией. Тайра сражались отчаянно; прижатые к стене, они не сдавались в плен, да Минамото и не нуждались в пленниках: это была война на уничтожение. По мере того как плацдармы, на которых могли маневрировать Тайра, уменьшались, они все более полагались на свой флот: у Минамото флота в то время почти не было. Тылом Тайра были прибрежные острова.

В стане Тайра участились самоубийства: самураи дрались до последнего и, если выхода не было, кончали с собой. Кончали с собой и их жены.

Завершение эпопеи дома Тайра знаменуется двумя самоубийствами, оставшимися в истории и легендах.

Семья князя Корэмори все еще жила в Киото: пока шла война, Минамото не трогали женщин и детей тех из Тайра, что остались там. По городу, усыпанному белым снегом вишневых лепестков, крикливые солдаты таскали на шестах головы Тайра. Жена Корэмори боялась, что ее сын побежит искать голову отца. Потом один знающий человек рассказал, что ее муж болен, но жив.

Как-то темной ночью пришел человек с письмом от Корэмори.

«В столице кругом враги, — писал князь, — тебе и одной-то нелегко скрываться, а с малыми детьми, понимаю, какую муку ты терпишь!..»

Письмо заканчивалось стихотворением:

Как плавучей траве
Неизвестно, в каком из затонов
Ей осесть суждено,
Я не знаю, дождусь ли встречи, —
Так прими же письмо на прощанье!*

Посланец забрал ответные письма жены и детей и через несколько дней добрался до больного князя. В письмах дети просили об одном: чтобы отец вернулся и взял их к себе.

— Я теперь не могу умереть, пока не увижу своих родных, — повторял князь.

Род Тайра скудел, как роща, в которой хозяйничают лесорубы.

Их сопротивление было сопротивлением обреченных, оскалом бессильного зайца перед волком. Но война не могла остановиться до тех пор, пока Тайра не сдадутся или не будут истреблены.

Князь Корэмори ничего не сказал братьям. Тайком, в сопровождении трех верных слуг князь отправился в столицу.

Они переплыли на остров Хонсю, а там тропами, обходя селения и города, приблизились к Киото.

Путники двигались все медленнее. То, что в начале пути представлялось простым — проникнуть в город, увидеть жену и детей, а потом вернуться обратно и погибнуть с честью, — оказалось задачей невыполнимой. Вокруг кишели ищейки Минамото: на последних сторонников Тайра охотились, как на диких зверей.

Слишком велик был риск попасть в плен, опозорив род Тайра.

* Перевод А. Долина.

Корэмори решил встретиться с отшельником Такигути, которого помнил молодым самураем из свиты своего отца. Несчастливая любовь к служанке императрицы, жениться на которой запретил ему спесивый отец, заставила Такигути уйти от мира.

Этому отшельнику Корэмори и рассказал о своих терзаниях. О невозможности жить долее без жены и детей, о невозможности увидеть их, потому что показаться в городе — бессмысленный риск.

Почерневший от соленого морского ветра, исхудавший, постаревший, князь Корэмори провел в хижине монаха несколько дней. И все более понимал, что иного выхода, кроме смерти, у него нет. Лучше погибнуть с честью здесь, в горах, чем попасть в плен к врагам или возвратиться к безысходности лагеря Тайра. Но прежде он должен отречься от мира.

Так прервалось, не завершившись, путешествие князя домой.

Эмоционально неуравновешенный, впечатлительный, сознающий притом, что ему никогда уже не жить со своими детьми, князь проводил дни в посте и молитве, готовя себя к смерти, дабы сломить неблагоприятное течение судьбы и спасти таким образом своих близких.

Самураев, которые сопровождали его, князь уговаривал уйти. Он не хотел тянуть за собой к смерти других людей. Но его слуги решили быть верными сюзерену до конца: они тоже приняли постриг, они вместе с ним молились и изнуряли себя голодом. Наконец, когда князь счел себя готовым к смерти, монах вывез его и самураев на лодке в море. Бросившись за борт, Корэмори утонул. Его примеру последовали слуги.

Предсмертное письмо князя Корэмори было доставлено его братьям.

Более всех страдал его младший брат Сукэмори.

— Теперь и мне осталось жить недолго, — повторял он.

Из шести братьев двоих уже не было в живых.

Услышав о смерти Корэмори, Ёритомо Минамото воскликнул:

— О жалость! Если бы он с открытой душой сдался на мою милость, я, конечно, смог бы сохранить ему жизнь!

Придворные умилились добрым словам Минамото.

Последняя надежда Тайра заключалась во флоте. У них было несколько больших кораблей, способных поднять по триста—четыреста воинов, не считая сотен боевых галер. Они рассчитывали пересидеть на островах опасные месяцы или годы и надеялись накопить силы для ответного удара.

История знает множество случаев, когда оборонявшаяся сторона укрывалась в замке или возводила баррикады. И почти никогда это не приносило победы. Любые замки в конце концов сдаются, любую баррикаду можно обойти или взять штурмом. Побеждает только наступающий.

Погрузив на корабли войска и мальчика-императора с императрицей, Тайра отчалили от берега, к которому уже вышли отряды Ёсицунэ. Тайра еще не знали о том, что по приказу Ёсицунэ их же бывшие вассалы собирают большой флот, и потому чувствовали себя в безопасности.

В следующие дни к Ёсицунэ стягивались корабли наместников западных провинций, и наконец наступил момент, когда кораблей у них стало чуть ли не втрое больше, чем у Тайра.

Когда два флота сошлись для последнего боя в Симоносекском проливе, Тайра начали теснить врагов. Но тут неожиданно уроженцы островов Сикоку и Кюсю обратили оружие против своих сюзеренов. Измена была столь внезапной и корабли предателей были так тесно перемешаны с кораблями Тайра, что стрелы, пущенные в рыцарей Тайра, разили без промаха.

Начался разгром флота Тайра. Поняв, что бежать некуда и пощады не будет, второй по старшинству

князь из рода Тайра, Томомори, который руководил сражением вместо нерешительного Мунэмори, переправился в лодке на корабль, где находился император Антоку.

Когда князь перешел на корабль, к нему кинулись взволнованные дамы.

— Как идет битва? — кричали они.

— Скоро вы собственными очами узрите доблестных самураев Востока! — горько рассмеялся в ответ Томомори.

Узнав печальную весть, Нииджо, бабушка малолетнего императора, переоделась в траурные одежды, зажала под мышкой ларец со священной яшмой, опоясалась священным мечом, взяла на руки внука и со словами: «Там, на дне, под волнами, мы найдем другую столицу» — погрузилась вместе с ним в морскую пучину.

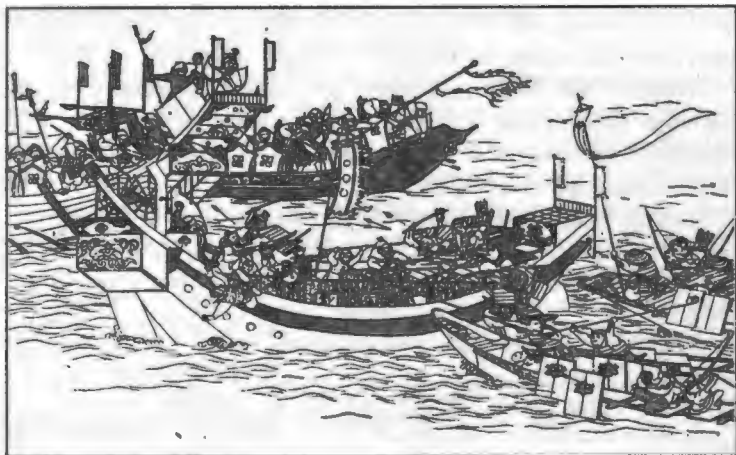
Вслед за ними бросилась в море императрица.

Флагманский корабль Ёсицунэ был уже рядом. Самурай, стоявший с железными вилами у борта, увидел, что в водовороте, созданном движением кораблей, кружится молодая знатная женщина. Женщина старается нырнуть, но вода выбрасывает ее. Не зная, что это императрица, самурай подцепил ее вилами и вытянул, захлебнувшуюся, без сознания, на палубу. Увидев драгоценный гребень, самурай выхватил его. Затем начал стаскивать с пальца перстень, но тут крики с соседнего корабля остановили его. У борта жалкой кучкой толпились придворные дамы и кричали наперебой:

— Не смей! Не смей! Это же императрица!

Князь Томомори не слышал и не видел этого: он сражался. Не видел он и того, как кончали счеты с жизнью князя Тайра. Два его младших брата обнялись и вместе в тяжелых панцирях кинулись в воду со своего корабля. Их примеру последовали другие князья и самураи.

Но глава клана, Мунэмори, никак не мог решиться покончить с собой. Из последних сил его воины

Морское сражение. Японская гравюра XIII века.

отбивали натиск врагов, стремившихся к помосту, на котором он стоял с сыном. Еще минута — и он попадет в плен. И тогда самураи будто случайно столкнули своего господина в воду: он не должен был быть опозорен пленом. Вслед за упавшим в воду Мунэмори кинулся его сын. И так, поддерживая друг друга, они плавали возле корабля, пока к ним не подплыл на челноке один из самураев Минамото и не спас их.

Оставались еще два князя — Томомори, который сражался на корабле императора, и Норицунэ, правитель земли Ното. Норицунэ решил сразиться с самим Ёсицунэ и потому перепрыгнул на палубу его корабля. Размахивая боевой секирой, он кинулся к большеголовому карлику и вызвал его на бой.

Проявив завидную резвость, Ёсицунэ закричал самураям, чтобы они не подпускали этого убийцу к нему близко, и перескочил на соседний корабль. Когда Норицунэ подбежал к борту, развалив стену самураев, Ёсицунэ был уже вне пределов досягаемос-

ти. В отчаянии Норицунэ схватил за шеи двух самураев Ёсицунэ и вместе с ними прыгнул за борт.

Видя, что бой подошел к концу, командующий флотом Томомори, надев на свой панцирь второй, для тяжести, бросился в море. За ним — более двадцати самых верных самураев.

«Алые знамена, алые стяги, брошенные, изорванные, плавали в море, как багряные кленовые листья, что устилают воды реки Тацута, сорванные порывами бури. Алым цветом окрасились белопенные волны, набегающие на берег. Опустевшие суда, потерявшие кормчих, гонимые ветром, увлекаемые течением, качались на волнах и уносились в неведомые морские дали...»

Ёсицунэ возвращался в Киото со знатными пленниками — князьями Тайра и императрицей-матерью. Из трех священных сокровищ ему удалось захватить яшму и зеркало. Не было только священного меча: он утонул. Так Япония лишилась одной из трех императорских регалий. Меч пришлось впоследствии заменить. Правда, об этом мало кто знает.

Мунэмори с сыном, которые в пути с разрешения Ёсицунэ постриглись в монахи, везли в карете с открытыми окнами. Многие тысячи людей заполнили улицы Киото. Толпа молчала. Мунэмори сидел спокойно, даже как будто равнодушно, словно его не касалось это последнее унижение. Сын его низко опустил голову и спрятал ее в ладонях.

Потом Ёсицунэ приказал отвезти пленных к себе в усадьбу.

Весь вечер Мунэмори плакал. Сын его заснул. Князь снял с себя кимоно и накрыл сына. Так и просидел над ним всю ночь.

Ёсицунэ собирался везти пленников в Камакуру — к старшему брату.

А до того уже докатывались тревожные слухи: самураи славят отвагу и таланты Ёсицунэ, самураи

говорят, что Ёритомо ничего не сделал для победы, а в боях и походах их вел Ёсицунэ.

Ёритомо, как всегда, спокойно выслушивал наветы. И делал выводы. И молчал до поры до времени.

Перед отъездом Мунэмори попросил Ёсицунэ разрешить ему свидание с младшим сыном, который также числился среди пленных. Мать этого восьмилетнего мальчика умерла при родах, и потому он постоянно был с отцом. Ёсицунэ согласился. Мунэмори долго сидел с сынишкой. На прощание обещал позвать его в гости на следующий день, иначе мальчик не соглашался уехать.

Утром, когда на дворе была суматоха — слуги собирались в дорогу, — к Ёсицунэ подошел самурай.

— Что прикажете делать с мальчишкой? — спросил он.

— Незачем везти его в Камакуру, — ответил большеголовый карлик. — Распорядись здесь сам, как положено.

Самурай прискакал к дому, где находился мальчик. Он велел кормилице собирать княжича в дорогу.

Мальчик взял деревянный меч, чтобы показать отцу, как он умеет сражаться. Кормилица и нянька собирали в дорогу пищу. Самураи их не торопили.

Карета покатила по Шестой дороге к востоку.

Кормилица почувствовала неладное: ехать надо было к северу.

Через несколько минут карета остановилась, и им велели выйти.

Они стояли на речном берегу. Их ждали несколько десятков вооруженных, словно к бою, самураев. По реке еще плыл утренний туман. Пели птицы.

Один из самураев взял мальчика за руку и грубо потащил к воде.

— Куда вы меня ведете? Где отец? — закричал мальчик, отмахиваясь деревянным мечом.

Другой самурай обнажил свой меч и, спрятав его за спиной, пошел следом.

Кормилица увидела это и с криком бросилась за ними.

Мальчик испугался, вырвался от самурая, подбежал к кормилице и обнял ее, спрятав голову у нее на груди.

Самурай оттащил его от кормилицы и отрубил ему голову.

Обезумевшая кормилица схватила голову мальчика и кинулась в реку. Вода унесла ее.

...В дороге князь Мунэмори молил Ёсицунэ, чтобы ему и старшему сыну сохранили жизнь. Он был согласен на любую ссылку. Ёсицунэ пообещал, что постарается вымолить жизнь высокому пленнику.

Между тем доносы на Ёсицунэ, мирно беседовавшего в дороге с пленником, росли как снежный ком. В конце концов Ёритомо изменило спокойствие. Он приказал собрать к своему замку несколько тысяч самураев. Встреча для победителя дома Тайра оказалась неожиданной и позорной. На заставе, у рогаток, воздвигнутых воинами, поезд князя остановили.

— Князя Мунэмори с сыном приказано доставить во дворец, — сухо сообщил начальник заставы, — а господину Ёсицунэ велено отойти назад, на половину дневного перехода, и ждать дальнейших указаний в деревне Косигоз, у перевала.

Ёсицунэ роптал в деревне, окруженный горсткой слуг, он раскаивался в том, что дал заманить себя в ловушку, поверив в дружбу старшего брата, но изменить ничего не мог: деревня была окружена отрядами самураев Ёритомо. Бежать было некуда: его собственная армия была далеко и лишена вождя. Неизвестно, намеревался ли в самом деле Ёсицунэ захватить власть либо довольствовался бы второй ролью в государстве, но теперь ему не оставалось ничего иного, как писать длинные, сохранившиеся в изложении древних авторов письма брату с заверениями в верности и просьбами о встрече. Ёсицунэ не учел горького урока, который преподавал ему Кисо. И теперь не знал, чья судьба горше: пленника Мунэмори, который еще

вчера вымаливал у него жизнь, мальчика, которому отрубили голову на берегу реки, или его самого — победителя дома Тайра.

Ёритомо приказал привести Мунэмори. Тот покорно склонился у его ног. Минамото источал лицемерие, как патоку: он говорил, что жизнью своей обязан правителю-иноку, который мог бы казнить его, но сжалился. Он клялся, что поднял руку на дом Тайра, только выполняя высокую волю императора, и глаза его улыбались, потому что раздавленный глава рода Тайра не смел возразить, что утонувший император Японии, его собственный племянник, никогда не издавал приказов, осуждающих на смерть дом Тайра.

— Я рад, что ты жив и рядом со мной, — закончил Ёритомо свою речь и знаком руки велел увести пленника.

Назавтра последовал неожиданный приказ Ёритомо: в знак прощения отправить обратно в столицу всех — и Ёсицунэ, и обоих пленников. Князь Мунэмори взбодрился: приятно верить, что противник оказался великодушен. Князь Ёсицунэ внешне возрадовался, но насторожился.

Его брат не умел прощать — значит, прощение было тактической уловкой. Но что оно означало?

Теперь, глядя на эти события с расстояния в восемьсот лет, можно предположить, что Ёритомо испугался. Испугался армии, которая боготворила Ёсицунэ, испугался феодалов, которые не хотели междоусобиц, испугался членов собственного рода, в преданности которых был не уверен. Ёритомо предпочел еще подождать, чтобы расправиться с братом чужими руками.

Итак, мирная процессия — вчерашний победитель и два его знатных пленника — медленно двигалась к Киото.

Кортеж охраняли отряды верных Ёритомо самураев. И у них были свои приказы, о которых не знал Ёсицунэ.

Когда до Киото оставался день пути и Мунэмори

совсем воспрянул духом, остановились на ночлег на постоялом дворе. И тут в комнату к Тайра вошел самурай, который сообщил ему, что снаружи его дожидается монах.

— Зачем монах? Что ему нужно?

— Он должен поговорить с тобой, князь, и подготовить тебя.

Самурай поклонился и вышел. И князь понял, что его жизнь подошла к концу.

Монах тихо говорил о бренности жизни. Мунэмори смирился с судьбой и только спрашивал, когда самурай, проклиная темень и холодный ветер, вели его по пыльной дороге к пустырю за деревней:

— Моего сына уже убили? Мой сын еще жив?

И когда его поставили на колени и самурай, зайдя сзади, занес меч, князь успел повторить вопрос:

— Моего сына уже убили?

А сын был еще жив. Его вывели следом. Юноша, гордо шагая впереди палачей, спросил только:

— Как принял смерть мой отец?

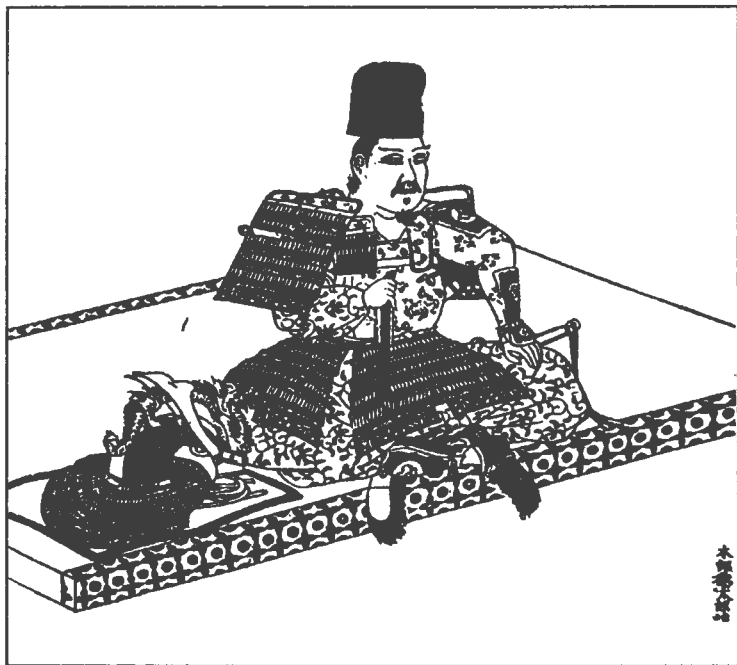
— Он принял смерть достойно, — ответил монах, которому пришлось сопровождать оба шествия на казнь.

— Тогда мне больше не о чем печалиться в этом мире, — произнес юноша.

И его убили.

Когда Ёсичунэ прибыл в столицу, он увидел, что многое там изменилось. Верные ему отряды удалены из города, их сменили воины из северных земель, присланные Ёритомо. Да и столица потускнела, ведь теперь вельможи стремились в новый двор — в Камакуру, жизнь и благосостояние зависели от слова Ёритомо. У императора-инока оставалось лишь несколько стариков из потерявшего силу рода Фудзивара. Так Ёсичунэ, вместо того чтобы попасть в центр страны, оказался в ссылке, только место этой ссылки называлось городом Киото. Городом, населенным теньями власти. И он сам стал одной из этих теней.

Но это не означало, что Ёритомо простил и забыл.

Ёритомо из рода Минамото, первый сёгун Японии.

Вскоре он послал в Киото монаха по имени Тосаба, приказав ему добиться встречи с Ёсицунэ и убить его. Но Ёсицунэ разгадал замысел, и монаха казнили.

Следующим убийцей Ёсицунэ должен был стать известный самурай Нориёри. Но тот не посмел выполнить приказ Ёритомо. Он спрятался в своем имении и оттуда писал сёгуну письма с выражением преданности. Так что Ёритомо пришлось послать наемных убийц к непослушному исполнителю. Так погиб Нориёри.

Было ясно, что Ёритомо не откажется от попыток убить брата. И когда до Ёсицунэ дошли слухи, что против него собирают армию, он кинулся к императору-иноку с просьбой о помощи. Госиракава боялся

обоих братьев. Он послушно издал указ о передаче Ёсицунэ острова Кюсю и походе против Ёритомо, что не помешало ему вскоре, когда в Киото вошло войско Ёритомо, подписать эдикт о казни Ёсицунэ. Госиракава старался удержать престол любой ценой. И если эти Минамото решили истреблять друг друга — тем лучше.

Ёсицунэ метался по Японии, пытаясь собрать войско. В конце концов он нашел приют в доме старого друга, феодала из рода Фудзивара. Он надеялся, что брат не станет портить отношения с кланом Фудзивара. Ёритомо сделал иначе. Он послал приказ владельцу замка убить Ёсицунэ. Разрываясь между долгом гостеприимства и повиновением могущественному властителю Камакуры, тот в конце концов решился. Его самураи отрубили гостью голову. Голову послали в Камакуру.

Вскоре после того как Ёритомо получил отрубленную голову брата, он обвинил Фудзивара в том, что тот слишком долго колебался, прежде чем выполнил приказ. Его замок был взят штурмом, а сам он был казнен. К тому времени власть Ёритомо над страной стала неоспоримой, так что никто его публично не осудил. Осуждали только шепотом, с оглядкой, опасаясь шпионов и доносчиков.

Теперь следовало найти и истребить последних членов рода Тайра.

Главной добычей считался сын князя Корэмори — Рокудай. Мальчику исполнилось двенадцать лет, и вскоре он мог стать мстителем за отца.

Известно лишь было, что, узнав о самоубийстве мужа, госпожа Корэмори бежала с детьми из столицы и скрывается где-то в деревне. Были поставлены на ноги все шпионы, большая награда обещана тому, кто сообщи́т местонахождение детей Корэмори.

Через несколько месяцев упорных поисков удалось установить, что мать с детьми прячется в Ирисовой долине, в маленьком монастыре.

Монастырь был окружен отрядом самураев. Несмотря на стенания женщин, мальчика схватили и увезли в столицу. Известие об этом тут же полетело к Ёритомо.

Идея, как спасти мальчика, пришла в голову кормилице. Она узнала, что неподалеку живет бывший наставник Ёритомо, отшельник Монгаку, который не боится ни князей, ни императора.

Кормилица прибежала к монаху и рассказала ему обо всем, что случилось. Она объяснила, что мальчику грозит неминуемая гибель — Минамото не щадят детей Тайра, — и умоляла взять его в ученики. Выслушав женщину, монах заявил, что хватит кровопролития и жестокости: это погубит Японию. Пора наконец прекратить войну с детьми.

И, сказав так, он взял посох и отправился в столицу.

Там он сразу прошел к наместнику, и тот объяснил монаху, что у него есть приказ отыскать и убить всех детей Тайра мужского пола и что первым в этом списке стоит Рокудай. Монах попросил наместника отложить казнь мальчика на двадцать дней. За это время он доберется до Камакуры и поговорит с Ёритомо. Некогда Ёритомо поклялся при свидетелях, что выполнит любую просьбу монаха.

Наместник согласился ждать и отсрочил казнь Рокудая.

Рассказывают, что Монгаку задержался в пути и, когда миновал двадцатый день, Рокудая вывезли за город, чтобы казнить. И уже был занесен меч палача, когда показался скачущий на гнедом коне монах в черной рясе. В руке он держал свиток — приказ Ёритомо отдать мальчика в учение праведному Монгаку.

После этого Рокудай прожил несколько лет в обители Монгаку. Соглядатаи Ёритомо подробно доносили о его жизни — ведь он был последним из Тайра. Весьма встревожила Ёритомо весть о том, что юноша, приняв постриг, отправился в паломничество

и посетил те места, где погиб его отец. С Рокудаем пора было кончать — милость тирана тоже имеет пределы.

Рокудая привезли к Ёритомо, и тот велел его зарубить. Так погиб последний представитель некогда могучего рода Тайра.

Молодая императрица, мать Антоку, которой не удалось утопиться во время морского сражения, постриглась в монахини. Она прожила в монастыре несколько лет, и известно, что император-инок Госиракава приезжал к своей невестке. Она умерла вскоре после этого визита. В 1192 году умер и Госиракава, дожив до шестидесяти шести лет. Всю жизнь он плел интриги, чтобы сохранить престол и хотя бы видимость власти. Он сохранил и то, и другое, потому что никому уже не был опасен.

Через семь лет, не старым еще человеком, умер и сам Ёритомо. Старший сын его был не способен к управлению страной, и, пока шла борьба за власть между сыновьями и внуками сёгуна, Японией фактически правил наместник Киото из клана Ходзё. И даже после того как был избран новый сёгун, наместник удержал власть за своим родом.

Так что не прошло и двух десятилетий со дня битвы в Симоносекском проливе, как в живых не осталось ни одного из героев этой трагедии.

СМЕРТЬ ТИРАНА

Образ Японии как замкнутого государства, отрицающего все чужеземное, для средних веков неточен. Япония — часть дальневосточного мира и полноправный торговый партнер Китая. В Южной Японии были районы, издавна населенные китайцами, а отношение к китайской цивилизации, науке и литературе было почтительным отношением талантливого ученика к старому и мудрому учителю. До XIII века конфликтов с Китаем почти не происходило — об этом позаботилась природа, создавшая достаточно широкий водный барьер. Когда же в XIII веке Китай подчинился отпрыскам Чингисхана, которые спешили раздвинуть границы своей империи до краев мира, громадный китайский флот двинулся к берегам Японии. На помощь ей пришел камикадзе — Божественный ветер, разметавший по морю и потопивший флот завоевателей. Остатки же армии вторжения японцы разгромили, не пустив внутрь страны.

Но если завоеватели не смогли проникнуть в Японию, то купцы плавали туда регулярно. Нам порой кажется с высоты нашего самоуверенного века, что восемьсот лет назад корабли были крошечными и становились игрушкой ветра и волн, стоило им отойти подальше от берега.

Действительно, в Европе в те годы больших кораблей не строили. Но это не мешало ладьям викингов достигать Гренландии и даже Америки,

огигать Европу и проникать в Средиземное море. К тому же величина корабля всегда относительна. Суда генуэзских и венецианских купцов были достаточно мореходны и вместительны, чтобы поддерживать торговлю с Востоком, перевозя тысячи тонн грузов. Их хватило, кстати, на то, чтобы перевезти в Палестину английскую и французскую крестоносные армии — не только воинов, но и тысячи коней, массу припасов и снаряжения, вплоть до тяжелых осадных машин.

Однако европейские суда далеко уступали азиатским. И чем дальше на восток, тем крупнее и вместительнее корабли становились. Ведь морские торговые пути по Индийскому океану и далее к Китаю и Японии существовали издревле, и корабли перевозили не только пряности или благовония. Достаточно вспомнить о пункте договора между Паганом и Цейлоном, по которому бирманцы обязывались давать слона за каждый цейлонский корабль с грузом. Причем, разумеется, каждый из этих кораблей вез не только слона.

Корабли были трех- и четырехмачтовые, с несколькими палубами, на некоторых из них помещалось более тысячи пассажиров, и они могли брать большой груз. Известно, например, что одна из древних китайских морских экспедиций, добравшаяся до Африки, привезла оттуда жирафов.

Знаменитыми кораблями были жители Явы и Суматры — они, пожалуй, строили самые большие суда на Востоке. Немалый флот был и у Японин, причем помимо быстрых и хищных галер, подобных тем, что сражались в морских битвах между кхмерами и тьямами, в его состав входили и тяжелые грузовые суда, плававшие к берегам Китая и Явы.

Масштабы и значение морского торгового пути, протянувшегося параллельно Великой шелковой дороге от Испании до Японии, стали ясны лишь в нашем веке.

Это не значит, что ранее никто не знал о морских

путешествиях восточных народов. Были известны записки китайских пилигримов и моряков, не было тайной и то, что арабские купцы добирались до Индии и островов Пряностей. Даже сказки о Синдбаде-мореходе не оставляют сомнений в том, что арабы не ограничивали свои странствия тропами пустынь.

И все же в сознании европейца открывателем морского пути в Индию оставался Васко да Гама, как первопроходцем в Китай — Марко Поло.

Действительное открытие средневекового арабского мореплавания — заслуга французских ученых Г.Феррана и М.Годфруа-Демонбина и советских — И.Ю.Крачковского и Т.А.Шумовского. Последний, посвятивший жизнь изучению истории арабских морских путешествий, в своих книгах «Арабы и море» и «По следам Синдбада-морехода» смог создать невероятную по богатству картину арабского мореплавания.

Судя по всему, основным толчком к расцвету морского дела у арабов стало создание Арабского халифата и превращение его в мировую державу, судьба которой была тесно связана с морем. Уже в 651 году из Аравии в Китай было направлено первое посольство. В последующие десятилетия арабы все чаще появлялись в портах Индии, Индокитая, Китая. Причин тому было две. Во-первых, создав гигантскую империю со множеством портов, арабы стали монополистами на торговых путях, и как перечень, так и количество товаров, которыми они распоряжались, многократно возросли. Во-вторых, раскол внутри арабского мира, войны и династические перевороты, религиозная вражда привели к тому, что резко усилилась эмиграция с Ближнего Востока. Эмигранты создавали поселения вдоль морского пути, становившиеся базами для арабских купцов.

Одновременно с арабскими моряками и купцами в плавание отправлялись и их персидские коллеги.

Важнейшими портами в начале морского торгового пути были арабские Маскат и Басра, а также персидский Сираф. Именно в эти пункты стекались товары

со всего Средиземноморья, чтобы двинуться на восток, навстречу потоку товаров из Китая, с Малайского архипелага, из Индии...

Исследуя арабские рукописи, ученые почерпнули из них сведения о Борнео и Малайе, Мальдивских островах и Мадагаскаре, портах Китая и даже о Корее.

Сегодня можно убежденно говорить, что рассказы о Корее, одной из самых восточных точек на Великом торговом пути, основывались не на слухах, не на сведениях, полученных из третьих рук. Как в прибрежных портах Китая, так и в Корее жило немало арабов. Туда перебрались морским путем еще в начале VIII века сотни арабских семей, последователи Али ибн Абу Талиба, четвертого «праведного» халифа и первого шиитского имама. Они бежали на Восток от преследований в халифате Омейядов.

В рассказах о Корее она рисуется обычно как чудесная страна, изобильная и мирная. Колония в Корее процветала сотни лет — о ней писали арабские авторы и в XIV веке. Много арабов осело и в государстве Тямпа в Индокитае. По сведениям средневекового географа ад-Димашки, треть жителей той страны — выходцы из арабских краев. Пускай ад-Димашки преувеличивает, но можно не сомневаться, что арабы в Индокитае были значительной этнической группой.

Чаще всего впечатляют не перечисление и цифры, а детали.

Арабские авторы, плодovитые и работающие, не только излагали известные им факты и легенды, но и любили порассуждать. И некоторые из рассуждений больше говорят об информированности писателя, чем географические описания. Например, ал-Магриби, автор XIII века, закончивший мусульманский университет в Севилье, а затем продолживший образование в Багдаде, в одном из своих трудов излагает теорию о великом переселении народов в районе Индийского океана. Он доказывает, что в древности переселение шло по периферии Индийского океана, причем аргу-

Прически киданей. С китайской фрески XII века.

ментирует, в частности, этимологическими данными, отыскивая параллели между словами «кхмер», «кумр» (Мадагаскар), «Камерун». Для того чтобы рассуждать подобным образом, надо представлять себе ситуацию во всем бассейне Индийского океана.

Но еще более удивляет книга арабского историка и путешественника X века ал-Масуди. Он делится своими соображениями по поводу того, что на берегу острова Крит были найдены обломки тиковых досок, связанных волокнами кокосовой пальмы. Ал-Масуди отлично знает, что тиковое дерево находило применение в кораблестроении в Юго-Восточной Азии, а волокнами кокосовой пальмы пользовались при строительстве судов в Китае и Индонезии. Следовательно, пишет ал-Масуди, Средиземное море соединяется

проливом с Индийским океаном, иначе как бы китайскому кораблю разбиться у острова Крит?

Такого пролива, разумеется, не существовало. Но логика и объем знаний арабского автора внушают уважение.

Кстати, как мог китайский корабль попасть в Средиземное море? Неужели вокруг Африки?

К Мадагаскару китайские суда ходили...

Конец XII века — не самый лучший период для великих торговых путей древности. Страны Юго-Восточной Азии и Япония переживают сложные времена, периоды войн, что всегда дурно отзывается на торговле.

На территории Китая также происходили бурные события, подрывавшие торговлю на Великом шелковом пути.

Они были связаны с возвышением чжурчжэней.

Чжурчжэни жили в лесах на севере Маньчжурии. Их предки — племена мохэ, создавшие свои государства на реке Сунгари и в долине Амура. Города и селения этих и родственных им народов раскапывают наши археологи на Дальнем Востоке, там обнаружены мастерские литейщиков, ювелиров и оружейников.

Чжурчжэни жили родами, некоторые — в лесных поселках охотников и рыболовов, другие, южнее, кочевали со своими стадами. О них известно немало, так как они были северными соседями Китая и китайцы внимательно наблюдали за ними, дабы пресечь возможную опасность их усиления.

Один из китайских летописцев так говорит о них: «Сильные — все были воинами. В мирное время все трудились — пахали, ловили рыбу, охотились на зверя. При появлении опасности посылали приказ племенам и отправляли гонцов, чтобы собирали войска. Пешие и конные — все готовились».

Армия формировалась по родовому принципу.

«Главу племени называют боцзинь, — продолжает летописец, — в походе племя называют мэньянъ и моукэ. Эти названия даются соответственно с числом

Чжурчжэни. С китайской фрески XIII века.

выставляемых воинов. Мэнъянь выделяет тысячу мужей, моукэ — сто».

Чжурчжэни были окружены воинственными соседями. С юга нажимали китайцы, на западе нависала держава степного народа киданей, на востоке лежало корейское царство Корё, на севере жили родственные,

но далеко не всегда дружественные племена. В этих условиях у чжурчжэней складывается военная организация, весьма эффективная и самобытная.

Приведем описание военного совета чжурчжэней, сделанное китайским писателем:

«Когда в стране случится важное дело, собираются в поле, садятся в круг, чертят на золе и так совещаются, начиная с низших. По окончании совета уничтожают начерченное. Поскольку не слышно человеческого голоса, все остается в тайне. Когда отряд выступает, устраивают большую сходку с угощением. Велят людям давать предложения. Предводитель слушает и оценивает. Тех, чьи советы подходящи, и назначают на это дело. Когда отряд возвращается, устраивают большую сходку, выпрашивают об отличившихся и награждают их золотом, сообразуясь с указаниями членов отряда. Если члены отряда найдут, что мало, — добавляют еще».

В походе, рассказывают современники, все, без различия должности и родства, едят вместе, одинаково чистят и кормят лошадей — никто не должен выделяться. Если в отряде во время похода погибает командир, все члены отряда наказываются, вплоть до смертной казни.

Железная дисциплина помогла чжурчжэням выстоять в борьбе с соседями и, когда настало их время, перейти в наступление.

В начале XII века, отразив напор киданей, чжурчжэни столкнулись с корейским царством Корё. Численность чжурчжэней росла, они расселялись на соседних землях, вытесняя более слабые племена, и в конце концов проникли на земли Кореи. Когда корейские отряды попытались вытеснить чжурчжэней, те собрали ополчение и нанесли им поражение, хотя корейцами командовал знаменитый генерал Юн Гван.

Тогда корейцы собрали армию в сто семьдесят тысяч человек. Ее поддерживал военный флот: Корё была сильной морской державой.

Прежде всего Юн Гван пригласил на переговоры

чжурчжэньских старшин. Во время пира сидевшие в тишине корейские воины неожиданно набросились на гостей и перебили четыреста человек. Чжурчжэньская армия была обезглавлена. После недолгих боев отряды чжурчжэней рассеялись по степи.

Юн Гван, как следует из надписи на стеле, воздвигнутой в его честь, взял в плен пять тысяч чжурчжэней, захватил триста быков и сто коней.

Из всего этого можно сделать два вывода. Во-первых, уже в начале XII века чжурчжэни были столь сильны, что корейцам пришлось двинуть против них большую армию. Во-вторых, победа Юн Гвана была эфемерной. Триста быков да сто коней — невелика добыча. Чжурчжэни сохранили силы.

И доказательство тому — дальнейшие события.

Юн Гван воздвиг на границе с чжурчжэнями девять крепостей, чтобы отражать возможные набеги. Но чжурчжэни против каждой из крепостей построили свою. Блокировав корейскую пограничную линию, они прервали сообщение между крепостями, и граница была вновь открыта для их набегов. Кончилась эта война тем, что корейцы согласились скрыть крепости и отступили к старой границе. Был заключен мир, и в последующие годы чжурчжэни могли не беспокоиться о тыле.

Создание чжурчжэньского государства связано с именем Агунды, который первым принял звание верховного вождя. После удачной войны с киданями он издал любопытный манифест:

«Кидани называют свое государство Биньте — Стальное, имея в виду его крепость. Хотя сталь и крепка, но со временем она ржавеет и становится ломкой. Только золото, цзинь, никогда не меняется и не ржавеет». Поэтому Агунда назвал свое государство Цзинь — Золотое.

В последующие годы чжурчжэни в войнах с киданями, империя которых доживала последние дни, выступали вместе с китайцами. Но когда общий враг

был разгромлен, обнаружилось, что чжурчжэни настолько усилились, что угрожают уже самому Китаю.

Война с Сунской династией вначале принесла чжурчжэням крупные успехи. Сунский Китай, закосневший под властью корыстных чиновников, управляемый измельчавшими, бездарными императорами и придворными кликами, не осознававшими разрыва между имперским величием, в духе которого они воспитывались, и тяжелой реальностью мира, где над северными границами империи нависли сильные молодые государства, не смог оказать сопротивления чжурчжэньским всадникам. Чжурчжэни же включили в свои ряды многие маньчжурские племена, покорили киданей, установили власть над восточной частью Великой степи, и их ресурсы многократно возросли. Сказочные богатства китайских городов были приманкой для степняков.

Китайские армии сопротивлялись вяло, чжурчжэням сдавались города, и наконец в 1126 году пала столица Сунов — Бяньцзин. Чжурчжэням досталась уникальная добыча: в плен попали сразу два китайских императора — император-отец, отрекшийся от престола в пользу сына, и император-сын.

Пленников привезли на север, где им были выделены небольшие владения. Императоры прожили в плену много лет. Неоднократно послы из Южного Китая старались выкупить или иным способом освободить повелителей Вселенной, даже привлекали в качестве посредника царя Корё. Но чжурчжэни пленников так и не отпустили. А в 1161 году тиран Дигунай их казнил.

Следующие десятилетия прошли под знаком частых войн между империей Цзинь, овладевшей северной частью Китая, и Сунами, которые держались южнее реки Янцзы. Ни одна из сторон не могла нанести другой решающего поражения. Как только чжурчжэньские войска углублялись далеко на юг и отрывались от своих баз, сунские полководцы громили их и заставляли отступить. Попытки же Сунов

отвоевать Северный Китай также не приводили к успеху. За эти годы империя Цзинь в значительной степени окитаилась. Чжурчжэни, владевшие теперь громадной страной, переняли у китайцев методы управления, чиновничьи порядки и даже образ жизни. Попытки же чжурчжэньских императоров возродить древние обычаи, язык и нравы доброго старого времени провалились. Чжурчжэни в империи Цзинь составляли меньшинство населения и постепенно все более растворялись в китайской среде. К концу XII века можно уже говорить о существовании двух Китаев: Северного — империи Цзинь и Южного — империи южных Сун.

Последняя попытка нарушить это равновесие и объединить весь Китай связана с именем деспота Дигунай.

Цзиньский император Си-цзун был сторонником китайского образа жизни, полагая, что только так чжурчжэни смогут удержать власть в империи. Система управления была перестроена по китайскому образцу, был создан свод законов, также основанный на китайских установлениях. Своей задачей Си-цзун считал стабилизацию положения в стране. Походы на юг, как бесперспективные, он прекратил. В 1143 году случилось несчастье: погиб его любимый сын и наследник. Император запил. Редко его видели трезвым, а уж о том, чтобы выйти из дворца, он и не помышлял. Пьяному императору всюду чудились заговоры и интриги.

Самым близким императору человеком был его двоюродный брат Дигунай. Он не только оказался славным собутыльником, но и всегда мог сообщить о новом заговоре, о новом гнезде китайских шпионов, окопавшихся при дворе. Все чиновники и военачальники оказывались куда менее бдительными, чем Дигунай. Они могли проморгать заговор, который созревал во дворце, особенно если во главе его стояли старые сподвижники или родственники императора. Лишь бдительный Дигунай открывал глаза Си-цзуну.

Распив очередную порцию рисовой водки, он вынимал из рукава своего халата свиток с именами заговорщиков, и благодарный император, обливаясь пьяными слезами, спешил подписать указ о новых казнях и ссылках.

Дигунай, зная его влияние на Си-цзуна, боялись все. Но попытки его устранить или убить проваливались. Император охранял своего любимца даже больше, чем самого себя. Если что-нибудь случится с Дигунаем, как узнаешь, кто тебе друг, а кто — враг?

Тем временем, уничтожая соперников на пути к власти, Дигунай расчищал себе дорогу к императорскому трону. Нужный день наступил в 1149 году, Дигунай хладнокровно убил императора и занял престол. Соперников не было. Кто оставался в живых — затаились.

Правда, убийство императора прошло не столь гладко, как того хотелось Дигунаю. Возмущение охватило рядовых воинов, армия отказывалась подчиниться Дигунаю. Шокированы были и соседние страны, некоторые даже отзывали своих послов из столицы империи Цзинь.

Но Дигунай уже не мог остановиться. Он развязал такие процессы и казни, что предыдущие репрессии показались детскими шутками. Он перебил всех родственников императора (разумеется, своих тоже), а также уничтожил глав всех чжурчжэньских родов. Не пожалел он даже собственную мачеху. Все имущество репрессированных шло в казну, все родичи отправлялись в рабство, все родственницы, кроме старух, передавались в гарем императора.

Но чем больше свирепствовал Дигунай, тем больше он боялся мести, тем более становился похожим на своего предшественника. Он столько раз в своей жизни придумывал фиктивные заговоры, что сам уже начал верить в то, что они кипят вокруг него. Каждый дом в столице, каждый темный угол казался ему источником опасности. Если он смог так легко убрать императора, неужели не найдется желающего сделать

то же самое и с ним? И потому он совершил два логичных в его положении шага. Вначале он казнил всех тех князей, которые помогли ему разделаться с императором. А затем обвинил в заговоре против себя всю столицу империи.

Столица была жестоко наказана. Все ее дома и дворцы были снесены, а земля распахана. В 1157 году Дигунай перенес столицу в Чиньцзин (Пекин). Пекин стоял в китайских землях — до собственных, чжурчжэньских, родовых, было далеко. Дигунай чувствовал себя спокойнее среди китайцев, чем среди единоплеменников.

При этом Дигунай занимался кипучей административной деятельностью. Он преобразовал чиновничью систему, убрал с высоких постов большинство чжурчжэней и заменил их китайцами. Чтобы показать свою власть не только над живыми, но и над казненными, он понизил в ранге всех репрессированных вельмож. На могилах тех, кто был казнен, всенародно зачитывались указы о разжаловании.

Террор Дигуная и тех палачей и доносчиков, которые вились вокруг него, спокойствия стране не подарил. Все, кто мог, бежали от безжалостной руки императора и скрылись либо в лесах северных провинций, искони населенных чжурчжэнями, либо в соседних странах. Сборщики налогов свирепствовали в городах и деревнях, силой отбирая последнее и карая непокорных.

Дигунай знал о всеобщем недовольстве и искал способ покончить с ним. Он решил, что лучшим выходом будет победоносная война, которая должна продемонстрировать всему миру, что Дигунай — истинный повелитель Вселенной.

И пока придворные поэты сочиняли оды о его величии и мудрости, а дипломаты твердили о его миролюбии, Дигунай готовил грандиозную войну.

Он действовал с размахом настоящего тирана. У крестьян были конфискованы все лошади и быки. Неисчислимые табуны стягивались к ставке императо-

ра — формировалась конная армия. Быков закалывали тысячами, чтобы из их жил делать тетивы для луков, а шкурами обтягивать щиты.

Деревни и города опустели. Все жители империи мужского пола от двадцати пяти до пятидесяти лет были мобилизованы. В 1158 году перестал даже функционировать Великий шелковый путь: если караван достигал границ империи Цзинь, все его товары, коней и верблюдов реквизировали, а купцов казнили либо забирали в армию.

Пожалуй, в истории человечества еще не было столь грандиозных приготовлений.

Реакция на них была естественной: повсюду начались восстания. Истребляли сборщиков налогов и начальников рекрутских команд, отбивали скот и лошадей. Поэтому в течение тех двух лет, которые заняла подготовка к походу, император значительную часть своей армии использовал для подавления мятежей. У тех, кто не хотел идти в армию, было два выхода — либо бежать в леса, либо погибнуть от руки палача.

Уходили из-под власти империи целые народы. Например, кидани, чтобы не участвовать в походе, откочевали к монголам и в государство тангутов Си Ся.

Поход должен был стать неожиданностью для сунского Китая. Поэтому была закрыта граница с государством Сунов и запрещено торговать в пограничных городах. Заградительные отряды следили за тем, чтобы даже мышь не пересекла границу. Когда же сунский посол отправился с обычной ежегодной поездкой на юг, то по возвращении его в Пекин Дигунай приказал посла казнить — за разглашение государственной тайны. Повелел он казнить и всех китайских пленников, включая обоих императоров. Разумеется, на юге отлично знали о приготовлениях Дигуная, и у китайцев было время собрать армию.

К 1161 году приготовления к походу были закончены. Теперь следовало отыскать предлог для начала

*На улице китайского города в праздничный день.
С фрески XII века.*

победоносной войны. Агрессоры малоизобретательны. Дигунай также не отличался оригинальностью. Он обвинил империю Сун в укрытии бежавших от цзиньского правосудия политических преступников, а также в «злонамеренном укреплении границы».

В 1161 году шестисоттысячная армия перешла границу и медленно двинулась к югу.

Все достоинства этой армии заключались лишь в ее многочисленности. Она держалась на страхе солдат

и офицеров перед палачами и доносчиками. Воевать никто не хотел, и при первой возможности солдаты разбегались. Неудивительно, что этот чудовищный поход с самого начала был отягощен неудачами.

Дигунай не доверял никому из своих генералов и вмешивался во все их действия. Притом генералов периодически выборочно арестовывали и казнили, что не повышало качества командования.

Первым погиб цзиньский флот, который должен был поддерживать армию. Дигунай счел это досадной мелочью, так как, по его убеждению, созданная им армия была столь велика, что любые потери были ей не страшны. Он приказал войскам переправиться через Янцзы, не обеспечив их достаточными средствами для пересечения километровой водной преграды. Сунский флот, подтянутый туда, истреблял солдат, сгрудившихся на лодках и плотках, как муравьев. Операция сорвалась. Армия застряла на левом берегу реки.

Дигунаем овладел гнев. Он твердо верил, что причинами провала были бездарность его полководцев и, разумеется, деятельность сунских шпионов. Начались новые казни. Армия стояла, разлагаясь и все более поддаваясь унынию.

И тут случилось то, что должно было случиться.

Один из генералов, оставленных на севере, провозгласил императором двоюродного брата Дигуная, Улу, чудом уцелевшего при репрессиях. Дигунай совершил ошибку, свойственную тиранам. Он переоценил свои силы и мощь армии, с которой покинул страну. И недооценил глубину всеобщей ненависти к себе.

После того как известие о перевороте распространилось в армии, стало ясно, что новая попытка переправиться через Янцзы бессмысленна. Армия разбежалась. Даже палачи и лизоблюды, даже придворные поэты и куртизанки по ночам покидали лагерь и прятались в окрестностях.

Дигунай всего этого не видел. Он был охвачен

одним желанием — вернуться назад и показать заговорщикам, с кем они имеют дело.

Армии было приказано двигаться на север.

Тая, как снежный ком весной, армия ползла несколько дней, преследуемая сунскими отрядами. И на одной из дней в шатер императора вошли воспитанные им же беспринципные и трусливые фавориты — послушные еще вчера исполнители приговоров и изобретатели фиктивных заговоров. Они накинулись на императора и закололи его. И никто не пришел к нему на помощь. Труп императора выкинули в реку. Величайший поход завершился.

Прошли века, о Дигунае немало написано историками. Как любой крупный тиран, он интересует ученых и писателей. И что любопытно: существуют статьи, в которых говорится, что Дигунай был личностью прогрессивной, потому что уничтожал родовую знать и вельмож. Авторы этих статей забывают о том, что он уничтожал всех, виновных и безвинных, лишь с одной целью — удержаться на троне. И если ради этого нужно было уничтожить целые народы — он ни секунды не колебался.

Преемник Дигуная — Улу, принявший императорское имя Ши-цзун, старался наладить жизнь государства.

Ши-цзун вернул столицу на север, ближе к чжурчжэньским землям. Он отдал под суд палачей, лизоблюдов и доносчиков, воспитанных Дигунаем, не сделав исключения даже для тех, кто убил императора. Всех казненных и брошенных в тюрьмы при Дигунае реабилитировали, их семьям было возвращено имущество. А для того чтобы восстановить разрушенное хозяйство страны, он на три года отменил налоги.

Что касается южных Сун, то они, полагая, что наступил удобный момент, двинули свои армии на север. Их войска одержали несколько побед и далеко продвинулись в глубь цзиньской территории, но в 1163 году потерпели поражение, и в следующем году

между двумя империями был заключен мир. Этот мир сохранялся сорок лет.

Ши-цзун немало сделал для укрепления государства, привлекая достижения китайской цивилизации, но и сохраняя чжурчжэньские обычаи и законы.

При нем возрождается Великий шелковый путь, и в китайских городах снова слышна арабская, персидская, даже итальянская речь — растут и богатеют торговые кварталы.

Ши-цзун умер в 1189 году, и его преемники продолжали политику мира с Сунами и корейцами и старались сохранять власть над Степью.

Но это им удавалось лишь до тех пор, пока в Степи не появилась новая сила, стремившаяся к завоеваниям.

Этой силой были монголы.

ГОЛОДНЫЙ ВОЛЧОНОК

Грандиозный взлет татаро-монгольской империи связан с именем Чингисхана, владения которого, вернее, владения его сыновей по площади превышали любую другую державу, существовавшую в мировой истории. Имя Чингисхана стало синонимом вторжения с востока, которое затопило Великую степь, сокрушило Китайскую империю, Арабский халифат, Хорезм, Иран, Грузию, княжества Руси и заглохло в центре Европы.

Величайший завоеватель Чингисхан был современником и даже почти ровесником князя Игоря, грузинской царицы Тамары, Ричарда Львиное Сердце и многих других действующих лиц этой книги, но он позже них пришел к власти и во времена, когда человеческий век был вдвое короче, чем сегодня, многих пережил.

Истинный взлет Чингисхана, когда имя его стало известно за пределами Степи и армии его пошли на штурм городов, падает уже на начало XIII века, когда он был немолодым человеком. А до того он оставался одним из монгольских вождей, не самым сильным и часто гонимым. Иным королям и князьям, о которых говорится в этой книге, с рождения было предопределено властвовать. Жизнь Чингисхана много раз грозила оборваться — куда логичнее ему было погибнуть в неизвестности, уступив дорогу более знатным и счастливым.

И эта несчастливая жизнь выковала человека, который столько раз видел, как мало значат слова «честь», «благородство», «преданность» и «великодушие», что он отверг эти человеческие качества как лишние, мешающие одолевать врагов. Он презрел законы общества, которое было к нему столь жестоко, смог опереться на таких же, как он сам, изгоев. Он поклонялся только силе и, став самым сильным, не терпел соперников.

Чингисхан родился примерно в 1160 году, может, чуть позже: разными источниками дата рождения завоевателя мира указывается в промежутке между 1155 и 1162 годами.

Монголы занимали тогда примерно ту же территорию, что и сегодня, и делились на несколько племен. Во главе племен стояла аристократия — багатуры (богатыри) и нойоны (господа). Они правили кочевыми родами, члены которых делились на нокоров (или нукеров), то есть полноправных воинов, и рабов. Рабами были военнопленные и члены обедневших, обессилевших родов. А так как общество это было слабо развито и слабо дифференцировано, то рабство было условным и порой раб мало чем отличался от свободного бедняка. Рабы обычно были домашней прислугой, пастухами.

Принадлежность к роду была выше всего. Род владел пастбищами, род брал на себя кровную месть, род защищал и карал. Общего, единого государства у монголов не было, да и не было в нем исторической нужды: степь велика, пастбища обильны, степные соседи чаще всего так же разъединены, как и монголы. Разумеется, случались войны — то с татарами, то с киданями, то с чжурчжэнями и китайцами. Тогда монголы и другие степняки объединялись против общего врага, но союзы эти были чисто военными, они не вели к созданию стабильного государства.

XI и XII века были благоприятными для монголов. Под воздействием громадного климатического маятника, который определяет изменения в атмосфере Земли,

сухие периоды на западе евразийского континента соответствуют периодам увлажнения восточных областей. То, что было благом для Европы и Руси — сухой теплый климат, продержавшийся до начала XIII века, было благом и для монголов: дожди кормили степь. Правда, благо это было относительно — всеобщего блага не бывает. Степь наступала на русские леса, и к русским городам приближались кочевья половцев: иссушение степей на юге, у Каспийского моря, заставляло степняков искать новые пастбища севернее.

Длительный период влажных лет в восточной степи привел к тому, что умножились стада, а следовательно, можно было прокормить больше едоков. Больше рождалось детей и больше вырастало. Население степи сильно увеличилось. Произошел своего рода демографический взрыв, а приложить руки избыточного населения было не к чему — кочевое хозяйство в этом отношении очень ограничено. Да и степь, хоть и широка, не беспредельна. И как только климат стал постепенно изменяться, дождей стало меньше, трава — реже, оказалось, что в степи множество лишних людей.

Эти лишние люди были всегда — в каждом роду появлялись отщепенцы, бунтари, которые по той или иной причине переставали подчиняться строгим и незыблемым древним законам. Такие люди отделялись от кочевья, ставили свои курени, становились как бы хуторянами. Но, отказавшись от контроля родовой верхушки, эти люди лишались и защиты рода — жизнь их была полна опасностей. Некоторые уходили в леса Северной Монголии, занимались там охотой и рыбной ловлей, а то и разбоем. Часть их пыталась вести свое хозяйство, другие сбивались в ватаги — так легче было прожить и найти добычу. Их было немало в обильной степи, но, когда климат начал ухудшаться, жизнь усложнилась в первую очередь именно для этих изгоев.

Отец Чингисхана Есугэй-багатур командовал воинами племени тайджитов. В те годы на власть над

монгольскими степями претендовали чжурчжэни и татары — кочевые соседи монголов.

Есугэй искал союзников, и ему удалось привлечь на свою сторону кераитского хана Торгула. Но тут же он рассорился с другим крупным степным племенем — меркитами.

Случилось это так.

Знатный меркитский воин Эке-Чиледу женился на красавице Оэлун. Свадьбу сыграли у родителей невесты, и Эке-Чиледу, посадив молодую жену в возок, отправился домой. По дороге ему встретился Есугэй. То ли он заглянул в возок, то ли Оэлун раздвинула полог и выглянула наружу — красота ее поразила Есугэя. Он понял, что без этой женщины ему не жить.

И когда Есугэй, не попрощавшись, стегнул коня и помчался прочь, молодые люди встревожились. И поспешили дальше, утешая себя мыслью, что Есугэй больше не вернется.

Есугэй же прискакал в становище к своим братьям и позвал их с собой.

Судя по летописи, Эке-Чиледу путешествовал один. Один был и Есугэй. Есугэй не посмел напасть на молодого мужа, когда силы их были равны. Как настоящий полководец, он предпочитал действовать при перевесе сил.

Описание этого события свидетельствует о том, что по степи монголы передвигались поодиночке: законы степи охраняли путников. И даже военный вождь в мирное время за помощью скакал к братьям — постоянной дружины у него не было.

Через несколько часов Оэлун остановила возок и спрыгнула на траву.

— Я слышу стук копыт, — сказала она мужу. — Это он.

В вечерней степи звуки разносятся далеко.

— Я буду биться, — сказал Эке-Чиледу.

— Нет, — ответила Оэлун. — Они тебя убьют. А девушек в степи много. Ты найдешь новую жену и

назовешь ее моим именем. И будешь думать, что я всегда с тобой.

И тут из-за увала появились всадники — Есугэй с братьями.

Братья достигли возка, когда Эке-Чиледу скрылся за холмом. Есугэй не стал его преследовать.

Через день Оэлун уже была в стойбище Есугэй-багура.

Поднять свое племя против похитителя Эке-Чиледу не смог: Есугэй как раз начал собирать войска для войны с татарами. Но месть обиженного — это месть всего племени; отныне у Есугэя в степи были страшные и непримиримые враги.

Первенец Есугэя родился, когда тот вернулся из похода на татар, захватив в плен знаменитого татарского богатыря Тэмучжина. И потому мальчика назвали в его честь. Всех поразило то, что, когда Тэмучжин родился, в кулачке он сжимал сгусток крови. Все поняли это однозначно: он станет жестоким и кровожадным.

После этого Оэлун с Есугэем прожили девять лет. Жена родила ему еще четырех сыновей и дочь. В день, когда Есугэй решил найти для Тэмучжина жену из другого племени, его дочери Темулуй не исполнилось и года.

Есугэй взял с собой сына и поехал искать невесту. По преданию, он встретил в степи нойона из племени хонкеритов, который, внимательно посмотрев на Тэмучжина, сказал, что из него вырастет славный вождь, а потому он согласен отдать за него свою дочь Бортэ, которой исполнилось десять лет. Есугэю девочка так понравилась, что он оставил сына в стойбище хонкеритов, чтобы тот познакомился поближе с будущей женой. А уезжая, сказал нойону:

— Мой сынок страсть как боится собак. Имей это в виду.

Фраза в устах отца более чем странная. И то, что она попала в «Сокровенное сказание», монгольский средневековый труд, описывающий жизнь Чингисхана,

также необычно. Будущий герой должен быть безупречен. А он, оказывается, трусоват.

Довольный помолвкой, Есугэй отправился домой. И снова он ехал один. Или с такой малой охраной, что о ней летописец не упоминает. Дело было летом, стояла жара, Есугэю захотелось пить. Увидев становище татар, он спешил и попросил напиться. Хотя татары и были недругами, немало натерпевшимися от походов Есугэя, закон степного гостеприимства требовал, чтобы путника угостили. Татары так и сделали, но ненависть их к Есугэю была столь велика, что питье они отравили.

Подъезжая к дому, Есугэй почувствовал себя плохо. К вечеру он понял, что отравлен. Его отпаивали молоком и настоем трав, но на следующий день стало ясно, что жить ему осталось недолго. Есугэй приказал верному дружиннику скакать к хонкеритам, привезти Тэмучжина, который остается старшим в семье. Но Тэмучжин опоздал. Когда он приехал в стойбище, отец уже умер.

И тут же рухнул благополучный мир, в котором рос Тэмучжин.

Тайджиуты вскоре поднялись и ушли, бросив семью Есугэя. Притом угнали скот, лошадей, увезли добро. Когда Оэлун бросилась к вождям племени с обидой, что ее не зовут с собой, она получила такой ответ:

«Хоть бы и позвали, не стоит давать.

Ешь что найдется.

Хоть бы и просила, так не стоит давать,

Ешь что придется».

А когда вслед за уходящими кинулся старый дружинник Есугэя, чтобы пристыдить соплеменников, те ранили его и лишь посмеялись над горестями вдовы.

Так в тридцать лет Оэлун осталась одна, ограбленная, никому не нужная. Патетически рассказывает о ее судьбе «Сокровенное сказание», автор которого,

очевидно, знал семью Есугэя: «...коротко платье поясом подбирала, бегала по реке Онон вниз и вверх, по зернышку собирала, с диких яблонь, с черемухи, копала коренья... Те, которых диким чесноком кормила прекрасная Оэлун, стали отважными сынами и дали друг другу слово прокормить мать... Стали сиживать на крутом берегу, друг для друга ладить удочки...»

Жило семейство Оэлун не в степи, а на границе леса, который в те влажные века занимал куда большую площадь, чем теперь, и мальчики росли как лесные жители. С юных лет они пропадали в лесу, охотились, соорудив себе луки. Голодные, злые, сильные волчата.

Берега реки Онон, где стояла юрта Оэлун, не были пустынными. По соседству кочевали другие роды, даже близкие родственники. Но никому не было дела до бедной вдовы.

Года через два Тэмучжин обзавелся другом: зимой неподалеку стояло племя джаджиратов, и Джамуха, сын вождя, часто играл с Тэмучжином на льду замерзшей реки. Они менялись подарками и потом, как взрослые, поклялись в вечной дружбе. Детская дружба вспыхивает и забывается. Этой суждено было возродиться через несколько лет и сыграть немалую роль в истории Монголии.

От отца Тэмучжин унаследовал полезное для полководца, но в общении с людьми неприятное качество — он предпочитал действовать наверняка. И, только зная, что сильнее, шел до конца.

Как-то Тэмучжин и его брат Хасар удили рыбу и поймали на удочку тайменя. А сводные братья рыбу отобрали. Тэмучжин бросился к матери, требуя, чтобы она вступилась и наказала Бектера и Бельгутаю. Мудрая Оэлун была против этого. Ее поучение звучит в стихотворной передаче летописца так:

«У вас, мои дети... нет друзей, кроме своих теней,
Нет хлыста, кроме коровьего хвоста»

Тэмучжин распалился. Он кричал, что Бектер с Бельгугаем не первый раз обижают их, а недавно отняли жаворонка.

Оэлун выгнала мальчишек на улицу и через несколько минут забыла обо всем: дети всегда ссорятся.

Через некоторое время в юрту вернулся один Хасар, младший, всегда послушный Тэмучжину брат. Он взял луки и стрелы — сказал, что они пойдут в лес на охоту.

А пошли они на поле, за стойбище, где Бектер пас лошадей.

Тэмучжин зашел сзади, Хасар — спереди.

Бектер испугался. Он сел на корточки, закрыл голову руками и стал просить, чтобы его пощадили.

Тэмучжин выстрелил первым в спину Бектеру и крикнул Хасару:

— Стреляй же! Он еще живой!

И Хасар тоже отпустил тетиву.

Бектер упал.

Мальчишки стояли над его телом. Они не знали, что делать дальше.

Потом Хасар заплакал.

По холму бежали люди. Впереди всех — Оэлун.

— Вы дикие псы! Вы волки! — кричала она на своих сыновей. — Вы словно щука, хватаящая исподтишка!

Преступление было страшным. Добро бы случайно, играя, — нет, это было преднамеренное жестокое убийство, совершенное тринадцатилетним мальчиком.

Неясно, решил ли вождь тайджиутов наказать Тэмучжина именно за это. «Сокровенное сказание» не приводит дат. Но если Тэмучжин вскоре после этого не совершил нового проступка, то можно допустить, что племя решило навести порядок в семье своего бывшего вождя. Однажды к становищу подсакали нукеры и потребовали выдать им Тэмучжина. Тэмучжин убежал в лес. Хасар, характером не в брата, стал

Монгольская юрта.

отстреливаться. У него отняли лук, но оставили в покое.

А Тэмучжин скрывался в лесу девять дней. И, только совсем изголодавшись и замерзнув — наступала осень, он вышел из леса и сдался нукерам, которые спокойно ждали у становища, зная, что мальчик вернется домой.

Тэмучжина связали и отвезли в ставку тайджиутов.

Там его заковали в колодки, как мелкого преступника.

Его кормили по очереди в бедных юртах, у батраков и рабов, там же он и ночевал. Однажды он провел ночь у батрака Сорган-Ширы. Сыновья батра-

ка прониклись к мальчику жалостью. Когда он уходил утром, сыновья батрака ослабили ему колодку.

На следующий день другой батрак, человек слабосильный, должен был привести Тэмучжина на праздник, который отмечало племя. Тэмучжин понял, что наступил выгодный момент: шел пир, и тайджиуты перепились. Тэмучжин свалил батрака с ног и бросил-ся к реке, где скрылся в тростниках.

Его быстро хватились. Знали, что далеко не уйдет.

Стояла жара. Тэмучжин снял колодку и пустил ее по течению, а сам затаился в зарослях. Он был терпелив.

На счастье, первым на него наткнулся Сорган-Шира. Он велел Тэмучжину потерпеть еще, а сам крикнул, что в тростниках никого нет.

Когда стемнело, батрак отвел дрожащего Тэмучжина к себе в юрту, накормил его, но велел тут же уходить. За мальчика вступились сыновья Сорган-Ширы. Они уговорили отца подождать до рассвета и дать беглецу лошадь, иначе его догонят.

А пока его спрятали в повозку с шерстью, что стояла за юртой.

И вовремя: в юрту Сорган-Ширы пришли с обыском. Хотели разворошить повозку, но батрак сказал, разведя руками:

— Кто в такую жару там усидит? А мне потом шерсть снова укладывать.

Нукеры послушались. Ушли.

На рассвете Сорган-Шира вывел коня и показал Тэмучжину дорогу домой.

Вернувшись, Тэмучжин уговорил Хасара уйти с ним в лес. Там они скрывались несколько недель.

Потом эта история забылась. Тэмучжина простили.

Прошло три года. Тэмучжину исполнилось шестнадцать лет.

Жили они в кочевье племени, к которому принадлежала Оэлун. Жизнь была хоть и небогатой, но самые трудные годы были уже позади.

Тэмучжин всегда помнил, что у него есть невеста. Хотя и видел он ее всего несколько дней, очень давно.

И вот Тэмучжин отправляется к отцу Бортэ и просит его выполнить обещание — отдать дочь.

Тот оказался человеком слова.

Тэмучжин получил не только Бортэ, но и приданое. Мать невесты подарила ему шубу из черных соболей.

И здесь Тэмучжин впервые проявляет себя дальновидным политиком. Вместо того чтобы бережно хранить шубу, которая стоит дороже, чем все добро его семьи, он отправляется с шубой к хану кераитов, одному из самых могущественных хозяев Степи, бывшему союзнику его отца.

Разумеется, шуба была лишь символом. Можно допустить, что у кераитского хана таких шуб было немало. Но приезжает к нему не бедный волчонок, не отщепенец. Приезжает будущий князь, наследник славы своего отца. И хан Торгул, приняв шубу и посадив юношу как равного рядом с собой, объявляет этим всей Степи, что верен старой дружбе.

Может быть, этот жест хана объясняется еще и тем, что он сам в юности пережил то же, что и Тэмучжин. Когда Торгулу было семь лет, он попал в плен к меркитам, был рабом, и лишь через шесть лет его отец смог освободить сына. А еще через шесть лет Торгул снова попал в плен, на этот раз к татарам. И снова был рабом, пас верблюдов. На этот раз Торгул так и не дождался помощи — сам убежал. Но Торгул не простил своих детских несчастий родичам — своим дядьям. Это они входили в сговор с врагами, они, держа в руках слабовольного отца Торгула, отказывались платить выкуп за мальчика. Они хотели, чтобы тот погиб в неволе и не унаследовал ханского трона.

Торгул смог захватить власть только потому, что в 1171 году ему помог Есугэй-багатур. И тогда он казнил побежденных родичей.

Прошло два года, внешне мало что изменилось: небогатая монгольская семья живет в стойбище чужого племени. Но у Тэмучжина, судя по летописи, начинают появляться первые воины — нищие, как и он, отщепенцы, изгой, почуявшие в нем вождя, который умеет и любит повелевать.

Правда, воинов у Тэмучжина немного, да и вряд ли они живут вместе с ним. Ибо, когда меркиты наконец решили, что наступил момент, когда они могут отомстить за оскорбление, нанесенное им Есугэем, рядом с Тэмучжином никого, кроме его братьев, не оказалось.

Однажды на рассвете, когда, как сообщает «Сокровенное сказание», «лишь начал желтеть воздух», старая рабыня, выпешдая набрать воды, услышала отдаленный топот множества копыт. Так быстро, да еще в такое время гости не скачут. Она вбежала в юрту и разбудила хозяев.

Началась суматоха. Седлали коней, запрягали возки.

Влезший на дерево остроглазый младший брат Тэмучжина закричал, что это меркиты.

И тут Тэмучжина охватила паника. Он крикнул братьям, чтобы скакали за ним, бросив все — женщин, детей, добро.

Летописец не жалеет Тэмучжина: он говорит, что тот взял с собой заводную лошадь, хотя мог бы посадить на нее Бортэ.

Братья ускакали.

Старая рабыня, решив спасти Бортэ, посадила ее в возок, запряженный коровой, завалила шерстью и погнала корову прочь от стойбища. Навстречу меркитам. Это был хитрый шаг; меркиты, встретив возок у стойбища, пропустили его: кто же будет убегать им навстречу?

И, может, все бы обошлось, но, когда меркиты, захватив женщин и детей, забрав все добро, ехали обратно, они заметили возок, который старуха спря-

тала в стороне от дороги. И решили на всякий случай его обыскать. Так Бортэ тоже попала в плен.

Следующей ночью Тэмучжин, скрывавшийся в лесу, послал одного из братьев в становище и узнал, что случилось.

Тогда он отправился к керайтскому хану Торгулу, надеясь, что хан помнит о подарке.

Хан помнил. И помнил зло, причиненное меркитами ему самому. Но так как его войско в то время воевало с татарами, он посоветовал Тэмучжину поехать к Джамухе, который уже вырос и стал вождем своего племени. Может, тот не забыл детской дружбы?

Изможденный, почерневший от гнева и ненависти, юноша вошел в богатую белую юрту Джамухи. Джамуха знал о его горе. И не забыл детской дружбы. И согласился собрать войско.

Переговоры и сборы в поход заняли несколько месяцев, и все это время Бортэ жила в юрте простого меркитского воина Чельгир-Боко как рабыня и наложница. Но об этом Тэмучжин узнает лишь позже.

Наконец отряды Джамухи и Торгула обрушились на кочевья меркитов. В ночном бою меркиты были разбиты наголову. Да и как они могли ожидать, что безвестный волчонок сможет поднять против них вождей Степи?

Тэмучжин первым ворвался в становище меркитов.

Черными тенями метались люди. Воздух гудел от воя и криков.

— Бортэ! — кричал Тэмучжин. — Я здесь! Бортэ!

Из сонма черных теней протянулась к седлу Тэмучжина тонкая рука: Бортэ прижалась к крупу коня.

Тэмучжин подхватил жену и посадил ее перед собой.

Всех пленных согнали в поле. Тэмучжин велел выйти вперед всем тем, кто участвовал в набеге на его дом. Их оказалось около трехсот человек.

Их отвели в сторону. И затем зарубили без пощады.

Чельгир-Боко, у которого жила Бортэ, скрылся в

лесу. Автор «Сокровенного сказания» приводит плач этого незадачливого воина:

— Черной вороне кормиться корой, а она вздумала пощупать гусей! Ханшу посмел взять к себе в дом — надо бежать!

Вряд ли судьба этого воина интересовала кого-то, кроме Тэмучжина. Проскочил по горизонту почти невидной звездочкой и сгинул. Но вопли раскаявшегося меркита нужны были летописцу, чтобы в такой завуалированной форме намекнуть тем, кто поймет, что первенец Тэмучжина, Джучи, родившийся через несколько месяцев после спасения Бортэ, наполовину меркит.

Впрочем, Тэмучжин его никогда не будет любить. Хотя жену свою любил всегда.

Добро меркитов досталось в основном Торгулу, который был главным в триумвирате. На долю Тэмучжина выпала слава.

И хотя командующим считался хан Торгул, а боем руководил Джамуха, для всех победителем меркитов стал Тэмучжин. Не будь его силы убеждения, хитрости и упорства, поход никогда бы не состоялся.

Тэмучжин был умен. Он сделал еще один очень верный тактический ход.

Одно дело — побратимство мальчишек. О нем можно рассказывать, и никто его всерьез не примет. Но теперь, когда старая дружба с Джамухой скреплена общей победой, можно напомнить об этом всей Степи. Поэтому Тэмучжин предложил Джамухе повторить обряд побратимства, только на этот раз на глазах у всего войска.

Джамуха, рыцарь, разумеется, тут же согласился. И молодые люди скрепили кровью свой братский союз. Враги Тэмучжина должны были намотать себе на ус, что любое нападение на Тэмучжина — это нападение на Джамуху, основного претендента на верховную власть над монголами.

Полтора года после этого Тэмучжин с женой и

*Монгольский воин на отдыхе в степи.
С китайского рисунка XIII века.*

родственниками прожил в ставке у Джамухи. Это тоже было рассчитанным ходом. Во-первых, здесь Тэмучжин чувствовал себя в полной безопасности. Во-вторых, он оказался в центре степной политики. Более того, за это время Тэмучжин каким-то образом утверждает свою власть над частью тайджиутов — своего родного племени. По крайней мере в разговоре с Джамухой, приведенном в «Сокровенном сказании», сообщается об улусах Тэмучжина. Эти полтора года — период бешеной, но скрытой от посторонних активности Тэмучжина, проникшегося честолюбием и решившего стать настоящим наследником своего отца.

А внешне все выглядело очень скромно. Побратим хана Джамухи живет в простой юрте, ездит со своим покровителем на охоту, участвует в набегах, командует небольшой дружиной из нукеров, отколовшихся от своих родов.

Если кто и понимал, куда ведут подспудные

события, то только сам Тэмучжин. Джамуха и Торгул пребывали в неведении о том, что происходит.

То, что происходило, объяснялось социальными причинами. Монгольское родовое общество распадалось, хотя власть по-прежнему находилась в руках родовой верхушки. Выражением этого распада стало появление многочисленных изгоев, «людей длинной воли», отколовшихся от своих племен и не желавших более подчиняться старым законам. С одной стороны, отщепенцы были многочисленны, с другой — разобщены и бесправны. Естественно, они стремились к объединению.

Отщепенцы нуждались в вожде, в организации, которая отрицала бы косные племенные законы.

Этим вождем не мог быть ни один из вождей племен, потому что все они подчинялись традициям и выражали интересы родовой верхушки.

Зато этим вождем мог стать отщепенец — Тэмучжин. Сам прошедший сквозь все мытарства изгойства, лишенный племени, ненавидевший родовую знать.

Может быть, гибели Тэмучжин от руки меркитов или в колодке у своих родичей, объединение отщепенцев и рождение новой Монголии произошло бы позже и в иной форме. Но оно обязательно произошло бы, потому что распад родового строя привел к революционной ситуации в Степи. И мы тогда узнали бы из учебников истории иное монгольское имя. Хотя суть дела от этого не изменилась бы.

Но пришел именно Тэмучжин, который был социально близок к отщепенцам и в то же время принадлежал к высокому роду Есугэй-багатура.

Современники утверждали, что Чингисхан был неважным полководцем. Он был коварен и труслив — это тоже не секрет. Но его политический гений, его умение найти нужных союзников в нужный момент и предать их, если наступала в том нужда, умение отыскать тех людей, которые поведут его армии, и избавиться от них, если они станут непокорны, его талант направить все силы в единственно нужном

направлении, а если необходимо, то затаиться и сделаться незаметным, — все это заранее давало ему преимущество перед прочими вождями Степи. Те могли колебаться и совершать поступки во имя чести, товарищества, ради правил и законов. Ничего этого для Чингисхана не существовало. Он мог отвернуться от любого человека, если это нужно было для его дела, владычества над миром.

Правда, тогда, в 1182 году, двадцатилетний Тэмучжин, конечно, и не думал о покорении мира. В глазах окружающих он был бедным отпрыском заглохшего рода. И Тэмучжин поддерживал в окружающих это мнение.

Главное, что удалось сделать Тэмучжину за полтора года, проведенных в качестве приживала в ставке Джамухи, — это наладить связи с отщепенцами, курены которых были разбросаны по всей монгольской степи. Гонимцы Тэмучжина скакали по дальним увалам, забирались в леса севера и к границе с пустыней. От стойбища к стойбищу шли его приказы. Таясь, осторожничая, прикидываясь ничтожеством, Тэмучжин и в ставке Джамухи встречался с нужными людьми. И наступил день, рядовой для окружающих, но решающий для истории Монголии и всего мира. В тот день Тэмучжин понял: пора!

Сработала интуиция стратега. Как ни трусил Тэмучжин, как ни трепетал он перед необходимостью порвать со спокойной жизнью, пришло время сделать решительный шаг.

Его единственный друг Бортэ — это можно понять между строк летописи, — так же, как и он, чувствовала: пора. И именно она нашла повод для незаметного переворота.

В тот день Джамуха произнес до сих пор не разгаданную историками фразу: «Покочует-ка возле гор — для наших табунщиков шалаш готов. Покочует-ка возле рек — для овчаров наших в глотку еда готова». После этого Бортэ сказала мужу, что дружбе с Джамухой конец.

Тэмучжин немедленно уехал от друга.

Фраза эта звучит совершенно безобидно, но, так как известно, что именно она расстроила дружбу побратимов, многие ученые пытались разгадать ее. Вряд ли можно сегодня отыскать в ней смысл. Но важно, что эта фраза связана с другой, сказанной потом. Обращаясь к двум друзьям Тэмучжина, Джамуха обвинил их в разрыве между ним и Тэмучжином, сказав: «Зачем вы, Алтан и Хучар, разлучили нас с побратимом, вмешиваясь в наши дела?»

Кто такие были эти друзья Тэмучжина? Они фигурируют в списке тех, кто присоединился к Тэмучжину на следующий день после его разрыва с Джамухой.

К Тэмучжину пришли «одним куренем Хучар-беки, одним куренем Алтан-очигин». Оба — сыновья ханов, представители знати, но пришли они «одним куренем», то есть от своих племен откололись. Это «люди длинной воли». Они бывали в ставке Джамухи и были известны ему. Именно такие люди толкали Тэмучжина к разрыву. И Джамуха укоряет в этом разрыве не Тэмучжина, к которому продолжает испытывать дружеские чувства, а тех, кто разлучил его с ним.

Джамуха так и не увидел движущих пружин событий. Это его в конце концов и погубило.

Кто бы ни был инициатором разрыва побратимов, разрыв этот произошел тогда, когда это было выгодно Тэмучжину, и потому, что это было ему выгодно.

Исследователи давно уже обратили внимание на то, что к Тэмучжину шли только «люди длинной воли». Но как много их оказалось в степи! Уже через несколько недель в ставке Тэмучжина собралось тринадцать тысяч воинов. И именно эти люди тогда же, в 1182 году, избрали Тэмучжина, двадцатилетнего изгоя, своим ханом под именем Чингисхан. Известна присяга, которую принесли хану воины. Она резко отличается от присяг, которые давались раньше. В ней чувствуется уверенная рука автора: «Когда Тэмучжин станет ханом, мы, передовым отрядом преследуя

прагов, будем доставлять ему прекрасных дев и жен, курты и батраков и лучших лошадей. При облове будем выделять ему половину добычи. Если мы нарушим в дни войны этот устав, разбросай наши черные головы по земле. Если в мирное время мы нарушим твой покой, отлучи нас от жен, детей и рабов, бросай нас на пустой земле».

На первом месте в клятве были не интересы племени или рода — все были равны в новой орде. Главное — безусловная дисциплина, признание права хана казнить за нарушение присяги во время войны. Новый союз был направлен на войну, на грабеж.

Можно предположить, что метаморфоза с другом ввергла Джамуху в растерянность. По крайней мере некоторое время он ничего не предпринимал. Чингисхана признали кераиты хана Торгула, который рассчитывал на военную помощь новой армии. Но ни одно другое монгольское племя не присоединилось к Чингисхану. Для племенной аристократии он был выскочкой и разбойником. Почуввав угрозу, вожди племен стали искать полководца, которого могли бы противопоставить Чингисхану и его молодцам. Изгои были опасны и поодиночке, они стали смертельно опасны, когда объединились.

Противопоставить Чингисхану можно было лишь законного племенного вождя старой закалки, авторитетного среди воинов, настоящего полководца. И выбор вождей пал на Джамуху. Так историческая необходимость сделала побратимов главами противоборствующих группировок.

В ней кто-то должен был погибнуть — либо молодая армия Чингисхана, либо племенной строй монголов.

В ставку к Джамухе начали съезжаться отряды монгольских племен. По сведениям летописца, там собралось за короткое время более тридцати тысяч всадников. Как на большую войну.

Обе армии стояли неподалеку друг от друга. И в той, и в другой были горячие головы, которые хотели

поскорее решить спор оружием. Но ни Джамуха, ни Чингисхан не спешили. Первый — потому, что, как можно судить по последующим событиям, не был до конца убежден, что должен уничтожить старого друга, второй — потому, что чувствовал себя слабее.

Нужен был внешний толчок, который сделал бы конфликт неизбежным. И тут младший брат Джамухи с небольшим отрядом угнал табун Чингисовых лошадей. Его догнали в степи и убили.

Кто подговорил юношу на необдуманный поступок, мы не знаем, но можно предположить, что это сделали опытные политики.

Теперь Джамухе ничего не оставалось, как двинуть войска. Иначе бы он потерял лицо: кровь брата требовала отмщения.

Произошла битва.

Куда более сплоченные отряды племен после короткого боя опрокинули войско Чингисхана и погнали его к ущелью у реки Онон. Чингисхан проявил себя как никуда не годный полководец, и, если бы это была война не на жизнь, а на смерть, тут бы ему и пришел конец. Но Джамуха вел войну по старым племенным законам, для которых есть биологические аналогии. Если дерутся собаки, драка, какой свирепой она ни кажется, прекращается, когда одна из собак падает на спину. Тогда более сильная собака уходит.

Так случилось и здесь. Когда остатки отрядов Чингисхана оказались в ловушке, Джамуха добивать побратима не стал. Он казнил убийц брата и увел армию отдыхать.

Формально Джамуха победил. На самом же деле в тот день старая, племенная степь потерпела сокрушительное поражение. И очень важно, что это почувствовали самые лучшие воины степи — уруды и мангуды. Отряды этих племен в полном составе отложились от Джамухи и перешли на сторону Чингисхана. Казалось бы, случай невероятный — уйти к проигравшему. Впоследствии уруды и мангуды стали самыми привилегированными полками армии Чингисхана.

Чингисхан в старости. Китайская гравюра XIII века.

Чингисхану нужна была победоносная война, пускай небольшая: он должен был реабилитировать себя за поражение. И поэтому, когда хан Торгул позвал Чингисхана на помощь против татар, которые в то время отступали под натиском властителей Северного Китая — чжурчжэней, Чингисхан с радостью согласился.

Кераиты и отряды Чингисхана настигли отступавших татар, перебили множество воинов, убили вождя, захватили громадный татарский обоз.

Эта победа принесла пользу Торгулу, который получил от чжурчжэней титул Вана, то есть царя, и стал именоваться Ванханом, и Чингисхану, который смог оделить воинов добычей и укрепить свой авторитет.

В степи наступило динамическое равновесие. Чингисхан не мог еще победить союз племен и захватить власть в Монголии. Одних отщепенцев для этой цели было мало. Опираясь на армию, он должен был посулами, хитростью или силой перетягивать на свою

сторону племени, поддерживая в них центробежные тенденции, откалывая от них курени, — все это требовало политических интриг, терпения и дальновидности. Тэмучжин стал ханом в 1182 году, но в действительности ему удастся покорить собственную страну лишь через много лет. В 1206 году состоится общемонгольский курултай, который провозгласит Чингисхана верховным владыкой всех монголов. До этого будет война с племенами, которые в 1201 году объявят верховным ханом Джамуху и потребуют, чтобы он уничтожил слишком усилившегося Чингисхана. В последующие годы будет немало битв, побед, поражений, предательств и недолговечных союзов. В конце концов Чингисхан расправится с Ванханом, который к тому времени из союзника превратится во врага, потому что поймет, насколько страшен Чингисхан, и с Джамухой, которого, схваченного собственными воинами, безжалостно казнит. А потом казнит и этих воинов, ибо они подняли руку на господина.

Лишь после этого армии Чингисхана двинутся за пределы Монголии, на завоевание вселенной.

Но эти события лежат за пределами нашего повествования.

МЕРТВЫЙ ГОРОД

Великий шелковый путь пролегал южнее монгольских степей, к верховьям реки Хуанхэ, по южной границе пустыни Гоби, к оазисам, населенным уйгурами, и далее к Средней Азии и Ирану.

В начале XIII века контроль над пустынным отрезком этого пути перешел к монголам. Но кто господствовал там до монголов, вплоть до недавнего времени оставалось не то чтобы неизвестным, но, скажем, не до конца установленным. Приблизительную историю этих мест можно было установить по китайским летописям и хроникам монголов. Было очевидно, что в тех местах селились уйгуры, какое-то время на них распространялась власть Тибетского царства, после этого там находились владения киданей, затем — царства Си Ся, вероятно, основанного тангутами. Но никаких материальных свидетельств этого не существовало.

Эта часть Великого шелкового пути была самой трудной для караванов. Еще в древности китайский историк Сыма Цянь писал: «Путешественники, которые выезжают из Китая, часто погибают в соляных болотах. Те, кто едет по северному пути, подвергаются нападению гуннов. На южном пути нет воды и пищи... и царит большая нужда». Позже эту картину дополнил другой китайский писатель — Сюань Цзан: «Пески расстилаются на необозримое пространство; по прихоти ветра они то нагромождаются в одном месте, то

вновь разметываются. Путники не находят там никаких следов человека, и многие из них сбиваются о пути... Поэтому странники отмечают дорогу, собирая в кучи кости животных. Там нет нигде ни воды, ни растительности и часто дуют жгучие ветры. Когда поднимаются эти ветры, люди и животные падают в изнеможении и заболевают. Временами слышатся то пение и свист, то болезненные стоны, но если прислушаться к этим звукам, то сознание помутится и потеряешь способность передвигаться. Вот почему там часто гибнут путники. Эти миражи — наваждение демона».

В средние века, когда климат был более влажным, чем ныне, через пустынные области в центре Азии протекали реки, крупнейшие из них не пересыхали даже в разгар лета. Вдоль рек и по берегам редких озер тянулись оазисы, некоторые достаточно обширные, чтобы прокормить несколько тысяч человек. Разумеется, обладание этими оазисами было ключом к господству на торговом пути.

Что же происходило там в XII веке?

В 80-х годах прошлого столетия вплотную к разгадке приблизился русский путешественник Потанин. В пустыне Гоби он тщательно записывал легенды кочевых монголов. Практически все они были так или иначе связаны с именем Чингисхана и с его войной против тангутов. Война была жестокой и кончилась уничтожением тангутского государства и гибелью его городов. Развалины городов, правда, небольшие, встречались Потанину не раз. Когда же его экспедиция попала в долину реки Эдзин-Гол, пересохшей и наполняющейся водой лишь весной, следы человеческого обитания стали попадаться все чаще. Сухие стволы больших тополей лежали у длинных рытвин — бывших каналов, порой из песка выглядывали остатки стен глинобитных домов; ветер, отгоняя песок, открывал на каменистой земле тысячи черепков, глиняных и фарфоровых, а порой и китайские монеты. Ясно было, что вся эта обширная долина когда-то была густо заселена.

Сто лет назад, когда по долине шел Потанин, там кочевали лишь несколько семей монголов, которые, кроме легенд, ничего о прошлом этого края не знали. Только один из монголов сказал, что, когда он кочевал на севере, где русло реки теряется в солончаках и песках Гоби, он видел там развалины очень большого города, который зовется «Черным городом» — Хара-Хото. Но местные кочевники не хотят, чтобы чужие видели его. И если чужой человек просит их провести к городу, они делают вид, что никакого города там нет.

В 1907 году в пустыню Гоби отправилась экспедиция Петра Козлова, ученика знаменитого Пржевальского, большого знатока Центральной Азии. Русское географическое общество включило в план экспедиции поиски мертвого города.

В феврале 1908 года Козлов оказался в ставке монгольского князя Балдын-цзасака, расположенной в Южной Гоби. Сблизившись со старым князем, Козлов начал расспрашивать его о Хара-Хото. Тот рассказал, что развалины города сохранились, но чужаков к ним не пускают кочующие в тех краях торгоуты. И по очень простой причине: уже много лет они ищут там сказочные сокровища. По преданию, в которое они верят, правитель города, когда его осадили монголы Чингисхана, убил своих двух жен и зарыл их вместе со своими богатствами. Правда, в последние годы торгоуты от сокровища отступились. Несколько лет назад они выкопали глубокий ров и уже добрались было до клада у большого субургана (каменной ступы), но оттуда выползли две змеи, духи погибших жен, и изгнали кладоискателей.

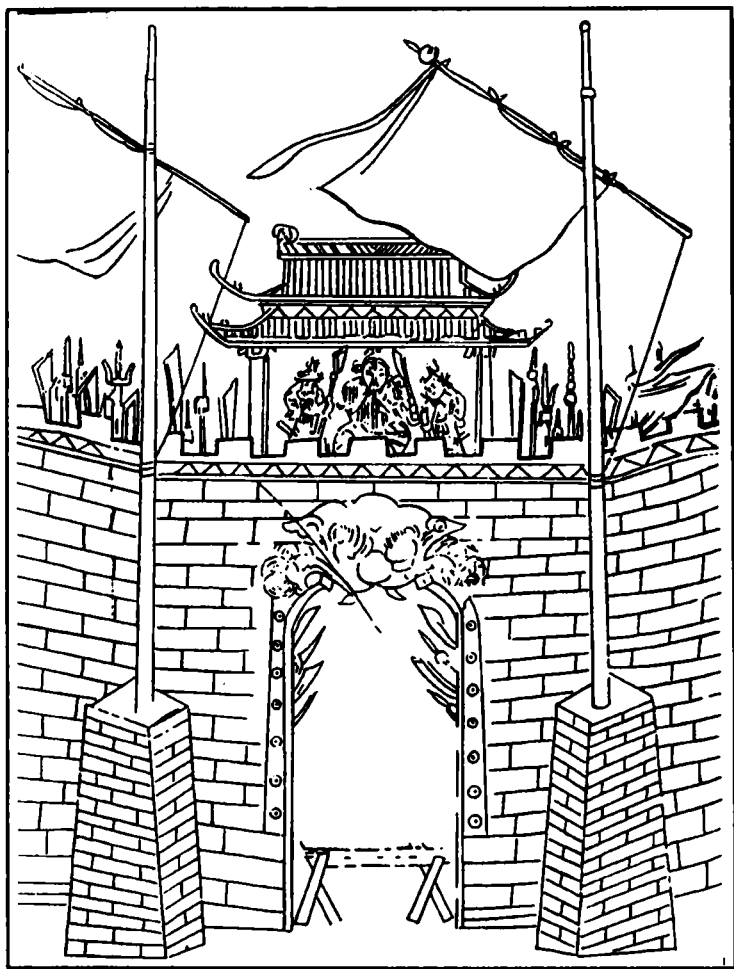
Из расположения к Козлову князь дал ему проводников, и к середине марта экспедиция уже была в низовьях реки Эдзин-Гол, где ее встретили торгоуты. А так как проводники рассказали торгоутам, что Козлов — друг князя Балдын-цзасака, те согласились показать ему развалины.

«Наше волнение увеличивалось и увеличивалось,—

писал в дневнике Козлов.— В особенности, когда после 3—5 верст юго-юго-восточного движения нам стали попадаться черепки фарфоровой и глиняной посудной формы с закругленными краями, гранитные валы для молотбы, наконец, монеты и пр. ...Показались развалины справа от дороги, Актан-Хото, в них, по преданию, был сосредоточен кавалерийский отряд, защита Хара-Хото. Эта цитадель устроена на возвышении берега мертвой реки, с островами погибших сухих тополевых деревьев, валявшихся вдоль русла “старого ложа” вод эдзингольских, некогда омывавших с двух сторон Хара-Хото. По сторонам последнего залежали культурные долины с земледельческим населением. Наше желание попасть в Хара-Хото дошло до крайней степени. Над песками показались крепостные шпицы субурганов... а вот и уголок самой крепости. Еще томительные полчаса, и мы, миновав бугры-холмы из песка и тамариска, вышли на каменную равнину с запада, где мертвый город, весь на виду, вблизи, еще больше манит к своим скрытым сокровищам...»

С вершины крепостной стены Козлов смог обозреть весь город. В плане он представлял собой квадрат. Длина стороны — более километра. Шестиметровой толщины стены были укреплены башнями и субурганами. В город вело двое ворот. По сторонам выдавались бастiony, которые прикрывали ворота от нападения. Две параллельные улицы с развалинами домов вдоль них пересекали весь город. Одну из улиц Козлов назвал Главной, вторую — Торговой. Можно было различить и следы дорог, которые с двух сторон вели к городу. Вдоль них кучками виднелись многочисленные субурганы и развалины построек. Значительная часть города не уместилась в крепостных стенах и раскинулась на окрестной равнине.

Экспедиция разбила лагерь в центре города, и всеми овладел кладоискательский зуд. Уже в первые дни список находок был внушителен: книги и рукописи, иконы на ткани, монеты и бумажные деньги,

Пограничная китайская крепость. Средневековая гравюра.

буддийские статуэтки, обломки фарфоровой и глиняной посуды, стремена, бусы, железные инструменты...

Через три дня экспедиция двинулась дальше, и из первого же населенного пункта Козлов направил в Академию наук письмо с сообщением о найденном городе. Он, в частности, писал: «Сменилось девять

поколений управителей эдзингольских торгоутов, но последние не знают Хара-Хото иначе, как только в развалинах... Кто же были в конце концов хара-хотосцы? Туземцы на такой вопрос отвечают: «китайцы»».

В течение последующих месяцев Козлов обследовал пустыню Алашань, затем направился в Северо-Восточный Тибет. Поздней осенью экспедиция остановилась на зимовку в оазисе Гуйдуй. Но зимовать не пришлось. 7 декабря было получено сообщение из Петербурга: материалы, отправленные Козловым в Россию, произвели сенсацию. Историки считают, что им найдена столица исчезнувшего тангутского царства Си Ся. Специальное собрание Географического общества было посвящено обсуждению находок Козлова. В частности, было отмечено, что многие извлеченные из развалин рукописи «написаны на языке неведомом, по крайней мере прочесть их никто не умеет, хотя образцы письма и известны». Под образцами имелись в виду находки, сделанные английскими и французскими учеными в Китае, их расшифровка только начиналась. «Ввиду важности совершенного открытия, — сообщалось в письме, — Совет Географического общества предлагает Вам не углубляться в Сычуань, а вместо этого возвратиться в пустыню Гоби и дополнить исследования недр мертвого города. Не жалейте ни сил, ни времени, ни средств на дальнейшие раскопки».

Весной 1909 года экспедиция Козлова вернулась в Хара-Хото.

Раскопки продолжались несколько дней, но ничего нового не дали. Тогда Козлов решил проверить, нет ли чего в больших субурганах, стоявших вне городских стен.

Большой, десятиметровый субурган вошел в историю как «Знаменитый». Когда верхний слой кирпичей был снят, оказалось, что он буквально набит рукописями. В сухом склепе они пролежали почти восемьсот лет и отлично сохранились. Всего рукописей было несколько тысяч — это самая большая в мире библиотека, оставшаяся от средневековья. И хранилась она

в пустыне, в городе, настоящего названия которого никто не знал. А о народе, населявшем его, тогда могли лишь догадываться.

Когда же, как пишет Козлов, «книги, письмена, письмена, книги — большие, малые, в переплетах или папках, тетрадами или свитками и пр.» — были извлечены из субургана, оказалось, что внизу, в основании внутренней камеры, сделана глинобитная площадка, в центре которой стоит деревянный шест, а вокруг него тесно сидят глиняные статуи, словно собрались на совет. У стены был обнаружен человеческий скелет. Как потом выяснилось — пожилой женщины.

Вероятно, в субургане была погребена знаменитая буддийская монахиня. Впоследствии, когда город подвергся нападению монголов, монахи, спасая самое ценное — рукописи, вынесли их за стены и замуровали в субургане, полагая, что завоеватели не тронут каменную ступу, так как монголы всегда боязливо относились к чужим богам, опасаясь их гнева. Возможно, в субурган свезли книги из нескольких монастырей — уж очень велика оказалась библиотека.

Город погиб, а библиотека осталась. Именно она дала возможность восстановить язык, культуру и обычаи великого государства, о котором ранее почти ничего не было известно, — государства Си Ся, одной из трех основных держав в тех краях. Две другие — империи Цзинь и Сун. Си Ся, контролировавшее центральный участок Великого шелкового пути, долее других государств сопротивлялось натиску монголов.

Теперь известно, что на месте Хара-Хото в VII—VIII веках стояла китайская крепость Тунчэн, которая охраняла оазис на торговом пути. Когда китайское влияние там ослабло, крепость была захвачена уйгурами. Тангуты, полукочевой народ, родственник тибетцам, окрепший и усилившийся, так как жизненные условия в тех местах были тогда куда лучше, чем сегодня, в начале XI века вытеснили уйгуров из низовьев реки Эдзин-Гол. Там и вырос крупный город, ставший затем центром одной из провинций тангут-

ского государства. У тангутов были и более крупные города, но на их развалинах затем возникли новые поселения и стерли их следы. Город назывался Эдзина, что означало по-тангутски «Черная река». Это был не только центр провинции, но и основная крепость, защищавшая северные границы царства от уйгуров и татар. В двадцатитомном «Измененном и заново утвержденном кодексе законов эпохи небесного процветания», который был найден среди других книг в «Знаменитом» субургане, говорится, что Эдзина была центром одного из двенадцати военных округов, на которые была разделена тангутская держава. Вся долина реки Эдзины была изрезана каналами и густонаселена. Глинобитные дома крестьян были разбросаны вдоль каналов, среди них возвышались дома богачей и чиновников. Современник писал: «Обычно тангуты живут в глинобитных домах, и только получившие особое разрешение могут покрывать их черепицей».

Сокровища, найденные Козловым, позволили ученым всерьез приступить к расшифровке языка тангутов. Этот труд был завершен великим лингвистом Николаем Невским, который написал «Тангутскую филологию».

И темное окно в городе средневековья трудами путешественника Козлова, филолога Невского и многих русских, английских, французских и китайских ученых осветилось. И хотя далеко не все книги тангутов прочитаны и далеко не все известно и понятно в их истории, обширная держава была поднята из небытия и вернулась в общий поток человеческой истории.

В 1185 году империя Си Ся была в зените своего могущества. Более чем на тысячу километров протянулась она с запада на восток. Тысячи караванов безбоязненно шли по ее дорогам, от оазиса к оазису, от крепости к крепости, охраняемые конными отрядами тангутов. Все попытки кочевников проникнуть в глубь тангутских земель были безуспешны. И лишь армиям Чингисхана удалось уничтожить это государство.

*Знатные тангуты из Хара-Хото.
Фреска XII века из Дуньхуана.*

Это произошло уже после того, как монгольские орды добрались до Волги, сокрушили Хорезм и опустошили Закавказье. Сам Чингисхан повел армии против государства Си Ся. Его завоевания на западе были непрочными, если в тылу оставалось сильное независимое царство.

Опустошив западные провинции Си Ся, монголы подступили к столице Синцину. Несколько попыток

штурма было отбито тангутами, которых возглавлял царь Ань-цюань.

Тогда Чингисхан решил привлечь на свою сторону природу. Осенью, в период дождей, когда реки наполняются водой, монголы возвели плотину на реке таким образом, чтобы вода хлынула на город. Тангуты были бессильны что-либо сделать: вода поднялась до крыш домов, еще несколько часов — и город станет покорной добычей монголов. И тут случилось чудо: река словно решила принять сторону тангутов. Неожиданно она прорвала плотину, и вся масса воды, скопившейся за ней, обрушилась на монгольский лагерь.

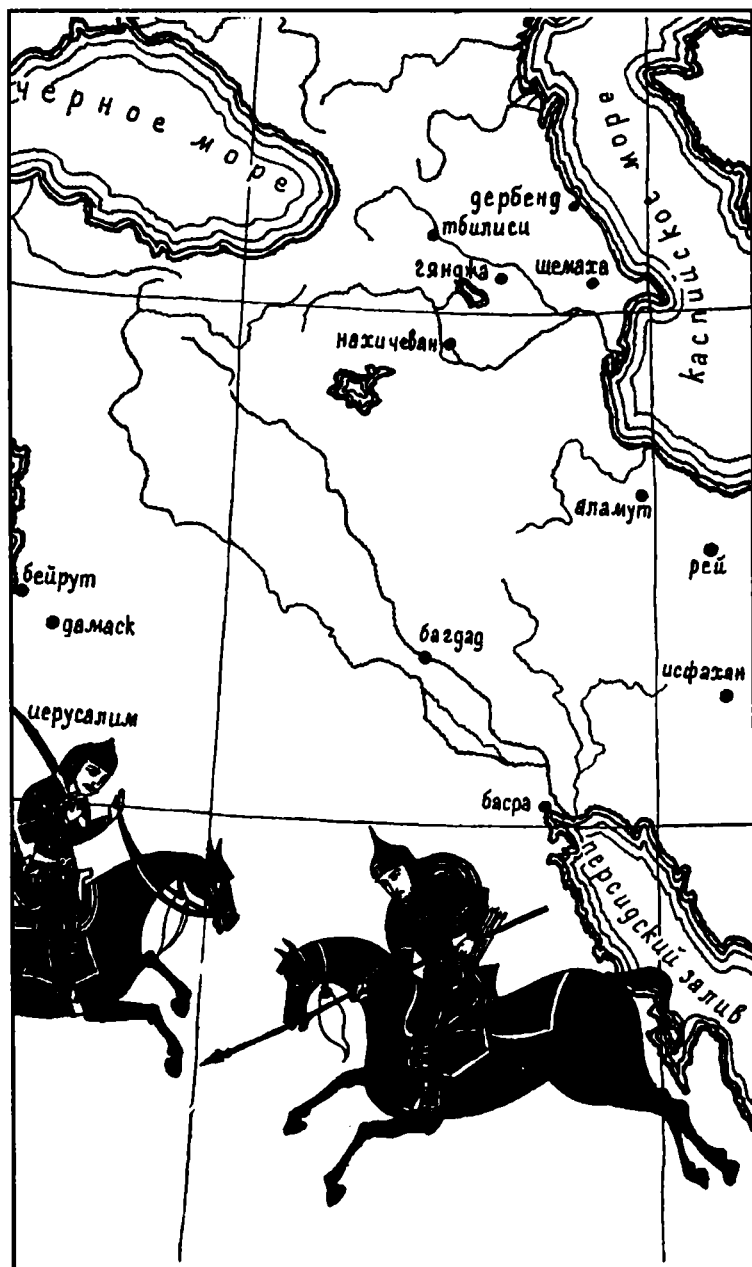
Остатки монгольской армии спешно ушли на север. Этот подвиг реки продлил существование государства еще на несколько лет. Лишь в 1227 году, после отчаянных сражений, в которых участвовали сотысячные армии, держава тангутов была разгромлена. И Чингисхан, который всегда помнил о поражениях и ни людям, ни народам не прощал их, в устрашение всем сегодняшним и будущим врагам издал такой указ: «Так как я истребил тангутов до потомков их потомков и даже до последнего раба и разорил дотла, то пусть напоминают мне о таком поголовном истреблении за каждым обедом, произнося слова: “Разорил дотла!”»

Глашатай каждый день радовал слух великого завоевателя напоминанием о его победе. Чингисхан и не подозревал, что у полуразрушенных стен сожженной и опустевшей Эдзины стоит субурган, ничем не отличающийся от своих собратьев. И там, в субургане, рядом со скелетом монахини сидят в круг глиняные статуи буддийских божеств. И тысячи книг и рукописей берегут память о великой державе.

Часть II

МИР ИСЛАМА

ГОСПОЖА ИНАНДЖ-ХАТУН

Вырвавшись на волю из холодных ущелий Памира, Великий шелковый путь разбегался десятками дорог. Отсюда его уже невозможно проследить как единую артерию. Караваны сворачивали на юг, к Индии, шли на север, к богатым городам Хорезма и далее, через пустыни, к Волге, которая была одним из важных торговых путей прошлого, ведущим на Русь и к Балтийскому морю. Другие караваны пересекали Иран и тянулись в Закавказье, где их ждали в Гяндже, Дербенде, Тбилиси и Двине. Оттуда они направлялись к Черному морю, к генуэзским колониям и византийским городам.

А через Иран, средоточие торговых путей Востока, караваны попадали к побережью Средиземного моря. Затем на кораблях товары следовали в мусульманские страны Северной Африки, к Сицилии, Италии, Франции и Испании.

Выйдя из горных ущелий, Великий торговый путь оказывался на просторах мусульманского мира.

Миновать его было нельзя, да и кому бы это пришлось в голову: ведь именно мусульманские купцы были монополистами на этом пути. Подавляющее большинство товаров принадлежало им, почти все караваны снаряжались именно в мусульманских городах. Ислам был религией, воспевающей движение, экспансию — военную и торговую, купцы были по-

четными членами исламского общества, о них слагались легенды и песни.

Но конец XII века — далеко не лучшее время для торговли. Мир ислама расколот и поражен бактериями вражды.

Для жителя Киева или Лондона все мусульмане были «неверными», и ему казалось, что сарацины противостоят христианам как единая монолитная сила. Таковой в XII веке не существовало.

Ислам смог сохранить внешнюю, обрядовую сторону во всех странах, где он укрепился с помощью конных армий арабских завоевателей. Но за безусловным признанием Корана и учения пророка скрывались доисламские верования и обычаи тех народов, что попали в сферу мусульманской идеологии.

Прошрое не повторялось. За множеством ересей, расколов, сект и школ ислама скрывались не только древние религии и верования иранцев, египтян, арабов, но и национальные и социальные конфликты, которые, как везде в средневековом обществе, принимали форму религиозных распрей.

Каждый из новых пророков и учителей стремился доказать, что именно он правильно толкует учение Мухаммеда, ибо в этой форме оно более всего отвечает чаяниям тех, чьи мысли он выражает. И, понимая, насколько опасны ереси, так как за ними стоят непокорные люди и народы, сильные мира того жестоко расправлялись с неортодоксальными течениями в исламе. А те, защищаясь, были не менее жестоки.

Когда, распавшись на секты и течения, ислам перестал быть исключительно идеологией арабской экспансии, на место арабов пришли иные народы. Они перенимали не только завоевательский дух ислама, но и плоды исламской цивилизации — науку и литературу, законы искусства и архитектуры. Новые волны завоевателей с востока быстро усваивали мусульманскую идеологию.

Турки-сельджуки затопили Ближний и Средний

*Купец с Запада. Средневековая фреска из Турфана
(Западный Китай).*

Восток, создав свою державу на осколках Арабского халифата. Держава эта была недолговечна и распалась на отдельные султанаты. Но арабский язык оставался латынью мусульманского мира, и наследники поэтов, которые писали оды арабским халифам, принялись составлять не менее раболепные оды сельджукским султанам. Сила ислама заключалась в том, что он мог впитать и растворить в своей идеологической среде любую армию завоевателей. И тогда мусульманские народы забывали, кто правит ими. Через столетия после сельджуков на Ближний Восток вторглись турки-османы — и снова исламский мир, приспособившись к завоевателям и приспособив завоевателей к себе, сохранился.

В средние века национальные границы в мусуль-

манском мире были условны. Принадлежность к направлению в исламе была важнее. И в течение всего средневековья государства, создававшиеся там, как бы переливались одно в другое, и определялось это не интересами того или иного народа, а династийными соображениями султанов.

Когда сегодня читаешь летописи и хроники мусульманских писателей, относящиеся к XII веку, поражаешься их однообразию. Описание событий поздней истории сельджуков — это перечень бесконечных разорительных и жестоких походов, заговоров и интриг, предательств и казней. Распад сельджукской державы затянулся надолго и стал одним из самых удручающих и кровавых периодов в истории Азии.

Общий процесс един и неотвратим: держава распадается, дробится. Но в рамках этого процесса мы видим непрерывные попытки султанов, эмиров и атабеков, шахов и халифов подмять соперников и воссоздать державу. Сельджукские султаны борются за власть с повелителями Средней Азии — хорезмшахами. Это один постоянный конфликт. Султаны сражаются с атабеками — крупнейшими феодалами, притом своими близкими родственниками. Это второй постоянный конфликт. Все эти властители сражаются с аббасидскими халифами — это периодически возникающий конфликт. Война не прекращается ни на день. Армии прокатываются от Персидского залива до Закавказья и Средней Азии, опустошая города и деревни, вырезая сотни тысяч людей, грабя и сжигая все, что нельзя утащить.

Главные движущие силы в этой перманентной трагедии — сельджукские феодалы. Это их династийные распри. Страдающая сторона — народы Ближнего и Среднего Востока, рассматриваемые сельджукскими атабеками и султанами как непокорные подданные. К сожалению, в те дни быть покорными подданными было невозможно. Если ты покорен атабеку, значит, ты непокорен султану и хорезмшаху. И тебя все равно

разоряют и убьют. Единственное спасение — быть до конца непокорным. Пользоваться беспрестанными склоками господ и сохранять свои земли. Но охранять их настолько самоотверженно, чтобы султан трижды подумал, прежде чем идти походом на твой город. В мире, где все грозит тебе смертью, надо иметь очень острые зубы.

Нет смысла здесь рассказывать о войнах и набегах, которые вели сельджукские и хорезмские владыки, — это лишь утомит читателя обилием имен и географических названий. Люди, которые крутили ручку гигантской мясорубки, чтобы в конце концов самим попасть в нее, не так уж интересны. Но в качестве примера стоит привести жизнеописание одной женщины, собранное из летописей того времени.

Оно типично в том смысле, что ее биография — наиболее полное выражение бессмыслицы войн, заливших кровью Восток.

В первой половине 70-х годов XII века почти одновременно умерли три основных претендента на власть над мусульманским миром: сельджукский султан, его дядя атабек и хорезмшах. Произошла смена власти, приведшая к трагедии.

Новым султаном сельджуков феодалы выбрали Тогрула, которому было лет семь. Однако подлинным правителем султаната был атабек Пахлаван, могучий вельможа, старавшийся спасти державу от развала. Атабеки сельджуков были сродни сёгунам в Японии — они держали в своих руках контроль над государством, а султаны, подобно японским императорам, старались их скинуть и вернуть себе власть, но безуспешно.

Беда Пахлавана заключалась в том, что и жен, и сыновей у него было немало. Сыновья, как и их матери, жаждали власти.

Пахлаван умер в 1186 году, и в борьбе за его наследство схватились четыре сына. Старший, Абу Бакр, воспитывался у своего дяди Кызыл-Арслана в

Азербайджане. От его имени Кызыл-Арслан и взял в 1187 году в свои руки бразды правления в султанате.

Кызыл-Арслан решил поначалу не портить отношений с подросшим султаном, надеясь и дальше править от его имени. Встреча атабека с султаном была внешне весьма дружественной и прошла в многодневных пирах. Атабек, немало пограбивший Закавказье, привез Тогрулу из Азербайджана сказочные дары.

Абу Бакр, племянник и любимец Кызыл-Арслана, был сыном наложницы, другие сыновья Пахлавана родились от красавицы Инандж-хатун, его законной жены.

Эта энергичная и властная женщина тут же затеяла интригу. В союзники она попыталась привлечь военачальников покойного Пахлавана, заботам которых были вверены ее сыновья. Письмо, которое она отправила этим воинам, было исполнено пафоса. «Как можете вы вынести, — сетовала мать, — что сын наложницы стоит выше, чем мой сын! Я владею таким богатством, что его хватит, чтобы содержать вас долгие годы. Я хочу, чтобы вы посадили моих сыновей на коней и доставили их ко мне. Я устрою вас и всех, кто явится с вами, и израсходую столько денег, сколько нужно, чтобы вы подняли все войска вашего покойного господина».

Видно, военачальники были недовольны приходом к власти Кызыл-Арслана. Косвенно об этом можно судить по тому, что во время торжественной встречи атабека и султана они отсутствовали.

Посулы матери упали на благодатную почву. Как только пришло письмо, военачальники начали собирать верные им силы, и уже на третий день их отряды достигли города Рея. Туда же стягивались отряды других недовольных феодалов. Войско было огромное, но без вождя. Инандж-хатун примчалась в Рей, встретила своих мальчиков и обосновалась в городе, во дворце эмира, ожидая, когда верные ей мятежные феодалы сбросят Кызыл-Арслана.

Узнав о том, что против него поднято восстание, Кызыл-Арслан тут же устремился к Рею. В отличие от мятежников он не привык ждать — он действовал.

Султана он захватил с собой, велел находиться при войске, дабы все видели, что султан — верный союзник атабека.

Мятежники были застигнуты врасплох. При вести о приближении Кызыл-Арслана отвага их покинула. Они обратились в бегство и остановились только у города Дамгана.

Победоносный Кызыл-Арслан вступил в беззащитный Рей. На этот раз он был милостив. Никого не казнил. Лишь велел Инандж-хатун выйти из дворца вместе с мальчиками и публично выразить ему свою покорность.

Яркое солнце заливало пыльную площадь перед дворцом. Цепи воинов оттесняли к домам толпы любопытных. Центр площади занимала разноцветная, сверкающая дорогим оружием и доспехами толпа придворных и гулямов атабека. Рядом с Кызыл-Арсланом на белом жеребце восседал султан Тогрул, стройный юноша с напряженным смутным лицом.

Инандж-хатун шла по пыли, и дорога от ворот дворца до копыт коня атабека была самой длинной дорогой в ее жизни. Мальчики робели, замедляли шаг. Инандж была в холщовом сером платье, мальчики — в длинных белых рубахах; они шли сдаваться на милость наглеца с широкой черной бородой, который, не скрывая усмешки, поглядывал на них с высоты седла.

Инандж перевела взгляд на султана. Юноша отвел глаза. Он не защитник. Он сам боится, что Кызыл-Арслану станет известно о его тайных переговорах с этой женщиной.

Инандж-хатун упала в пыль у ног коня. И рядом, охваченные трусливой ненавистью, растянулись ее любимые мальчики.

Кызыл-Арслан позволил ей встать, потом сам спрыгнул с коня и за руку ввел ее во дворец. Все

должны были знать, кто правит сельджукской державой.

Пока Кызыл-Арслан пировал во дворце, Инандж-хатун сумела увидеться с Тогрулом. Она долго уговаривала его принять решение. Пока не поздно.

Тогрул не желал быть слугой атабека. Той же ночью он исчез из Рея. Всю ночь он скакал к Дамгану. Там его встретили гулямы. В мятежном войске, бежавшем, но не разгромленном, поднялась радость: теперь у него был вождь. Законный султан сельджуков.

Кызыл-Арслан не посмел преследовать султана. Положение изменилось не в его пользу. Он стал собирать силы.

С каждым днем к султану примыкали все новые отряды эмиров. Атабек потерял драгоценное время, и, когда его армия подступила к Дамгану, после ожесточенного боя она была разбита. Атабек бежал в горы.

Военачальники Пахлавана потребовали от султана Тогрула, чтобы атабеком был назначен старший сын Инандж-хатун по имени Кутлуг Инандж. Тогрул, разумеется, согласился. Инандж-хатун могла торжествовать: она добилась власти для сына.

Укрывшись в Азербайджане, Кызыл-Арслан борьбы не прекратил. Следовало найти союзника. Он отправил послание аббасидскому халифу, духовному повелителю всех мусульман, который сидел в Багдаде и силы которого далеко уступали силам сельджуков. В своем письме Кызыл-Арслан рассуждал о преданности халифу, пугал его угрозой со стороны султана и в конце перешел к главному: если халиф соберет войска и ударит по султану с юга, то он, атабек, двинет свои армии из Азербайджана — против двойного удара султану не устоять. Когда же эта операция окончится успешно, атабек передаст халифу весь Ирак.

Соблазн был велик. Халиф потратил на снаряжение наемной армии более полумиллиона динаров. Во главе ее он поставил своего везира, судя по всему весьма спесивого и самоуверенного, который решил

не ждать, пока атабек подтянет свои силы. Он один разгромит султана. Тогда халиф получит Ирак по праву сильного, а не в дар от атабека.

И вот войска встретились. Завязалось такое сражение, что, как пишет современник, «даже локоны кюношей поседели».

К вечеру кровавого дня стало ясно, что багдадская армия терпит поражение. Наемники спешили спастись бегством, лишь упрямый везир продолжал сражаться у своего шатра, окруженный горсткой гулямов. Кольцо врагов было таким плотным, что никакой надежды на прорыв не оставалось. И везир уже приготовился к славной смерти.

Но тут впереди сельджукских войск появился сам султан Тогрул.

— Твои войска обратились в бегство! — крикнул он, знаком останавливая своих воинов. — У тебя никого не осталось, кроме этих гулямов. Не губи себя и тех, кто с тобой.

Тогрул рассчитывал, что после такого разгрома багдадский халиф покинет коалицию его противников. А потому лучше было отпустить везира домой с вестью о благородстве молодого султана.

Везир сдался. Его провели в султанский шатер, а затем отпустили в Багдад с подарками для халифа.

Но халиф был в бешенстве. Он был убежден, что Тогрул победил только потому, что его везир проявил себя спесивым индюком.

С везиром разделились, как положено разделяться со спесивыми индюками, а халиф тут же велел собирать новую армию, во главе которой поставил отважного и решительного эмира.

Новая армия халифа форсированным маршем прошла до города Хамадана, где находился Тогрул. Тот не был готов к новой войне, так как ополчения его эмиров после победы над багдадским войском разошлись по домам, а вернуть их было непросто.

В Хамадане, откуда Тогрул бежал, багдадский эмир встретился с Кызыл-Арсланом и оказался настолько

благоразумен, что передал свою армию под общее командование атабека.

Кызыл-Арслан направился с армией к Исфахану и осадил его. Осада была недолгой, город был к ней не подготовлен, и вскоре люди там начали умирать от голода. Город пал, и атабек «сжег Исфахан вместе с его медресе, рынками и мечетями».

Хочется повторить: трудно придумать более жестокие и бессмысленные войны, чем те, которые вели эти государи. Уничтожение собственных подданных, собственных городов, грабежи и массовые убийства были в них настолько обычны, что можно подумать: все эти атабеки, султаны и эмиры ходят по муравьиным кучам, не замечая муравьев.

Уничтожение населения и хозяйства державы вело к гибели и самих убийц.

Султан Тогрул, лишенный своих городов в Иране, тут же отправился в Азербайджан, оставленный Кызыл-Арсланом, который в это время бесчинствовал в Иране. И там он вознаградил себя за поражение. Он пригласил к себе на грабеж и разбой туркменского и кипчакского ханов и с ними полностью разорил Азербайджан и северные провинции Ирана.

И тут на сцене вновь появилась красавица Инандж-хатун. Она внимательно наблюдала за развитием событий. Когда Тогрул победил багдадскую армию, она вместе с сыном находилась рядом с победителем. Когда же верх взял Кызыл-Арслан, Инандж-хатун крепко задумалась. Тогрул, на которого она сделала ставку, бежал в Азербайджан. Кызыл-Арслан стал господином Ирана, другом багдадского халифа и истинным хозяином сельджукского султана.

И в те дни, когда Тогрул собирал кочевников в Азербайджане, мать вызвала к себе сына Кутлут Инанджа, велела ему бросить невыгодного господина и спешить к Кызыл-Арслану — им было не впервой бросаться к нему в ноги.

Победитель встретил новых союзников милостиво.

Семейная ссора завершилась ко всеобщему удовлетворению. Он принял молодого человека на службу, правда, в невысокой должности. Инандж-хатун тем временем (можно только преклоняться перед ее способностями) принялась за новую интригу. Она решила очаровать Кызыл-Арслана.

Чары Инандж-хатун были столь велики, что, к удивлению всех окружающих, через несколько недель атабек заявил, что он берет в жены недавнюю смертельную соперницу.

Кызыл-Арслан был на вершине могущества. Он даже позволил себе забыть об обещаниях, которые дал халифу. Никакого Ирака тот не получил, чем остался недоволен, ведь главные расходы по войне с Тогрулом понес он, а плоды пожинал Кызыл-Арслан. Но халиф мог лишь мечтать о мести.

Черноглазая жена сопровождала Кызыл-Арслана в походе на север: атабек решил привести к повиновению одичавшего в разбойничьих набегах султана. Теперь наступила очередь Туркмении. Войска атабека, собранные со всей державы, огнем и мечом прошли по туркменским оазисам, наказывая их жителей за союз с султаном, «перебили огромное множество их, разграбив их жилища и скот».

Тогрулу ничего не оставалось, как снова бежать. Он укрылся сначала в Киркуке, на севере Ирака, а затем, понимая, что положение безвыходное, решил сменить ориентацию. Результатом этого явилось его верноподданническое письмо к халифу, в котором султан горько раскаивался, что посмел воевать с повелителем правоверных, и обещал больше никогда так не поступать. Он согласен был на любую должность — пусть только халиф примет его на службу.

Как нетрудно догадаться, халиф тут же согласился на союз. Тогрула пригласили в Багдад, и тот, покрыв плечи саваном и неся меч на вытянутых руках, кающимся грешником предстал перед халифом.

Тогрул был хорош как потенциальная угроза Кызыл-Арслану. Но доверять ему армию халиф не

желал. Тогрулу было велено сидеть в Багдаде и ждать решения по своему вопросу, как просителю в канцелярии.

Так прошла зима, наступила весна, а решения все не было. Халиф вел дипломатическую игру с атабеком, но игру не очень успешную, потому что ни халифа, ни султана Кызыл-Арслан не боялся.

В конце концов султану дали в Багдаде понять: желательно, чтобы он покинул земли халифа, пока его не выдали атабеку.

Пришлось султану с молодой женой и несколькими сохранившими ему верность вельможами отправляться в путь. Сначала в Киркук, а затем в Азербайджан, где Тогрул надеялся найти союзников. Но никаких союзников в Азербайджане, столь недавно разоренном им самим, он не нашел, зато его встретила армия, посланная атабеком.

На этот раз Тогрул метнулся к Хамадану — город не открыл перед ним ворота. Тогрул кинулся дальше, но никто не соглашался поддержать его. Атабек со своей черноглазой Инандж-хатун не спеша, как сытый кот, преследовал загнанного султана.

Наконец султана настигли. Отряд его был невелик, и один из гулямов атабека вскоре после начала сражения пробился в центр лагеря султана и подрубил столб султанского шатра; увидев, что шатер пал, последние воины султана разбежались. Тогрула взяли в плен и привезли к атабеку.

Султан согласен был на любые условия, при которых он, хотя бы номинально, сохранял трон.

Но на этот раз у атабека была весьма решительная советчица. Инандж-хатун категорически настаивала на том, что Тогрула необходимо казнить. Она доказывала мужу, что сам он куда более достойный кандидат на звание верховного султана сельджуков.

Кызыл-Арслан был согласен с супругой, но казнить Тогрула не решался: убийство запятнало бы его. Впрочем, видеть Тогрула на престоле он тоже не

*Караван на Великом шелковом пути выходит
из иранской крепости.*

желал. И нашел компромисс: Тогрула заточили в крепость возле Нахичевана.

На некоторое время в державе сельджуков установился мир. Кызыл-Арслан отправил послов к халифу выяснить, не возражает ли тот против принятия им султанского титула. Халиф не возражал. Кызыл-Арслан провозгласил себя султаном.

Так в державе стало два султана: один — в тюрьме, другой — на троне.

Летописцы уверяют, что виноват во всех дальнейших бедах был Кызыл-Арслан. Достигнув султанской власти, он начал проводить время в пирах и забавах со своими гулямами, и его редко видели трезвым.

Разумеется, в гордой султанше могло разыграться оскорбленное самолюбие. Но, вернее, дело заключалось в ином.

Представим себе ее положение. Инандж-хатун идет на все ради обожаемого сына. Ради него ввязывается в заговоры, участвует в войнах и изменяет союзникам. А между тем сын находится при дворе на вторых ролях. Вперед вылез ненавистный Абу Бакр, любимец Кызыл-Арслана. Муж спивается, окраины бунтуют, эмиры недовольны, гулямы жаждут добычи. Если купить нужных людей и устроить дворцовый переворот, то можно захватить власть и передать ее сыну.

Дело кончилось тем, что Инандж-хатун приказала своим гулямам войти в спальню к Кызыл-Арслану, ключи от которой она им предусмотрительно вручила, и зарезать его во сне.

«Они вошли к нему, когда он был пьян, и убили его в постели. С наступлением утра для него приготовили коня, но он не появился, а когда к нему вошли, нашли его убитым».

Более всех была возмущена этим убийством безутешная вдова Кызыл-Арслана. Она тут же приказала казнить стражей, которые покинули пост у дверей господина. Она поддерживала слухи о том, что атабека убили люди Абу Бакра. А может быть, исмаилиты.

Инандж-хатун была великолепным тактиком, но не стратегом. Она добилась признания Кутлуг Инанджа атабеком, но упустила главного соперника. Абу Бакр усакал в Нахичеван, к своей матери, которая к его приезду уже успела договориться с владельцами азербайджанских городов, и они признали его атабеком. Азербайджан для Инандж-хатун был потерян.

Тогда Инандж-хатун послала в крепость, где томился свергнутый султан, приказ немедленно задушить пленника. Но местный эмир, узнав о приказе, посетил султана и предложил сделку: если Тогрул, вернув себе престол, даст ему один из самых высоких придворных чинов, тот выпустит султана из крепости. Тогрул был согласен на что угодно. И потому в ту же ночь он в сопровождении своего нового «эмира аудиенций» усакал на юг.

Государство разделилось на три лагеря. Атабек Абу Бакр со своей матерью правил Азербайджаном и Северным Ираном и гонялся за Тогрулом, который пытался собрать войско. Кутлуг Инандж с матерью и братом готовили войска, чтобы разгромить Абу Бакра, и тоже посылали отряды вдогонку за Тогрулом.

Кончилось это тем, что Тогрулу все же удалось найти себе союзников. Он оторвался от энергичного Абу Бакра и пошел со своим отрядом навстречу Кутлуг Инанджу. И хотя армия Кутлуг Инанджа в пять раз превосходила числом отряд Тогрула, командовал сын султанши так бездарно, что умудрился потерпеть поражение. Это случилось летом 1192 ода.

Кутлуг Инандж укрылся в Рее. Ни войск, ни союзников у него не было. Никто не хотел признавать его атабеком. Было ясно, что, если до него раньше не доберется Абу Бакр, его убьет Тогрул.

И Инандж-Хатун делает новый фантастический ход, основанный на трезвом расчете. Ведь она отлично знала людей, с которыми имела дело.

Она шлет письмо султану Тогрулу, в котором сообщает:

она всегда любила только его;

теперь, когда Тогрул вернул себе престол, она считает себя его лояльной подданной, служанкой и рабыней;

у нее громадная нетронутая казна;

если Тогрул согласится взять ее в жены, вся казна перейдет к нему, однако не сразу, а постепенно.

Инандж-хатун вдвое старше Тогрула. Ненавидит его лютой ненавистью. Тогрул, у которого есть любимая жена и маленький сын, родившийся, пока он был в тюрьме, ненавидит Инандж-хатун не менее, чем она его.

Но судьба военной кампании против Абу Бакра зависит от того, сможет ли султан найти деньги, чтобы снарядить армию. Не будет денег — не будет власти.

И вот торжественно подписан брачный договор, и сохранившая следы былой красоты немолодая женщина уходит после оплаченного ею грандиозного пира в опочивальню с молодым мужем.

К сыновьям же Инандж-хатун посылает гонца, чтобы они сидели тихо; когда придет время, она их вызовет.

Вскоре прибыли доверенные люди с частью ее приданого.

Прошло несколько недель, и наконец рабыня, которую Тогрул приставил следить за супругой, сообщила ему то, что он давно ждал, но боялся услышать.

Рабыне удалось узнать, что вечером султанша пригласит к себе Тогрула для переговоров о приданом. Она предложит ему кубок шербета. Шербет будет отравлен.

Когда вскоре Тогрулу сообщили, что султанша приглашает его в свои покои, он был готов к встрече.

Верные гулямы остались за дверью: по первому знаку они должны были ворваться в комнату Инандж-хатун.

Тогрул был оживлен. Инандж-хатун также пребывала в отличном настроении: она была покладиста и обещала султану, что завтра же отправит людей за сотней тысяч динаров.

Тогрул старался не встречаться глазами с женой. А та вела себя столь естественно, что Тогрулу стало страшно: а если бы рабыня не услышала? Значит, он сегодня ночью был бы уже мертв? Молодой, стройный, красивый великий султан сельджуков, которому так хочется жить, был бы мертв, и его убила бы эта раздобревшая, с крашеными волосами и слишком черно выведенными бровями женщина? Как убила Кызыл-Арслана? И скольких еще?

Тогрул не мог больше вынести ожидания.

— Жарко у тебя, — сказал он.

— Жарко, — согласилась Инандж-хатун и тут же продолжала речь о незначущих делах, которых никогда не будет.

— Я хочу пить, — сказал Тогрул.

Султанша хлопнула в ладоши.

Тогрул видел, как слуга наливает шербет в прозрачный бокал. Потом Инандж-хатун поднялась, взяла бокал и понесла к мужу.

Тот поглядел бокал на свет и громко произнес:

— Питье отравлено.

Это был условный знак.

В комнату вбежали гулямы. Обнаженные кривые сабли блестели в мускулистых руках.

— Ты ошибаешься, — сказала Инандж-хатун.

— Если я ошибаюсь, тогда выпей, — сказал султан.

— Разумеется, — ответила Инандж-хатун.

Она протянула руку, взяла бокал и выпила, глядя в глаза Тогрулу.

И он вспомнил, когда видел этот взгляд: много лет назад на пыльной площади перед дворцом, когда Инандж-хатун вывела двух мальчиков и смотрела на Кызыл-Арслана, прежде чем пасть ему в ноги.

Тогрул был растерян. Он ожидал, что Инандж-хатун упадет и будет корчиться, умирая. А она стояла спокойно, чуть улыбаясь.

Весь вечер Тогрул в гнев метался по своим покоям. Эта гюрза снова провела его. И смеется

сейчас, зная, что он не смеет ее убить. Деньги, ему нужны деньги!

Ночью Тогрула разбудили.

Только что скончалась его супруга Инандж-хатун. От яда.

Яд оказался медленно действующим. Султанша не хотела, чтобы подозрение в смерти мужа пало на нее.

Смерть Инандж-хатун не принесла мира. Кутлут Инандж, узнав о смерти матери, покинул Рей и вместе с младшим братом пытался набрать войско, но они были наголову разбиты Абу Бакром и еле успели унести ноги. Старший брат бежал в Ирак, а младший кинулся к грузинам, надеясь на их помощь.

Для царицы Тамары раздоры среди смертельных врагов Грузии были благом. Она приняла беглеца и вмешалась в борьбу сельджуков, в результате чего грузинским войскам удалось занять важные армянские провинции и установить власть над азербайджанскими городами. Грузинские отряды дошли до Тебриза. Как пишет мусульманский летописец, «их руки стали полны добычи. Они увели в плен столько людей, что числа их никто, кроме Аллаха — слава ему! — не знает. Так они завладели большей частью крепостей и обложили данью Нахичеван и Гайлакан. Они овладели областью Двина и ее крепостями... они осаждали крепости до тех пор, пока не завладели полностью Арранской страной».

Тогда же в сельджукскую державу вторглись войска хорезмшаха Текиша, повелителя Средней Азии. Он рассудил, что настало удобное время, чтобы расширить свои владения. Война перешла на территорию Ирана. Вновь горели города и тысячи трупов устилали поля. Кутлут Инандж тут же переметнулся на сторону хорезмшаха.

Война складывалась неудачно для султана Тогрула. С севера наступала армия хорезмшаха, с юга шло войско Кутлут Инанджа.

Хорезмшах настиг Тогрула у соленого озера Фархин.

После короткого боя Тогрул был разбит и с шестьюдесятью гулямами поскакал на юг. Но они не успели отъехать далеко. Впереди показалась громадная туча пыли: Кутлуг Инандж, сын Инандж-хатун, спешил на помощь хорезмшаху.

Тогрул оглянулся: сзади также висело облако пыли — хорезмийцы настигали его.

Султан поднял саблю, подавая сигнал к атаке.

— До встречи! — крикнул ему один из гулямов.

— Меня ты найдешь под копытами коней, — ответил султан.

Горстка гулямов врубилась в войско Кутлуг Инанджа.

Скоро гулямы были окружены. Они отбивались, падая один за другим и прикрывая телами султана.

Кутлуг Инандж не участвовал в схватке. Он молча наблюдал, как тает число защитников Тогрула.

Одна из стрел, пущенных воином Кутлуг Инанджа, попала султану в глаз. Тот вскрикнул и прижал ладонь к глазу. Между пальцами текла кровь.

Тогрул сполз с седла и сел на землю. Но никто не помог ему, потому что в эти секунды погибли последние из его гулямов.

Кутлуг Инандж подоспел к сидящему на земле султану.

Они были ровесниками. Обоим по двадцать четыре года. И были похожи — стройны и гибки.

Тогрул почувствовал, как на него упала тень. Он поднял голову.

— Кутлуг Инандж! — взмолился султан. — Спаси меня! Мы же росли с тобой вместе, мы же были как братья. Помоги мне подняться...

Кутлуг Инандж сказал:

— Ты убил мою мать.

И тут Тогрул вдруг понял, что у Инандж-хатун и ее сына одинаковые — черные, непроницаемые — глаза.

Это было последнее, что он увидел.

Атабек снес ему голову одним ударом сабли, и его гулямы одобрительно зашумели — это был мастерский удар.

Голову султана Кутлуг Инандж принес хорезмшаху, который ждал его у озера. Текиш был недоволен. Он предпочел бы оставить султана на троне как своего вассала.

«Так был убит султан Тогрул, — пишет летописец, — последний сельджукский государь. От раскаленных углей рода сельджуков осталась одна зола, которую развеял ветер».

Произошло это в 1194 году. Кутлуг Инандж пережил Тогрула всего на год.

Хорезмшах раздал города и провинции державы своим эмирам.

И каждый правил там, никому не подчиняясь.

Пока не пришли монголы.

СТАРЕЦ ГОРЫ

У Будды не было детей. Если в бурной молодости кто-то от него и родился, Будда никогда об этом не говорил. Его учение отрицало мирскую суету, он звал к отказу от желаний, которые ведут к страданиям. Он не стремился к организации царства на земле. Смысл его учения был в отрицании смысла любых царств.

У Иисуса Христа тоже не было детей. Родственники его мало интересовали первых отцов церкви. Религия, возвешенная Христом, была религией угнетенных. Христос был великим утешителем. Он показывал путь спасения личности, но не обществу.

Учения Будды и Христа затем стали идеологией воинственных царств, земных и хищных. Но эти последствия никак нельзя связывать с самими пророками. Они к этому не стремились и не призывали.

Мухаммед был пророком иным.

Он был окружен родственниками, имена которых нам известны. Его прозелиты не были угнетенными. Он выковал религию для земных хозяев мира. Религиозная система, разработанная им, была отлично приспособлена для создания земного, сплоченного и агрессивного государства. То, что было сделано в христианстве и буддизме спустя много лет после смерти пророков, Мухаммед сделал сам. Он был воинственным, суровым вождем — армии уходили в походы уже при жизни пророка.

Будда и Христос оставляли ученикам свои слова, надежды и сомнения. Мухаммед учил не сомневаться. Нищие апостолы, тайком проповедующие учение, — это не ислам. Ислам — это молодая феодальная империя. Слова Мухаммеда были обращены к полководцам и купцам, которые спешили мечом утвердить святую веру и получить торговые монополии.

Был бы сын у Будды, вернее всего, он стал бы таким же бездомным мудрецом, как отец. Был бы сын у Христа — стал бы мучеником, погиб бы, как многие из ранних христиан. Родственники Мухаммеда — это феодалы, это знать духовной империи. Они реальны, они борются за место у трона пророка точно так же, как сыновья, братья и сестры светского феодала.

Секты и расколы в буддизме и христианстве возникают, как правило, в связи с разными толкованиями учения. В мусульманстве же их появление часто определялось политическими причинами. Порой между сектами не было разногласий в обрядах или вероучении — под слоем зеленой краски ислама кипели политические страсти. Центрами притяжения враждующих толков в исламе оказывались не идеи, а люди — нередко родственники Мухаммеда и последнего «праведного» халифа Али. И потому столкновения и даже войны между приверженцами разных толков ислама велись не столько потому, что одни были еретиками, а вторые — нет, сколько потому, что вожди сектантов были выразителями центростремительных процессов в созданной силой оружия мусульманской империи.

Средневековый персидский писатель Максиди рассказывает, что в городе Шахрастане вражда, «словно серп, жнет людей. Видишь их, как они в день заклания жертвенного верблюда двумя толпами дерутся из-за головы верблюда — израненные, избитые, расстроенные. Избиения и убийства разделяют и два войска: одно — из Дейлема, другое — тюркское. Там дикая междоусобица между двумя партиями».

Другой писатель, Равенди, повествует о печальной судьбе Нишапура. В 1154 году на него напали кочевники-огузы и разорили. В городе, и без того разграбленном врагом, «по причине различия в религиозных толках еще со старинных времен кипела взаимная вражда. Каждую ночь какая-нибудь партия созывала из какого-нибудь квартала ополчение, поджигала кварталы противников, и все, что еще оставалось после огузов, уничтожалось... Теперь в Нишапуре, где были собрания друзей, медресе наук и местопребывание лучших людей, пасутся стада, рыщут дикие звери и ползают гады».

Будучи социальными движениями в мире без четких границ, ереси и толки скоро распространились по разным странам.

Уже в середине VII века сторонники двоюродного брата и зятя Мухаммеда, Али, получившие наименование шиитов, стали утверждать, что только он получил сокровенное знание от пророка и имеет право называться духовным вождем ислама — имамом. И потомки Али тоже станут имамами, так как Али передаст им это сокровенное учение.

Через сто лет в среде шиитов произошел раскол. Шестой шиитский имам, Джафар ас-Садик, лишил имамата своего старшего сына Исмаила. Часть шиитов согласилась с решением Джафара, другие продолжали почитать имамом Исмаила, остальные признали имамом сына Исмаила. Исмаилиты таились в подполье. Власти жестоко преследовали их.

Наиболее удачливым из исмаилитов оказался некий Убейдаллах: он основал Фатимидскую династию, правившую в Египте в 909 — 1171 годах.

Среди исмаилитов был удивительный человек, которого звали Хасан ибн Саббах.

Хасан ибн Саббах родился в середине XI века и умер в 1124 году. Столь значительное нарушение принятых нами хронологических рамок допустимо

лишь потому, что результаты его деятельности сказались на событиях конца XII века.

В молодости Хасан ибн Саббах жил в большом торговом иранском городе Рее, издавна считавшемся центром ересей.

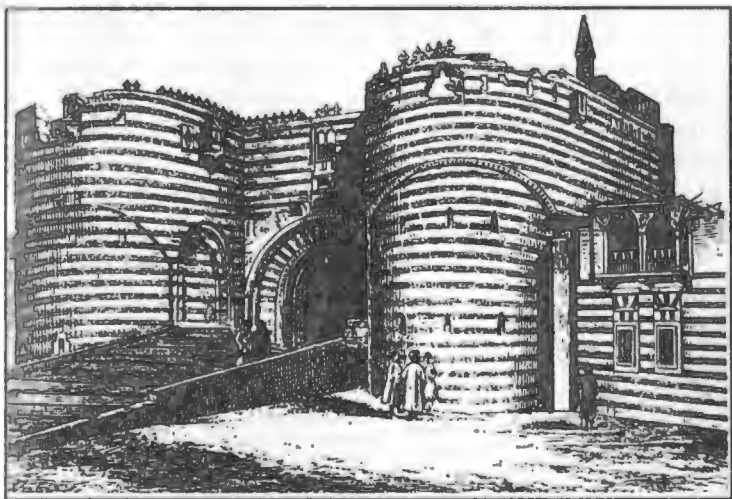
В городе был широко распространен исмаилизм — в первую очередь среди ремесленников и торгового люда. Именно в этой среде жил молодой Хасан. Сохранились его воспоминания, в которых он рассказывает, как его склоняли к исмаилизму. Юноша отчаянно сопротивлялся, не желая ступить на опасный путь — тут и погибнуть недолго. Хасан ибн Саббах держался до тех пор, пока не заболел. Испутовавшись смерти, он дал обет, если выздоровеет, перейти в исмаилизм. И выздоровел. Тогда он пошел к «соблазнителям» — один из них был чеканщиком, другой — шорником, и те свели молодого человека с профессиональным проповедником, у которого нашлись куда более веские аргументы, чем у шорника.

Хасан оказался настолько умен и энергичен, что рейские исмаилиты послали его в Египет для повышения образования.

Мудрые пропагандисты умели ценить юные таланты.

Хасан провел в Египте несколько лет, поднаторел в искусстве спорить, научился ловко вербовать сторонников, но высоко в духовной иерархии фатимидского халифата не поднялся. Да и не до него было: Фатимиды оказались жертвой типичного для мусульманских династий раскола. Частности сейчас неинтересны, отметим лишь главное: в очередной раз возникла проблема, кто истинный халиф, а кто узурпатор.

Юному религиозному деятелю было ясно: фатимидский халифат стареет и слабеет. Он уже лишился своих владений в Северной Африке, уступил Сицилию норманнам, а владения в Сирии — сельджукам. Провести жизнь, ратуя за египетского халифа, — значит, согласиться на горькую судьбу неизвестного мученика. Ни неизвестность, ни мученический венец Хасана ибн

Ворота Каирской цитадели в Египте. XII век.

Саббах не привлекали. Он должен был найти свой путь к власти. Для этого можно использовать халифа и исмаилизм, но нельзя становиться рабом человека или учения.

Молодой — ему еще нет и тридцати, — тщеславный и немало повидавший исмаилит возвратился в Иран. Он остановился в столице сельджукского султана Исфахане, где нашел приют у единоверцев.

Удивительно, насколько мобильны были люди мусульманского Востока. Биография большинства из них — это цепочка стран и городов, в которых они побывали, то ли по делу, то ли торгуя, то ли путешествуя от двора ко двору. Через весь Восток тянутся вереницы паломников, которые стремятся достичь Мекки, едут мудрецы и поэты, купцы и бродяги. И для каждого важна принадлежность к той или иной подсистеме ислама — направлению или секте. В каждом городе найдется союзник и помощник. За высоким, глухим дувалом можно укрыться от властей и недругов.

Известие о том, что в городе появился исмаилитский агент, прибывший из самого Каира, возможно, с инструкциями от Фатимидов, вызвало тревогу у султана Маликшаха, положение которого было непрочным и которому везде чудились заговоры. Фатимидов подозревали, и не без оснований, в том, что они ведут в соседних странах подрывную пропаганду.

Стража начала искать Хасана ибн Саббаха. Несколько недель он скрывался у верных людей. В этот период вынужденной изоляции Хасан ибн Саббах сформулировал собственную программу. В ней он отошел от духа и буквы Корана, от законов шариата. Новизна заключалась в следующем четко выраженном стратегическом постулате: «Цель религии — правильный путь к познанию Бога. Познание Бога разумом и размышлением невозможно. Познание возможно только личным поучением имама».

Из этого следовало, что не имеющий истинного учителя — имама, черпающий знания из других источников достоин порицания. Все человечество, не признающее имама, известного лишь Хасану ибн Саббаху, глубоко заблуждается. А потому попадет в ад. Спасутся только исмаилиты. Просто и ясно. Ни христиане, ни иудеи не спасутся, потому что им неведомо слово пророка. Никакие другие мусульмане, кроме исмаилитов, не спасутся, потому что они тщетно пытаются постичь слово пророка разумом.

Послушание — вот девиз Хасана ибн Саббаха.

Естественно, что безусловное подчинение вождю требует определенного, скажем, невежества. И, по свидетельству одного из современников, Хасан ибн Саббах был последователен: «Он препятствовал простым людям углубляться в знания, так же как людям знатым — в постижение старых книг».

Деление человечества на группу приверженцев Хасана ибн Саббаха и остальных, обреченных на адские муки, дополнялось идеей о том, что человечество делится на «людей и недочеловеков». Тюрки,

учил он, «не из детей Адамовых происходят, а некоторые называют их джиннами».

Но не следует преувеличивать теоретические открытия Хасана ибн Саббаха. Он еще не предтеча фашизма. Это расчетливая попытка привлечь на свою сторону тех, кто обижен сельджуками.

Хасан отказался сообщить, кто же тот имам, который будет направлять его учеников. Имам был «тайным», имени его нельзя было назвать. А пока истинный имам был фикцией, его стал заменять Хасан ибн Саббах.

Итак, возникло радикальное движение, в котором были тайный учитель и реальный вождь. Вождь требовал от своих сторонников слепого подчинения потому, что он один знал истину. За полное подчинение был гарантирован рай. Всем остальным — ад. Тюрки — нелюди. Христиане и евреи — нелюди, сунниты и шииты — почти нелюди...

Сект в те годы на Ближнем Востоке было множество, и проповедники плодились, как грибы после дождя. Выделиться и найти сторонников было непросто, тем более если проповеднику всего тридцать лет.

Но в тяжелые периоды истории угнетенные ждут учителя, ждут слова. Программа Хасана ибн Саббаха была настолько проста, что ее мог понять даже неграмотный крестьянин. Она освобождала от необходимости думать и принимать решения. Она утверждала, что вождь знает окончательную и абсолютную истину. Она одевала эту программу в темные завесы тайны. Она обещала безоговорочное спасение.

Слабость Хасана ибн Саббаха заключалась в том, что его радикализм неизбежно вступал в конфликт с официальной идеологией мусульманских государств. Для торжества его секты в мусульманском мире должна была существовать смертельно критическая ситуация. Но такой ситуации в конце XI века не было. Ортодоксальный ислам защищали не только армии султанов и эмиров, но и миллионы верующих, напуганных экстремизмом Хасана ибн Саббаха.

В течение десяти лет Хасан ибн Саббах вел проповедь в разных городах Ирана, вербовал сторонников из исмаилитов, гонимых и преследуемых. Три года он провел в области Дейлем, к юго-западу от Каспийского моря, проповедуя в племенах, для которых ортодоксальный ислам ассоциировался с господством сельджуков. Там он искал базу для своего царства.

Постепенно число его сторонников росло, но росли и опасения сельджукских властей. Один из писателей того времени, выражая их мнение, заметил: «Нет ни одного разряда людей более зловещего, более преступного, чем этот род... Если, упаси Боже, державу постигнет какое-либо несчастье... эти псы выйдут из тайных убежищ и восстанут на эту державу».

Главным врагом Хасана ибн Саббаха стал просвещенный везир сельджукского султана Маликшаха Низам аль-Мульк. Он послал отряд поймать проповедника, и тот, убегая от преследователей, чуть не попал к ним в руки, когда его мул пал и вблизи не было ни одного селения.

Крупнейший исследователь исмаилизма В. Иванов пишет о Хасане ибн Саббахе: «Это был человек экстраординарной энергии и таланта, прирожденный вождь, который преуспел в совершении невероятного: он превратил мирное и подчиненное персидское крестьянство в удивительно упорных воинов».

Хасан ибн Саббах решил захватить крепость, в которой со своими сторонниками мог бы укрываться от преследований и готовить силы для дальнейшей борьбы. Свой выбор он остановил на крепости Аламут в Дейлеме.

Сделал он это по трем причинам. Во-первых, Аламут находился далеко от столицы; во-вторых, в окрестных деревнях жило немало адептов нового учения; в-третьих, он был неприступен настолько, насколько вообще может быть неприступна крепость.

Аламут стоял в горной долине, утесы по сторонам

которой представляли собой дополнительные укрепления. Сама же крепость оседлала отвесную скалу высотой более двухсот метров, которая поднималась в центре долины, где было расположено несколько небольших деревень, заселенных новообращенными исмаилитами. В крепости был водный источник.

Взять Аламут штурмом, даже если он охранялся небольшим гарнизоном, было практически невозможно.

Первым делом исмаилиты начали обрабатывать Алави, коменданта крепости. Одновременно помощник Хасана ибн Саббаха занялся агитацией среди рядовых воинов.

Комендант колебался, но, когда ему было обещано три тысячи золотых динаров и право свободного выхода из Аламута, он решился сдать крепость.

Среди исмаилитов, вошедших в Аламут, был и сам Хасан ибн Саббах, одетый бедным ремесленником, тихий, скромный, немногословный человек с черной бородкой.

Он дал коменданту записку, по которой тот должен был получить в Дамагане три тысячи динаров у богатого купца, тайного исмаилита. Алави усомнился, что по записке, написанной «низким человеком», ему выплатят такую громадную сумму.

Чернобородый чуть улыбнулся.

Алави был последним человеком на земле, который видел Хасана ибн Саббаха переодетым, скрывающимся, гонимым и настороженным. Отныне тот — Господин горы.

А комендант отправился в Дамган. Сухой, согбенный купец ввел его в заднюю комнату своего дома, отослал слуг и попросил показать записку.

Комендант вытащил листок.

Купец узнал почерк Хасана ибн Саббаха.

Комендант не поверил своим глазам. Купец благоговейно поцеловал жалкий листок бумаги и попросил

гостя подождать. Через несколько минут он вынес мешок с тремя тысячами золотых динаров.

Известие о падении Аламута встревожило султана Маликшаха. Еще более его обеспокоило сообщение, что исмаилиты согнали местных крестьян строить небольшие крепости по соседству с Аламутом. «Завладев Аламутом, Хасан напряг все силы, чтобы захватить округа, смежные с Аламутом, или места, близкие к нему, — писал иранский летописец. — Он овладел ими путем обмана своей проповедью. Что до тех мест, где не были обмануты его речами, он завладевал ими убийствами, войной и кровопролитием. Везде, где он находил утес, годный для укрепления, он закладывал фундамент крепости».

Хасан ибн Саббах был непонятен. Так никто еще себя не вел. Обычно пророки шли из города в город, скрываясь от властей, и проповедовали втайне. Этот же сидел в неприступном замке и открыто бросал всем вызов. К нему стекались все новые сторонники. Уходя в Аламут, человек становился не подвластен царям земным. Что касается вечности, то об этом заботился Хасан.

Для человека средневековья рай и ад были понятиями не менее реальными, чем окружающая действительность.

Эмир, правивший провинцией, где действовал Хасан ибн Саббах, первым из иранских властителей отправился в поход, чтобы ликвидировать гнездо исмаилитов. Поход представлялся эмиру легким: ему предстояло расправиться лишь с кучкой обманщиков, которые хитростью овладели крепостью.

Эмир сжег селения в долине, перевешал тех исмаилитов, которые попали ему в руки, и обложил крепость.

Хасан ибн Саббах совершил ошибку. Он не рассчитывал, что эмир будет так оперативен, и не запасся зерном. Кормить гарнизон и беженцев было нечем.

Тогда он собрал защитников Аламута и сообщил им, что прошедшей ночью к нему явился скрытый имам и приказал крепость не сдавать. И такова была сила убеждения Хасана ибн Саббаха, что исмаилиты поклялись умереть, но не уступить врагу.

Эмир не знал о положении в крепости. Не нашлось ни одного предателя, который бы ему об этом сообщил. Через три дня он снял осаду и ушел из долины.

Следующее испытание выпало на долю Хасана ибн Саббаха через год. На этот раз в дело вмешался сам Маликшах. Он послал своего полководца с сильным отрядом и приказал не возвращаться до тех пор, пока тот не вырвет с корнем ростки заразы.

Правительственные войска подошли к крепости в марте. На полях только начинались работы. Аламутская долина недавно была опустошена войной. Накопить за зиму запасы продовольствия Саббах не смог. К тому же в крепости с ним оставалось мало людей — не больше семидесяти человек. Три месяца продолжалась осада Аламута. Осажденные, как пишет современник, «ели, только чтобы не умереть с голоду, и бились с осаждающими».

Когда стало ясно, что держаться дальше невозможно, Хасан ибн Саббах ночью, в плохую погоду, спустил на веревке одного из молодых парней, и тот, миновав посты врагов, выбрался из долины. На следующий день он был в центре этой провинции — Казвине, где местные исмаилиты с тревогой ждали вестей.

Тут же была проведена мобилизация исмаилитов в городе. Всего собралось более трехсот человек.

Исмаилитский отряд вошел в долину в сумерках. Шли по крутым склонам, по лесу, в безмолвии, стараясь не звенеть оружием. Дождались ночи. В крепости уже были предупреждены, что помощь близка, и приготовились к вылазке.

Хасан ибн Саббах остался в своей келье, которую

построили специально для него, как только Аламут был захвачен*. Он беседовал со скрытым имамом, который должен был защитить воинов.

Сонные часовые погибли первыми. Они не успели даже поднять тревогу. И тут же началась страшная резня. В темноте, не понимая, что происходит, очнувшиеся сельджуки метались между шатрами, ржали кони, скрипели, опрокидываясь, повозки, крики и звон оружия долетали наверх, к келье Хасана ибн Саббаха.

Лишь малая часть сельджуков смогла вырваться из долины.

По всему Востоку растекались слухи: некий пророк живет в недоступной крепости. И какие бы армии ни посылал против него султан, ничто не в силах одолеть его. И хоть седина лишь тронула виски и бороду Хасана ибн Саббаха, его уже называли Старцем горы.

В городе Савэ произошло событие, возвестившее о начале нового этапа в истории исмаилитов. В том городе существовала исмаилитская ячейка, в ней состояло восемнадцать человек. Действовать ячейке приходилось в глубоком подполье, ибо правитель города желал искоренить исмаилитскую опасность. И потому, когда исмаилиты обратили в свою веру некоего важного чиновника, они сочли это большим достижением. Но обращенный чего-то испугался и отказался от исмаилизма. Боясь разоблачения, исмаилиты решили убить отступника. Исполнителем приговора избрали плотника Тахира. Плотник зарезал чиновника, но был схвачен, во всем сознался и по личному приказу Низам аль-Мулька был казнен.

* В двадцатых годах нашего века группа археологов добралась до развалин Аламута. От крепости мало что сохранилось — остатки ворот, квадратная башня и часть комнаты, примыкавшей к крепостной стене. Стены комнаты были такими же толстыми, как крепостная стена. Внутри вела лишь небольшая дверь. В крепостной стене была прорублена вторая дверь, и за дверью была небольшая терраса, уступ, повисший на двухсотметровой высоте. Вождь мог выйти на уступ; оттуда на много километров открывался вид на долину, над которой господствовал Аламут.

То было первое убийство, о котором достоверно известно, что оно совершено исмаилитами, и первая казнь исмаилита за политическое убийство. Хасану ибн Саббаху этот частный случай подсказал новую стратегическую линию. Убийство не только возмущает, оно и устрашает врагов.

Так в тиши аламутского уединения была сформулирована теория политического террора, которая переживает ее создателя.

Хасан ибн Саббах стал первым политиком, который превратил политический террор в основное средство убеждения оппонентов. Террор должен был стать средством всеобщего устрашения и шантажа.

Требовалось решить две проблемы. Первая: как проводить покушения и как афишировать их. Вторая: как создать кадры исполнителей террора, подготовить убийц, которые смогут проникнуть через любые кордоны и, если нужно, погибнуть после совершения убийства.

Эта система складывалась не сразу — Хасан ибн Саббах спешил начать террор. Первая жертва уже была избрана. Удар должен был испугать врагов и восславить Старца.

В конце сентября 1092 года Хасан ибн Саббах приказал приближенным собраться на площадке перед сго кельей.

Он медленно прошел вдоль строя молодых сподвижников. Многие уже выказали верность и отвагу в дни обороны крепости. Воины настороженно ждали: все понимали, что сейчас вождь скажет важные слова.

— Кто из вас пресечет в этом государстве вред Низам аль-Мулька, нашего главного врага? — спросил Хасан ибн Саббах.

Несколько человек вышли вперед. Так родилось племя убийц-фидаев — «жертвующих собой».

В пятницу 18 октября 1092 года к паланкину Низам аль-Мулька, которого несли из дворца в гарем, подбежал человек. Он откинул полог паланкина и вонзил нож в сердце великого везира.

Убийца бросился бежать, но споткнулся о веревку шатра и упал. На него навалились телохранители и задушили.

Весть об этом убийстве (люди Хасана ибн Саббаха позаботились о том, чтобы ни у кого не осталось сомнения, что карающая рука была направлена Старцем горы) в считанные дни прокатилась по всему Востоку, вызывая удивление, возмущение, растерянность и страх.

Маликшах был потрясен этим убийством более других: нож, направленный в сердце везира, целился и в него. Султан приказал увеличить охрану — сотни стражей окружали его днем и ночью. Ни на секунду султан не оставался один.

Он приказал собрать большую армию, чтобы уничтожить гнездо исмаилитов в Аламутской долине. И велел эмирам, поставленным во главе войска, не возвращаться без головы Старца горы.

Однако через двадцать дней после смерти Низам аль-Мулька неожиданно ночью скончался сам султан. Никто не знает, как и почему его настигла смерть. Современники были убеждены, что его отравили.

Смерть Маликшаха была выгодна не только Хасану ибн Саббаху: у султана было немало врагов, желавших его гибели. Но для Хасана ибн Саббаха она была спасением: если бы султан остался жив, исмаилиты не удержались бы в Аламуте. Уж очень своевременной была эта смерть для исмаилитов, чтобы исключить возможность убийства, совершенного фидаями.

Предусмотрел ли политический гений Хасана ибн Саббаха, что произойдет после смерти султана и мудрого везира, неизвестно. Но обстоятельства сложились весьма благоприятно для исмаилитов. Как только султан умер, в империи началась борьба за престол. Сельджукское государство держалось лишь силой оружия, и стоило центральной власти пошатнуться, как немедленно начались восстания во всех провинциях и завоеванных государствах. Страна была ввергнута в пучину бедствия. Новый султан вновь и вновь собирал

армии, чтобы укротить феодалов. Города были разрушены, крестьянство обнищало, торговля почти прекратилась.

Эти годы были благодатными для Хасана ибн Саббаха. Они дали ему возможность распространить власть не только на крепости, но и на целые районы. В обстановке всеобщей разрухи и вражды исмаилиты стали для многих последней надеждой.

Одним из важнейших приобретений исмаилитов была большая крепость Ламасар, которая контролировала соседнюю с Аламутской долину. Как всегда, Хасан ибн Саббах выждал нужную минуту и ударил без промаха.

По отношению к жителям долины Ламасар Хасан ибн Саббах вел себя совсем не по-отечески. В исмаилизм местные крестьяне переходить не спешили. И когда Старец велел крестьянам выйти на работы по ремонту крепости, те отказались это делать. Тогда всем жителям долины было приказано немедленно перейти в исмаилизм. Несогласные были зарезаны. Эта операция была хорошей практикой для фидаев — молодых террористов, которых Старец готовил в Аламуте.

Крепость Ламасар была превращена в столицу исмаилитов. Там построили каменные здания, мельницы и рисорушки, разбили сады и даже устроили ледники, чтобы хранить свежие продукты.

Исмаилит не только имел право обманывать любого человека ради торжества святого дела, но и обязан был таиться, как мышь, лгать и клеветать: цель оправдывала средства.

Почтенный исфаханский торговец холстом Абд аль-Малик ибн Атташ, правоверный мусульманин, когда отец его, связанный с исмаилитами, бежал из Исфахана, торжественно отрекся от отца и проклял его как еретика.

В действительности же Ибн Атташ был главой исмаилитского подполья в столице. Когда исмаилиты обманом захватили небольшую крепость в горах неда-

леко от Исфахана, он командовал боевой группой, которая неожиданно ворвалась в казарму и перерезала спящих воинов.

Никто в городе и подумать не мог, что торговец, счастливый отец и добрый семьянин, был одновременно отчаянным командиром исмаилитов. Двойная жизнь Ибн Атташа продолжалась еще несколько месяцев. Именно под личиной купца он намеревался завладеть самой важной крепостью государства.

Охрану крепости Шахриз, которую ввиду смутных времен превратили в арсенал и в которой содержался султанский гарем, несли дейлемиты; среди них было несколько тайных исмаилитов, а их родственники жили в Аламутской долине.

И вот добродушный исфаханский купец зачастил в крепость. Его свободно впускали внутрь: он был нужен и гаремным красавицам, которым привозил из столицы ткани и благовония, и офицерам, которых снабжал всем необходимым. И не было более сговорчивого и щедрого купца в Исфахане — его товары были самые дешевые, и он всегда верил в долг.

Как-то купец пришел к коменданту и попросил разрешения занять одну из свободных комнат — там он хотел хранить товары и ночевать, если задержится в крепости. Разумеется, разрешение было дано. Отныне Ибн Атташ мог общаться с воинами, проповедовать среди них. Все больше дейлемитов становилось тайными сторонниками исмаилитов.

Затем Ибн Атташ стал добиваться того, чтобы занять в крепости официальную должность. Исмаилитам пришлось потратить немало золота на подкуп нужных лиц, наконец был найден ход к новому везиру. И вот в один прекрасный день купец привез фирман султана. Отныне он — комендант крепости Шахриз.

Дальнейшее было привычно. Ибн Атташ провел в крепость фидаев. Однажды он расставил на караулах своих людей из дейлемитов, и всех неисмаилитов в крепости зарезали. Редкий случай в истории: комендант перебил почти весь собственный гарнизон.

Когда в Исфахане спохватились, было уже поздно: чтобы взять крепость штурмом, надо было бросить против нее целую армию. Исмайлитам достались большие запасы оружия. Султану же было горько лишиться гарема.

Теперь Ибн Атташ принялся за исполнение второй части плана. Оружие начали перевозить в город, где исмаилитское подполье распределяло его. По свидетельствам современников, в Исфахане к тому времени уже насчитывалось около тридцати тысяч тайных исмаилитов.

Подготовка к восстанию в столице сопровождалась исмаилитским террором. Об этом рассказывают разные авторы. Возможно, в их рассказах есть преувеличения, но нет сомнения, что в основе своего события происходили именно так.

Подсадными утками выступали лжеслепец Алави Мадани и его жена. Под видом нищих они бродили по улицам, поджидая, пока не покажется нужный человек. Это мог быть мулла, известный своими речами против исмаилитов, чиновник, преданный Сельджукам, офицер, убивший кого-то из фидаев, или просто богатый человек, несший с собой добрый кошелек с деньгами.

Старенький слепец подходил к прохожему и молил именем Аллаха довести его до дома. Цепко ухватившись за руку невольного поводыря, старец ташил его к темной узкой улице. Он останавливался у двери в высоком дувале и начинал благодарить прохожего. В этот момент из двери выскакивали исмаилиты и, оглушив жертву, кидали в глубокий колодец. Или брали живьем.

Таинственные исчезновения переполошили весь город. Люди боялись поодиночке выходить на улицу. Сыщики султана сбились с ног. По разным источникам, в Исфахане исмайлитами было убито от нескольких десятков до нескольких сотен человек.

Преступление было раскрыто случайно. Как-то на рассвете одна бедная женщина услышала из-за забора

глухие стоны. Она перепугалась и побежала на базар, где рассказала об этом людям. А так как город жил в тревоге, толпа сразу кинулась к тому дому. Когда взломали дверь, в колодце, в подвалах, даже в задних комнатах дома обнаружили множество тел со следами страшных пыток. Кроме четы старцев, удалось схватить еще нескольких добровольных палачей. Их сожгли на костре. И всем стало ясно, что исмаилиты готовятся к выступлению.

Исмаилиты тоже были перепуганы тем, что их дела открылись. В городе началась «охота за ведьмами». Стоило сказать о ком-то, что он исмаилит, как толпы мчались к его дому, чтобы убить еретика.

Исмаилиты начали восстание преждевременно и были разбиты.

Убийства в Исфахане показывают иную грань террора, придуманного Хасаном ибн Саббахом. Правда, исфаханский урок научил исмаилитов тому, что массовый террор может обернуться против них самих. С тех пор они убивали выборочно.

Когда в 1105 году на престол в Исфахане вступил двадцатипятилетний султан Мухаммед, он первым делом приказал готовить войска, чтобы отнять у исмаилитов крепость Шахриз. Ее комендант Ибн Атташ решил принять встречные меры.

Он рассчитывал на помощь везира. Тот достался султану по наследству от предшественника. В свое время везир за взятку устроил Ибн Атташа комендантом крепости и теперь был в руках исмаилитов. Ибн Атташ отправил к нему верного человека, который дал ему понять, что убийство султана — в их общих интересах. Если везир откажется, султану станет известно о его предательстве.

Везир подослал своего слугу к султанскому брадобрею. За тысячу динаров тот согласился сделать султану, который страдал от тучности, очередное кровопускание отравленным ланцетом.

У слуги везира была красавица жена, от которой тот ничего не скрывал. У жены был любовник, от

которого та ничего не скрывала. И той же ночью тайна стала достоянием нескольких человек.

Брадобрей должен был прийти к султану после завтрака. Любовник, который был мелким придворным и полагал, что может недурно заработать на этой истории, сумел проникнуть к султану до завтрака. Когда пришел брадобрей, султан Мухаммед уже все знал.

Он приказал сделать кровопускание брадобрею отравленным ланцетом и вызвал везира, чтобы тот при этом присутствовал.

После страшных пыток везира повесили на городской стене. Еще через день Мухаммед, бросив все государственные дела, сам повел отряд гвардейцев-гулямов на штурм крепости. Он поклялся, что собственными руками убьет это исчадие ада — Ибн Атташа.

Но крепость не сдавалась. Ибн Атташ знал, что пощады не будет.

Исход дела решило предательство: к султану перебежал один исмаилит, который предложил показать тайный ход в крепость.

Когда жена Ибн Атташа увидела, что гулямы окружили ее мужа, она бросилась с крепостной стены. Ибн Атташа султан приказал доставить в Исфахан.

Его везли по улицам, заполненным народом. Горожане кидали камни и навоз в вождя исмаилитов. Ибн Атташ молчал. Кровь текла по иссеченному лицу и заливала глаза.

Потом с Ибн Атташа содрали живьем кожу и набили ее соломой.

Султан отомстил Ибн Атташу, но исмаилиты не были побеждены.

Хасан ибн Саббах внимательно следил за положением дел в странах, лежащих к западу от Ирана, в приморских областях Ближнего Востока.

В конце XI века, после первого крестового похода, европейские рыцари захватили Иерусалим, к ним в

руки перешла большая часть Сирии и Палестины. Владения Сельджуков были отрезаны от моря. В их стане царила растерянность. Хасан ибн Саббах понял, что наступил удобный момент, чтобы ударить по Сирии.

Там он отыскал царственного покровителя.

Им оказался султан Халеба Ридван. Деспот, убийца своих братьев, постоянно враждовавший с соседями, он оказался между двух огней. Его теснили крестоносцы, ему угрожали родственники. Ридван искал союзников где угодно. Когда эмиссары Хасана ибн Саббаха появились в Халебе и пообещали помощь могущественного Старца горы, он разрешил исмаилитам жить и проповедовать в своем городе.

Хасану ибн Саббаху были нужны крепости. Ридвану надо было убрать врагов. Если кто-то согласится их убивать, он готов пожертвовать крепостями.

Через год был убит владетель города Хомса. Он был зарезан на улице тремя исмаилитами. В городе воцарилась такая паника, что многие жители бежали оттуда в Дамаск.

С этого дня один за другим погибали враги Ридвана. Убийцу иногда ловили, иногда убивали на месте преступления. Пойманные убийцы не скрывали, что они фидаи — гвардия Хасана ибн Саббаха.

С каждым новым убийством исмаилиты требовали от Ридвана новых уступок и поблажек. Один из современников пишет, что исмаилита можно было узнать на улицах Халеба по спесивой походке и надменному виду. Исмаилиты уже не скрывали, что Ридван, обязанный им властью, заставит всех перейти в истинное учение.

Как и бывает в таких случаях, исмаилитов погубила самоуверенность. Они игнорировали ненависть, которую вызывали в городе.

И произошло то, что должно было произойти: исмаилиты узнали, что в город приезжает богатый персидский купец. И решили его ограбить, облачив убийство в идеологические одежды. Но перс был готов

к нападению, и у него была своя стража, которая смогла схватить убийц. В Халебе поднялось возмущение и началась резня исмаилитов. Большинство открытых исмаилитов в городе было убито. Но крепости в Сирии остались в их руках.

...Проходят века. События и люди теряют индивидуальность. Они превращаются в категории. Вместо людей действуют социальные силы. Люди же выполняют функцию.

Подобное абстрагирование несет в себе опасность для самой истории. Злобный тиран Иван Грозный превращается в прогрессивного деятеля, потому что в числе его жертв были бояре. Значит, он борец за централизованное государство, хотя бояре выступали не против централизованного государства, а против самодержавной власти царя. Централизованное государство прогрессивнее раздробленного, значит, мы должны понять и разделить чаяния Ивана Грозного. Царь же не ограничивался убийством бояр, а уничтожал тех, кто истреблял бояр, уничтожал народ, погибавший в бесконечных войнах и карательных экспедициях. Ивану Грозному было неважно, прогрессивен он или нет. В конечном счете его интересовала лишь собственная драгоценная персона, и ради сохранения ее на троне он готов был на любое предательство, на любую подлость, на любую кровавую жестокость. К концу жизни Иван Грозный умудрился загнать Россию в экономический и политический тупик, откуда страна выбиралась многие кровавые годы.

Подобное историческое абстрагирование касается и других исторических фигур. Приходится сталкиваться с этим, и когда читаешь труды об исмаилитах и Хасане ибн Саббахе. Его, страшного паука, сидевшего в паутине Аламута и готового на любое преступление ради укрепления своей власти, порой трактуют как бескорыстного борца за народное счастье. На основании того, что большинство его сторонников на первых порах принадлежали к городским сословиям, а убивал он в основном султанов и эмиров, везиров и полко-

водцев, делается вывод об антифеодальной направленности его политики. Например, современный советский историк, говоря о массовых убийствах в Исфахане, делает вывод: «В Исфахане исмаилиты применяли против своих классовых врагов — сельджукской династии, тюркских феодалов и персидских бюрократов — метод тайных убийств». Так и представляешь себе вечерний город, по которому в одиночестве бредут представители сельджукской династии, ожидая, когда слепец затащит их в переулок. События в Халебе, где горожане расправились с обнаглевшими исмаилитами, перешедшими к открытым грабежам, что их и погубило, оцениваются как «расправа феодальных верхов города» с демократами-исмаилитами. Как будто султан Ридван, который призвал убийц и покровительствовал им, был врагом феодализма. Применение жесткой схемы в истории опасно тем, что исследователю приходится идти на несообразности, лишь бы схема восторжествовала.

Лишь схема заставляет утверждать, что в «исмаилитском государстве была уничтожена политическая власть Сельджуков, изгнана сельджукская администрация, традиционная форма правления — наследственная монархия — была заменена правлением Хасана ибн Саббаха и его сподвижников, выразивших интересы народных масс — ремесленников, городской бедноты и крестьян. Это было огромным достижением восставшего народа».

С народными массами Хасан ибн Саббах сталкивался лишь в редких случаях. Они должны были кормить убийц и «пропагандистов» — даи. Того, кто не желал этого, уничтожали. Никогда народные массы не поднимались на стороне Хасана ибн Саббаха.

Шли годы. Хасан ибн Саббах старел. Он никогда не покидал Аламута. Как и всякий тиран, боялся убийц, потому что сам их готовил и знал, насколько трудно от них укрыться. Он боялся толп, боялся войн.

Он укреплял свой замок и строил новые крепости вокруг долины.

Последние годы жизни Старца горы прошли в тяжелых оборонительных боях с сельджукскими войсками. Султан Мухаммед был беспощаден к исмаилитам и неутомим в походах против их крепостей. События первых десятилетий XII века — цепь осад и штурмов, предательств и убийств. Но ситуация была тупиковой. Сельджукские армии истребить исмаилитов не могли. Ни в городах, где продолжала действовать законспирированная сеть исмаилитских ячеек, ни в крепостях, которые были отлично расположены и укреплены, снабжены продовольствием и водой. И даже если исмаилиты теряли крепость, они завоевывали новые — в Иране, Сирии, Палестине.

Но беда исмаилитов как раз и таилась в том, что им самим казалось силой, — в желании захватить как можно больше крепостей. Паучий характер их вождя привел к тому, что исмаилиты стремились к созданию конспиративной организации, не имевшей лозунгов, которые могли бы поднять народ. Хасан ибн Саббах добился ряда побед. Но множество маленьких побед не ведет к одной большой победе. Множество крепостей — это не страна. Ни одно из восстаний, которые исмаилиты поднимали вне крепостей, к успеху не привело. А какими бы неприступными ни были крепости, в конце концов они обязательно падут. Исмаилиты избрали стратегию обороны. Это была изумительно организованная оборона, и потому их крепости держались долго. Но в конце концов они пали.

Далеко не всемогущ был и султан Мухаммед. Его борьба с исмаилитами, хотя и была упорной, велась относительно малыми силами, в основном в ней участвовали ополчения феодалов в тех провинциях, где стояли исмаилитские крепости. Со смертью Мухаммеда борьба Сельджуков с исмаилитами велась sporadически — уж очень плохи были дела в самой сельджукской державе.

Казалось бы, раз учение Хасана ибн Саббаха столь близко народным массам, то именно в обстановке распада сельджукского государства пришло время поднять восстание по всему Ирану. Но ничего подобного не произошло. Эфемерная империя Хасана ибн Саббаха все более замыкалась в стенах цитаделей и раздиралась внутренними распрями.

И виновен в этом был сам Старец горы.

Он уже и в самом деле стал старцем. За последние тридцать пять лет жизни он ни разу не спустился с аламутского утеса. Сознание своей непогрешимости сильно отдавало паранойей — недугом тиранов. Он питался лишь той информацией, которую ему приносили приближенные. А те уже начали делить власть. В этом участвовали и сыновья Хасана ибн Саббаха, считавшие себя наследниками престола. Но сыновей своих Старец не любил. И если бы он был убежден, что угроза его власти исходит от них, сыновей ждала бы жестокая расправа.

В конце концов так и случилось. Один из приближенных Старца замыслил заговор против него. Но притом изображал из себя верного слугу. Ему удалось подстроить убийство старого соратника Хасана ибн Саббаха, наместника Кухистана. Затем этот приближенный представил одержимому манией преследования Старцу «неопровержимые доказательства», что убийством наместника руководил сын Старца Устад. Расчет был верен. Хасан ибн Саббах тут же приказал казнить Устада. Прошло какое-то время, и от других приближенных Хасан ибн Саббах получил доказательства, что его сын оклеветан. Тогда Хасан ибн Саббах приказал замучить клеветника, а заодно и его сыновей.

С годами все суровее была жизнь на аламутском утесе. Однажды Старец услышал звук свирели. Он вызвал стражу и приказал найти виновника. Им оказался молодой фидай. Парня жестоко наказали и изгнали из долины. Он еще счастливо отделался. Незадолго до смерти Хасан ибн Саббах узнал, что его

второй сын Мухаммед, которому, подозревая его в измене, он приказал жить в Аламуте, хранит у себя в комнате кувшин с вином. Был произведен обыск, кувшин найден. Мухаммед клялся, что кувшин ему подложили. Старец пришел в безумную ярость и, несмотря на мольбы жены, приказал тут же у себя на глазах отрубить Мухаммеду голову. Так погибли сыновья Старца.

...Хасану ибн Саббаху шел восьмой десяток.

Распорядок жизни в крепости не менялся. В назначенное время Старец отодвигал тяжелый засов, которым была закрыта на ночь его келья изнутри. Юные фидай, безмолвные и послушные, вносили воду для омовения и легкую пищу — Старец всегда был умерен в еде и этим гордился. Он никогда не поворачивался к фидаям спиной. Коров, молоко которых пил Старец горы, держали в крепости: он боялся, что его отравят. В крепости же пекли лепешки.

Позавтракав, Старец держал совет с приближенными, вызывал к себе комендантов крепостей. Порой он устраивал испытания фидаям и заставлял их драться на ножах. Фидай должны были ничего не бояться и менее всего — смерти.

Фидай готовились к участи убийц в обширном замке Ламасар, где были разбиты сады и цветники, среди которых были фонтаны. Этот мир был отделен высокой стеной от остальной крепости. В саду мог отдыхать лишь Кийя Бозорг Умид, комендант Ламасара, коренастый крестьянин, хитрый и упрямый. В сад отправляли фидаев перед тем, как они уходили убивать, — сад символизировал рай, куда они попадут, если погибнут, выполнив свой долг. Одурманенным гашишем молодым волкам казалось, что и в самом деле им удалось заглянуть в пределы рая. На роль гурий Умид брал девушек из дейлемитских деревень. Обычай дейлемитов позволял девушкам общаться с мужчинами до свадьбы. Подготовка фидаев занимала долгие годы. Их выбирали из наиболее темных горцев, и сложная система обработки юного организма, пока

человек не превращался в фанатичного, терпеливого и послушного убийцу, была продумана самим Хасаном ибн Саббахом и доведена до совершенства Умидом.

Именно фидаи сохранили в веках мрачное имя Хасана ибн Саббаха. От них и получили исмаилиты прозвище «ассасины»: так трансформировалось в устах крестоносцев слово «гашиш», которым фидаев одурманивали перед тем, как отправить на задание. В западных языках слово осталось по сей день. «Ассасин» в английском и французском языках значит «убийца». И, произнося это слово сегодня, англичанин и не подозревает, что имеет в виду молодого фанатика, который спешил в Багдад или Триполи, чтобы исполнить волю Старца горы.

Самое подробное — правда, уже относящееся к последним годам существования исмаилитской державы — описание того, как готовили фидаев, оставил великий путешественник Марко Поло. К тому времени методы исмаилитов и образ их жизни были уже настолько хорошо известны на Ближнем Востоке, что сведения Марко Поло, очевидно, отвечают действительности.

«Содержал старец при своем дворе, — пишет Марко Поло, — тамошних юношей от двенадцати до двадцати лет. Были они как бы под стражей и знали понаслышке, как Мухаммед, их пророк, описывал рай... Приказывал старец вводить в этот рай юношей, смотря по своему желанию... и вот как: сперва их напоят, сонными брали и вводили в сад. Там их будили.

Проснется юноша и поистине уверует, что находится в раю, а жены и девы весь день с ним, играют, поют, забавляют его, всякое его желание исполняют...

Захочет старец послать кого из своих убить кого-нибудь, приказывает он напоить юношей, сколько пожелает; когда же они заснут, приказывает перенести их в свой дворец. Проснутся юноши во дворце, изумляются, но не радуются, оттого что из рая по своей воле они никогда бы не вышли. Идут они к старцу и, почитая его за пророка, смиренно ему

*Улица в Триполи, построенная в эпоху
крестовых походов.*

кланяются, а старец их спрашивает, откуда они пришли. Из рая, отвечают юноши... Захочет старец убить кого-либо из важных, прикажет испытать и выбрать самых лучших из своих ассасинов, посылает он многих из них в недалекие страны с приказом убивать людей; они идут и приказ его исполняют; кто останется цел, возвращается ко двору. Случалось, что после смертоубийства они попадают в плен и сами убиваются... Скажу вам по правде, много царей и баронов из страха платили старцу дань и были с ним в дружбе».

Как уже говорилось, в сохранившемся перечне жертв исмаилитов фигурируют в основном султаны, эмиры, везиры и полководцы. Мелкая сошка — чиновники, офицеры или горожане чаще всего погибали бесследно. Никто никогда не узнает, сколько же всего человек пало от рук фидаев.

Фидаями был убит и великий иранский ученый, «отец прекрасных свойств и качеств», Абу-ль-Махасин, который поднял голос против учения Хасана ибн Саббаха, восемь государей, включая трех халифов, шесть везиров, начиная с Низам аль-Мулька, несколько наместников областей, правителей городов, немало крупных духовных лиц. Погибли от их рук и два европейских государя — князь Раймунд Триполиийский (в 1105 году) и маркграф Конрад Монферратский (в 1192 году).

Далеко не все покушения были удачными. И хотя фидаи были обучены принимать обличья купцов и нищих, вельмож и разносчиков воды, музыкантов, воинов и муфтиев, хотя они умели ждать месяцами, потому что не смели вернуться в Ламасар, не выполнив приказа, все равно не обходилось без провалов. Проклятием фидаев станет в XII веке султан Салах ад-Дин, великий враг крестоносцев, кумир мусульманского мира. Множество заговоров, направленных против него, сорвалось, ибо он был разумен и осторожен, а его охрана неподкупна. После каждого заговора

очередные исполнители закалывали себя либо шли на плаху.

Формально фидан подчинялись лишь Хасану ибн Саббаху — он посылал их на смерть. Существует — возможно, апокрифичный — рассказ о том, как Старец с каким-то гостем стоял на балконе у своей кельи. И когда гость выразил сомнение в том, что фидан могут выполнить любое приказание Старца, тот показал гостю фидая, стоявшего на одной из башен. Затем взмахнул рукой, и, подчиняясь жесту Хасана ибн Саббаха, часовой кинулся с башни в пропасть.

Фидан были послушными, фанатичными и упорными исполнителями кровавых миссий. А готовил их, награждал и наказывал комендант Ламасара Умид. Особенно возросло его значение, когда в последние годы жизни Старца погибли, оклеветанные, его сыновья и были ликвидированы многие его соратники. Но передать всю власть Умиду Хасан ибн Саббах не хотел. Умирая, он повелел исмаилитам подчиняться коллегиальному органу из четырех человек, которых назвал в завещании. И Кийя Умид был лишь одним из них.

Хасан ибн Саббах умер в 1124 году. Похоронив Старца, четверка правителей принялась за дело. Следовало сражаться с врагами, защищать крепости, строить новые, к тому же бороться с крепнущим желанием наместников и комендантов крепостей отделиться от Аламута.

Вожди исмаилитов внешне едины. Но происходят странные события. Менее чем через год неожиданно умирает главный соперник Умида по четверке, командующий всеми войсками исмаилитов. Еще через несколько месяцев таинственная смерть вырывает двух других членов четверки. Не проходит и двух лет со дня смерти Хасана ибн Саббаха, как Умид становится единственным главой исмаилитов. Он остается в Ламасаре, в центре подготовки фидаев. Источники рассказывают, что в секте все чаще появляются видные фигуры, носящие родовое имя Кийя Умида,—

его родственники. Крестьянская семья нового пророка была велика, и всем требовались должности.

Умиду наследовал его сын Мухаммед, который, в свою очередь, провозгласил наследником сына Хасана. Этот молодой человек отличался умением произносить речи и немалой энергией. Хасан сделал логический шаг в развитии исмаилизма. К этому его толкали не только собственные интересы, но и забота о судьбах империи крепостей. Времена ее торжества прошли. Движение изживало себя, теряло авторитет.

И вот молодой Хасан из крестьянского семейства Кийя, будущий властитель исмаилитов, объявляет себя имамом исмаилитов.

Талантливый оратор и умница, Хасан смог повести за собой исмаилитов Аламутской долины, которая была дана ему в удел отцом. Слухи о появлении скрытого имама взволновали всех исмаилитов, к негодованию старой исмаилитской гвардии. Сам Хасан ибн Саббах никогда не называл себя имамом! А мальчишка, которого старые воины и проповедники недавно качали на коленке, кричит, что он и есть имам, наместник Аллаха на земле.

Негодование стариков разделял и отец Хасана. Он явился в Аламут с отрядом фидаев и арестовал Хасана.

Хасан тут же раскаялся.

Но далеко не все жители Аламута последовали его примеру. Некоторые продолжали упорствовать. Тогда отец перешел к крайним мерам. Двести пятьдесят сторонников Хасана были зарублены фидаями, а остальным привязали трупы на спины и в таком виде выгнали из крепости.

Хасан затаился в Аламуте под надзором верных людей отца. Но смирение было лицемерным — притворство никогда не считалось у исмаилитов грехом. Он ждал момента. А его сторонники, оставшиеся на свободе, не бездействовали. Вряд ли иначе можно объяснить то, что в расцвете сил отец Хасана в одночасье умер и освободил исмаилитский престол.

В 1162 году Хасан занял место отца. Феодалное наследование уже утвердилось у исмаилитов.

Со смертью Хасана ибн Саббаха движение потеряло харизматического вождя, создателя доктрины, безгрешного и недостижимого. То, что Старец не называл себя имамом, роли не играло — он все равно таковым являлся. Теологическая разница между скрытым имамом и Хасаном ибн Саббахом для рядового исмаилита была несущественна. И вот живой бог умирает. Исмаилиты остаются с доктриной, но без пророка. Разумеется, коллегиальное руководство стариков имам не заменит. Попытка Кийя Умида, функционера, опытного политика, но не теолога, заменить собой Хасана ибн Саббаха провалилась. Империя держалась лишь силой инерции, на крепостях и привычной дисциплине. Никаких перспектив развития у нее не оставалось. И так бы она и сошла со сцены, если бы не великолепная идея Хасана-младшего.

Первые месяцы после прихода к власти Хасан занимался бурной деятельностью, проводя время в совещаниях с комендантами крепостей.

Прошло два года, прежде чем наступил великий день.

В 17-й день рамадана 559 года мусульманского летосчисления (8 августа 1164 года) со всех концов исмаилитской державы в Аламут прибыли делегаты. Они расположились на площади, посреди которой стояло возвышение, украшенное четырьмя знаменами разных цветов.

День был ясный и нежаркий. Ветер летел над утесом исмаилитской столицы, дергая полотнища знамен.

На возвышение поднялись наместники провинций и коменданты крепостей.

В полдень из своей кельи вышел Хасан.

Он был облачен в длинное белое одеяние, на голове — высокий белый тюрбан. Хасан был высок, строен и красив. Яркие краски и скопление народа были необычны. Необычна была даже одежда Хасана, ибо все привыкли, что вожди исмаилитов не показы-

ваются простым людям и предпочитают серые и черные одежды, подчеркнуто скромные, почти нищенские, — так повелел Хасан ибн Саббах.

Хасан-младший поклонился по очереди на все четыре стороны. Затем он произнес речь. В ней он восхвалял Бога, который открыл врата милосердия и по щедрости своей дал всем жизнь. Затем он объявил, что некий тайный человек принес ему послание от скрытого имама, которое он и намерен прочитывать.

Обратите внимание на тонкость: Хасан не объявляет себя имамом — он осторожничает. Более того, оказывается, послание имама написано по-арабски, на языке, которого не понимает никто из присутствующих. Поэтому, прочтя его, Хасан затем переводит текст на персидский. Непонятность послания усиливает его правдоподобие. Если имам — потомок пророка Мухаммеда, он и должен писать по-арабски. Скрытый имам объявляет Хасана повелителем всех исмаилитов и приказывает всем беспрекословно подчиняться ему.

После того как послание было выслушано, Хасан приказал расстелить на площади скатерти, поставить на них еду и вино.

Этот приказ, естественно, вызвал шок. В разгар великого поста, днем — и всевозможная еда и хмельные напитки! Такого Аламут не видел еще никогда. Но этого мало: из задних рядов выходят музыканты и достают спрятанные до того инструменты. И гремит веселая музыка. Хасан объявляет всех своих подданных свободными от строгих законов шариата, от поста, от обязательных молитв.

Еще через несколько дней Хасан признался, что он и есть имам.

Оставалось доказать свое происхождение от пророка. Откуда в семье крестьянина Умида появился тайный имам? Очень просто: малолетнего имама, пряча от врагов, вывезли из Египта и поселили с матерью в одной из деревень Аламутской долины. Он вырос и, будучи красивым мужчиной, соблазнил жену

Кийя Мухаммеда, которая и родила от этого сожител^ьства мальчика Хасана. Так как скрытый имам действовал по предопределению свыше, грех был простителен. Но Кийя Мухаммед знал правду и потому Хасана не любил и тратил немало сил, чтобы доказать всем, что он не имам. Иначе пришлось бы признать, что жена предпочла ему другого мужчину, а это было невыносимо.

Революция Хасана спасла исмаилизм. Это учение сохранилось до наших дней. Сегодня отдаленный потомок Кийя Хасана именуется имамом и отсчитывает рождение исмаилизма с того дня, когда Хасан-младший, выйдя на майдан в белых одеждах, объявил великий праздник освобождения. Великий и суровый первый вождь почти забыт.

Хасан-младший, отвергнув жестокость движения и открыв ворота крепостей, возродил исмаилизм в глазах рядовых его членов. Но систему он сокрушить не смог, а казнить противников, насколько известно, не стал. Даже враги не могут обвинить его в репрессиях и казнях. Политические убийства прекратились. Фидан остались без дела, а в сад Ламасара мог зайти любой.

У Хасана было немало врагов, в первую очередь те коменданты крепостей, которым еретические затеи самозванного имама были противны и которым выгоднее было поддерживать лояльные отношения с соседними мусульманскими государями.

Хасан, тяготившийся теснотой и холодной памятью камней Аламута, переехал в обширный светлый Ламасар. Там он жил открыто, окруженный друзьями и, разумеется, врагами. Один из первых же заговоров оказался успешным. В начале 1166 года Хасана убил брат его жены, который, по словам враждебного Хасану иранского писателя, «не мог терпеть распространения того постыдного заблуждения».

Восторжествовала исмаилитская реакция. Начались убийства друзей Хасана.

Но принцип престолонаследия уже установился в исмаилитском государстве. Коменданты согласились с

тем, что престол переходит к девятнадцатилетнему Мухаммеду, сыну Хасана. Они полагали, что смогут держать юношу в руках.

Но юноша не зря жил рядом с отцом. Он был его верным другом и учеником. Как и отец, он умел таить свои чувства.

Сразу же после гибели Хасана Мухаммед переехал в Аламут. Там он, уже облеченный формальной властью, заявил, что будет продолжать дело отца, но не повторит его ошибок.

Был схвачен и казнен не только убийца, но и все его родственники. Главари оппозиции были безжалостно перебиты. Юный имам учредил жесткую систему контроля над разбросанными по разным странам крепостями, он был недоверчив и осторожен. Это помогло ему установить своего рода рекорд: Мухаммед продержался на престоле в Аламуте сорок четыре года и был убит лишь в 1210 году.

Этот период почти не отражен в источниках. Исмаилиты по-прежнему владеют крепостями, воюют с сельджукскими султанами и эмирами, стараются захватить новые крепости, порой лишаются старых. Исмаилиты совершают политические убийства, но инициатива их исходит не из Аламута, а из сирийских крепостей, которые с середины 60-х годов XII века не признавали власти Аламута. С конца этого столетия исмаилитской державы как единого целого уже не существует.

Каждая группа крепостей или наместничество проводит свою политику, вступает в союзы с сельджуками, а то и с врагами веры — крестоносцами. Зачастую в соседних крепостях более или менее мирно сосуществуют исмаилитский наместник и французский барон. Более того, этот французский барон мог нанять фидаяев, чтобы они убрали христианского соперника.

Автономность и неприступность крепостей привели к тому, что исмаилиты позже всех на Ближнем Востоке покорились монголам.

Порой легче сломить большое государство: есть

войско, которое можно разгромить, и столица, которую можно занять. Иное дело — штурмовать неприступные горные цитадели исмаилитов: против десятков крепостей надо посылать отряды, снабженные осадными машинами, терять время и людей — результат же не стоил усилий.

Но в середине XIII века монголы решили покончить с исмаилитами. Эта задача облегчалась тем, что очередной властитель исмаилитов был человеком слабым. Он метался между желанием сохранить жизнь и богатство и страхом перед монголами. Пользуясь его непоследовательностью, монголы силой, обманом, уговорами брали крепость за крепостью, пока имам не был осажден в Аламуте. Там он в конце концов и сдался. И, явившись в ставку монголов, клялся, что хотел это сделать давно, но опасался собственных фанатичных подданных. Монголы сделали вид, что поверили имаму, и он некоторое время прожил у них в почетном плену.

Имам влюбился в монголку-служанку и попросил разрешения на ней жениться. Разрешение было дано. Тем временем почти все крепости уже сдались монголам, и надо было как-то отделаться от имама. Тот сам подсказал выход. Он решил съездить в ставку великого хана. Монголы с готовностью снарядили небольшой караван для имама и его новой жены, и через несколько месяцев имам оказался в Каракоруме. Великий хан отказался принять имама и прогнал его обратно. В пути тот сгинул.

Последняя крепость держалась еще двадцать лет и пала лишь в конце 70-х годов XIII века. Всех ее защитников монголы казнили.

Развалины крепостей историки находят в глухих высохших ущельях. Еще не все крепости обнаружены.

Исмаилиты по сей день мирно живут по всей Азии, занимаясь торговлей и платя дань потомку имамов, который считается одним из богатейших людей нашего времени.

ОТШЕЛЬНИК ИЗ ГЯНДЖИ

Мне кажется, что в конце XII века жило куда больше великих людей, чем за сто лет до того или через сто лет. На эту тему можно создать несколько гипотез, достаточно стройных и достаточно необязательных. Тут можно привести фактор демографический: в XII веке было относительно мало больших войн, уничтожавших целые народы, и не было страшных эпидемий, опустошавших мир в последующие века. Нашествие сельджуков — уже история, а нашествие монголов — только завтрашний день. Относительно стабильный, куда более густонаселенный, чем за сто лет до того, мир XII века — это к тому же мир городов, административных центров, средоточия коммерции, концентрации мысли. Когда мы знакомимся с биографиями людей XII века, мы обнаруживаем удивительную для прошлого черту: люди живут долго и умирают своей смертью.

Есть печальный закон: гении и таланты гибнут быстрее, чем средний человек. Они наиболее ранимы, они беззащитны, потому что они не такие, как все. На земле родилось во много раз больше гениев, чем смогло проявить себя. Особенно это характерно для периодов великих бедствий. Монгольское нашествие смело несколько великих цивилизаций средневековья — оно уничтожило систему государств Азии и Восточной Европы. В России, Грузии, Армении, Азербайджане, Хорезме, Китае — везде кочевники в

первую очередь уничтожали население городов. Гибли носители культуры. А после монгольского нашествия обрушилась черная ночь чумы, которая наиболее яростно свирепствовала в городах — тесных скопищах людей. Мы не знаем, сколько гениев XIII и XIV веков погибло в пожарах и тоскливой тишине зачумленных городов.

Образ мысли средневекового человека был качественно иным, чем наш. И система ценностей была иной — преломлялась сквозь призму религии. Религия диктовала нормы жизни. Если гений ставил под сомнение суть вещей, он становился еретиком. И погибал, отторгнутый религией и обществом. Об этих людях мы ничего не узнаем.

Средневековый образ мысли вел к тупикам знания. Астрономия, основательно забытая после гибели античной цивилизации, таилась на задворках астрологии, химия была золушкой алхимии. Тупики знания поглотили великие умы средневековья, потратившие жизнь на поиски философского камня или связей между человеческой судьбой и движением светил. Гении горели на кострах, погибали на плахе, утасали в темницах — способов избавиться от гения у средневекового общества было не меньше, чем у сегодняшнего. И все же вторая половина XII века была благодатным часом относительного спокойствия, позволившим выжить и проявить себя некоторым гениям.

Город Гянджа, развалины которого и сейчас сохранились недалеко от Кировабада, был одним из крупнейших городов Закавказья. Рассказывают, что окружавшие его стены тянулись на десятки километров. Горная речка Гянджачай делила город на две части, и между ними были перекинуты три каменных арочных моста. Гянджа унаследовала дела и славу старинного города Бердаа, столицы азербайджанской Албании, которую арабы называли «Багдадом здешних мест». Могущество Бердаа было подорвано русами, захватившими город в середине X века, и постепенно

Гянджа, стоявшая на торговом пути из Ирана в Грузию, стала первенствовать в Восточном Закавказье. До середины XII века Гянджей и страной Арран, центром которой она считалась, правили наместники сельджукских султанов, затем власть там перешла к династии атабеков — Ильдегизидов.

Гянджа была одним из важнейших пунктов на Великом торговом пути. Жили там потомки аланов и албанцев, армяне, персы, грузины и тюрки.

В сентябре 1139 года в Закавказье произошло сильное землетрясение. Более всего пострадала Гянджа.

«Туман и тучи,— пишет армянский историк,— покрыли горы и равнины, и случилось страшное землетрясение, отчего разрушилась столица... Обрушилась от землетрясения гора Алпарак и запрудила лошину, в которой протекала река, и образовала озеро». Арабский современник тех событий еще более суров: «Город Гянджа и его область провалились сквозь землю. Он настолько разрушен, как если бы его и не было на земле».

В Гяндже погибли десятки тысяч человек. Груды дымящихся развалин, пыль, нависшая над долиной, вздувшаяся от трупов и мусора река, стоны и крики людей — такой была Гянджа в 1139 году.

Когда первые вестники бедствия домчались до соседних государств, грузинский царь Димитрий поспешил к разрушенному городу. Как рассказывают армянские и арабские летописцы, грузинские воины избивали оставшихся в живых жителей, грабили разрушенные дворцы, разрывали развалины в поисках сокровищ. Грузинское войско возвратилось домой со сказочной добычей — пленниками, драгоценностями, тканями и мехами. Везли и городские ворота Гянджи. Они были доставлены в Гелати и установлены в тамошнем монастыре*.

* Некоторые грузинские историки полагают, что поход Димитрия состоялся до землетрясения.

*Современная статуя Низами в Баку.
Пример исторической абстракции, так как прижизненных
изображений поэта не сохранилось.*

Прошло много лет, прежде чем Гянджа отстроилась и вновь стала кипучим центром ремесел и торговли.

И первыми впечатлениями маленького Ильаса, сына Юсуфа, который родился через год или два после бедствия, были руины на площадях. Отец мальчика был небогатым ремесленником. Он рано умер, и матери, курдянке, пришлось одной поднимать детей.

Пройдет много лет, и мальчик Ильяс ибн Юсуф станет великим поэтом Низами.

Низами — человек-тайна, причем тайна — в его простоте и очевидности. Поэт должен вести себя как положено — даже величайшие из них стремились ко двору. Не только потому, что там было сытнее. Главное — там было безопаснее. Средневековый двор — это и академия наук, и академия художеств. Поэты-отшельники редки, великие отшельники уникальны. Ведь не только их тянет к царскому двору, двор тоже хочет украсить себя знаменитостью. Меценатство — старинное занятие. Можно топтать и унижать творца, но даже в те давние времена наиболее мудрые правители догадывались, что имена многих шахов и эмиров сохраняются в памяти потомков только потому, что сохраняются посвящения поэм.

Почему же Низами, превосходивший современников, всю жизнь провел в ремесленном квартале Гянджи? Лишь одну из своих поэм он пишет по заказу, лишь однажды он беседует с шахом и получает от него захудалую деревню, разграбленную воинственными соседями. Всю жизнь Низами работает не только как поэт — у него другое дело, что стоит прежде поэтических дел.

Низами — горожанин, то есть ремесленник, возможно, торговец. В антологии XV века говорится о том, что Низами был членом ордена Ахи. Этот орден резко отличался от других тайных союзов отсутствием ненависти к инакомыслящим. Знаменитый путешест-

венник Ибн Баттута писал, что ахи «есть в каждом поселении, городе и деревне. И не найти в мире людей более заботливых, чем они, к чужестранцам, более поспешных в стремлении накормить голодного, удовлетворить потребности нуждающегося, пресечь руку насильника и убить сатрапа или тех, кто примыкает к нему из злых людей. Ахи — это человек, который собирает людей своей и иных профессий из юношей, холостяков и одиноких, и приходят они также и сами... Строит он обитель и расстановливает в ней обстановку, и светочи, и все, что необходимо из утвари. И товарищи его служат днем, добывая себе пропитание, и идут к нему после сумерек... Если придет в этот день странник в город, берут они его к себе на постой, и живет он у них гостем, и не уходит он от них, пока не уедет... И не видел я в мире людей более праведных делами, чем они».

Если Низами был ахи, то как бы программой этого союза звучат его строки:

Зачем тебе унижаться перед подлецами?
Зачем быть игрушкой недостойных?
Что ты склоняешь голову перед всякой затрешиной?
Зачем ты покорно принимаешь всякое насилие?
Выпрями спину, как гора.
С мягкосердечными будь суров,
Унижение несет внутренний ущерб,
Смирение перед несправедливостью рождает вялость.
Будь словно шип с копьем на плече —
Тогда возьмешь в объятия охапку роз*.

Низами оставил после себя пять поэм. Кроме того, он писал и лирические стихотворения, их до нас дошло немного, да и не всегда известно, какие принадлежат ему. Ведь Низами существовал в могучем потоке восточной поэзии: перед ним, рядом с ним, сразу за ним работали сотни других поэтов, немало среди них было и выдающихся мастеров, а некоторые

* Здесь и далее подстрочные переводы принадлежат Е. Бертельсу.

формально владели стихом не хуже, чем гянджийский отшельник.

К концу I тысячелетия нашей эры в связи с падением значения Арабского халифата та часть Востока, что культурно тяготела к Ирану, все шире пользовалась фарси (персидским языком) как языком литературы и науки. В этом было и возрождение традиций, и оппозиция языку завоевателей. Признанным патриархом литературы на фарси стал Рудаки. Он умер в середине X века, и от него до нас дошло менее тысячи двустиший. Известно, что, помимо лирических стихотворений, ему принадлежало семь эпических поэм, наиболее знаменитой из которых была «Калила и Димна», построенная на индийском классическом сюжете. Младшим современником Рудаки был Дакики, который задумал изложить в стихах всю историю Ирана с легендарных времен. Он начал свой труд с песни о Заратуштре, но в разгар работы погиб от кинжала наемного убийцы.

На смену Дакики пришел великий Фирдоуси (932/41 — 1020/26) и сделал то, что не успел Дакики. Так возникла «Шах-наме» — «Книга о царях», одна из вершин мирового эпоса.

К середине XI века Иран и Средняя Азия оказались под властью кочевников-сельджуков, их вожди были неграмотны и от исламской культуры далеки. Но, создав великую империю, сельджуки способствовали этим расширению ареала фарси. Язык покоренных вытеснил язык завоевателей.

Немало поэтов творило в средние века в небольших государствах на территории Азербайджана. Без поэтов не обходился ни один тамошний двор.

Перепроизводство поэтов и перенасыщенность поэзией вели к конкуренции, в которой выковывались изысканность поэзии и драчливость поэтов. Порой дело не ограничивалось лишь взаимными жалобами и попреками. Ширванский поэт Фалаки сначала в этой борьбе преуспел и даже достиг богатства, но в результате интриг соперников попал в тюрьму Шаба-

ран. Это было мрачное, тухлое подземелье. «Я был уже мертв, — вспоминал поэт о своем заключении. — Из моего тела торчали кости...» Фалаки удалось выйти на волю, но после этого он прожил недолго и умер, не дотянув до сорока лет.

Впрочем, имя Фалаки знают лишь специалисты. Его торжественные оды и песнопения, славословия шаху были облечены в настолько изысканную и совершенную форму, что слушатели, несомненно, цокали языками от удивительного мастерства поэта.

Но несчастный Фалаки в области власти над стихом далеко уступал крупнейшему азербайджанскому поэту XII века Хагани, который был старше Низами лет на двадцать. Хагани происходил из простолюдинов: отец его был плотником, мать — кухаркой, она была христианкой, принявшей ислам. Хагани вряд ли удалось бы получить образование, если бы не знаменитый дядя — врач и мудрец. Дядя сам учил мальчика, а затем отдал его в ученики к придворному поэту Абу-ль-Ала Гянджеви.

Старик Абу-ль-Ала, подвизавшийся при дворе ширваншахов, не только ввел ученика во дворец, но и отдал за него свою дочь.

Через несколько лет Хагани превзошел учителя в искусстве петь оды шаху. И написал на старика сатиру. Абу-ль-Ала ответил на нее еще более злой сатирой и поэмой о неблагодарности. Весь двор с наслаждением следил за этой сварой, стихи ходили по рукам.

Последний и самый подлый удар нанес Хагани. Он написал сатиру, полную неприличной брани, где сообщил, что его тесть — агент исмаилитов, ученик Хасана ибн Саббаха. Это был политический донос. После чего Абу-ль-Ала исчез, а Хагани написал мегию, в которой проклинал доносчиков:

Увы мне, если я хоть раз вздохну от глубины сердца!
Злоречивый доносчик завяжет узелком этот вздох,
Запечатанным снесет его к его величеству шаху.

Вскоре опасения Хагани оправдались, и он очутился в темнице.

С точки зрения изысканности и совершенства формы Хагани не знал себе равных. Но, может быть, именно поэтому всемирно известным поэтом он не стал.

Низами нигде не писал, где учился, хотя образован он был исключительно. Вернее всего, он окончил медресе в Гяндже. А затем учился сам — всю жизнь. Он отлично знал арабский язык и арабскую литературу, как художественную, так и научную. Он был знаком и с христианской литературой, даже цитировал Евангелие. Похоже, что ему были ведомы грузинский и армянский языки, которые в Гяндже были в ходу. Низами глубоко разбирался в восточной философии, читал он и греческих философов. Знал он, видимо, астрономию, математику и медицину.

Как он провел первые тридцать лет жизни, неизвестно. Первую свою поэму Низами написал, когда ему было около тридцати.

Поэма называлась «Сокровищница тайн». Она как бы собрание бесед о смысле жизни и назначении ее. Название поэмы происходит от исламского предания: Мухаммед однажды вознесся на небо и увидел под небесным престолом закрытое на замок помещение. Разумеется, замок его удивил, и он спросил архангела Джибраила (Гавриила): «Что это за место?» И архангел ответил: «О посланник Божий, это сокровищница глубоких мыслей, а языки поэтов — ключи к ней».

Слова архангела — признание высокой роли поэзии на Востоке, сокровенной, почти мистической функции поэта, связывающего своим творчеством человека с высшим миром. В этом предании как бы завет поэтам — раскрывать извечные тайны вселенной.

Первая поэма Низами была сложной и необычной. Крупнейший исследователь его творчества Е. Э. Бертельс говорил о «Сокровищнице тайн»: «Поэма требует

не только перевода, а одновременно и пространного комментария, раскрывающего всю ее глубину и беспримерную тонкость построения. Можно сказать, что эта поэма — одно из труднейших произведений на персидском языке. Это ощущалось и учеными Востока, создавшими ряд толкований к этой книге».

В ночном безмолвии поэт слышит внутренний голос, который велит отказаться от стремления к наружной видимости вещей и вернуться к себе — единственному другу. Поэт подчиняется, ему удастся заглянуть в самого себя и найти там Султана — собственное сердце.

Таково вступление к поэме.

Далее поэма делится на двадцать макал — бесед.

В каждой беседе разбирается одна основная мысль. В первой — о грехопадении человека и силе прощения. Во второй — о справедливости. В третьей — о превратности судьбы... И каждая завершается притчей, иллюстрирующей смысл беседы. В четвертой беседе Низами рассказывает о старухе, которая не побоялась обвинить султана Санджара в том, что, покровительствуя вероломным и жестоким вельможам, он не только угнетает свой народ, но и готовит этим гибель своей державы. Султан не прислушался к словам старухи, и его царство погибло. Словно забыв, что он наблюдатель, Низами гневно входит в собственную поэму:

И нет правосудья сейчас на Земле,
Ищи его лишь на Симурга крыле,
И стыд позабыт под окном голубым,
И честь на земном этом шаре — как дым.
Вставай, Низами, и заглажь от стыда,
Плачь кровью над тем, кому кровь — как вода!*

Никому не известный поэт из Гянджи замахивается на сложную философскую поэму о смысле вещей.

* Перевод М. Шагинян.

Но поэма умозрительна и суховата. В ней много мыслей, но нет людей.

Когда впоследствии будут рождаться все новые подражания «Сокровищнице тайн», никто не задумается, что их источник — первый опыт Низами, его вызов миру. Возникнет общепринятый образ Низами — праведного и мудрого шейха, к седобородому портрету которого эта поэма достойно приложима. Но седобородый мудрый шейх — это еще далеко впереди. Пока поэт не женат, беден, а надо кормить мать и младших братьев.

Поэма была закончена. Найден псевдоним: Низами Гянджеви (Гянджийский). Кто-то из друзей ее прочел. Ее хвалили или хулили — легко представить, как снисходительны могут быть друзья к поэтическим опытам своего соседа. Ведь настоящие поэты живут при шахских дворах и ходят в парче. Настоящий поэт не живет в соседнем бедном доме.

Нелегко стать пророком в собственном отечестве.

Но поэма написана. И ее надо продать. Именно продать. Иначе ее не перепишут писцы, не прочтут знатоки, она сгинет в ремесленном квартале Гянджи, как сгинет в неизвестности и ее автор. Соседи могут оценить газель или касыду, но отвернутся от философских глубин, раскрытых в таинственных и сложных стихах.

Поэму удалось пристроить далеко не сразу. Местные правители и слышать о ней не хотели. У них были свои поэты. В конце концов покровителя изящной словесности удалось отыскать. Правда, не близко. Это был правитель Эрзинджана в Малой Азии Фахр ад-Дин Бехрамшах ибн Дауд. Низами посвятил ему поэму и отправил ее в далекое путешествие. А сам остался в тягостной неизвестности.

О дальнейших событиях рассказывает историк Ибн Биби. Правда, написаны им приведенные ниже строки много позже, когда Низами был уже признан. Поэтому к словам историка следует относиться осторожно.

«Творец слов ходжа Низами Гянджеви, — сообщает

историк, — сложил в стихах словно ожерелье из крупных жемчугов и послал его величеству как дар и приношение. Царь послал ему в награду с одним из наибов, который был достоин вести с ним беседу, пять тысяч динаров золотом, пять оседланных коней с убранством, пять иноходцев-мулов и почетные халаты, расшитые самоцветами. Книгу эту повелитель одобрил и сказал: “Если бы было возможно, то целые казнохранилища и сокровищницы послал бы я в дар за эту книгу, которая сложена в стихах, подобных жемчугам, ибо мое имя благодаря ей сохранится вечно...”»

Даже если владыка Эрзинджана и оценил поэму по достоинству и не пожалел иноходцев и золота, то они до Низами не дошли. Ни сам Низами, не таивший от читателя своих имущественных дел, ни его современники не говорят о сказочном даре.

Скорее всего поэма Фахр ад-Дину понравилась, какая-то награда Низами была отправлена. Может быть, дошла до него, а может, и нет.

Но главного Низами добился. Поэму прочли. О поэме заговорили. Поэма стала настолько знаменита, что на одном лишь фарси сохранилось более сорока подражаний ей.

Известно, что через некоторое время список поэмы попал к правителю Дербенда. Тот был глубоко тронут ее глубиной и совершенством. Возможно, он даже произнес небольшую речь придворным поэтам о том, каких вершин достигла поэзия в иных странах и как прискорбно, что ничего подобного при его дворе не создано. Поэты согласились, потому что чужеземцы не были соперниками.

И тут какой-то слишком осведомленный наиб влез с нетактичным предположением, не тот ли это Низами из соседней Гянджи, что пишет недурные газели. Поднялся возмущенный шум: как можно даже подумывать такое! Правитель приказал на всякий случай выяснить это дело.

Вскоре пришло подтверждение, что это именно тот Низами. Гнев правителя был ужасен, обида на совет-

ников страшна, а когда он узнал и о том, что Низами тщетно обращался к его двору, прося разрешения посвятить поэму именно дербендскому атабеку, то разогнал своих поэтов. И хотя поэма посвящена не ему и надежды войти в историю как покровитель Низами у него не осталось, он все же решил сделать ему подарок. И именно этим бескорыстным даром вошел в историю. Он послал в дар гянджийскому поэту половецкую рабыню Афак. Красивую молодую рабыню, купленную для себя, но оказавшуюся слишком неукротимой степнячкой.

Можно представить себе удивление гянджийцев, когда вслед за послами из Эрзинджана к скромному дому Низами подъехало посольство правителя Дербенда.

Через несколько месяцев Низами женился на половчанке.

Половцы (кипчаки) — славный степной народ! Его давно уже нет, а он существует, кровь половецкая течет в крови многих русских, монголов, венгров, грузин, азербайджанцев. Жены половецкие дарили степную кровь и вольнолюбивый нрав русским княжичам, венгерским рыцарям, грузинским азнаурам, монгольским нукерам. Народы не исчезают, даже если перестают существовать.

Низами был странным, по меркам того времени, человеком. Мусульманин, он придерживался иных воззрений на любовь и брак. Недаром в его поэмах женщины так самостоятельны, предприимчивы и независимы. Они — ведущая сила в любви, они — хранители морали и чести. Низами был убежден, что у мужчины может быть только одна жена, только одна любимая:

У мужа, у которого много жен, никого близкого нет...
Если хочешь, чтобы цельным был твой сын, слоено сердце,
Пусть имеет одного отца и одну мать.

Афак была великой любовью Низами. И именно ее видишь в образах смелых и благородных красавиц

сего поэм. Хочется думать, — а к этому есть основания, — что именно любовь к Афак изменила творчество Низами. Казалось бы, теперь, получив признание монархов и знатоков поэзии, Низами станет поэтом-философом, мистиком, мудрецом. Но молодой мудрец познал любовь. И все последующие годы он будет воспевать ее — свою Афак:

Величавая обликом, прекрасная, разумная.
Прислал мне ее владетель Дербенда.
Ее шелка — кольчуга и даже крепче кольчуги железной.
Она недоступна для тех, кто искал ее любви.
Вельмож она отвергла,
Мне же в супружестве постелила изголовье.

Судьба дала Низами четыре года счастья, дала ему сына Мухаммеда — самое дорогое после Афак существо на свете. И потом отняла у него жену: Афак умерла в 1180 году.

Удивительны сила и постоянство любви этого человека. Всю жизнь до последнего вздоха Низами будет воспевать Афак. В шестьдесят лет он напишет о ней:

От моего зора удалил ее дурной глаз.
Похищающее колесо небосвода ее похитило.
Ты сказал бы: и тогда, когда она была, ее не было.
За счастье, которое мне досталось,
Что мне сказать! Бог да будет ею доволен!

В 1180 году к Низами прибыл посол от сельджукского султана Тогрула с просьбой написать поэму о любви. Правда, неизвестно, научился ли Тогрул к тому времени читать, ведь ему было тогда лет десять и державой правил атабек Кызыл-Арслан. Важнее было признание: слава гянджийского поэта была уже так велика, что в Исфахане переписывали и читали «Сокровищницу тайн». Вполне возможно, что заказы приходили и за год, за два до этого. Но Низами был счастлив и не писал поэм. После смерти же Афак, находясь в глубоком душевном кризисе, Низами вдруг соглашается на просьбу султана.

Причин тут скорее всего две. Одна — земная: нужны деньги, растёт сын, надо работать.

Вторая, главная — творческая. Низами созрел для следующего шага. Он понял, что может написать гимн своей Афак, создать памятник столь недавно ушедшей жене.

Поэма писалась быстро. Этот громадный, много-плановый, сложнейший роман в стихах был написан менее чем за год. Афак была музой поэта.

И все это время Низами, дела которого, видно, совсем плохи, тешит себя надеждой на то, что султан высоко оценит его поэму, что, прочитав ее, скажет своим придворным о поэте:

Не настало ли время обласкать его,
Устроить дела лишившемуся дел?
Такой поэт — и в углу доколе?
Такой знаток слов без пропитания доколе?

Одолевали сомнения: не забыли ли в Исфахане о заказе. Слухи о том, что Низами пишет новую поэму, достигли ушей Пахлавана, правителя Гянджи. Не исключено, что правитель знал о поэте, к которому обращается даже султан, и дал понять Низами, что не возражает против того, чтобы поэма была посвящена ему. Низами и сам склонялся к такой мысли. Лучше синица в руках...

Поэма снабжена двумя посвящениями.

В поэзии Ближнего и Среднего Востока существует несколько основных сюжетов, несколько масок (как маски итальянского театра): олицетворение безумной любви — Меджнун, олицетворение силы и честности — Фархад и так далее. Рождение масок — процесс постепенный, и в нем немалую роль сыграл именно Низами. Это он отобрал наиболее яркие характеры в фольклоре и в истории, чаще всего обращаясь к великой сокровищнице сюжетов — «Шах-наме» Фирдоуси. Недаром после Низами каждый крупный поэт, как бы заколдованный великим авторитетом, писал те

же пять поэм, что и Низами. Все эти поэты писали свое, понимали канонический сюжет по-своему, но повторяли его, как разные актеры, играющие одну и ту же драму. Низами был первым, именно он нашел эти сюжеты, а порой лишь намеки на них в летописях и легендах. Разработав их, он сложил канон. До Низами «Пятерицы» не было. После Низами «Пятерица» стала обязательной.

Предание о Хосрове и Ширин существовало в различных вариантах и имело в основе своей историю жизни реальных людей: последнего домусульманского шаха Ирана Хосрова Парвиза и его главной жены Ширин. Пишет о Ширин и Фирдоуси, но довольно кратко.

Фирдоуси писал хронику. Любовь Фирдоуси мало интересовала. Он как бы фиксировал ее силу и роковые последствия, но не хотел исследовать. И тем более воспевать.

Для Фирдоуси герои — маски в трагическом театре. Для Низами — люди, которых он любит или ненавидит.

Шах, отец Хосрова, юноши талантливого, остроумного, отважного, издал указ о том, что каждый, кто посягнет на чужое, подвергнется суровой каре. Как-то Хосров был на охоте, потом, утомившись, расположился в крестьянском доме, где развлекался, слушая музыканта. Тем временем его конь, сорвавшись с привязи, забрался в посевы, а его раб залез в чужой виноградник. Шах доложили об этом. Шах приказал: коню Хосрова подрезать сухожилия на ногах, раба подарить хозяину виноградника, мебель и ковры Хосрова отдать хозяину дома, в котором тот развлекался. А музыканту остричь ногти, которыми он играл на чанге.

Хосров не роптал. И потому ночью к нему явилась тень его деда и сообщила, что за примерное поведение ему будут ниспосланы небом дары: «Ты утратил раба, взамен получишь красавицу, лучше которой нет в мире, твоему коню подрезали сухожилия — будет тебе

вороной конь Шебдиз, который скачет быстрее урагана. Твое добро отдали крестьянину — ты получишь трон, какого нет и у шаха... У тебя отняли музыканта — взамен найдешь певца по имени Барбед».

Как-то художник Шапур, друг Хосрова, рассказал принцу, что у царицы Михин-Бану, отдыхающей летом в Армении, есть племянница Ширин, первая красавица вселенной. А на конюшне там стоит вороной конь Шебдиз. Разумеется, сообщение о первой красавице было воспринято Хосровом как сигнал к действию. В себе принц не сомневался, тем более что предсказание тени дедушки запало Хосрову в память.

Для начала принц послал к красавице верного Шапура. Тот перед отъездом в Армению пишет несколько миниатюр своего повелителя. С таким необыкновенным грузом Шапур проникает в монастырь, выдавая себя за монаха, и ждет, пока там появится Ширин. Для мусульманина Шапура Армения — земля вполне дружественная, и живет он в монастыре не как шпион и враг — просто ему так удобнее. Да и непонятно, кто по вероисповеданию царица Михин-Бану и ее племянница Ширин. Поэта интересует любовь, а не религия — исламу он отдал дань в «Сокровищнице тайн».

Приехала Ширин, вышла на лужайку, где Шапур разложил портреты принца Хосрова. При виде столь прекрасного лица Ширин поняла: это ее избранник. Тут и появился Шапур, который сообщил, чей портрет увидела Ширин. Принцесса тут же вскочила на Шебдиза и поскакала за своим счастьем в Медаин, столицу Ирана, для того чтобы повидать своего суженого.

Тем временем над царевичем сгущаются тучи. Враги его не только убедили старого шаха, что Хосров намеревается свергнуть его с престола, но даже коварно отчеканили монету с профилем Хосрова. Так что Хосрову ничего не оставалось, как переодеться простым воином и бежать. По дороге он встретил Ширин, которая остановилась у родника напиться.

Хосров ее не узнал, потому что ее распущенные волосы закрывали лицо. Ширин его не узнала, потому что на портретах Хосров был хорошо одет, на нем был красный кафтан. Простолодинов же Ширин привыкла не замечать.

Ширин прибыла в Медаин. Однако дворец Хосрова был пуст. В нем обитали лишь многочисленные наложницы молодого героя. Хосров, уведомленный Шапуром, что Ширин может приехать к нему, велел им, если он и Ширин разминутся, принять красавицу, не задавая лишних вопросов.

Возлюбленные поменялись местами. Ширин томится в иранской столице, а Хосров живет в Бердаа, в зимнем дворце Михин-Бану, которая крайне обеспокоена исчезновением племянницы.

С каждым днем Ширин все более терзает подозрения, что у родника она видела именно Хосрова. В городе душно и пыльно. И принцесса просит построить для нее загородный замок. Ревнивые наложницы подкупают строителя, и тот выбирает для замка место в горах, где всегда царит адская жара.

Шапур между тем находит друга и рассказывает, что произошло. Хосров счастлив, узнав, что Ширин ждет его в Медаине. Он немедленно посылает за ней Шапура. Но тут, как назло, примчался гонец — скончался шах Ирана, и Хосрову надлежит срочно скакать в Медаин и брать в свои руки власть, пока ее не захватил кто-нибудь другой. Так что о Ширин приходится забыть. Долг важнее любви. А Ширин мчится с Шапуром домой. И вновь влюбленные разминулись.

Хосрову не повезло: не успел он взойти на престол, как коварный вельможа Бехрам Чубине поднял мятеж. Потеряв корону, Хосров едет в Мутань, где живет его нареченная.

И вот наконец он встречается Ширин.

Возлюбленные соединились. Конец?

Как бы не так! Низами только познакомил нас со своими героями. Драма, оказывается, еще впереди.

Кончился обычный рыцарский роман, началась драма высоких страстей.

Хосров без памяти влюблен, он жаждет овладеть Ширин. Но Ширин дорожит девичьей честью. Она не хочет стать его очередной наложницей. Лишь после свадьбы согласна она отдаться Хосрову. При этом она ставит важное условие: Хосров должен вернуть себе престол.

Ширин говорит Хосрову:

«Не должно мне, о нет, в изгнании твоём
Быть прихотью твоей, с тобою быть вдвоём.

Могу ли дружбою связаться я нестрогой,
Быть другом, что ведёт недоброю дорогой?

Пусть ты и власть — твоя — вы будете друзья,
Тогда, о шаханшах, с тобой сдружусь и я.

Боюсь, что, коль во мне одна твоя услада,
Меж царством и тобой останется преграда.

Коль будешь возвращен к могуществу судьбой,
То буду я, увы, утрачена тобой».

Уязвленный Хосров понимает, что Ширин права. Но войска у него нет, и надо искать помощи. И он отправляется к византийскому императору. Тот не только готов дать армию, но и предлагает Хосрову руку своей дочери Мариам. Византийскому кесарю нужен этот династический брак — тогда союз двух великих держав будет прочным. Хосров согласен. Свадьба сыграна, и с византийской армией царевич захватывает столицу Ирана и свергает узурпатора. Отныне он — венценосец.

Ширин знает об измене. Хосров оказался слабым человеком. Но разлюбить его Ширин не может. Низами совершает удивительный переворот в литературе: его главный герой оказывается не героем. С этого момента поэма посвящена лишь одной Ширин, становящейся поэтическим воплощением женского идеала Низами — Афак.

*Ферхад пробивает скалы.
Средневековый иранский барельеф.*

Хосров тоскует по Ширин, но ничего не смеет поделывать. Он зависит от византийцев. Ширин же в то время становится царицей: Михин-Бану умерла. Устроив все дела, она понимает, что более не в состоянии оставаться далеко от своего неверного Хосрова. И она едет в тот жаркий и душный замок в горах, что был построен для нее.

Она живет отшельницей в замке. Хосров знает об этом и просит у жены разрешения взять ее во дворец, клянясь, что даже не взглянет на нее. Царица опечалена: она понимает, что Хосров все еще любит Ширин. Мариам всеми силами противится желанию супруга. Она говорит ему:

«Нас разлучат с тобой Ширин лукавой руки.

Тебе — довольным быть, мне ж — горевать в разлуке».

Она грозит покончить с собой, если Хосров посмеет привезти Ширин.

Тогда Хосров отправляет в замок верного Шапура — пусть Ширин тайно приедет в столицу, где он укроет ее так, что Мариам и не отыщет.

Но Ширин горда, она не может на это согласиться. Она просит передать Хосрову, чтобы он больше не мучил ее, не сыпал соль на открытую рану. Служенье Богу — вот что ей осталось.

Тут в поэме возникает новое действующее лицо — Ферхад. Это Мастер, человек, воистину достойный Ширин, антитеза главному герою. Сила и цельность Ферхада были настолько впечатляющи и трагедия его была настолько новой для средневековья, когда социальная функция человека была незыблема и простолюдин в литературе не мог соперничать со знатными героями, что после Низами Ферхада стали воспевать в других поэмах.

...Ширин тоскует по свежему молоку, — может, Афак тоже тосковала по степной пище? — но пастбища расположены далеко от замка, и путь к ним требует немало труда.

Шапуру, который остался в замке Ширин, прихо-

дит в голову мысль позвать юного Ферхада — каменотеса, строителя и скульптора, который наверняка сможет помочь ее беде.

Ферхад приходит в замок. Ширин разговаривает с ним через занавеску — все-таки незнакомый мужчина, к тому же простолюдин. Она просит его пробить сквозь скалы, отделяющие пастбища от замка, канал, чтобы пастухи лили в него молоко. Голос ее так пленителен, что Ферхад не только соглашается все для нее сделать, но и влюбляется в нее.

Не проходит и месяца, как канал пробит, молоко течет по нему, благодарная Ширин дарит богатырю две бесценные жемчужины. Но богатырь не хочет никаких даров: им руководила любовь. Он уходит из дворца в степь, мечтает о Ширин и страдает, потому что красавица недоступна.

В портрете Ферхада есть деталь, которая позволяет утверждать, что Низами писал именно Мастера, который чем-то сродни ему самому. Сила Ферхада — это как бы внешний слой образа. И картина, которую любят изображать художники, — Ферхад, киркой разрубающий горы, — неточна. Мастерство Ферхада — это мастерство знания. Вот что говорит о Ферхаде Шапур:

«Есть мастер-юноша,— сказал он,— будешь рада
Ты встретить мудрого строителя Ферхада.
Все измерения он разрешает выиг,
Евклида он познал и Меджисте постиг»*.

Евклид — это греческий математик. А что такое Меджисте? Под этим названием на Ближнем и Среднем Востоке была известна работа Клавдия Птолемея «Свод по математике».

Какая уж тут кирка — Низами воспеваает ученого, пробивающего горы с помощью расчета и высочайшего знания.

Впрочем, Хосрову до этих деталей дела нет. Царь

* Цитаты из «Хосрова и Ширин» даны в переводе К.Липскерова.

раздражен. Замучили семейные неурядицы, государственные дела, а тут какой-то каменотес смеет вздыхать по Ширин. И шах, как и положено просвещенному монарху, собирает своих приближенных. Он удивителен в лицемерном прекраснодушии.

Вот как рассуждает царственный красавец:

«Как одержимого неистовство сдержать?
Как этой костью нам игральною сыграть?

Коль сохранить его — мое погибнет дело,
Сразить невинного мне честь не повелела.

В могуществе царя я мыслил быть один —
На праздник мой прийти решил простолюдин».

Как же избавиться от Мастера?

И вельможи советуют:

«Ты призови его, ты в нем роди надежды,
Чтоб он на золото свои приподнял вежды.

За золото Ферхад и веру отметет,
За сладость звонкую от Сладкой отойдет.

Коль золотом глупца не отмести метлой,
Тогда займи его работой над скалой.

Чтоб до поры, когда его иссякнет время,
Напрасно бы он бил в скалы гранитной темя».

Вроде бы сказочный сюжет. Царь дает Ивану-дураку невыполнимое задание, которое тот должен выполнить, чтобы получить принцессу, хотя царь и не собирается Иванушке принцессу отдавать. В сказке Иванушка обязательно своего добьется. Но поэма Низами — не сказка. Пользуясь атрибутами сказки, гений разбивает ее, как птенец яичную скорлупу.

Шах зовет Ферхада к себе. И тут еще одна неожиданность: простолюдин не чувствует себя ниже шаха. Ни о каком золоте и речи быть не может:

Ферхада нельзя купить за все сокровища шаха. Диалог шаха с соперником — столкновение Мастера и самодержавного властителя.

Один бессилен, но нестигаем, потому что он — Мастер. Второй всемогущ и беспомощен, потому что он может только купить, только убить, но не может сломить.

— Ты кто? Тут все я знаю лица, — спрашивает Хосров, отлично осведомленный о том, кто и почему приведен к нему. Но ведь нужно утвердиться. Нужно унижить собеседника.

И Ферхад отвечает:

— Мой край далек, и Дружба — в нем столица.

— Чем торг ведут, зайдя в такую даль? — задает новый вопрос Хосров.

— Сдают сердца, взамен берут печаль.

Диалог продолжается:

— Сдавать сердца — невыгодный обычай.

— В краю любви не каждые с добычей.

— Ты сердцем яр. Опомниться спеши.

— Разгневан ты, я ж молвил — от души.

— В любви к Ширин тебе какая радость?

— Сладчайшая в душе влюбленной — сладость.

— Ты зришь ее всю ночь, как небосклон?

— Когда усну. Но недоступен сон.

— Когда гореть не станешь страстью злою?

— Когда усну, прикрыв себя землею.

Хосров, сначала насмешливый и снисходительный, как бы начинает мерить себя по любви Ферхада. И чем дальше идет разговор, тем яснее поражение Хосрова.

— Коль «все отдай» она промолвит строго? — спрашивает Хосров, который пока что ничем не пожертвовал ради любви.

Ответ откровенен до предела:

— Я с воплями прошу об этом Бога.

— Коль вымолвит: «Где ж голова твоя?»

— То сей заем вмиг с шеи сброшу я.

— Любовь к Ширин исторгни ты из тела!

— О, чья б душа погаснуть захотела!

На каком-то этапе разговора Хосров вдруг начинает сочувствовать сопернику. Он уже не издевается и даже не любопытствует. Он растерян.

— Ей сердце дал, хоть душу сбереги,— Хосров почти просит.

— Томлюсь. Душа и сердце — не враги,— отвечает Ферхад.

— Чего-нибудь страшишься в этой муке?

— Лишь тягости мучительной разлуки.

— Хотел бы ты наложницу? Ответь.

— Хотел бы я и жизни не иметь.

Хватит. Хосрову этот разговор неприятен. Он вынес свой приговор Ферхаду. Ему ужасна мысль о том, что есть любовь, перед которой его чувство кажется ничтожным.

— Она — моя, забудь, что в ней услада.

— Забвения не стало для Ферхада.

— Коль встречу с ней, что скажешь мне — врагу?

— Небесный свод я вздохом подожду.

Хосров понимает, что золото здесь не поможет.

И тогда он решает использовать, так сказать, запасной вариант.

Он говорит сопернику:

«Мы ищем путь прямой, удобный для дороги.

Нам трудно обходить окрестных гор отроги.

Ты в каменной горе пророй просторный путь,

Ведь он послужит мне, об этом не забудь.

Никто бы не сумел за это взяться дело,

Лишь знание твое его бы одолело».

Богатырь согласен убрать преграду, но лишь при одном условии:

«Давай условимся! Трудом займусь я старым,
Но обязательство я выполню не даром.

И сердце шахское мне клятву дать должно:
Пусть сахар Сладостной с себя стряхнет оно».

Хосров с трудом удерживается, чтобы не полоснуть Ферхада мечом. Но тут ему приходит в голову мысль, что он может посулить все что угодно, ибо задача, которую он задал сопернику, невыполнима.

И он дает слово отказаться от Ширин.

А Ферхад велик в своей доверчивости. Я не знаю, откуда пошла русская поговорка «Любовь горы своротит» Может, она и не имеет ничего общего с подвигом Ферхада. А может, когда-то пришла в равнинную Россию с Востока. Ради Ширин Ферхад должен был совершить несовершенное. И разумеется, своротил гору.

Правда, вначале он высек на ней образ возлюбленной. Потом подумал и сделал еще один барельеф — шах на коне, благородный, как все еще верил Ферхад.

Ширин, узнав, на что Ферхад пошел ради нее, скачет к горе, чтобы посмотреть на этот подвиг, но не потому, что подвиг Ферхада перевернул ее душу. Ширин — фигура трагическая. Она — раба собственной любви. Низами создал образ женщины, которая знает, что отдала любовь недостойному, но не может отказаться от нее.

И для нее весть о подвиге Ферхада — радость, великое самоутверждение и даже, как ни странно, надежда на избавление от роковой страсти к Хосрову. Ширин говорит подругам:

«Шепнула мне душа, что мне увидеть надо,
Как рухнет скала под натиском Ферхада.

Быть может, искорка, ничтожная на вид,
От камня отлетев, мне сердце оживит».

Ширин не закрывает лица, ее конь несется, едва касаясь копытами камней.

И скачет, заблестев нарциссами очей,
Как сто охапок роз под россыпью лучей.

Ферхад услышал стук копыт, поднял голову — перед ним Ширин.

Ширин привезла Ферхаду кувшин с молоком, что течет в замок по каналу. И когда Ферхад стоит, окаменев от невероятного зрелища, Ширин протягивает ему кувшин.

Ферхад выпил молоко, думая, что, если бы она принесла ему яд, тот был бы таким же сладостным напитком.

Сцена, в которой никто не говорит ни слова. Сцена взаимной надежды и в то же время обреченности. Конь вдруг пошатнулся и стал падать. Ширин не успела вскрикнуть — лишь протянула руки к Ферхаду. Тот отбросил кувшин и, схватив коня за гриву, поднял его над землей. Потом он взял Ширин на руки и через горы и пустыню отнес в замок.

...Ферхадова рука

Обидеть не могла на ней и волоска.

Бережно положив ее на ковер в замке и молча поклонившись, Ферхад пошел обратно, к горе. И только там, когда никого не было рядом, он упал на землю и стал биться головой о камни.

Что же происходит? Ширин знает, что Ферхад срывает гору, потому что за это Хосров согласен уступить ему Ширин. Ширин должна бы возмутиться, проклясть Хосрова и уж никак не мчаться к Ферхаду. А что делает Ширин? Она весела, почти счастлива. Она загоняет коня, несясь к Ферхаду. Она позволяет Ферхаду отнести ее в замок.

Хосров перепугался всерьез. Самолюбие его поражено стрелой ревности. Как, Ширин ездила к Ферхаду?

Больше того, ему доносят, что, увидев Ширин,

Ферхад начал трудиться вдвое против прежнего. Еще несколько дней — и горы не станет. Тогда ничто не остановит Ферхада. Он свою половину соглашения выполнил. Шаху, чтобы не стать посмешищем в глазах всего мира, придется покориться. И Хосров понимает, что Ширин готова полюбить Ферхада.

Вновь собираются вельможи, умудренные в интригах, бессердечные и лживые. У них уже готов рецепт, как избавиться от Ферхада. Хосров принимает план вельмож: послать к Ферхаду человека, который как бы случайно встретится с ним и как бы случайно расскажет о смерти Ширин. Вельможи убеждены, что человек, с такой неистовой силой любящий, не сможет вынести подобного удара.

Узнав, что перед ним Ферхад, гонец с причитаниями начинает рассказывать, как неожиданно умерла Ширин и как ее хоронили. Каждое его слово — кинжал, вонзающийся в Ферхада. Простодушный богатырь не может заподозрить, что кто-то способен на столь низкую ложь.

Ферхад умирает. Сердце его не выдерживает — оно не может биться, если на свете нет Ширин.

Но Хосрову этого мало. Узнав о смерти Ферхада, он вне себя от радости. Он падает настолько низко, что позволяет себе написать подлое письмо Ширин, в котором утверждает, что Ферхада довела до смерти слишком холодная и неприступная Ширин. Он издевается в нем над скорбью Ширин, оскорбляет ее. Он победил. Соперник уничтожен.

А Ширин хоронит Ферхада, строит над его могилой прекрасную гробницу и оплакивает его. Это странный плач о несвершившейся любви.

Неожиданно умирает Мариам. Узнав об этом, Ширин пишет Хосрову насмешливое письмо, в котором говорит, что он скоро утешится с новой возлюбленной. По крайней мере долго убиваться не будет.

Уязвленный письмом Ширин, Хосров не хочет ехать к ней, и, когда ему говорят, что в Исфахане

живет какая-то немыслимая красавица, шах тут же бросает все дела и мчится туда добиваться руки девушки по имени Шекер.

Низами не ставит под сомнение любовь Хосрова. Шах любит Ширин, но как собственность, которая должна быть покорна. Он словно боится Ширин, понимая, насколько она сильнее его.

И Хосров женится на Шекер, но она быстро наскучивает ему.

И затем новое столкновение, новая боль. Хосров едет охотиться в окрестности замка Ширин. Вечером он подъезжает к замку. Может быть, наступит примирение? Нет, Ширин не открывает ему ворота. Она лишь выходит на крышу замка, и происходит длинный и тяжелый спор о любви.

Ширин будто ждет от Хосрова тех слов, которые он не может сказать. Шах сначала нежен, потом настойчив. Он страстно мечтает обладать Ширин.

Ширин говорит усталые и понятные слова: любовь в ней перегорела и бороться за Хосрова со случайными его увлечениями она не в силах. Она не намерена делить его с Шекер. Спор тянется, утопая в безнадежном непонимании.

Ширин бросает шаху обвинение в том, что он никогда по-настоящему ее не любил. А когда Хосров упрекает ее влюбленностью Ферхада, отвечает, что то была настоящая любовь мужчины. Ферхад отдавал все себя, ничего не требуя взамен.

Ширин завершает монолог торжественной клятвой:

И поклялась она, взор поднимая свой,
Всезрящим разумом, душою огневой,

Предвечным куполом, высоким, бирюзовым,
Истоком пламени и солнцем вечно новым,

Всей райской красотой, всей прелестью небес
И каждой буквою всех, всех земных словес,

Тем поклялась живым, кто будет жить вовеки,
И тем взирающим, кто не опустит веки,

Тем щедрым богачом, что всю насытил тварь,
Все души возрастил и всем живущим — царь:

«Всевластный шах! Сдержу я слово обещанья:
Я для тебя ничто — до нашего венчанья!»

Хосров вынужден ускорять. Уязвленный, влюбленный, он изливает Шапуру душу, обвиняя Ширин во всех грехах.

Шапур замечает, что еще не все потеряно, что гнев Ширин — лишь свидетельство ее любви, что она сама придет к нему.

Ширин и в самом деле в ужасе от того, что она выгнала Хосрова, без которого не может жить. И она мечится верхом в его лагерь!

Там тихо. Лагерь спит. Из своего шатра выглядывает Шапур, услышавший стук копыт.

Ширин шепотом говорит о своем горе — она винит только себя в том, что случилось. Шапур устраивает Ширин на ночь, а та просит, чтобы он позволил ей завтра во время пира спрятаться в шатре и увидеть Хосрова. Шапур — верный друг Хосрова, но он всегда благороден по отношению к Ширин.

Во время пира Ширин уговаривает одного из певцов спеть песню, где в иносказательной форме говорится о том, что она чувствует свою вину.

Хосров вдруг понимает: Ширин где-то рядом. И он подсказывает другому певцу песню о том, что он рад ей, что он покорен, что ему страшна лишь разлука.

Четырежды они обмениваются песнями.

И каждая из песен — гимн победившей любви.

Наконец Ширин поднимается, идет к Хосрову и падает ему в ноги.

Хосров склоняется к ней и благоговейно целует землю у ее ног.

И после этого свадьба.

И конец поэмы?

Ничего подобного. Низами понимает, что эта поэма не может кончиться идиллией.

Счастье Хосрова и Ширин длится недолго: над

шахом висит проклятие предательства — смерть Ферхада. И Низами не может простить ее Хосрову.

Хосров изменился, он старается мудро править страной, он приближает к себе ученых, он забывает о пирах и забавах. Страна благоденствует.

Но рок неумолим. У Хосрова подросток сын от Мариам, его зовут Шируйе. И Шируйе безумно полюбил мачеху. Еще один зловещий поворот судьбы.

Шируйе ставит себе целью добиться мачехи. И когда Хосров, забыв мирскую суету, становится жрецом в храме огня, он свергает его с престола и бросает в темницу.

Ширин идет в тюрьму вслед за Хосровом. Когда ему плохо, она его не оставит.

Ночью, когда супруги заснули, подосланный Шируйе убийца вонзает в Хосрова меч.

От нестерпимой боли Хосров пробуждается. И тут совершается великое превращение — гений Низами находит такой путь в этой тьме трагедии, что мы склоняем головы перед силой любви.

Весь кровью он залит... Глядит он, чуть дыша...
Смертельной жаждою горит его душа.

Подумал царь: «Ширин — жемчужину жемчужин —
Я пробужу; скажу: плоток воды мне нужен».

Но тут же вспомнил тот, чей взор покрыла мгла,
Что множество ночей царица не спала.

«Когда она поймет, к какой пришел я грани,
Ей будет не до сна среди ее стенаний».

Нет, пусть молчат уста, пусть дышит тишина,
Пусть тихо я умру, пусть тихо спит она».

Так умер царь Хосров, ничем не потревожа
Ширин, уснувшую у горестного ложа.

Ширин просыпается от кошмара: ей снилось, что муж погиб. Она откидывает покрывало и видит

окровавленное тело Хосрова. Низами не описывает ее чувств — это лишнее. Мы достаточно долго жили рядом с Ширин, мы знаем ее куда лучше, чем ничтожный Шируйе. Она обмывает тело Хосрова, умащает его благовониями, сама наряжает в царские одежды.

Входит гонец от Шируйе. С тонким лицемерием Шируйе просит передать царице, что ей дана неделя скорбеть о муже. После этого она должна дать согласие на брак с пасынком.

Ширин лишь вздрагивает, словно ее ударили. И после короткой паузы отвечает: «Выждем срок».

Она застывает в горе, но ни слезинки не выкатилось из ее глаз. Она даже принимает пасынка и говорит, что готова стать его женой, но он должен до погребения Хосрова выполнить все ее условия, пусть даже они покажутся ему странными. В числе этих условий два чудовищных: у Шебдиза должны быть подрезаны сухожилия, трон выкинут из дворца — в царстве Шируйе не должно остаться следа от Хосрова. Разумеется, пасынок не без удовольствия выполняет пожелание мачехи. После этого Ширин раздает нищим все одежды мужа.

И вот день похорон.

Среди прислужниц и рабов за носилками с телом Хосрова идет Ширин, одетая, как невеста. Ее вид вызывает всеобщее осуждение:

Все, глядя на Ширин, решали вновь и снова:

«Не в горести она от гибели Хосрова».

Тело царя вносят в гробницу. Ширин приказывает всем выйти из склепа и закрыть его. Она хочет побыть одна рядом с мужем.

Когда дверь закрывается, Ширин подходит к носилкам и вонзает острый кинжал себе в печень. И молча падает на тело Хосрова.

И ложе царское ее покрыла кровь,

Как будто кровь царя, растекшаяся вновь.

.....

И тучи поднялись из-за морей беды,
И грозы глянули из черной их гряды,

И ветер из равнин, как бы единым взмахом,
Весь воздух свил в одно с взнесенным черным прахом.

Лишь о случившемся сумели все узнать, —
Восславили Ширин...

А потом Низами в нарушение всех канонов пишет главу, которую называет «Смысл сказа о Хосрове и Ширин». И в этой главе он признается, что написал поэму в память о своей умершей жене Афак, которую любил и любит. И потому он молит Аллаха, чтобы тот защитил сына, которого родила Афак.

...В то время, когда Низами писал последние главы романа о Хосрове и Ширин, на другом конце земли, в Японии, высокий сановник императора-инока, по имени Наритику, замешанный в заговоре против главы дома Тайра, печально следовал в далекую ссылку. Рукава его одежд были мокры от слез. Он вспоминал свои прегрешения. Вспоминал, как оскорбил монахов буддийского монастыря Святой горы. И как монахи, бессильные наказать обидчика, прокляли его. Казалось, проклятие монахов не сбылось. Наритику получал высокие чины и пользовался покровительством императора. И вот через много лет судьба настигла его... И размышлял он так: «Божья ли кара, людское ли проклятие — рано или поздно непременно настигнут они человека, и никто не знает, в какой час свершится возмездие!»

Мы никогда не сможем до конца прочувствовать форму поэмы, тонкость ее эпитетов, музыкальность ее двустопий. Даже знание персидского языка не приблизило бы нас к истинному пониманию — за восемьсот лет язык сильно изменился. Переводчики Низами, — а переводили его наши лучшие мастера: М. Шагинян, П. Антокольский, К. Липскеров, В. Державин, — старались донести поэзию Низами до современного читателя. Они создавали новый поэтический

язык, вступая в неизбежную борьбу с поэтом. Они стремились сохранить аромат времени, то есть подбирали слова и образы, для русского языка устаревшие.

В этом извечная проблема переводов старинных художественных текстов. Особенно это чувствуешь, когда читаешь переводы средневековой русской поэзии. Так и хочется порой перевести перевод еще раз — на наш, современный язык. Но нельзя: модернизация сродни неуважению. Можно подумать, что Низами или автор «Слова о полку Игореве» писали не на самом что ни на есть современном для своего читателя языке*

Почему-то никто из исследователей не говорит о драме, происшедшей с поэмой после того, как в 1181 году Низами ее закончил, посвятив заказчику — султану Тогрулу. Затем он посвятил ее и правителю Гянджи. Но впоследствии появляется третье посвящение — новому атабеку Гянджи Кызыл-Арслану, который вступил на престол в 1187 году.

Так что же происходило в течение шести лет?

Вначале Низами ждал, что за поэмой приедут из Исфахана. Но посольства не было. Шли месяцы, потом годы. Низами отчаялся и написал второе посвящение — местному властителю Пахлавану. Второй покровитель жил рядом.

Но что-то случилось и в самой Гяндже.

Возможно, ответ на это заключается в одной из

* Цитируя Низами, я использую и поэтические переводы, и подстрочники. Это объясняется двумя причинами. Иногда хочется как можно точнее передать мысль и образы Низами — тут помогают прозаические переводы Е. Вертельса. Поэмы Низами обычно издаются в сокращении. Пропуская некоторые главы, переводчики руководствовались соображениями поэтическими. Поэтому менее всего повезло отступлениям. И тут приходится обращаться к тем отрывкам, которые перевел Вертельс, или к цитатам, которые приведены в других исследованиях. Когда же цитируются поэтические переводы, то, за исключением специально оговоренных случаев, они принадлежат следующим переводчикам: «Сорвишница тайн» — К. Липскерову и С. Шервинскому, «Хосров и Ширин» — К. Липскерову, «Лейли и Меджнун» — П. Антокольскому, «Семь красавиц» — В. Державину, «Искандер-наме» — К. Липскерову.

приписок к поэме — приписка называется «Порицание завистников». В ней Низами обрушивается на придворных поэтов, на ханжей, окружающих правителя. Почему вдруг Низами, уже закончив поэму, начинает борьбу с завистниками? Почему он отчаянно доказывает, что поэма благопристойна и что ее автор имеет целью лишь восхваление пророка?

Причина тому — либо отказ, пришедший из Исфахана, либо, что более вероятно, отказ, полученный здесь, в Гяндже. Второй заказчик, Пахлаван, поэму не принял.

Поэт и царь — извечная проблема. Потомки, воспевающие Низами, поэты, подражающие ему, ученые, разбирающие по жемчужинке его строки, — все они еще не родились. А пока есть только пишущий под псевдонимом Низами горожанин Ильяс ибн Юсуф, которого можно увидеть на улице и оттеснить к грязной стене крупом коня. Мы порой забываем, что поэт всегда окружен людьми, которые не могут понять великого, — горько читать письма Пушкина, который сетует на критиков, что твердят на каждом углу: Пушкин исписался, Пушкин кончился.

Поэма Низами была революцией в литературе. Люди, о которых она говорила, не входили в рамки устоявшихся понятий. Низами написал неправильную поэму. Конечно же, сразу нашлись цензоры и блюстители нравственности, которые сделали все, чтобы о поэме забыли.

Низами пишет громадный роман, но в лучшем случае он может позволить себе снять с него одну-две копии. И все. Бумага страшно дорога, труд писцов — тоже. Как нанять писцов небогатому горожанину? Следовательно, пока поэма не куплена царствующей особой, она мертва.

Идут годы. Кто-то поэму читает, у нее наверняка появляются поклонники. Может, ее обещают купить...

В очередной приписке к поэме Низами пишет, что

ему обещаны кони в драгоценном убранстве, рабы и золото. Но тут же с горечью замечает:

Смотри, как задержалось выполнение обещания,
Как мое вьючное животное пало и вьюк застрял в пути,
Как обещавший унес свои пожитки,
Как оставил несжатым засеянное поле.

В 1186 году Пахлаван умер. Трон в Гяндже перешел к его брату Кызыл-Арслану.

Низами уже давно не пишет: он беден, он не может позволить себе бросить повседневные занятия ради поэзии. Может быть, и на бумагу денег нет.

И вдруг в дверь стучится посланец Кызыл-Арслана. Тот стоит лагерем в тридцати днях пути от Гянджи. Гонец привез письменный приказ поэту собираться в путь.

Когда Низами ввели в шатер атабека, Кызыл-Арслан предавался веселью под звуки музыки: певцы исполняли газели Низами — легкие и беззаботные стихи молодости. Низами остановился у порога. Повелитель приказал певцам уйти.

Кызыл-Арслан поднялся с ковра, подошел к Низами, обнял его и посадил рядом с собой. В долгой и милой сердцу поэта беседе — какой поэт в глубине души не мечтает так попросту поговорить с царем! — Кызыл-Арслан вдруг спросил, нравятся ли Низами те две деревни, что ему подарены, хорошо ли ведут себя крестьяне, не нападают ли разбойники?

Никаких деревень Низами не получал и слыхом не слыхивал о такой милости. Пришлось в этом признаться.

— Ах,— воскликнул повелитель, словно и не подозревал о таком несчастье,— неужели ничего Низами не получил?

И тут же приказал выписать Низами грамоту на деревню Хамдуннан и вынести для него почетный халат.

Когда Низами собирался в обратный путь, кто-то из придворных с деланным сочувствием поведал о

том, что деревня потому и дана поэту, что не приносит дохода, лежит она на границе и разбойники отнимают урожай у крестьян, как только те его соберут.

Так величайшая поэма средневековья не принесла Низами дохода.

Но из этого не очень удачного визита родились легенды, которые упорно рассказывали современники, а затем, приукрасив, потомки. В них был шах, смиренно подходящий к хижине поэта, и мудрый старец, у которого всего-то добра — войлочная подстилка да Коран. И последующая дружба шаха с шейхом-поэтом. Такой образ был куда удобнее, чем вид скромного горожанина, над которым посмеиваются сытые вельможи.

Но поэма все же жила: ее переписывали, ее копии атабек дарил знатым гостям, слава Низами гремела, хотя до Гянджи докатывались лишь отзвуки ее. Умерла вторая жена Низами, которую он не любил, подрастал Мухаммед, доставляя отцу и радости, и огорчения. Почти семь лет он ничего не пишет, если не считать короткой оды Кызыл-Арслану.

Весной 1188 года к Низами прибыл гонец из Шемахи от ширваншаха, того самого деспота, который заморил в тюрьме Фалаки и терзал Хагани. Это был большой ценитель поэзии и не менее известный губитель поэтов. Одно другому не мешало. Как знаток и ценитель, он предложил Низами переехать к нему. Низами, естественно, не согласился. Тогда ширваншах заказал поэму, причем обозначил не только тему, но и сюжет. Низами должен был описать в стихах судьбу несчастных возлюбленных Лейли и Меджнуна, героев легенды, которая уже своей известностью сковывала поэта. Сам Низами в предисловии к поэме пишет, что тема эта его не увлекла и, если бы не бедность, он бы не принял заказа. А уговорил его сын, которому уже тринадцать лет, он почти мужчина. Мухаммед недоволен тем, что Низами отвергает выгодные заказы, а сейчас намерен отказать ширваншаху. Мухамме-

ду надоело жить в бедности. Он уговаривает отца не только написать поэму, но и добавить специальную главу, восхваляющую сына. Низами написал эту главу — обращение к наследнику престола с просьбой приблизить к себе сына, но честно признал, что склонность сына к блестящей жизни ему не нравится и он пишет эти строки лишь из любви к своему мальчику, ибо каждый волен избирать себе судьбу.

Правда, наследник престола сына Низами не приблизил.

Начав писать, Низами постепенно увлекся. Он создал не очередной пересказ грустной истории о том, как Меджнун, которому родители Лейли отказали в руке любимой, становится безумцем, удаляется в пустыню и в конце концов погибает, а психологически тонкий роман в стихах. Поэма Низами родила целую литературу. Более сорока «Лейл и Меджнунов» было с тех пор написано именно в подражание Низами.

Поэма была закончена и отправлена заказчику. Доходов она не принесла, сын ко двору не попал. Низами продолжает жить в Гяндже. Проходит еще восемь лет. По тогдашним меркам, Низами уже почти старик — ему за пятьдесят. Жизнь завершается. И приходишь в отчаяние от того, что не осталось никаких свидетельств, даже слухов о том, как же шла эта удивительная жизнь, для нас озаряемая лишь раз в десятилетие, когда Низами заканчивал новую поэму. Между поэмами — тьма, забвение. И беды. Во вступлении к следующей поэме Низами намекает на них:

И дверей своих пред нищим я не закрывал,
Ибо хлеб мой и достаток сам ты мне давал.
Я состарился на службе у тебя в саду.
Помоги мне, чтобы вновь я не попал в беду.

И вот в 1195 или 1196 году из города Мараги, от тамошнего правителя, ценителя поэзии, которому посвящено несколько произведений других поэтов, при-

шел заказ. На этот раз заказчик либеральнее предыдущего. Он просит написать на любую тему, какую выберет поэт. А за наградой не постоит.

Впервые за много лет Низами может писать, что пожелает.

Он начинал с философской поэмы, размышляя о смысле жизни. Достигнув зрелости, Низами пишет о неладной любви, протянувшейся на годы. Затем «Лейли и Меджнун» — поэма о роковой страсти, о Ромео и Джульетте Востока. Не зная, в какой последовательности написаны поэмы, никогда не догадаешься, что «Сокровищница тайн» на много лет предшествует «Лейли и Меджнуну».

И вот под шестьдесят, больной, так и не разбогатевший Низами снова берет калам. Он подводит итоги жизни?

Ничего подобного — он пишет светлую, озорную, приключенческую, сказочную поэму «Семь красавиц». Он пишет о приключениях царя Бехрама Гура и его любовных утех. Помимо истории о самом шахе, в поэме есть и вставные рассказы семи красавиц, возлюбленных шаха. Любопытно, что среди возлюбленных Бехрама есть и русская княжна. Она живет во дворце красного цвета, и ее рассказ тоже связан с этим цветом.

В своих поэмах Низами — реалист, насколько можно быть реалистом человеку средневековья. Все действия и события в жизни героев имеют рациональное объяснение. Даже Ферхад, круша горы, не обходится без помощи Евклида. Но в «Семи красавицах» Низами откровенно сказочен.

Вот, например, Черная сказка. Жил-был индийский царь, милейший человек. Однажды он увидел путника, одетого во все черное. Царю стало интересно, что это значит. Но чем дольше он расспрашивал путника, тем упрямее тот уходил от ответа. Царь распалился от желания узнать тайну, но путник поведал лишь, что в Китае есть многолюдный город, который прозвали Городом Смятенных. Все его жито-

ли ходят в черном. Побывав там, путник тоже облачился в черное. Тут уж царю просто невтерпех — так хочется разгадать тайну.

Разумеется, царям многое дозволено — вот и наш царь поехал в Китай, нашел Город Смятенных. Поселился у одного юноши, сдружился с ним. Сдружившись, царь начал осыпать юношу дарами, чтобы узнать, почему же все ходят в черном. Юноша жалел царя, долго сопротивлялся, но все же устоять перед ним был не в силах. И вот однажды ночью он привел его на окраину города, к полуразрушенной башне, к которой на канатах была привешена корзина. Как только царь залез в корзину, та поднялась на вершину башни. Там было пусто. Царю стало страшно. Дул ветер — корзина не спускалась. Появилась громадная птица. Она села рядом с царем и заботливо прикрыла его крыльями от холодного ветра.

На рассвете птица собралась улететь, но царь уже осмелел. Он схватился за ноги птицы и полетел неизвестно куда.

Наконец птица опустилась в прекрасном саду. Вечерело. В сад вышли очаровательные девушки с факелами в руках. И не успел царь налюбоваться ими, как появилась их повелительница — царица умопомрачительной красоты. Царь тут же влюбился.

Царица угощала царя вином и фруктами, царь млеял, да и царица захмелела. Царь понял, что настало время любви. Он начал страстно лобзать царицу, та отвечала на его поцелуи и со вздохом призналась, что такого мужчины ей еще встречать не приходилось. Разумеется, она готова ему отдаться. Только не сегодня.

— Прошу тебя, — сказала она царю, — возьми на сегодняшнюю ночь одну из моих девушек, не обижайся, есть у меня причины отложить нашу любовь на завтра.

Царь покорился. Он проследовал в роскошную опочивальню с прекрасной девушкой, и та услаждала его до утра.

Проснулся царь поздно. Сад был пуст, светило солнце, пели птицы, настроение было чудесное. К вечеру в сад снова пришла царица с девушками, и все повторилось. На этот раз царю было еще труднее подчиниться прихоти царицы, но он понимал, что на пути к их счастью стоят какие-то важные причины. И провел ночь с другой подругой. И так, страшно подумать, двадцать девять дней!

На тридцатый вечер царь не выдержал: сегодня или никогда!

— Хорошо, — ответила царица. — Пожалуй, ты прав, я была слишком жестока. Зажмурься. Я сама распущу пояс и сниму с себя одежды.

Царь зажмурился и стал считать секунды.

И тогда подул прохладный ветер, исчезло благоухание сада.

Царь открыл глаза. О, лучше бы он их не открывал!

Корзина опустилась к подножию башни. У корзины стоял печальный юноша, весь в черном.

— Прости, друг, — сказал он. — Ты бы мне не поверил, пока сам не испытал. Теперь ты понимаешь, почему мы все тут ходим в черном?

Царь не ответил. Он был человеком деликатным и понятливым. Он даже не стал интересоваться, каким образом целый город смог побывать в том волшебном саду. Разве это так важно? Он попросту пошел в ближайшую лавку — там торговали только черными одеждами. И купил себе все черное-черное.

С черным сердцем появился я в родном дому.

Царь я — в черном. Тучей черной плачу потому.

И скорблю, что из-за грубой похоти навек

Потерял я все, чем смутно грезит человек!..

Легенда о царе Бехраме приведена у Фирдоуси в «Шах-наме», но Низами, как и прежде, смело отвергает легенду, если она противоречит правде характеров.

У Фирдоуси есть такой эпизод. В восемнадцать лет

шах Бехрам потребовал, чтобы ему подарили рабыню. Он выбрал Азадэ, музыкантку и певицу. Девушка пришлась Бехраму по душе, и он взял ее с собой на охоту. Там он решил похвастаться перед ней меткой стрельбой из лука.

— Куда ты хочешь, чтобы я попал? — спросил он.

— Преврати самца газели в самку, — сказала рабыня. — Пришей ногу к уху газели.

И засмеялась.

Но Бехрам не смутился. Двумя стрелами он срезал самцу рога, а еще две всадил в голову самке. Так что самец стал безрогим, а самка — с рогами. Потом он дождался, пока другая газель подняла ногу, чтобы почесать ухо, и пришил ее ногу к уху стрелой.

Азадэ испугалась.

— Наверное, в тебя вселился злой дух! — воскликнула она в ужасе.

Бехрам пришел в ярость, сбросил девушку с седла и растоптал конем.

А вот как эту же историю рассказал Низами.

Во время охоты любимая певица Бехрама Фитнэ замечает, что стрелять, как он, может научиться любой, было бы время и желание.

Бехрам оскорблен. В гневе он подзывает к себе одного из воинов и велит ему увести в лес и убить оскорбительницу.

Воин с девушкой идут в лес.

Фитнэ говорит воину:

— Давай отложим расправу надо мной на несколько дней. Ты пока на глаза шаху не попадайся, а оттяни встречу. Когда эти дни пройдут, подойди к шаху и доложи, что ты меня убил. Если он скажет тебе: «Вот молодец!» — тогда приходи и убивай меня. Но если он к тому времени раскается, то спасешь себя от греха, а меня — от смерти.

Аргументы Фитнэ показались воину убедительными. Через неделю он сказал Бехраму, что девица убита. Шах пришел в отчаяние. Он бросился на землю и горько зарыдал.

Успокоенный воин отвез Фитнэ в деревню. Там она отдала воину свои драгоценности, чтобы он построил для нее высокую башню... В тот день в деревне родился теленок. На последние деньги Фитнэ купила теленка и отнесла на вершину башни, а вечером спустилась с ним вниз.

Это удивительное восхождение она повторяла каждый день в течение шести лет. За шесть лет теленок вырос в громадного быка, а хрупкая девушка потеряла изящество, но красота ее на свежем воздухе и при обилии упражнений не померкла.

Однажды, узнав, что Бехрам охотится где-то поблизости, Фитнэ попросила воина, с которым давно уже подружилась, чтобы он пригласил шаха к себе в деревню. Тот так и сделал.

Воин с шахом взобрались на башню, куда вели шестьдесят крутых ступеней. Там был накрыт стол, и благодарный гость пировал, любуясь прекрасным видом с высоты. Потом не без ехидства заметил, что, пока воин молод, он может забраться на башню. А что он будет делать, когда ему стукнет шестьдесят лет?

— Как-нибудь справлюсь, — ответил воин. — У меня добрый пример перед глазами.

— Какой же?

— А разве вы не слышали, что у нас здесь в деревне живет девица, которая может подняться на башню, неся быка?

Посмеявшись над такой нелепицей, Бехрам все же согласился поглядеть на чудо.

Появилась Фитнэ, лицо ее было закрыто чадрой. Она подхватила быка и легко поднялась с ним на вершину башни. Шах не мог скрыть изумления. Наконец он нашел подходящие моменту слова:

«Это сделать ты смогла,

Потому что обучалась долгие года.

А когда привыкла, стала делать без труда.

Шею принаравливала к грузу день за днем,
Тут лишь выучка одна, сила — ни при чем!

Не скрывая злорадства, Фитнэ ответила:

«Ты за долг великой платой должен мне воздать.
Дичь без выучки убита? А быка поднять
Выучка нужна? Вот, подвиг совершила я.
В нем не сила? В нем одна лишь выучка моя?
Что же ты, когда онагра жалкого сражаешь, —
Ты о выучке и слова слышать не желаешь?»

Шах узнал голос Фитнэ. Она еще не кончила говорить, как он бросился к ней, сорвал чадру и обнял девушку.

— Женюсь, тут же женюсь! — заявил он и наградил воина, который не выполнил его повеления. Затем шах женился на Фитнэ.

Много веселых и поучительных историй Низами рассказал читателю. Поэма близилась к концу. И тут в ней наступил какой-то перелом. Словно Низами надоело шутить и рассказывать сказки, словно собственная близкая смерть взмахнула над ним крылом. Последняя часть поэмы резко отличается от всего, что было написано раньше.

Обнаруживается, что, пока Бехрам развлекался со своими красавицами, на него напал китайский император, казна пуста и не на что набрать войско. Везир предлагает ввести новые налоги. Шах соглашается. Чтобы отвлечься от печальных мыслей, Бехрам едет на охоту. Он отстает от спутников и останавливается у бедной хижины. Старик, хозяин хижины, предлагает шаху отдохнуть, но тот замечает, что на суке повешена собака. Старик объясняет, что как-то из его стада начали пропадать овцы. Он заподозрил своего верного друга и помощника, выследил его и понял, что тот поллюбил волчицу, которая повадилась к стаду, и за ее ласки дает ей таскать самых жирных овец. Если тот, кому положено сторожить добро, закончил рассказ старик, оказывается предателем, то его надо покарать.

Возвращаясь домой, Бехрам вдруг подумал: а не везира ли имел в виду старик? Он арестовывает везира, и правда о его преступлениях выходит наружу.

И тут Низами избирает странный сюжетный ход: он дает еще семь рассказов, как бы повторяя семь веселых сказок. Но эти рассказы правдивы и страшны — они повествуют о том, какова подлинная жизнь в государстве, которым правит жестокий везир, то есть в любом государстве того времени. Это плачи обездоленных, ограбленных, избитых людей, описания пыток и убийств.

Бехрам восстанавливает справедливость, казнит везира, прекращает забавы и веселье. И название поэмы — «Семь красавиц» — начинает звучать иронически и даже грустно. Все развеялось как дым: веселье, забавы, любовь — остались страдания и долг.

Однажды на охоте Бехрам видит красивого барана и скачет за ним. Баран прячется в пещере. Бехрам спешивается и входит туда. И исчезает. Когда его воины достигают пещеры, они слышат доносящийся изнутри громовой голос:

— Ступайте домой! Шах занят делом!

Но воины входят в пещеру.

Там пусто.

Пещера невелика. Другого выхода нет.

Приезжает мать Бехрама и приказывает перекопать в пещере землю.

Глубокую яму выкапывают слуги, но следов Бехрама так и не находят.

Вот и все.

И ничего не было. Только забвение.

И лишь звучат снова загадочные слова: «Шах занят делом».

Что хотел сказать этим Низами?

Проходит еще несколько лет. И Низами, которому уже под семьдесят, начинает писать свою последнюю, пятую поэму. Ее никто не заказывал.

*Меджкун, отощавший в пустыне от любви и жажды.
Средневековый иранский барельеф.*

Эта поэма превышает объемом все остальные. Как утверждают специалисты, в ней местами талант Низами дает трещины, видны спешка, незавершенность некоторых глав. Может быть. Жизнь Низами подошла к концу, и он снова создает поэму о смысле жизни. В своем творчестве он как бы совершил круг — от философской «Сокровищницы тайн» к философской эпосе «Искандер-наме» — истории жизни, подвигов и тщеты земных желаний Александра Македонского.

Низами считает поэму итогом всей своей жизни. Он говорит:

Я сказал это и ушел, а повесть осталась.
Не следует читать ее от безделья.

Низами проводит читателя по жизни Александра Македонского, который оставил глубокую память у народов Востока.

Искандер интересуется поэта потому, что он смог добиться всего. Но в чем смысл величия, если жизнь кончается смертью?

В борьбе со смертью Искандер даже опускается под землю, чтобы найти источник живой воды. Но ему не суждено этого добиться, и он возвращается.

Низами в этой поэме обзорекает как бы весь мир. Там есть и описание войны с русами, напавшими на город Бердаа,— отзвук действительных событий, происшедших за два столетия до Низами; там есть и история о том, как Аристотель вернул к науке Архимеда, которая звучит как современный научно-фантастический рассказ.

Александр Македонский подарил ученику Аристотеля Архимеду красавицу рабыню, тот влюбился в нее и забыл о науке. Аристотель был огорчен этим и велел прислать рабыню на время к нему. Архимед подчинился учителю, но ждал, когда рабыня к нему вернется.

Аристотель дал ей зелье, которое удаляет из

организма всю влагу. Влагу эту Аристотель собрал в сосуд, а сама девушка съехала и пожелтела. Аристотель предложил Архимеду забрать рабыню обратно. Архимед был возмущен: зачем ему подсовывают старуху, где его возлюбленная?

Тогда Аристотель вынес сосуд, в котором была заключена влага, содержащаяся в теле девушки, и сказал:

— Вот что ты, оказывается, на самом деле любил!

Это потрясло Архимеда, и он вернулся к науке. Выздоровела ли рабыня — мы не знаем, но притча, как и все притчи в этой последней поэме, печальна.

Многие главы посвящены научным занятиям Искандера, его беседам с мудрецами, его разумному управлению государством. В поэме действуют многие древнегреческие мыслители и писатели — даже удивляешься, сколько ценного из греческой мысли, забытой в то время в Европе, сохранил мусульманский Восток и сколько знал провинциальный поэт Низами.

Последняя часть книги описывает странствия Искандера, который должен обойти весь мир и научить людей истине. Множество земель проходит Искандер, много историй рассказывает Низами, и вот в конце концов где-то далеко на севере Искандер находит царство справедливости, недостижимое, как мечта поэта. Там нет богатых и бедных, там нет притеснения и смерти, там никто никогда не лжет. Это не аскетический, суровый край — это вполне земная утопия, где люди живут сытно, весело и счастливо.

Найдя эту страну, Александр Македонский понимает, что не надо было завоевывать мир — надо было искать справедливость. Мечтой о человеческом братстве и завершается поэма: Искандер нашел то, к чему должен стремиться человек.

Кто жаждет постичь мирозданье — пойми,
Что держится мир лишь такими людьми.
Вселенная ими гордится искони
Затем, что столпы мироздания — они...
Знай раньше страну справедливую эту,
Не стал бы бесплодно кружить я по свету.

Никто не знает, когда умер Низами. Даты его смерти указывают разные — от 1203 до 1211 года. Он был велик при жизни и забыт при жизни...

Судьба была милостива к нему, хоть и не баловала счастьем. Она дала ему долгую жизнь, чтобы он смог свершить то великое, к чему был предназначен.

Часть III

МЕЖДУ ДВУХ
МИРОВ

КРЕСТОНОСЦЫ И САРАЦИНЫ

К концу XII века христианство и ислам, разделив между собой добрую половину известного тогда мира, противостояли друг другу на протяжении многих тысяч километров. Граница между ними была нестабильна, она почти непрерывно сдвигалась, и если в течение столетий до того наступал ислам, то к XII веку положение изменилось в пользу христианства. Напор арабов, подкрепленный затем сельджукской экспансией, постепенно выдохся.

Стройная система ислама, освящающая силу государства и право государя, вытеснила большинство анимистических и языческих верований Востока. Но одолеть христианство ислам оказался бессилён. Мусульманские завоеватели вторгались в Грузию и Армению, захватывали Испанию и Португалию, но покоренные народы не переходили в новую веру. И потому ислам неизбежно отступал, как только слабела мощь его армий.

Но справедливо и обратное. Византии и крестоносцам удавалось силой оружия утвердиться в странах ислама. Но христианские миссионеры не смогли заставить арабов или тюрок перейти в христианство. Власть христианского воина на Ближнем Востоке была недолговечной.

Самой восточной точкой границы между мусульманским и христианским мирами было Закавказье.

Там в войнах, с трудом утверждая свою самостоятельность, противостояла сельджукам небольшая Грузия.

Западнее уверенно держалась, то заключая тактические союзы с мусульманскими государствами Малой Азии, то опираясь на помощь Византии и крестоносцев, Киликийская Армения — центр армянской государственности средневековья.

Далее граница проходила по рубежам Византийской империи. Эта граница передвигалась в зависимости от активности Византии и силы ее противников.

Южнее существовали, понемногу теряя свои позиции, государства крестоносцев, образованные в конце XI века, — это узкая полоса земель на восточном побережье Средиземного моря, тянувшаяся почти до Египта.

Рубеж, проходящий по Средиземному морю, условен. Острова на нем в тот период находятся в руках христиан. Но Сицилийское королевство, созданное норманнами, — пример пограничья со смешанной культурой, населенного христианами и мусульманами.

Снова в тесное соприкосновение ислам и христианство вступали на юго-западе Европы, где южная часть Пиренейского полуострова все еще находилась в руках мусульман. Там за многие столетия жизни бок о бок также создается своеобразный пограничный мир.

Ислам в Испании в конце концов погибнет; коренное население полуострова — испанцы и португальцы остаются христианами, и вытеснение пришельцев с Пиренейского полуострова — вопрос времени. Когда Колумб в конце XV века отправится открывать Америку, лишь чудесные дворцы останутся памятью об эмирах Севильи и Гранады.

Исторические законы неодолимы. Вторжение на территорию, принадлежащую иному этносу, объединенному не только языком и общим происхождением, но и укоренившимися религиозными верованиями, как правило, завершается изгнанием пришельцев. Из-

вание может произойти очень нескоро: монгольское иго продолжится на Руси четверть тысячелетия, в течение веков будут находиться под властью турок Болгария и Сербия. Но в конце концов покоренные освободятся.

Этого закона, разумеется, не знали крестоносцы, когда шли освобождать от «неверных» гроб Господень. Под ударами железных отрядов отступили арабские армии. Мечети были переделаны в церкви, в замках поселились тамплиеры и иоанниты, иерусалимский трон стал предметом свар между европейскими баронами. Но пройдет еще несколько десятилетий, и христианским воинам придется оставить Иерусалим и Яффу. Рабы тщательно вымоют розовой водой недавнюю христианскую церковь, и, переступив через сброшенный с купола крест, в нее войдет муфтий и призовет к молитве мусульман.

Но одно дело — исторические законы. Они неощутимы в повседневности. Да и какое дело грузинскому крестьянину до того, что сельджуки через сто лет уйдут, если сегодня они убили его жену?

Люди на границе миров жили сиюминутно и сиюминутно погибали.

Символами противостояния ислама и христианства на Ближнем Востоке были султан Салах ад-Дин (Саладин европейских хроник) и крестоносцы. Центром борьбы — Иерусалим и святыни христианства. Апогеем борьбы стало время третьего крестового похода, то есть 1189 — 1192 годы. Но тогдашние события имели предысторию.

Салах ад-Дин был лишь одним из мусульманских государей Ближнего Востока, самым умным и талантливым, но никак не самым сильным. В войне с крестоносцами он все время ощущал крайнюю нехватку войск и средств, ему приходилось отступать, потому что его забывали, ему отказывали в помощи, а то и ударили в спину единоверцы. Но, с точки зрения европейцев, именно он был олицетворением всемогущества.

Салах ад-Дин. С персидской миниатюры XIII века.

«неверных». Европейцам и тогда, и много лет спустя видны были лишь первые бастионы мусульманской обороны. Что творилось за ними — осталось тайной.

Во многих книгах о крестовых походах Салах ад-Дин выведен как истинный рыцарь, благородный и мудрый государь, исключение среди «неверных». Однако он был сыном своего времени, порой благородным, когда это было выгодно ему, порой жестоким и суровым. Иначе не выживешь. Он не дожил до глубокой старости, но умер своей смертью, оплакиваемый всем мусульманским миром и даже своими врагами. Если в вождях крестоносцев время от времени просыпались разбойничьи инстинкты феодальных владык, то Салах ад-Дин руководствовался в своих действиях интересами государства и религии.

Салах ад-Дин родился в 1138 году. Назвали его

Юсуфом. Отец его Айюб, курд из племени хазбани, находился на службе у сельджукского правителя Мосула и Халеба Занги ибн Ак-Сункура.

Воинственные курды играли значительную роль в сельджукских армиях. В семье Юсуфа самым знаменитым был старший брат отца Ширкух, полководец сына Занги — атабека Нур ад-Дина. Нур ад-Дин отнял у крестоносцев Эдессу — центр графства Эдесского, находившегося в Сирии. Именно против Нур ад-Дина был направлен неудачный второй крестовый поход в середине XII века.

В 1154 году Нур ад-Дин захватил Дамаск, после чего в планы его экспансии вошел Египет, где правил **фатимидский** халиф. Нур ад-Дин воспользовался неурядицей в Египте, где схватились два претендента на пост везира — реального правителя государства. Победенный в этой борьбе Шавер бежал в Дамаск и попросил помощи. Разумеется, заботы побежденного везира менее всего беспокоили Нур ад-Дина, ему важно было укрепиться в Египте. В Египет была послана армия под командованием Ширкуха, а с ним отправился и молодой Юсуф*.

Ширкух вернул Шаверу место везира, но тот скоро понял, что войско Нур ад-Дина пришло для того, чтобы оставаться в Египте. Тогда он обратился за помощью к иерусалимскому королю Амальрику (Амори I). Совместно с Шавером крестоносцы победили Ширкуха и заставили его отступить. Однако Ширкух через некоторое время вернулся с подкреплениями и в 1167 году взял Александрию. Снова завязались бои, в которых

* О молодости будущего основателя династии Айюбидов известно мало. Молодость ему, как и положено, летописцы придумали потом, когда Юсуф уже стал знаменитым Салах ад-Дином. Поэтому существуют взаимоисключающие версии. Первая — что юные годы Юсуф провел в Багдаде, обучаясь наукам, вторая — что молодость Юсуфа была погублена в пьяных кутежах.

Зато точно известно, что, когда в шестидесятых годах Ширкух начал войну в Египте, Юсуф был в его войске и вскоре отличился в сражениях. Возможно, уже тогда его стали называть Салах ад-Дином — «защитником веры».

Ширкуху и Юсуфу приходилось нелегко. Неизвестно, чем бы кончилась война, если бы не корысть крестоносцев. За свою помощь они получали от египетского везира ежегодно десять тысяч золотых. Но, поняв, насколько слаб фатимидский Египет, они решили захватить его и взять все деньги сразу. В 1168 году они ударили в тыл своему союзнику и начали грабить Египет. Это были враги похуже единоверцев. Перепуганный фатимидский халиф послал гонцов к Нур ад-Дину с просьбой освободить его от христианских «друзей». Он придумал патетический ход, который свидетельствовал лишь о его бессилии. В письмо были вложены пряди волос жен халифа, и было приписано: «Женщины, чьи волосы я посылаю тебе, заклинают тебя охранить их от обид, которые ждут их со стороны франков».

В 1169 году Ширкух изгнал крестоносцев. Затем он решил избавиться от везира, который был продажен и труслив. Везира казнили, и Ширкух сам стал везиром, продолжая служить Нур ад-Дину. В том же году Ширкух умер. Ему наследовал молодой Салах ад-Дин.

Он решительно принялся за наведение порядка в фатимидском халифате, а так как сам признавал лишь халифа багдадского, то фатимидского халифа убил. В течение трех лет Салах ад-Дин занимался египетскими делами, искореняя исмаилитскую ересь. Он опирался на сельджукские и курдские войска, которыми постепенно заменил египетскую армию, состоявшую из берберов, суданцев и армянской гвардии.

В 1174 году умер Нур ад-Дин, и тогда Салах ад-Дин вступил в борьбу за наследство своего покровителя. Он вторгся в Сирию, разогнал соперников и захватил Дамаск. Через год багдадский халиф пожаловал Салах ад-Дину титул султана. Владения нового султана представляли собой барьер между государствами крестоносцев на побережье и мусульманскими государствами внутренних областей Ближнего и Среднего Востока. Салах ад-Дин не скрывал своего наме

рения сбросить христиан в море. Он готовился к войне с крестоносцами исподволь, укрепляя свою державу, и отдельные удары, которые его командиры наносили владениям латинян, были чувствительны, но не смертельны. Было ясно, что решающие бои впереди.

К концу XI века Европа стала настолько густо населена (по сравнению с предыдущими веками), что в ней образовались значительные излишки населения. Это были и разоренные крестьяне, у которых не было ни клочка земли, это были солдаты и рыцари, не нашедшие себе добычи, это были, наконец, многочисленные отпрыски знатных семей, которым не нашлось удела. Масса неустроенных людей была мобильна, и требовался лишь толчок, чтобы сдвинуть ее с места.

К концу XI века Европа была уже настолько богата (по сравнению с предыдущими эпохами), что венецианские и генуэзские купцы, германские ростовщики и жаждавшие торговой монополии на Ближнем Востоке ломбардские банкиры смогли финансировать, а папство, стремившееся к власти над миром, могло воодушевить и дать толчок грандиозному общеевропейскому предприятию — первому крестовому походу.

Причины крестовых походов многослойны, как луковица. Снаружи — слой всем понятный: религиозный фанатизм. Глубже — проблемы демографические. В центре — невидимая глазу борьба за истоки Великого шелкового пути. Кнехт или даже знатный рыцарь был движим религией или надеждой разбогатеть. О демографии или торговых монополиях он и не подозревал.

Сотни тысяч человек, в первую очередь бедняки, погибли на бесконечном пути через Европу и Малую Азию, прежде чем жалкие остатки армии крестоносцев добрались до заветного Иерусалима. Правда, те двенадцать тысяч солдат и рыцарей, что подошли к его стенам, были наиболее сильной и подготовленной к боям частью крестоносного воинства.

15 июля 1099 года случилось чудо: Иерусалим с его многочисленным гарнизоном, сидевшим за крепкими стенами, пал, взятый обезумевшими в религиозном экстазе крестоносцами. После этого началась страшная резня — убивали всех мусульман. По свидетельству современников, кони крестоносцев ступали по колену в крови. Заодно перебили всех евреев.

Так родилось Иерусалимское королевство.

На первых порах христианские владения на Ближнем Востоке были малы и слабы. Лишь бесконечные раздоры в мусульманском мире, неспособность эмиров и султанов, разделивших наследство сельджукской империи, объединиться дали возможность рыцарям, тем немногим, кто пережил переход через Малую Азию, штурм Антиохии и битву за Иерусалим, остаться в завоеванных областях. У первого иерусалимского короля вся армия насчитывала триста рыцарей и две тысячи пехотинцев.

Падение государств крестоносцев, — а их первоначально было три: на севере, в удаленных от моря долинах, лежало графство Эдесское, южнее, на побережье, — княжество Антиохийское, еще южнее — королевство Иерусалимское, — казалось лишь вопросом времени. Но уже после окончания первого крестового похода в те края потянулись безземельные рыцари, искатели приключений, пилигримы — всякий народ, что отрядами, а то и поодиночке вливался в мир, управлявшийся графами и баронами, которым не нашлось достойного места в Европе.

Приток населения и поддержка итальянских торговых республик, обладавших сильным флотом, дали возможность государствам крестоносцев постепенно укрепнуть и расширить владения. Завоевания их шли большей частью в береговой полосе. В начале XII века один за другим им сдавались крупные портовые города — ключи к азиатской торговле: Яффа, Кесария, могучая Акка, богатейший Триполи, который крестоносцы осаждали семь лет, Сайда, Бейрут и Тир. Таким образом, в период своего расцвета латинские государ-

ства владели побережьем от Малой Азии до Египта и некоторыми важными областями в глубине страны. В начале XII века на этих землях было основано еще одно государство крестоносцев — графство Триполитское.

Все эти области были густо населены, богаты, их порты были важнейшими перевалочными базами на Великом торговом пути, а также ремесленными центрами. Поэтому рыцарские государства Ближнего Востока превратились в серьезный фактор азиатской политики.

Что же они собой представляли?

Несмотря на то что крестоносное завоевание сопровождалось истреблением «неверных», значительная часть населения там осталась. В латинских государствах смешалось много народов: иудеи, финикийцы, греки, армяне жили рядом с потомками тех, кто приходил сюда с мечом, — арабов и тюрок. Крестоносцы, захватив контроль над важнейшими торговыми путями, соединявшими мусульманский мир с Европой, были заинтересованы в том, чтобы прибыли от этого потока товаров шли не багдадскому халифу и сельджукским эмирам, а христианскому воинству и итальянским купцам.

Владения крестоносцев на Ближнем Востоке были самыми настоящими феодальными государствами, сочетавшими в себе европейские и азиатские порядки. Большинство крестьян в них были коренными жителями, но некоторый процент там составляли и европейские колонисты. Это была беднота — солдаты, частью увечные, нищие пилигримы, которые пришли сюда уже после первого похода, полагая, что жизнь в Палестине все же лучше, чем в Европе.

На первых порах европейские бедняки получали землю свободно: истребление и продажа мусульман в рабство «освободили» целые деревни. После взятия Акки венецианские купцы меняли там трех рабов на одного коня. Рабским трудом широко пользовались христианские монастыри, как грибы выросшие в

Крестоносец на Святой земле. Миниатюра XII века.

латинских княжествах, они скупали рабов и заселяли ими свои земли.

Местные крестьяне (они именовались вилланами) были прикреплены к земле, которую жаловал сеньор. С этой землей их можно было продавать и покупать. Они отдавали сеньору от трети до половины урожая.

Разумеется, со временем отношения завоевателей и завоеванных упорядочились, церковный собор уже в 1120 году запретил истязать рабов и определил за это суровые наказания. Нельзя доводить подданных до крайности, государству нужны мир и доходы. И все же в латинских государствах покоя никогда не было. Редкий год проходил без восстания. То крестьяне

захватят Наблус и перебьют франков, то, как пишет хронист Фульхерий, «сарацинские земледельцы не хотят платить податей», то вспыхнет восстание в Триполи и погибнет сам граф Понтий Триполийский.

Власть крестоносцев ослабевала за стенами крепостей. Дороги не были безопасны не только для одиноких путников, но и для небольших рыцарских отрядов. Паломники, направлявшиеся в Иерусалим, обязательно собирались в большие караваны и двигались туда под охраной рыцарей. Так добрался до Иерусалима первый известный нам русский пилигрим, монах Даниил, оставивший записки о Иерусалимском королевстве начала XII века. Он пишет, что многие святые места недоступны тем, кто идет туда в малом числе, потому что всегда можно ждать сарацинской засады. Самому Даниилу повезло: он присоединился к отряду короля Иерусалимского, который выступил в очередной безрезультатный поход на Дамаск, и потому Даниил миновал опасные места «без страха и без пакости».

Структура латинских государств была подобна пирамиде. Вершину пирамиды занимал король Иерусалимский. Он не имел реальной власти над тремя другими государствами — Триполийским, Антиохийским и Эдесским, но формально они признавали его главенство. Все государства были разделены на баронии; они, в свою очередь, делились на рыцарские лены, каждый из которых включал одну или несколько деревень. Бывало, что одной деревней владели сразу несколько рыцарей. Когда же положение франков ухудшилось и мусульмане начали вытеснять их из поместий, король и князья, чтобы как-то прокормить рыцарей, стали раздавать им доходные должности — сборщиков рыночных налогов, таможенных пошлин и т.д. Рыцари были обязаны сражаться за своего князя, и эта обязанность была достаточно трудной: крестоносные государства почти все время воевали. Рыцарь

был должен по первому зову выступить на коне и в полном вооружении.

Иерусалимский католический патриарх владел четвертью Иерусалима и контролировал дела монастырей, раскинувшихся в плодородных долинах. Но к концу XII века патриарх потерял власть, так как военной силы не имел. Его обладали духовно-рыцарские ордены. В 1185 году их было три — иоанниты, тамплиеры и тевтонские рыцари. Об этих орденах следует рассказать немного подробнее.

Еще в 1048 году богобоязненные купцы из итальянского города Амальфи построили в Иерусалиме странноприимный дом для паломников — госпиталь. Слово «госпиталь» первоначально обозначало скорее дом для отдыха, чем больницу. Там собирались немощные и уставшие паломники, монахи их кормили и лечили. Итальянские монахи, что обслуживали госпиталь, называли свой орден именем святого Иоанна. Госпитальеры, или иоанниты, постепенно расширяли свои госпитали — дело было богоугодное. Движимые благородными чувствами, к ним присоединялись монахи не только из Италии, но и из других стран. Главный госпиталь этих монахов стоял между церковью Святого гроба и рынком, прямо в центре Иерусалима.

Мало-помалу, пользуясь щедрыми дарами благодарных паломников и европейских вельмож, которые желали прославить себя благотворительностью, монахи начали основывать госпитали и в тех европейских портах, откуда двигался в Палестину поток паломников.

В беспокойные времена конца XI века, когда на Ближний Восток отправились отряды крестоносцев, орден имел основания опасаться за свое имущество, и, естественно, братья были вооружены. Некоторые источники утверждают, что во время штурма Иерусалима крестоносцами отряд монахов-иоаннитов ударил в тыл защитникам города. Возможно, поэтому первый король Иерусалима поручил им охрану паломников. Он присвоил монахам-воителям форму — черную

мантию с белым «мальтийским» крестом, концы которого раздвоены, как хвост ласточки. В последующие годы орден начал принимать в свои ряды рыцарей, принявших монашеский обет воздержания, целомудрия и послушания. Именно они стали с годами играть в ордене главную роль. К середине XII века орден превратился в сильную военную организацию.

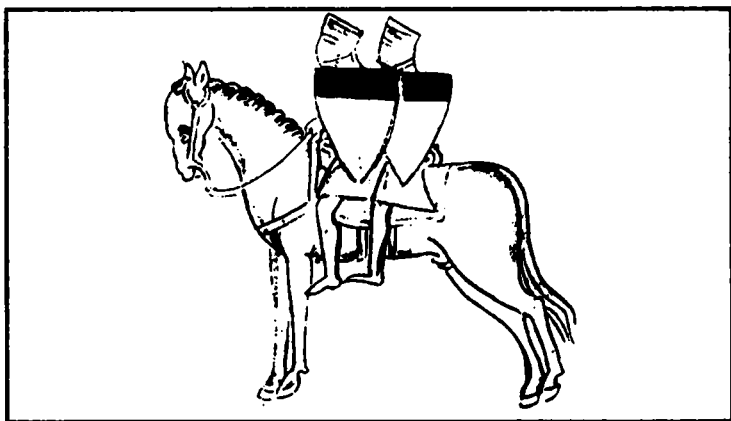
Большинство иоаннитов были выходцами из Италии. В начале XII века по их примеру подобный орден создали французские рыцари. Их орден, который именовался орденом Храма, никаких госпиталей не строил. Это был военный орден. Храмовники, или тамплиеры (храм по-французски «тамплъ»), в 1119 году приобрели себе здание, помещавшееся между дворцом иерусалимского короля и церковью Святого гроба, рядом с первым госпиталем иоаннитов. По преданию, раньше на этом месте находился храм царя Соломона. Отсюда и название ордена.

К концу XII века родился еще один орден — Немецкий, или Тевтонский. В него принимали немецких рыцарей.

Уставы орденов были строги. По уставу храмовников, например, два рыцаря должны были есть из одной миски. Бедность считалась источником духовной силы ордена. Рыцарям нельзя было петь веселые песни, смотреть на выступления жонглеров, охотиться с соколами и играть в кости.

Духовно-рыцарские ордены стали могучими организациями с четко разработанной иерархией и крепкой дисциплиной. Они обладали такими средствами (полученными от покровителей и взятыми в качестве добычи), что могли строить в Сирии и Палестине неприступные замки. И чем сильнее становились ордены, тем активнее стремились к власти. Их магистры сидели на военных советах рядом с князьями. Поддержка орденов в междоусобной борьбе латинских государств стала настолько ценной, что монахов-рыцарей опасались задеть даже иерусалимские короли.

Защита паломников и благотворительные дела все

*Первоначально тамплиеры (храмовники) были настолько бедны, что два рыцаря делили одного коня.
Миниатюра XII века.*

более отходили на второй план. Усиление ордена затмевало прочие цели.

Папы дали орденам полную независимость как от иерусалимских патриархов, так и от светских властей Палестины. Никто, кроме папы, не имел права судить их рыцарей или претендовать на добычу ордена.

Ордены получали немалые пожертвования в Европе и округляли свои владения. Уже с XII века им принадлежали земли во Франции, замки в Испании. Искупая грех убийства Томаса Бекета, Генрих II Плантагенет внес в кассу ордена храмовников сорок две тысячи марок. Казнохранилища храмовников и госпитальеров считались самыми надежными в мире: европейская знать держала там свои сокровища. В замке парижских тамплиеров король Франции Филипп Август поместил государственную казну.

Одной из статей дохода храмовников была добыча от нападений на торговые караваны мусульман. А поскольку эти набеги совершались на «неверных», любой грех был простителен. Например, в 1154 году тамплиеры захватили в плен сына египетского везира, который

спасался от врагов. Затем они снеслись с этими врагами и продали им пленника за шестьдесят тысяч золотых. Поскольку обогащение стало главной целью ордена, а никакого внешнего контроля над его действиями не существовало, рыцари-монахи шли на все более грязные преступления.

Орден вел активную предпринимательскую деятельность. Уже к концу XII века каждый из них обзавелся собственными кораблями. Формально для того, чтобы перевозить паломников. В действительности на них перевозили все, что могло принести прибыль. Так, однажды тамплиеры везли на нескольких судах зерно в Святую землю — там был неурожай, и стране грозил голод. Но в пути они узнали, что цены на зерно в Сицилии выше, чем в Палестине. Суда тут же изменили курс, и зерно так и не добралось до крестоносцев.

Масштабы денежных операций орденов по тем временам были фантастические. Когда Ричарду Львиное Сердце понадобились деньги, он продал тамплиерам остров Кипр, и они заплатили ему задаток в сорок тысяч безантов серебром (раб стоил один безант).

Орден держал гарнизоны в приграничных крепостях и порой вступали в союзы с мусульманскими соседями и даже с исмаилитами.

К пришельцам с Запада на мусульманском Востоке относились, разумеется, с ненавистью. Государства крестоносцев были опухолью на теле Ближнего Востока. Но особенно глубока была ненависть, которую испытывали там все, от эмира до последнего крестьянина, к тамплиерам. Законы войны не распространялись на них. Если светский рыцарь, попав в плен, ждал, пока его выменяют или выкупят, храмовнику почти наверняка грозила смерть. И это понятно: храмовники не знали пощады к мусульманам.

Порой судьба жестоко карала тамплиеров за безудержную жадность. Так случилось в 1153 году, во время одной из последних наступательных операций Иерусалимского королевства — осады Аскалона. Го-

род хорошо снабжался, ему помогал египетский флот, и двухмесячная осада изнурила осаждавших. И все же наконец им удалось проломить стену.

Первыми в брешь ринулись тамплиеры. Большая часть их проникла в Аскалон, прочие остановились в проломе стены и обратили мечи против своих же товарищей, чтобы не пустить их в город и не делиться добычей.

На узких улицах Аскалона тамплиеры разделились на партии и поспешили в самые богатые дома, во дворец эмира, в мечети. Тем временем защитники опомнились. Они поняли, что в городе бесчинствует сравнительно небольшой отряд тамплиеров, которые так поглощены грабежом, что забыли об осторожности. И тогда они накинулись на храмовников.

Когда наконец основным силам крестоносцев удалось опрокинуть заслон тамплиеров, оказалось, что они опоздали. Перебив тамплиеров, защитники Аскалона заняли позиции за спешно воздвигнутыми баррикадами и отбили штурм.

Орден был конкурентами в борьбе за власть, деньги, монополию на святость. Порой они не только враждовали, но даже сражались. Известно, что по настоянию римского папы как раз перед началом третьего крестового похода между госпитальерами и храмовниками был заключен мир. Значит, до этого была война.

Со временем, потеряв позиции на Ближнем Востоке, орден оказался в лучшем положении, чем князья и рыцари, которые были никому не нужны. Орден к этому времени накопил такие богатства, что смогли перенести действия в Европу.

Тевтонский орден занимался расширением своих владений в Прибалтике, покоря славянские и балтийские земли. Он был сокрушен лишь в 1410 году, в битве при Грюнвальде.

Судьба тамплиеров оказалась печальной. Орден все более превращался в опасную для властей тайную организацию. Его богатства вызвали у французского

короля Филиппа IV, который был по уши в долгах у ордена, желание с ним разделаться. Было сфабриковано обвинение в ереси, в начале XIV века орден был закрыт римским папой, и во Франции прошли суды над рыцарями и командорами ордена. Под пытками рыцари сознавались во всем — и что дружили с дьяволом, и что готовили заговор против французского короля. Рыцарей сожгли на кострах, имущества ордена и его сокровища перешли в казну.

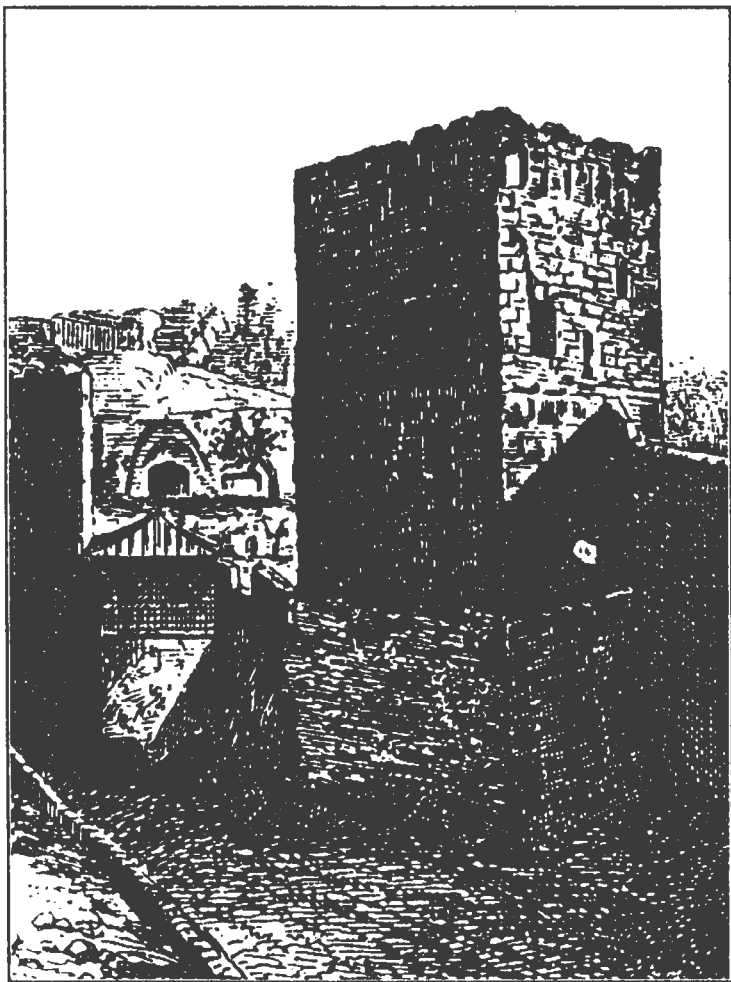
Благополучнее других сложилась судьба у госпитальеров. Они были умереннее в своей гордыне, чем храмовники. К тому же после изгнания со Святой земли они захватили принадлежавший Византии остров Родос и построили там мощные замки. Островом они владели до 1522 года и только после долгой войны с турками вынуждены были его оставить. На пятидесяти кораблях иоанниты отплыли в Италию, а затем выторговали у папы остров Мальту. Под названием Мальтийского ордена дожил до наших дней. Во время наполеоновских войн он даже переместился в Россию, где его гроссмейстером стал император Павел.

Правили латинскими государствами потомки тех рыцарей, что завоевали Иерусалим. Это были самые настоящие королевские дома, созданные по образу и подобию европейских. Однако с точки зрения феодальной Европы они были неполноценны, ибо, как правило, происходили от боковых, обедневших ветвей знатных фамилий и крупных владений в Европе не имели. Получался явный парадокс: король Иерусалимский, казалось бы, первый среди королей, так как он был хозяином гроба Господня, по рангу считался ниже многих герцогов. И если византийские императоры из политических соображений отдавали иерусалимским королям в жены своих племянниц (на племянницах Мануила были женаты короли Балдуин III и Амори), то ни Фридрих Барбаросса, ни Генрих II Плантагенет к близкому родству с иерусалимской знатью не стремились.

Компания эта была удручающая. Даже расположенные к делам иерусалимским христианские историки добрых слов о королях и баронах тех государств сказать не могут.

В 1174 году умер иерусалимский король Амори. От него остались двое детей: сын Балдуин, который занял престол под именем Балдуина IV, и дочь Сибилла, ставшая желанной добычей для женихов. Матери своей они почти не знали, и не потому, что она умерла — Агнесса Эдесская была жива и здорова. Она вышла замуж за Амори, когда тот еще не был королем. Супруги мирно прожили несколько лет, родилось двое детей, и тут со смертью брата Амори должен был унаследовать престол. Но соперники Амори вспомнили, что Агнесса приходится ему четвероюродной сестрой. По наущению врагов Амори патриарх Иерусалимский объявил их брак недействительным. Перед Амори встала проблема: престол или жена. Он выбрал престол, выторговав при этом право считать своих детей законными. Так что Агнесса была изгнана из королевского дворца, а Сибилла и Балдуин остались в нем. Агнесса потом утешилась: она снова вышла замуж.

Сибилла росла девочкой своенравной, вспыльчивой и злой. Брат ее, будущий король, был увальнем, добродушным, ленивым и неумным. Сибилла осталась во дворце отца, а мальчика передали на воспитание графу Раймунду Триполийскому. Раймунд был наиболее осмотрительным и разумным из всей латинской знати и пользовался громадным авторитетом. Отец его был в 1150 году убит ассасинами в Триполи, и рос он при регентстве матери. В 1165 году Раймунд попал в плен к сирийскому атабеку Нур ад-Дину, провел восемь месяцев в тюрьме, но был выкуплен королем Амори. Раймунд был представителем антивизантийского крыла крестоносцев. Для этого помимо причин политических была и причина личная: византийский император Мануил сватался к его дочери Мелизанде, но послы обнаружили у нее нервную болезнь, и

Башня Давида в Иерусалиме.

император отказался от этого брака, взяв в жены вместо Мелизанды Марию Антиохийскую. Поэтому византийские корабли обходили Триполи стороной, а на счету Раймунда было несколько жестоких набегов на греческие города побережья Малой Азии.

Раймунд был известен своей осторожностью и даже, как утверждали его враги, трусостью. В запутанном и нездоровом мире ближневосточной политики он был опытен, изощрен и непотопляем.

Однажды, когда Балдуину было девять лет, Раймунд обратил внимание на то, что, играя с другими детьми, Балдуин почему-то не реагирует на шипки и удары, вроде бы болезненные. Раймунд подозвал его, взял иглу и уколол Балдуина в руку. Тот даже глазом не моргнул. Раймунд сразу понял, что произошло: мальчика настигла проказа.

Проказа была бичом Ближнего Востока. Уже не один рыцарь становился ее жертвой. Но Балдуин был первым принцем, которого поразила болезнь, почитавшаяся Божьей карой. Раймунд обратился к сарацинским врачам: лекари франков были невежественны. Но и сарацины помочь не смогли. Понемногу пятна проказы расползлись по всему телу.

Балдуину исполнилось тринадцать лет, когда умер его отец, и Раймунд Триполиийский, сломив сопротивление знати, не желавшей видеть на троне прокаженного, посадил Балдуина на иерусалимский престол, оставшись его главным советником. Раймунд был назойлив, не давал королю и шагу ступить без указаний, полагая, что тот все еще мальчик, которого можно наказывать. И неудивительно, что грузный, психически неустойчивый, всегда напудренный и наруганный, чтобы скрыть пятна и язвы проказы, юноша, от которого исходил такой тяжелый запах, что не спасали все благовония Востока, возненавидел своего советника. Дела часто отзывали графа из Иерусалима, и тогда магистр ордена тамплиеров и иные недруги Раймунда без устали нашептывали королю, что он должен избавиться от тяжелой опеки.

Наконец, придравшись к пустяку, Балдуин вспылil и приказал своему воспитателю удалиться из столицы. Тот не мог поверить своим ушам. Но король был тверд.

Сестра прокаженного короля, Сибилла, была выдана

на замуж за маркграфа Вильгельма Монферратского, который умер в 1177 году, оставив ее беременной. Таким образом, она снова стала выгодной невестой, и рыцари, видевшие, что Балдуин долго не протянет и умрет бездетным, понимали, что муж Сибиллы получит шанс занять иерусалимский трон.

Умирать Балдуин не собирался. Когда тебе лишь семнадцать лет, трудно думать о смерти, и заполучить в качестве шурина опасного соперника он не желал. Не желало этого и его окружение, с опаской глядевшее на графа Раймунда Триполійского и других хищников, среди которых более всех страшил герцог Генрих Бургундский, только что прибывший в Иерусалим с отрядом крестоносцев и обративший внимание на молодую мать. Роман Генриха с Сибиллой разгорался, и двор охватила паника. Король и его советники принялись искать рыцаря, который был бы не настолько знатен, чтобы претендовать на престол.

В шестидесятых годах в Святой земле появился знатный аквитанец барон де Лузиньян с двумя сыновьями — Жоффруа и Гвидо. Первый из них, женатый, сразу прославился своими подвигами. Второй, холостой, был неумен, несмел, зато был хорош собой и не имел в Иерусалиме никакой поддержки. Патриарху и магистру тамплиеров он показался идеальным женихом для Сибиллы.

Сибилла ударилась в амбицию, отказываясь выходить замуж за такое ничтожество. Но, очевидно, у короля и его советников нашлись достаточно веские аргументы, и потому в 1178 году Сибилла стала женой Гвидо Лузиньяна.

На первых порах Лузиньян пришелся в Иерусалиме ко двору. Звезд он с неба не хватал, но в заговоры не вмешивался и был предан королю. Сибилла же не скрывала презрения к новому мужу.

Эти годы совпали с началом наступления Салах ад-Дина. Методично и настойчиво султан теснил крестоносцев, отвоевывая у них замки и города. Войска его появлялись и на побережье, подходили

даже к стенам Акки и Триполи. Семидесятые годы — постоянная цепь поражений христианского воинства.

Прокаженный король в этой обстановке проявил себя настоящим монархом. Он вновь и вновь собирал рыцарские отряды и бросался из одного предела своего государства в другой, стараясь отогнать сарацин. С каждым днем это было все труднее: к двадцати годам Балдуин уже с трудом взбирался на коня. Он потерял почти все пальцы, и лицо его было страшно изуродовано.

В 1179 году один из полководцев Салах ад-Дина, Фарук-шах, разбил армию Балдуина у замка Бельфорт, в следующем году египтяне захватила остров Фуад. К тому же на Святую землю два года подряд обрушивался неурожай, а зерно тамплиеры выгодно продали в Сицилии. Король понимал, что Салах ад-Дин не успокоится, пока не разгромит крестоносцев. В Иерусалиме был введен чрезвычайный налог для борьбы с «неверными», в Европу отправились патриарх Иракий и другие епископы, чтобы агитировать за новый крестовый поход.

Состояние короля Балдуина было плачевным. В начале восьмидесятых годов он потерял зрение и уже не мог участвовать в походах. Он догнивал в своем дворце, но еще правил государством.

Балдуин решил передать престол племяннику, сыну Сибиллы Балдуину, которому тогда было три года, и назначить регентом при нем Гвидо Лузиньяна.

И тут королю показалось, что представился случай одним ударом покончить с Салах ад-Дином.

Небольшая армия Салах ад-Дина вторглась в Галилею и опустошила самые плодородные и экономически важные районы королевства. Было создано всеобщее ополчение рыцарей и орденов. Оно состояло из тысячи трехсот рыцарей и двадцати тысяч пехотинцев. Так как сам Балдуин командовать им не мог, он поставил во главе армии Гвидо Лузиньяна, рассчитывая убить двух зайцев: во-первых, избавиться от

нападений Салах ад-Дина, во-вторых, укрепить авторитет будущего регента.

Гвидо Лузиньян умудрился упустить победу, причем виноват в том был он один. Армия крестоносцев остановилась в виду лагеря мусульман, возле Скифополя. Напрасно рыцари требовали немедленно ударить по врагу. Лузиньян оттягивал начало сражения до тех пор, пока не стало поздно. Салах ад-Дин успел отступить.

Король Балдуин пришел в ярость. Он проклинал день, когда доверил командование этому ничтожеству. Он лишил Лузиньяна регентства, приказал отобрать у него Аскалон и Яффу. Наконец, он объявил брак Гвидо с Сибиллой недействительным и потребовал от патриарха Ираклия, чтобы тот назначил суд над Лузиньяном как над предателем крестоносного дела.

Лузиньяну пришлось бежать из Иерусалима, потому что суд мог кончиться печально: король требовал смертного приговора. Гвидо заперся в Аскалоне, а король, несмотря на невероятные страдания, сам отправился во главе отряда рыцарей к Аскалону, чтобы схватить Лузиньяна.

Это была странная кавалькада. По пыльной пустынной дороге между холмов скакал отряд рыцарей. Во главе его на большом коне мчался очень грузный человек в белом плаще, с лицом, скрытым за белой чадрой. Он казался злым духом, вырвавшимся на волю.

Но Гвидо успел укрепиться в Аскалоне.

Король, оставив рыцарей в отдалении, один подъехал к городским воротам и трижды ударил в них рукоятью меча.

Город молчал.

Хриплым, срывающимся на шепот голосом король вызвал непокорного вассала на суд. Гвидо стоял на башне и смеялся.

Вернувшись в Иерусалим, король созвал баронов и потребовал судить Гвидо в его отсутствие. Но и патриарх, и магистры орденов высказались за сдер-

жанность. Не время было бросать силы против Аскалона, когда с востока подступали армии Салах ад-Дина. Принято было другое решение: призвать Раймунда Триполійского и отдать ему на воспитание маленького племянника короля.

Гвидо, засевший в Аскалоне, занимался разбоем, нападая на купеческие караваны и арабские поселения на границе с Египтом.

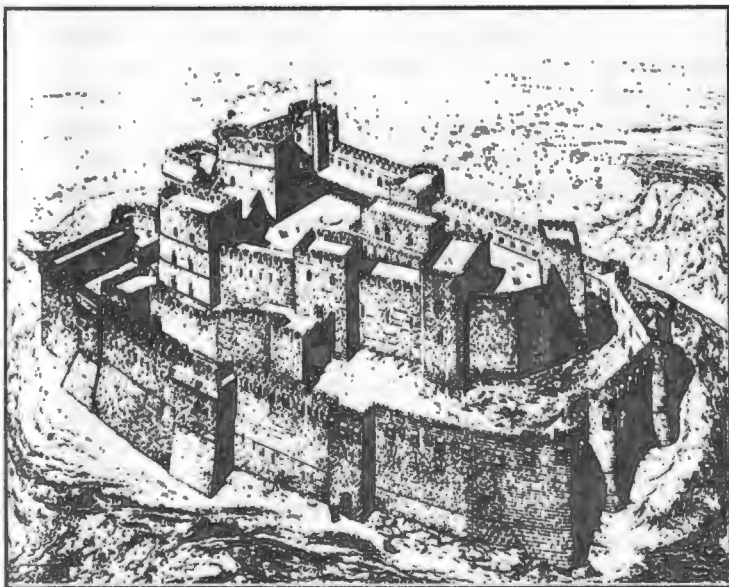
На некоторое время в иерусалимском государстве наступило затишье. К тому же и Салах ад-Дин ослабил натиск: он был вынужден тратить силы на борьбу с единоверцами, которым не по душе было его возвышение. К общему удовлетворению, в 1185 году с Салах ад-Дином было заключено двухлетнее перемирие.

И тут на сцену выходит еще одно действующее лицо иерусалимской трагедии. Мерзавец номер один на Ближнем Востоке.

В 1149 году правитель княжества Антиохийского был убит в бою с войсками Нур ад-Дина. Мусульманская армия осадила Антиохию, и оборону города возглавили тамошний патриарх Аймерих и вдова князя — Констанца.

После этого в течение нескольких лет Констанца оставалась одинокой, объясняя это тем, что поклялась патриарху отстоять свою и княжества независимость от докучливых претендентов на власть. Однако прошло года три, и в княжестве стали поговаривать о том, что Райнольд (Рено) Шатильонский, красивый и brave рыцарь, приехавший в Антиохию ради подвигов и уже отличившийся в нескольких стычках, а также успевший поссориться с местной знатью, зачастил во дворец княгини.

Как Рено обольстил Констанцу — неизвестно. Но она нарушила клятву. Брак был совершен тайно, чтобы старый патриарх Аймерих не мог ему помешать. Когда же о браке было объявлено, это вызвало неодобрение в Иерусалиме. Несмотря на молодость,

Замок Крак де Шевалье в Палестине (реконструкция).

Рено Шатильонский успел себя дурно проявить и в столице.

С патриархом Антиохийским новый князь испортил отношения с первого же дня. Несмотря на то что патриарх пользовался в латинских государствах большим уважением, Рено начал обращаться с ним презрительно и нагло. И когда патриарх попытался призвать его к порядку, Рено не придумал ничего лучшего, как приказать схватить старика, раздеть, обмазать медом и выставить в жаркий день на площади на растерзание слепням и осам. Возмущение антиохийских баронов было столь велико, да и сам король Иерусалима был столь разгневан, что Рено, бросивший после пытки старика в темницу, вынужден был его отпустить. Тот проклял Рено и навсегда покинул Антиохию. Остаток своих дней Аймерих прожил в Иерусалиме. Истязание патриарха произо-

шло в 1153 году, вскоре после свадьбы. Последующие годы жизни Рено в Антиохии — длинный список бесчинств.

В 1156 году Рено, подкупленный агентами византийского императора Мануила, неожиданно напал на армянское Киликийское царство — единственного верного союзника крестоносцев. Но Рено никогда не интересовался политикой, он был прирожденным бандитом. Он жестоко разорил приморские города Армении, захватил много рабов и успел убраться с добычей, прежде чем его настигли войска армянского царя Тороса. После этого он послал в Византию за обещанной наградой, но император велел передать Рено, что захваченная им добыча — достаточная награда за набег. Рено умел мстить. Получив ответ императора, он собрал флот, посадил на него своих головорезов — у него был небольшой, но крепкий отряд — и кинулся на остров Кипр, тогда еще мирную провинцию Византии. Опустошив его восточный берег, забрав рабов и добычу, он сообщил императору, что теперь они в расчете.

Любимой резиденцией Рено был неприступный замок Крак де Шевалье. Туда он уходил после набегов, там пировал со своими рыцарями, оттуда вылетал, прослыша, что неподалеку проходит караван или к берегу несет штормом корабль.

Мирные соглашения на Ближнем Востоке далеко не всегда соблюдались. Нарушали их и тамплиеры, и сам иерусалимский король, и его бароны. Не святыми были и мусульманские эмиры. И все же, дабы этот край не превратился в скопище скорпионов, определенный порядок международных отношений неизбежно должен был установиться. Мир — это движение караванов и торговых судов, возделанные поля и горящие горны в ремесленных мастерских. Поэтому Салах ад-Дин и король Иерусалимский порой заключали перемирия. На бандитов типа Рено все поглядывали с опаской. Для них законов не существовало.

Поэтому, когда в 1160 году, во время одного из

набегов, Рено попал в засаду и был взят мусульманами в плен, не только в Дамаске, но и в Иерусалиме вздохнули с облегчением.

Шестнадцать лет он провел в тюрьме в городе Гамбе. И никто — даже жена Констанца — не захотел его выкупить или обменять. А ведь когда через пять лет в плен к сарацинам попал юный сын Констанцы Боэмунд, выкупить его помог патриарх Аймерих.

Только в 1176 году Рено вышел из темницы. Был он уже не молод, ненавидел всех — от Салах ад-Дина до христианских рыцарей, которые бросили его на произвол судьбы. Он был одержим мечтой о мести и страстью к деньгам.

В Антиохию Рено не вернулся. Поселившись в замке Крак де Шевалье, он посвятил все силы истреблению мусульман. В 1181 году, нарушив перемирие, он совершил рейд в глубь территории Сирии. Из-за этого пострадали другие: Салах ад-Дин возглавил карательную экспедицию на Бейрут. В следующем году Рено кинулся в другую авантюру. Он напал на город Айлу на Красном море, захватил его и начал строить там флот, чтобы пограбить берега Аравии. Правда, флот его погиб в первом же бою, Айла была потеряна, и Рено вернулся в замок без добычи.

В 1184 году Раймунд Триполлийский, который был тогда регентом, осаждал Крак де Шевалье, чтобы наказать Рено. Но замок выстоял.

Сказочная добыча попала Рено в руки в 1187 году. Неподалеку от его замка проходил огромный торговый караван, который задержался в Иерусалиме и теперь двигался к Дамаску. Караван вез множество товаров из Аравии и Египта, но главное — в нем ехала любимая сестра султана Салах ад-Дина. Рено ограбил караван и перебил купцов и охрану. Это было не только нарушением перемирия, столь нужного Иерусалимскому королевству, это было еще и нарушением законов чести.

Салах ад-Дин тут же написал гневное письмо иерусалимскому королю. Но попало оно не к Балдуину.

Прокаженный король умер в 1183 году. В последние месяцы это был живой труп, равнодушно смотревший, как вокруг него кипит борьба за престол.

Победила партия Сибиллы, пятилетний сын которой воспитывался у Раймунда Триполийского. Раймунд был назначен его опекуном до совершеннолетия. Но мальчик был слабеньким, и Раймунд не смог его сберечь: через три года он умер.

Все это время Сибилла, которая понимала, что Раймунд Триполийский ее к власти не допустит, плела интриги против опекуна. Пока был жив ее сын, свалить Раймунда она не могла. Зато со смертью маленького Балдуина граф Триполийский потерял законные основания править Иерусалимом. И вот тогда Сибилла вспомнила о своем изгнанном муже. Вспомнили о нем и все те, кому насолил Раймунд Триполийский. В том числе магистры духовно-рыцарских отрядов. Гвидо Лузиньян казался безопасен — он был таким ничтожеством, что его можно было посадить на престол.

В 1186 году Гвидо был возвращен из ссылки в Аскалоне и сделался иерусалимским королем.

Так что гневный протест Салах ад-Дина по поводу вероломного нарушения перемирия графом Рено Шатильонским попал к Гвидо Лузиньяну.

Гвидо понимал, что Салах ад-Дин совершенно прав, требуя компенсации за грабеж и наказания бессовестного Рено. Но положение Гвидо было шатким. В любой момент бароны могли согнать его с трона. А ведь король Иерусалимский был предводителем христианского воинства, Салах ад-Дин же — исчадием ада, государем нехристей. И наказать благородного христианского рыцаря ради мусульманина было бы непростительной ошибкой в тот момент, когда послы Иерусалима обивали пороги царствующих домов Европы, умоляя о помощи против «неверных».

К тому же положение самого Салах ад-Дина было непрочным: против него поднялись сельджукские при-

вители. Многие в Иерусалиме полагали, что наступил удобный момент покончить с султаном.

Маневрируя между кликами при дворе, Гвидо тянул с ответом, отказывался выплатить компенсацию, искал компромиссные варианты, и продолжалось это до тех пор, пока терпение Салах ад-Дина не лопнуло. Надо учитывать, что Салах ад-Дина подталкивали собственные «ястребы», которые требовали скорее сбросить в море христиан, не желая понять, что война с ними потребует отчаянных усилий.

Так что Рено сыграл на руку сторонникам войны в обоих лагерях.

Поняв, что Гвидо не решится наказать грабителя, Салах ад-Дин объявил европейцам «священную войну» и поклялся не складывать оружия до тех пор, пока последний из них не покинет его страну. Что же касается Рено Шатильонского, то Салах ад-Дин торжественно дал обет убить его собственными руками.

Весной 1187 года армии сарацин вторглись на земли Иерусалимского королевства. Уже в мае крестоносцы потерпели ошутимое поражение. Сто тридцать орденских рыцарей, храмовников и иоаннитов, во главе с великим магистром иоаннитов наткнулись на отряд под командованием сына Салах ад-Дина. Это случилось неподалеку от Назарета. Все до единого рыцари, включая великого магистра, погибли в этом бою.

Проникнув в глубь христианских владений, Салах ад-Дин стал опустошать сельскую местность. Этим он обрекал страну на голод и заставлял рыцарей и крестьян укрываться в переполненных городах.

Наконец Салах ад-Дин двинул в бой основные силы. В июне его армия подошла к городу Тивериаде и осадила его.

В эти дни крестоносной знати пришлось забыть прежние распри. С опозданием на год Раймунд Триполийский признал иерусалимского короля и привел к нему свой отряд.

В поход на выручку Тивериады собралось две тысячи конных рыцарей, восемнадцать тысяч пехотинцев и

несколько тысяч легких лучников — армия по тем масштабам немалая. Единственным, кто не приехал к войску, был патриарх Ираклий. Он лишь прислал Святой крест в сопровождении двух епископов.

Отказ Ираклия участвовать в походе никого не удивил. Патриарх Иерусалима был большим жизнелюбом. Как рассказывает хронист, патриарх содержал любовницу, имел от нее детей и эта любовница, разукрашенная, как принцесса, в сопровождении свиты гуляла по улицам города. Так что отсутствие патриарха было встречено шутками — все понимали, что старый ревнивец не смеет оставить любовницу без присмотра.

3 июля, когда крестоносное войско уже подходило к Тивериаде, стало известно, что город пал. Держалась только его цитадель, где укрылась семья Раймунда Триполийского.

Перед последним переходом к Тивериаде бароны собрались на совет в шатре короля Гвидо.

Первым выступил Раймунд Триполийский.

— Я стою за то, что Тивериаду отбивать не следует, — сказал он. — Учтите, что мною движет не себялюбие, ведь я рискую более других: моя семья осаждена в цитадели и в любой момент может попасть в руки сарацин. Но до самой Тивериады нет источников и местность открытая. Солнце будет печь неумолимо. Мы потеряем множество людей и коней. Следует ждать войско Салах ад-Дина здесь, у источников.

Бароны шумно поддержали Раймунда. Согласились с ним и госпитальеры. Только великий магистр тамплиеров хранил молчание. Король Гвидо, присоединившись к мнению большинства, приказал никуда далее не двигаться и укреплять лагерь на случай появления сарацин.

Но после ужина в шатер к королю пришел великий магистр ордена тамплиеров. Он объяснил Гвидо, что план Раймунда Триполийского — явное предательство. Раймунд метит на иерусалимский престол и готов погубить Гвидо. Никогда еще у иерусалимского короля не было столь огромного войска. Надо спешно идти

к Тивериаде, напасть на сарацин и победить их. Тогда вся слава достанется королю Гвидо.

Гвидо был ставленником тамплиеров, и они поддерживали его деньгами. Кстати, и этот поход финансировался тамплиерами.

Утром, к удивлению баронов, король вышел из шатра в белом плаще с красным крестом тамплиеров, в кольчуге, в шлеме и с мечом. Он приказал седлать коней и двигаться вперед. Бароны возроптали, но в походе король был командиром. Подействовала и твердая уверенность уже севших на коней храмовников. И войско начало вытягиваться по иссушенной долине.

К полудню люди уже падали от тепловых ударов. Над долиной висела мелкая желтая пыль.

Вскоре арьергард армии начали беспокоить летучие отряды Салах ад-Дина. Барон Ибелин, который командовал арьергардом, потерял много пехотинцев и даже рыцарей в этих коротких стычках.

На ночлег войско остановилось рано: последние мили были очень тяжелы. Как и предсказывал Раймунд Триполийский, единственный источник, встретившийся здесь, был мал, и не удалось даже толком напоить коней.

Когда стемнело, возле лагеря поймали нищую старуху. Кто-то крикнул, что это мусульманская колдунья, которая хочет навести порчу на крестоносцев. Тут же из взятых с собой дров разложили костер и сожгли старуху живьем. С ближайшего холма Салах ад-Дин наблюдал за рыцарским лагерем и никак не мог понять, зачем христианам понадобился такой большой костер. Крики старухи до Салах ад-Дина не долетали.

Утром 4 июля армия двинулась дальше, несмотря на то, что перед выходом произошла стычка между Раймундом Триполийским и магистром тамплиеров. Раймунд требовал отступить, пока не поздно.

К полудню армии сошлись у деревни Лубил. Было еще жарче, чем накануне. Рыцарям казалось, что они

испекаются заживо, и бились они вяло. Пехота отстала, тамплиеры гнали лучников вперед, словно стадо баранов. Прорвать строй сарацин не удалось.

Гвидо отыскал Раймунда Триполийского. Белый плащ старого воина был разорван копьем. Раймунд шатался от усталости. Гвидо спросил, что делать дальше. Он больше не верил великому магистру тамплиеров. Раймунд ответил, что единственная надежда спастись — это отступить в расчете на то, что Салах ад-Дин не будет преследовать крестоносцев.

Гвидо приказал трубить отход.

Войско крестоносцев, отбиваясь от перешедших в наступление сарацин, отошло на большой отлогий холм, где стояла деревня Хаттин. Воды не было. Колодец в деревне опустошили до дна. Те, кому не досталось воды, сосали влажный песок. Враги стояли так близко, что слышны были их голоса.

С наступлением темноты солдаты начали перебегать в лагерь Салах ад-Дина. Глубокой ночью к Салах ад-Дину пришли пять триполийских рыцарей. Не исключено, что они дезертировали с ведома графа Раймунда, на землях которого и шел этот бой. Рыцари рассказали Салах ад-Дину то, что он знал и без них: положение крестоносцев безнадежно, и состояние их духа столь низко, что достаточно небольшого толчка, чтобы плод упал с дерева. Салах ад-Дин приказал напоить рыцарей и выделить им шатер. Он не питал зла к графу Триполийскому.

На рассвете первыми в лагере поднялись рыцари Рено Шатильонского. Они решили прорваться.

Но опоздали. Салах ад-Дин проснулся раньше. Его люди подожгли вереск, и едкий дым пополз по холму, скрывая суматоху в лагере. Из клубов дыма с криками выскочили рыцари Рено Шатильонского.

Холм был окружен сельджукскими всадниками. Волна рыцарей Рено натолкнулась на них и откатилась обратно, в дым и отчаяние гибели.

Салах ад-Дин поднял саблю, подавая своему войску сигнал к битве. Сжимая кольцо, ринулись на холм

всадники. Желтые знамена Салах ад-Дина плыли над голубым дымом, стремясь туда, где вокруг шатра короля Иерусалимского сгрудились стяги рыцарей и орденовые знамена: черные с белым крестом — иоаннитов, белые с красным крестом — тамплиеров.

Вдруг в одном месте кольцо сарацин распалось, и сквозь эту брешь вырвались рыцари Раймунда Триполитского. Старый граф скакал впереди своего отряда. Вниз по склону холма и дальше по пыльной дороге отряд ушел к Триполи.

Потом графа Раймунда упрекали в том, что он ночью вошел в соглашение с Салах ад-Дином.

Не исключено. Кампания была проиграна, и Раймунд лучше, чем кто-либо другой, понимал это. Возможность соглашения подтверждается и тем, что буквально на следующий день сдались защитники тивериадской цитадели и семья Раймунда была отпущена.

На холме и вокруг него кипел бой. Пехота была отрезана от рыцарей, и напрасно король Гвидо слал гонцов с требованием, чтобы пехотинцы спешили на выручку Святому кресту. Центр боя находился в районе королевского шатра и Святого креста, который сторожили иоанниты и служки епископов.

Пехотные отряды один за другим сдавались в плен. Затем наступила очередь короля.

День еще не успел разгореться, как христианская армия перестала существовать. Арабский историк говорит, что у мусульман не хватило веревок, чтобы связать всех пленных. Их было так много, что цены на рабов резко упали; одного из рыцарей хозяин обменял на пару сапог.

Епископы погибли. Святой крест был захвачен, и дальнейшая его судьба неизвестна. Правда, через несколько лет в Акке объявился рыцарь, который утверждал, что сам закопал крест на том холме. Была снаряжена целая экспедиция. Копали три дня, но креста не нашли.

Кроме Раймунда, прорвался только барон Ибелин.

Этот рыцарь, в истории крестовых походов малоизвестный, пользовался почему-то доверием Салах ад-Дина. Может быть, потому, что был женат на вдове иерусалимского короля Амори, племяннице византийского императора.

Покрытых пылью, осунувшихся пленников привели в шатер к Салах ад-Дину.

Султан встретил их, не поднимаясь с подушек. Он внимательно оглядел группу рыцарей, стоявших на ковре. Впереди — король Иерусалимский, за ним — великий магистр тамплиеров, коннетабль королевства, маршал Иерусалимский, командоры иоаннитов, бароны — весь цвет крестоносного рыцарства.

Салах ад-Дин не таил своего торжества.

Он приказал принести шербет и, поднявшись, протянул чашу иерусалимскому королю. Тот, отпив, передал чашу Рено Шатильонскому, стоявшему рядом.

Увидев, что Рено пьет шербет, Салах ад-Дин сказал:

— Пей, это твой последний в жизни глоток.

Рено вздрогнул, но преодолел страх и протянул чашу магистру тамплиеров.

— Отойди в сторону, — сказал Салах ад-Дин.

Рено остался стоять на месте, но все остальные пленники отступили от него как от зачумленного. Все знали, что произойдет.

Салах ад-Дин обнажил саблю. Затем произнес:

— Я подарю тебе жизнь, если ты расскаешься и примешь ислам.

Рено посмотрел на своих спутников. Те отвели глаза.

— Нет, — сказал Рено.

Салах ад-Дин ударил его саблей.

Рено упал. Подбежали стражи и отрубили ему голову. Потом ее возили по городам султаната.

После этого Салах ад-Дин велел отвести всех пленников в тюрьму. Им предстояло там находиться до тех пор, пока за них не будет заплачен выкуп.

Исключение было сделано только для тамплиеров

*Тивериадская битва. Слева в короне Салах ад-Дин.
Миниатюра из французской рукописи XIII века.*

и иоаннитов. Их было более двухсот. Салах ад-Дин сказал, что рыцари-монахи так же ужасны, как ассасины. Только это христианские ассасины — убийцы без чести, которым не следует жить на земле. У Салах ад-Дина были свои счеты с ассасинами: на него несколько раз устраивались покушения. И все тамплиеры и иоанниты были казнены.

Тивериадская битва (или битва при Хаттине) провучала похоронным звоном для латинских государств. Проигранная ставка на генеральное сражение привела к тому, что в городах побережья не оказалось гарнизонов, не было рыцарей и баронов, которые могли бы возглавить оборону. Могучие крепостные стены были скорлупой пустых орехов. А так как население приморских городов (в отличие от Иерусалима, в котором жило несколько десятков тысяч христиан) было в основном мусульманским, то переход власти к наместникам Салах ад-Дина ничем не грозил ремесленникам и торговцам Яффы, Бейрута, Иерихона, Кесарии и других городов.

В течение нескольких недель отряды мусульман подавили сопротивление городов. К осени 1187 года в руках крестоносцев остались лишь Иерусалим, Тир, Аскалон и Триполи. Легкость, с которой рушился крестоносный мир, была ошеломляющей. Беглецы из городов — семьи рыцарей, священники, купцы не могли пробиться к Иерусалиму. С августа Иерусалим был отрезан от побережья и блокирован.

Со дня на день должен был пасть Тир — уже шли переговоры о его сдаче. Но неожиданно для Салах ад-Дина и для отчаявшихся защитников города в море появились паруса: во главе небольшой эскадры с сотней византийских лучников и несколькими рыцарями, прорвав блокаду, в Тир прибыл Конрад Монферратский.

Могущественная семья маркграфов, а впоследствии герцогов Монферратских владела землями в Северной Италии. Семья была немецко-итальянской и занимала в Священной Римской империи завидное положение. Отец Конрада, Вильгельм, много лет прожил в Иерусалиме, старший брат, тоже Вильгельм, был первым мужем королевы Сибиллы. Он умер в 1177 году. По знатности Монферраты не уступали никому в латинских государствах. Сам Конрад, рыцарь в расцвете сил, был талантливым полководцем, человеком независимым и властным. Последние годы он жил в Константинополе и был кесарем Византийской империи (командующим армией). Испортив отношения с византийцами, он покинул Константинополь и отплыл на юг.

Появление Конрада изменило положение дел в Тире. Конрад быстро наладил оборону. Штурм, который предприняли сарацины, провалился. Известие о том, что Тир держится и что Салах ад-Дин бессилен победить Конрада Монферратского, распространялось по Святой земле, вселяя надежду в поредевшие ряды крестоносцев. Отказался сдаться Триполи, хотя вернувшийся туда усталый и разочарованный Раймунд

Триполиийский был при смерти. Обороной руководила прибывшая из Тивериады жена графа.

Встревоженный Салах ад-Дин спешил сокрушить Тир, прежде чем ударить по Иерусалиму. Ему хотелось обеспечить полную блокаду Иерусалима.

Иерусалим, как мог, готовился к обороне. Но оборонять его было некому. Войска ушли вместе с королем под Тивериadu, и ни один из рыцарей не вернулся. Правда, в город стекалось множество жителей из окрестных мест, разоренных Салах ад-Дином, но как воины они никуда не годились, и не было ни одного командира, который мог бы взять на себя руководство обороной города.

Барон Ибелин обратился к Салах ад-Дину с просьбой дать ему пропуск в осажденный Иерусалим, чтобы вывести оттуда жену и детей. Салах ад-Дин такой пропуск дал, но взял с рыцаря слово, что тот проведет в Иерусалиме лишь одну ночь.

Когда Ибелин приехал в Иерусалим, к нему бросились горожане во главе с патриархом. Они умоляли его остаться в городе и возглавить оборону. Ибелин стал отказываться, ссылаясь на честное слово, но патриарх Ираклий сурово ответил ему, что держать клятву, данную «неверному», куда греховнее, чем нарушить ее ради святого дела. И Ибелин сдался.

Христиане Иерусалима во главе с патриархом и епископами присягнули Ибелину, возложили на него корону и дали титул Спасителя веры.

Ибелин честно взялся за исполнение своего долга, отписав Салах ад-Дину о случившемся и выразив надежду, что тот не будет в большой обиде, так как его заставил нарушить слово сам патриарх.

Самая главная проблема, стоявшая перед новым королем, заключалась в том, что у него не было рыцарей, то есть, говоря сегодняшним языком, офицеров, которые могли бы руководить участками обороны города, стены которого, во многих местах

ветхие, протянулись на несколько километров. В городе кроме Ибелина нашлось всего два рыцаря.

Ибелин вышел из положения мудро. Он посвятил в рыцари пятьдесят сыновей именитых граждан, создав в Иерусалиме новое, хотя и весьма недолговечное, как вскоре выяснилось, дворянство.

В начале осады Салах ад-Дин оставался на побережье, но, когда он понял, что Тир и Триполи ему сразу не взять, он повернул армию к Иерусалиму. Из тюрьмы привезли короля Гвидо. Салах ад-Дин предложил королю свободу, если тот отдаст ему Аскалон, один из трех последних несдавшихся городов побережья. Триполи и Тир короля бы не послушались, но Аскалон обороняли рыцари Гвидо. Гвидо рассудил, что город стоит свободы, и тут же послал туда гонцов, попросив Салах ад-Дина, чтобы из осажденного Иерусалима выпустили королеву Сибиллу. Салах ад-Дин согласился, и, как только пришла весть о том, что Аскалон покорно открыл ворота, Салах ад-Дин разрешил королю с женой отправиться, куда они пожелают.

Надеясь избежать штурма Иерусалима, Салах ад-Дин отправил городу ультиматум. В нем он предлагал в обмен на капитуляцию заплатить его защитникам тридцать тысяч безантов и разрешить христианам селиться в пяти милях от города. Желających он обязался отправить в христианские земли за свой счет.

Ультиматум был отклонен. Защитники города надеялись на крепость стен, а главное — на крепость своей веры и защиту истинного Бога.

К тому же носились слухи, что с севера идет германский император, а морем плывут другие крестоносцы: христианский мир не оставит Иерусалим в беде.

В первые дни обороны горожане сражались отважно, хотя и не были профессиональными воинами. Они беспрерывно делали вылазки. Когда враги пошли на первый штурм, направление его было выбрано неудачно: солнце светило штурмующим в лицо и дул сильный встречный ветер. Пока мужчины отстрелива-

лись со стен, женщины Иерусалима поднимали на стены ведра и корзины с мелким песком и пускали его по ветру. Пыль стегала атакующих по глазам и сбивала дыхание. Штурм сорвался.

Подвезли двенадцать осадных машин и поставили их у слабых северных стен. С осадных машин и башен лучники Салах ад-Дин обстреливали Иерусалим столь усердно, что согнали со стен его защитников. Это позволило сделать подкопы под стены.

Патриарх и епископы водили по Иерусалиму процессии, взывая к небу о помощи. В городе царило уныние. Ибелину рассказали, что среди православных греков, армян-григориан и несториан, составлявших значительный процент жителей Иерусалима, созрел заговор. Заговорщики намерены открыть ворота, не дожидаясь, пока разъяренные сарацины ворвутся в город.

Наконец стена в одном месте рухнула, и завязался бой в проломе. Несмотря на то что в городе оставалось еще немало людей, способных и желавших сражаться, патриарх Ираклий обратился к Ибелину и горожанам с предложением начать переговоры с Салах ад-Дином. Он мотивировал свое решение соображениями гуманности: если продолжать борьбу, то сарацины осквернят церкви и обесчестят женщин. Это обращение подорвало дух сопротивления. Почему рядовые защитники должны быть более христианами, чем сам патриарх?

В тот же день Ибелин отправился к Салах ад-Дину.

Султан встретил его сурово. Он сказал ему, что после того, как ультиматум был отвергнут, его войско поклялось снести стены Иерусалима и истребить всех христиан. Прервав переговоры, он велел Ибелину вернуться на следующий день.

Затем Салах ад-Дин созвал ученых мулл и объяснил им ситуацию. Клятва дана, и следует ее выполнить. Однако дальнейшая осада чревата потерей времени, новыми жертвами и разрушениями в Иерусалиме. Что делать? И подобно тому как патриарх

Ираклий освободил от клятвы Ибелина, мусульманские мудрецы поспешили освободить от клятвы султана. Они мотивировали решение тем, что сам факт взятия города означает моральное крушение его стен и духовное истребление его жителей.

А в обреченном Иерусалиме царил паника. Женщины поставили на площади чаны с водой и, окуная туда своих дочерей, отрезали им косы, посвящая их таким образом в монахини в надежде спасти от грядущего бесчестья. Священники во главе с Ираклием прошли крестным ходом по стенам. Некоторые кончали с собой, кто-то принимал мусульманство. Во дворах закапывали добро...

Поутру Ибелин вновь прибыл в лагерь Салах ад-Дина. Тот сообщил ему, что клятва отменена и можно перейти к переговорам. Ибелин настаивал на праве свободного выхода для всех христиан. Салах ад-Дин согласиться на это не мог. Он потребовал выкуп с тех, кто уходит из города. Решение это было чрезвычайно мягким. Достаточно вспомнить, что в свое время крестоносцы, взяв город, перебили там почти всех мусульман, не пощадив ни женщин, ни детей, а оставшихся продали в рабство. Почувствовав, что Салах ад-Дин склонен к миру, Ибелин начал торговаться. В конце концов было достигнуто такое соглашение: в течение сорока дней все христиане, кроме нескольких священников, которым Салах ад-Дин разрешает остаться у святынь, должны покинуть город. За это следует заплатить по двадцать золотых за мужчину, по десять — за женщину и по пять — за ребенка. Оставшиеся в городе после этого срока становятся рабами Салах ад-Дина.

Ибелин начал доказывать султану, что в городе очень много бедняков, которые и в глаза не видели золотых монет. Салах ад-Дин согласился снизить для них выкуп наполовину, но на большее не пошел. Он резонно заметил, что у патриарха, а особенно у тамплиеров и госпитальеров денег достаточно, чтобы

выкупить бедняков трижды. Но Ибелин понимал, что ордены с деньгами не расстанутся.

Вернувшись в Иерусалим, Ибелин предложил, чтобы сначала внесли выкуп те, у кого есть деньги. Затем состоятельные люди соберут деньги за бедных и помогут им. Горожанам пришлось согласиться.

И вот наконец городские ворота открылись. Султан сдержал слово. Ни грабежей, ни убийств не было. Если отдельные солдаты и входили в город, то вели себя мирно, в основном толкались на базаре: там можно было дешево купить то, что жители не могли унести с собой.

В пятницу 2 октября 1187 года Иерусалим был торжественно возвращен мусульманам. Он пробыл в христианских руках почти сто лет.

Выкуп должны были сносить в башню Давида, на которой развевалось желтое знамя Салах ад-Динна.

Денег на выкуп бедняков не хватало. Ибелин и патриарх Ираклий потребовали от тамплиеров, чтобы те открыли свою сокровищницу. Тамплиеры отказались. Они утверждали, что деньги даны им на хранение. Об этом узнали горожане, и разгневанная толпа окружила резиденцию магистра храмовников. В конце концов те раскошелились и часть денег на выкуп бедняков выдали; их хватило на семь тысяч человек.

На каждой улице Салах ад-Дин поставил по два командира и по десять солдат, чтобы они следили за порядком. Он сказал, что любой уличенный в грабеже и воровстве — христианин или мусульманин — будет казнен. Святой город не должен быть опорочен преступлениями.

Те, кто уже выкупился, выходили из города и располагались лагерем в долине, у стен. Но в Иерусалиме оставалось еще очень много людей, и они провожали уходивших стенаниями и плачем. Некоторые умоляли взять хотя бы детей.

Странные вещи происходили в те дни. Брат Салах ад-Дина попросил у султана в подарок тысячу хрис-

тианских бедняков. Тот согласился. Брат освободил их во имя милосердного Аллаха. Узнав об этом, к Салах ад-Дину пришел патриарх Ираклий. Он попросил подарить ему тысячу человек. Султан подарил семьсот. Пятьсот бедняков Салах ад-Дин подарил Ибелину. Наконец, сам Салах ад-Дин отпустил бесплатно стариков и всех воинов, которые отважно защищали город.

К тому же много сотен бедняков ушло из Иерусалима нелегально. Стены охранялись плохо, и каждую ночь через них сотнями перелезали жители Иерусалима. Другие покупали мусульманскую одежду и спокойно выходили через городские ворота. Немало людей укрылось в греческих и армянских семьях: греков и армян Салах ад-Дин изгонять не стал.

Когда из города уходил патриарх Ираклий, за ним двигался целый караван с церковным имуществом. Салах ад-Дину донесли, что в сундуках патриарха, который столь скорбел об участи бедняков, хранится более двухсот тысяч золотых.

Салах ад-Дин лишь грустно улыбнулся. Он подозревал, что так и случится. Затем он послал за патриархом.

Патриарх был встревожен. Он имел все основания опасаться, что обман будет раскрыт и церковь лишится громадной суммы денег.

Салах ад-Дин долго смотрел на патриарха, потом перевел взгляд на караван. На одном из верблюдов чуть покачивался паланкин — там сидела любовница патриарха.

— Господин Ираклий, — сказал Салах ад-Дин, — вы не заплатили двадцать золотых выкупа за себя.

Патриарх заторопился, доставая кошель с золотом. Дрожащими пальцами Ираклий отсчитал монеты и положил их на поднос перед султаном.

Историки сообщают, что в Иерусалиме было куплено восемнадцать тысяч человек. От одиннадцати до шестнадцати тысяч (по разным источникам) католиков было продано в рабство.

*Венецианский корабль эпохи крестовых походов.
Гравюра XIX века.*

Выкупленных горожан уводили из города тремя колоннами. Одну вели тамплиеры, вторую — иоанниты, третью — патриарх с Ибелином.

Ближе к побережью эти колонны разошлись в поисках приюта. Кое-кто укрылся в Тире, другие пошли к Триполи. Но молодой граф Триполийский не пустил в город беженцев — ему не нужны были лишние рты, зато отправил отряд рыцарей их грабить. Произошла стычка с солдатами Ибелина. Многие из беженцев добрались до Антиохии и осели там, еще больше укрылось в Киликийской Армении. Те колонны, которые двинулись по побережью к югу, надеялись остановиться в Аскалоне. Но к тому времени, когда они туда добрались, Аскалон уже был сдан по приказу короля мусульманам. Пришлось идти дальше, в Египет. Многие умирали от голода и жажды, погибали от набегов разбойников. Добрались до Александрии. Там зимовало около сорока венецианских и генуэзских судов. Корабельщики согласились взять тех, кто мог оплатить проезд. Более тысячи бедняков осталось на берегу. Тогда наместник Салах ад-Дин вызвал к себе корабельщиков и спросил:

— Почему вы так плохо относитесь к своим единоверцам? Ведь вы такие же христиане, а оставляете своих бедняков здесь, понимая, что они попадут в рабство.

Итальянцы объяснили свой поступок тем, что у них нет пищи для бедняков и не хватит пресной воды.

Тогда эмир послал на суда хлеб и воду на всех и пригрозил, что, если бедняков не возьмут, он отнимет у корабельщиков паруса. Если же они посмеют выбросить бедняков за борт, то пускай пеняют на себя: больше им в Египте не торговать.

Так кончился христианский век в Иерусалиме.

ИНТРИГИ ВИЗАНТИЙСКОГО ДВОРА

Византия, наследница Римской империи, смогла продержаться тысячелетие, не только обороняясь против персов, арабов, сельджуков и монголов, но и сама переходя в наступление и распространяя порой свою власть на значительную часть Ближнего и Среднего Востока. В Византии встречались Европа и Азия, сила ее заключалась в том, что она их соединяла, слабость — в том, что она была им чужда.

Византия была слишком велика, границы империи растянулись на тысячи километров, и подданные ее принадлежали к десяткам народов, сотням племен и многим вероисповеданиям. В конце XI века империя была настолько древней, настолько закосневшей в регламенте обычаев и правил, в традициях интриг и дворцовых переворотов, что выражения «византийские интриги», «византийское коварство», «византийская хитрость» стали расхожими.

На протяжении своей тысячелетней истории Византия столько раз бывала на краю гибели, столько раз враги и союзники полагали, что ей осталось жить считанные дни, что даже сами византийцы привыкли к такому образу жизни.

Византию многократно спасала не доблесть полководцев и не мудрость императоров, а вражда между ее противниками. Их союзы распадались — сами или с помощью византийской политики.

Конец XI века — война с сицилийскими норман-

нами, которые захватили почти всю европейскую часть Византии. Одновременно с востока наступали сельджуки, отторгшие Малую Азию. Против норманнов удалось найти союзников — венецианцев, которым норманны подрывали торговую монополию в Средиземном море, и тех же сельджуков. Сельджуки недолго были едины, и их царство распалось. Пользуясь разногласиями между тюркскими правителями, византийцы возвратили себе часть утеранных территорий.

Но тут возникла угроза с севера. Началось наступление печенегов. После ряда тяжелых поражений Византии удалось привлечь на свою сторону половцев и нанять отряды фландрских рыцарей. С их помощью византийцы разгромили орды печенегов.

Новой угрозой стал первый крестовый поход, так как крестоносцы были опасными союзниками, хотя шли отвоевывать земли, формально принадлежавшие Византии. Крестоносцев удалось спровадить, а впоследствии использовать для восстановления мощи империи.

К этому периоду относится важное изменение в политике Византии. Если раньше спесивые ромейские императоры, наследники Рима, с презрением относились к династическим союзам, не желая портить императорскую кровь, то отныне они стремятся к таким союзам, понимая, что родственные связи с дворами Европы — реальная помощь во внешней политике.

Император Мануил из династии Комнинов, деятельность которого связана с подъемом Византии и возвращением ее могущества, был наполовину венгром. Он женился на графине Берте фон Зульцбах, которая приняла при короновании имя Ирина (что не мешало этому сластолюбивому монарху открыто жить со своей племянницей Феодорой). В 1159 году Ирина умерла, оставив дочь, и Мануил стал искать себе новую жену. Политические соображения были столь важны, что он пренебрег знатными византийскими

невестами и обратил свой взор за рубеж. Для него были важны связи с правителями латинских государств в Палестине, так как Мануил рассчитывал использовать их войска в своих интересах. Выбор его пал на графиню Мелизанду Триполийскую. Состоялась помолвка, однако вскоре обнаружилось, что графиня страдает психическим заболеванием. Помолвка была расторгнута. После этого Мануил просил руки антиохийской княжны Марии, славившейся несказанной красотой. Свадьба состоялась в 1161 году, и самая красивая женщина христианского Востока, которая, по словам греческого летописца, была «так прекрасна, что перед ее красотой меркли рассказы об Афродите», вошла в императорский дворец, не подозревая, какая страшная судьба ей уготована.

Через семь лет совместно с иерусалимским королем Амори Мануил совершил поход в Египет. К тому времени и Амори был связан родственными узами с Византией, так как женился на внучатой племяннице Мануила.

Где интригами и подкупом, где военной силой, где политическим давлением Мануил укреплял империю. В начале пятидесятых годов ему удалось обуздать непокорную Сербию, посадив там на престол жупана Стефана. В течение нескольких лет тот оставался верным вассалом. Когда же Стефан проявил непокорность, армия Мануила в 1173 году заставила его сложить оружие.

Чтобы нейтрализовать весьма опасное для Византии Венгерское королевство, Мануил активно вмешивался в его дела, тем более что по матери он имел там близких родственников. Со смертью короля Гезы II Мануил в 1163 году совершил туда поход и взял в заложники Белу, наследника престола. Белу воспитывали при византийском дворе, надеясь превратить в настоящего византийца, и даже обручили с Марией, дочерью Мануила. В удел ему были выделены Далмация и Хорватия. Однако это не прекратило сопротивления венгров. Византийцы вновь вторглись в их

страну, и 8 июля 1167 года произошло сражение у Землина. Основной ударной силой венгерской армии были рыцари, вооруженные длинными копьями. Сначала их пытались остановить лучники. Но стрелы не пробивали доспехов, и конница венгров упорно двигалась вперед. Зато в схватке с византийской кавалерией, имевшей опыт борьбы с конницей норманнов, длинные копья стали скорее помехой — сильнее оказались железные палицы ромеев. Рыцарское войско венгров было разбито. Венгрия признала сюзеренитет Константинополя.

Все шло к тому, что Бела, крещенный в православной церкви и нареченный Алексеем, женится на Марии и унаследует византийский и венгерский престолы. Однако в этот план внесла коррективы прекрасная Мария Антиохийская, родившая 14 сентября 1169 года мальчика, которого также назвали Алексеем. Вопрос о престолонаследии в Византии разрешился сам собой. Невесту у Бела отняли, надежды на византийский престол тоже. Правда, Мануил постарался не разрывать отношений с венгерским наследником. Ему предложили в жены другую родственницу императора, и, когда в 1174 году Бела занял венгерский престол, он сохранил с Византией тесные связи.

Целью Мануила было завоевание Италии и восстановление Римской империи. Он надеялся на поддержку венецианцев и германского императора Фридриха Барбароссы. Однако Барбаросса отнесся к планам Мануила весьма настороженно. У него были свои интересы в Италии. Он намеревался использовать византийцев, но не служить им.

Во второй половине пятидесятих годов византийские войска высадились в Италии. Их основным соперником был норманнский король Сицилии Вильгельм. Это было знаменательное предприятие: наконец-то Восточная Римская империя приняла реальные меры для восстановления былого могущества римских императоров.

Лишь несколько южноитальянских городов признали власть Византии. Дальнейшие завоевания застопорились. Союзники — германцы и венецианцы — на помощь не пришли, а норманны стали брать верх над византийским экспедиционным корпусом. Тогда Мануил поменял союзников: он предложил мир сицилийцам, которые опасались наступления германского императора. Византийские посольства посещали крупнейшие итальянские города, которые сопротивлялись начавшемуся наступлению Фридриха Барбароссы, и добились некоторых успехов. Например, Мануила признал Милан.

И все же война в Италии была бесперспективной. Стремление итальянских городов наладить отношения с Византией и даже готовность формально признать ее главенство проистекали не от любви к императору Мануилу, а от безвыходности: германцы Фридриха Барбароссы вели наступление на независимость итальянских коммун. Но как только Барбаросса был остановлен, итальянские города потеряли интерес к союзу с Византией.

Имперские устремления Мануила были пустыми. Реальная расстановка сил была такова, что Византия не могла стать важным фактором в европейской политике. Бесконечные войны, которые вел Мануил, разоряли в первую очередь саму Византию. Расходы на имперские увлечения Мануила были бременем, которое не могла компенсировать военная добыча.

Пока Мануил был силен, его враги в самой Византии затаились.

Правда, за одним исключением.

Андроник Комнин, двоюродный брат Мануила, фантастическая личность даже по масштабам этого фантастического времени, так и не смог стать верным подданным императора.

Андроник был очень высок — тираны бывают либо маленького роста, либо гиганты, тираны среднего роста в истории почти не отмечены. До конца своих

дней он оставался строен, силен и красив. Отлично знавший Андроника, историк Никита Хониат рассказывает, что тот был искусен во всех забавах и рыцарских потехах, неотразим для женщин, соблюдал умеренность в еде и питье, чтобы поддерживать физическую форму. Война была его любимым занятием. Он всегда мчался в середину схватки и всю жизнь оставался сначала рыцарем, а затем уж государственным деятелем. Он был Ричардом Львиное Сердце, пересаженным на зыбкую византийскую почву, которая открывала куда больше возможностей, чем суровая английская действительность, для подвигов и антиподвигов. Это был чернобородый византийский лев, созданный эпохой и страной и безнадежно испорченный властью и изменами. У Андроника было еще одно важное в Византии качество — он был талантливым актером, который мог играть роль светского льва, демократа, пекущегося о народе, и благородного воина, проливающего слезы над гробницей врага. Неизвестно, когда он был искренен. Может быть, никогда. Но умел находить друзей и союзников, потому что никто лучше его не умел одурачивать людей.

Андроник был очень начитан, знал несколько языков, был автором ряда философских сочинений и остроумных эпиграмм, не верил ни в Бога ни в черта и стремился лишь к власти и наслаждениям.

Андроник и его брат Иоанн были сыновьями Исаака Комнина, младшего брата покойного императора Иоанна. Исаак Комнин, хотя и хранил верность старшему брату, доверием его не пользовался, и вся жизнь его прошла в странствиях, а порой и в бегстве от брата. Сыновья сопровождали отца. Еще мальчиком Андроник повидал немало стран, научился разбираться в интригах, бояться собственных родственников и никому не верить. Исаак умер в изгнании. Старший его сын, Иоанн, отказался вернуться в Константинополь, остался у конийского султана и даже перешел в мусульманство. Младший, Андроник, был взят в

императорский дворец, где его воспитывали вместе с наследником престола Мануилом. Двоюродные братья были ровесниками, оба родились в 1120 году. Они вместе росли и воспитывались. Братья дружили — оба стремились к приключениям и могли удовлетворять самые невероятные капризы. Очевидно, этой дружбой можно объяснить не свойственную для византийских нравов снисходительность Мануила к кузену в последующие годы.

Андроник быстро позабыл о детской дружбе. Соперничество с двоюродным братом, вражда с родственниками, не раз страдавшими от острого языка Андроника, любовные истории, в которых влюбчивый принц никогда не думал о последствиях, рыцарские эскапады — все это увеличивало и популярность Андроника, и ненависть к нему. Особенно обострились отношения с двором, когда у Андроника завязался роман с его двоюродной сестрой Евдокией. Ее родные возмутились, в чем была доля ханжества. Родная сестра Евдокии Феодора была официальной любовницей императора, и это возмущения не вызывало. Но разница в положении привела к тому, что все обвинения и упреки, которым должен был бы подвергнуться император, обрушились на Андроника. Это злило тридцатилетнего светского льва, который открыто заявил: «Подданные должны следовать примеру своего государя, и естественно, что товары, изготовленные в одной мастерской, должны нравиться нам с ним одинаково».

Осторожный Мануил решил отправить кузена в почетную ссылку. В 1152 году Андроник был послан в Киликию, чтобы возглавить войска, воевавшие с сельджуками. Византийцам приходилось там расхлебывать последствия второго крестового похода, который, вместо того чтобы укрепить власть христианства на Ближнем Востоке, показал сельджукам, что европейских рыцарей можно побеждать.

Андроник кампанию провалил. Он выиграл несколько сражений, отважно гарцуя впереди войска и

размахивая мечом, но в конце концов вынужден был отступить и очистить важные малоазиатские области. К тому же Мануилу донесли, что Андроник завязал подозрительные отношения с конийским султаном и королем Иерусалима.

Мануил, который далеко не полностью доверял кузену, отозвал его, прежде чем тот успел сколотить антивизантийскую коалицию, и направил в другой конец империи, на границу с Венгрией. Там, вместо того чтобы блюсти интересы Византии, Андроник вступил в сношения с венгерским королем, выясняя, поможет ли тот ему захватить трон в Константинополе. Однако и тут шпионы Мануила не сплеховали. Тайная переписка Андроника была перехвачена и доставлена Мануилу. И на этот раз Мануил ограничился семейным выговором. Император чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы позволить определенный либерализм. Но он призвал кузена к себе в Македонию, где находился с войском, и окружил шпионами.

В военном лагере собрался весь византийский двор. Разумеется, и прекрасные сестры — Феодора и Евдокия. Встреча с Евдокией была сердечной, и любовные отношения возобновились. Гневу родственников не было предела — брат и деверь Евдокии решили убить наглого любовника.

Андроник находился у любовницы, когда вооруженные слуги родственников окружили ее шатор. Евдокия, хотя, как говорит летописец, «ее внимание было занято совсем другим», услышала подозрительный шум. Понимая, что Андронику не устоять против убийц, Евдокия предложила ему переодеться в женское платье. Но такой выход был неприемлем для знаменитого рыцаря. Когда об этом узнают, он станет посмешищем.

Андроник отстранил Евдокию, распорол мечом боковую стенку шатра и кинулся на убийц сзади. Он зарубил одного из них и побежал к своему шатру.

Мануил сделал виновным внушение. Поэтому сле

дующий ход родственников был тоньше. Они сообщили императору, что Андроник готовит на него покушение. Была ли в том доля истины, неизвестно, но Андроник был немедленно арестован, закован в кандалы и отвезен в Константинополь.

Андроник провел в тюремной башне, в условиях, которые убили бы менее выносливого узника, девять лет, до 1164 года. Он вошел в нее тридцатипятилетним храбрым рыцарем, а вышел пожилым, поседевшим, озлобленным и много передумавшим человеком. И если раньше Мануил имел в его лице ненадежного подданного, то теперь получил непримиримого врага.

Ни на секунду Андроник не смирился с заточением. Первый его знаменитый побег, которому позавидовал бы граф Монте-Кристо, был построен на том, что Андроник сумел раздвинуть доски пола. Камера его была на втором этаже башни, и он увидел, что внизу — пустой каземат, перерезанный сточной канавой, заваленной мусором. Из разорванной на полосы одежды он сплел веревку, затем ночью привязал ее так, чтобы можно было ее снять снизу. Повиснув на веревке, он сдвинул доски обратно и спустился в сточную канаву. Там он улегся, забросав себя мусором и грязью. Наутро стражники обнаружили, что заключенного в камере нет.

Эта таинственная история наделала немало шума: дело явно не обошлось без нечистой силы. Приказано было обыскать все корабли в порту и подозрительные дома. Разумеется, схватили жену Андроника, полагая, что она причастна к бегству, и посадили ее в освободившуюся камеру мужа.

Андроник все слышал и на следующую ночь, убедившись, что жена в камере одна, взобрался наверх, раздвинул доски и снова оказался в камере. Жена проснулась и хотела закричать, уверенная, что перед ней призрак, но Андроник зажал ей рот и сказал шепотом, что он ее муж, в доказательство чего принялся осыпать жену ласками. Результатом их был

появившийся через девять месяцев на свет его сын Иоанн.

Необычный медовый месяц продолжался неделю. Андроник считал, что постепенно паника в городе уляжется и все поверят, что его унесли черти. Через неделю жену освободили, и камера осталась пустой. И не было нужды ее запирасть. Поэтому в одну из ночей Андроник вышел из камеры и, миновав сонных тюремщиков, выбрался из башни. Жена, как было уговорено, наняла лодку, чтобы переправиться на азиатский берег Босфора. Переправа прошла без осложнений.

Андроник уже чувствовал себя в безопасности, но в ту декабрьскую ночь ударил мороз, настолько сильный, что, бредя по дороге, беглец понял, что если не укроется в доме, то обязательно замерзнет. Он постучался в крестьянскую хижину, не зная, что его приметы разосланы по всей стране.

Гордая осанка, изможденный вид, грязные лохмотья путника убедили хозяина, что перед ним важный государственный преступник. Пока усталый Андроник спал, крестьянин добежал до господского дома, и утром беглеца схватили.

Этот неудачный, но великолепный побег произошел в 1158 году. После него Андроника заковали в тяжелые цепи, которые не снимали шесть лет.

Все шесть лет Андроник утверждал, что болен и близок к смерти. Наконец ему поверили, освободили от оков, разрешили получать пищу с воли и даже держать мальчика-слугу.

Андроник велел мальчику сделать восковые отпечатки ключей от камеры. Затем эти слепки были переправлены на волю, и старший сын Андроника Мануил сделал по ним ключи. Андронику дозволено было лечиться вином. Вино приносили в амфорах. И одну из амфор жена положила веревку.

На этот раз побег произошел днем, после обеда, когда стражники спали, разморенные жарой. Андроник открыл ключом двери камеры. Понимая, что если

его поймают вновь, то ослепят или казнят, он запер за собой дверь камеры и велел мальчику убраться снаружи, как тот делал всегда. Во время вечернего обхода он должен будет сказать начальнику стражи, что его господин совсем плох и спит.

Задний двор дворца, куда выходила башня, был пустынен и густо порос кустарником. В конце его был многометровый обрыв к Мраморному морю. Андроник прополз к обрыву и затаился в кустах, так как следующий этап побега должен был наступить ночью.

Он издали наблюдал за башней, ожидая, когда начнется вечерний обход. Он знал, что, если его хватятся, выход один — кинуться с обрыва на камни. Уже зашло солнце, когда к башне подошли стражники. Только бы не струсил мальчишка! Несколько минут, которые тюремщики провели в башне, показались длинными, как девять лет заключения. Но вот стражники вышли. Они были спокойны, весело разговаривали. Андроник закрыл глаза от облегчения.

В темноте Андроник спустился с обрыва. Спускался он медленно, прижимаясь к краю обрыва и вглядываясь в блестящую под луной воду. Наконец он разглядел лодку с верным слугой, который греб к берегу.

Андроник прыгнул на песок и поспешил к воде.

...Когда его окликнули, он не сразу понял, почему на берегу в такой поздний час дежурят солдаты. Неужели его бегство уже открыто? Андроник забыл, что солдаты — дань древней традиции. За двести лет до описываемых событий Иоанн Цимисхий высадился в этом месте с лодки, проник во дворец и убил императора Никифора Фоку. С тех пор каждую ночь на берегу у дворца выставляли караул, который следил за тем, чтобы ни одна лодка не приблизилась к берегу.

Но Андроник не привык сдаваться, он еще не сыграл свою коронную роль.

Он бросился к солдатам в ноги и на ломаном греческом языке принялся умолять их не выдавать его

жестокому хозяину, который гонится за ним, ведь он раб, который убежал от побоев и издевательств.

Солдаты захохотали и сказали, что, если бы знали, где его хозяин, тут же отвели бы к нему беглого раба. Хозяин, наверное, расщедрился бы.

И тут, когда Андроник уже ни на что не надеялся, с моря раздался голос:

— Я его хозяин! Второй час за ним гонюсь. Отдадите мне этого мерзавца — получите по монете.

Это был голос слуги Андроника.

Через пять минут «беглый раб» уже сидел в лодке и его «хозяин» греб через Босфор на тот берег. Там его уже ждал с оседланными лошадьми сын Мануил.

Андроник поспешил к Черному морю, где правителем одного из городов был его старый приятель. Еще через несколько дней Андроник на корабле взял путь на север. Он спешил к князю Ярославу Осмомыслу в Галич. Андроник сблизился с русским князем во время службы на венгерских рубежах. Впрочем, выбор пути бегства был вызван не столько дружбой с Осмомыслом, сколько соображениями политическими. В те годы Мануил наладил отношения с Киевской Русью, тогда как Русь Галицкая ориентировалась на Венгрию. Соперник Мануила не сомневался в дружеском приеме в Галиче.

Но тут везение Андроника подошло к концу.

Когда он высадился на берег в Валахии и поскакал на север, его опознали, арестовали, и солдаты повели его в порт, чтобы посадить на корабль и вернуть в Константинополь.

В пути у Андроника созрел план спасения. Он принялся жаловаться, что у него болит живот, и через все более частые промежутки времени останавливался и отбегал в кусты у дороги. Эти пробежки стали настолько обычными, что солдаты принялись издеваться над пленником и с хохотом спорить, скоро ли он снова заставит их остановиться.

Когда совсем стемнело, Андроник вновь остановился, на этот раз на опушке дубравы. Сидя на

корточках, он нашарил на земле толстый сук, воткнул его в землю и повесил на него плащ. Затем надвинул на это сооружение шляпу и быстро пополз в чашу. Когда солдаты, поглядывая на сидевшего в отдалении пленника, стали звать его, тот не откликнулся. Обман открылся, но к этому времени Андроник был уже далеко в лесу, и найти его не удалось.

Через несколько дней оборванный, истощенный, обожженный солнцем бродяга с царственной осанкой остановился у ворот славного города Галича. Еще через полчаса его обнял князь Ярослав.

С князем Ярославом у Андроника установились отличные отношения. Андроник начинает активно действовать. Он даже скомплектовал в многонациональном Галиче отряд из живших там греков, чтобы участвовать в войне, которую Венгрия начинала против Византии. Венгерский король Геза пригласил Андроника к себе на службу.

Но прежде чем Андроник решил, что ему делать, прибыл гонец от императора Мануила. Мануил был всерьез напуган. Он собирался в поход на Венгрию, и вдруг — такой противник! Этого он себе не мог позволить. И он поклялся, что Андроник полностью оправдан, так как был брошен в темницу по навету клеветников. Если же Андроник не согласится вернуться в столицу, Мануил будет вынужден казнить его жену и сыновей.

И Андроник добровольно возвратился в Константинополь.

Поначалу отношения кузенов складывались мирно. Мануил выделил Андронику большой отряд, с которым тот штурмовал венгерскую крепость Землин, забыв о том, что недавно искал с венграми союза.

Но худой мир долго длиться не мог. Ему пришел конец, когда был подписан мир с Венгрией.

Руки Мануила были связаны торжественной клятвой помиловать Андроника. Оснований отказаться от клятвы не было. Поэтому император отправил кузена воевать на Восток, где восстал гордый армянский царь

Торос, признавший за несколько лет до того свою зависимость от Византии.

Когда мы говорим об армянском государстве, то имеется в виду не Закавказье, а лежащие к юго-западу от него области Малой Азии, населенные армянами, так называемая Киликийская Армения. Именно туда к XII веку переместился центр армянской государственности, в то время как закавказские армянские княжества были покорены сельджуками.

Укрепление Киликийского государства было связано с первым крестовым походом: киликийские армяне оказались не только союзниками, но и спасителями крестоносного войска, истощенного переходом через горы и преследуемого сельджуками. В последующие годы Киликия могла опираться в борьбе с Конийским султанатом и Византией на помощь Иерусалима.

В тридцатых годах XII века император Иоанн, отец Мануила, объявив войну Киликии и крестоносцам Антиохии, привел громадную армию в горы и после ожесточенных сражений занял главные города Киликийской Армении — Тарс, Адану и Калиссу. Киликийский царь Левон Рубенид бежал, но через год византийцы захватили его с двумя сыновьями в плен и увезли в Константинополь. Киликия признала господство Византии. Однако покоренное армянское царство не было покорным. Сыну Левона Торосу удалось бежать из плена, и он возглавил борьбу Киликии против Константинополя. Именно против Тороса ходил походом Андроник в 1152 году и был им разбит. И хотя через семь лет Мануил вновь захватил Тарс, сломить сопротивление Армении он не смог.

Андроник отправился покорять царя Тороса Рубенида, опять выиграл несколько сражений и опять проиграл кампанию. Торос отразил нашествие византийской армии.

Вместо того чтобы возвратиться в Константинополь и огорчить ненавидимого кузена новым военным провалом, Андроник предпочел скрыться в Антиохии

у крестоносцев, среди которых у него было немало знакомых. Там он поселился в богатом доме, начал вести красивую жизнь знатного рыцаря и объявил всем, что без памяти влюблен в прекрасную Филиппу, княжну Антиохийскую, родную сестру Марии, императрицы Византийской.

Чтобы продемонстрировать свою любовь, Андроник приводил к дворцу княжны толпу белокурых мальчиков с серебряными луками в руках, которые должны были изображать игривых амуров, и оркестр, услаждавший слух девицы нежной музыкой. Сам же он сочинял мадригалы. Неудивительно, что двадцатилетняя княжна влюбилась в Андроника и согласилась отдать ему руку и сердце.

Когда слухи об этом дошли до Мануила, ярости его не было предела. Мало того, что Андроник позволил себя разбить и бросил армию, он еще намерен жениться на сестре императрицы. Мало ему сомнительной ситуации, когда у кузенов были любовницы-сестры. Иметь жен-сестер Мануил не позволит. За личным гневом стояли более существенные мотивы: Андроник намеревался сделать ставку на латинян.

Когда посол Мануила явился в Антиохию и высказал недовольство императора, Филиппа отказалась подчиниться приказу из Константинополя, заявив, что любит Андроника. Возмущена была вмешательством в дела Антиохии и местная знать. Андроник был волен теперь жениться на любимой княжне... А оказалось, что она не столь любима, как все думали. Не исключено, что Мануил опять запутал Андроника, так как держал в руках его сыновей, а может быть, Андронику самому наскучила невеста, но он неожиданно собрался и уехал в Иерусалим, оставив девушку безутешной.

В Иерусалиме король Амори, отношения которого с Мануилом оставляли желать лучшего, отдал Андронику в кормление город Бейрут. Новый вассал иерусалимского короля прожил там недолго, но достаточно, чтобы соблазнить Феодору, племянницу Мануила,

которую в 1162 году двенадцатилетней девочкой выдали за иерусалимского короля Балдуина III, предшественника Амори. Но король умер, и Феодора стала вдовствующей королевой в двадцать лет.

Феодора навещала Андроника в Бейруте. Однажды она привезла ему перехваченное ее рыцарями тайное письмо Мануила ко всем губернаторам империи, в котором содержался приказ схватить Андроника и немедленно ослепить его, «дабы наказать за бунт и безнравственное отношение к своей семье».

Понимая, что у Мануила длинные руки, влюбленные бежали в Дамаск, к атабеку Нур ад-Дину, затем некоторое время прожили у халифа в Багдаде, где Феодора родила Андронику сына. В течение долгих скитальческих лет Андроник верно любил вдовствующую иерусалимскую королеву. У них было двое детей, к тому же Феодора взяла на воспитание сына Андроника Иоанна (каким-то образом его удалось переправить в Азию), зачатого в тюремной башне. Но был ли Андроник разведен с его матерью — непонятно.

Гнев Мануила преследовал беглецов по всему азиатскому миру. Как только Андроник появлялся при каком-нибудь дворе, тут же вступала в действие тайная византийская дипломатия, вокруг возникали подозрительные люди, стража перехватывала наемных убийц. И приходилось срочно перебираться в другую страну. В 1170 году Андроник отправился на север. Пожив немного в Эрзеруме, он получил приглашение от грузинского царя Георгия приехать в Тбилиси.

За этим визитом, возможно, скрывается неразгаданная тайна, на которую еще в начале нашего века обратил внимание известный историк Ф. Успенский.

В Грузии Андроника встретили тепло и торжественно. Грузинская летопись рассказывает, что царь Георгия посетил «Андроник Комнин, двоюродный брат Мануила, обладателя всего Запада и царя греческого, сопровождаемый своей женой ослепительной красоты, своими сыновьями и сыновьями сестры своей... За такую милость Георгий оказал принцу

*Византийская императрица с придворными.
Средневековая мозаика.*

прием, достойный его высокого рода, дал ему столько городов и крепостей, сколько ему нужно было, и назначил ему пребывание возле своей столицы... Находясь в Грузии, Андроник принял участие в военных делах, но затем искал гостеприимства у султана Кылыч-Арслана II».

Вряд ли в планы грузинского царя входила война

за византийские земли. Грузия боролась за возвращение своих земель, и завершит этот процесс лишь царица Тамара. Однако Георгий, отлично разбиравшийся в мировой политике, с подчеркнутой теплотой принял изгнанника, как бы демонстрируя перед всем миром свое право выбирать друзей, не советуясь с Византией. Андроник живет в Грузии, даже «участвует в военных делах», но затем то ли рука византийского кесаря дотянулась до Тбилиси, то ли Андронику был важнее союз с основным противником Византии, хромым и мрачным уродом, конийским султаном Кылыч-Арсланом II, но Грузию он покинул.

Хотя самому Андронику больше в Тбилиси побывать не удалось, вся западная политика Грузии в последующие десятилетия так или иначе связана именно с Андроником. Нет сомнения, что отношения между византийским изгнанником и грузинским царским двором были тесными и что будущая царица Тамара в детстве общалась с детьми Андроника. Почему же, задает вопрос Ф. Успенский, в грузинской летописи под 1187 годом мы находим упоминание о том, что Алексей, сын Андроника от Феодоры Иерусалимской, — близкий родственник Тамары? Почему в Трапезундской летописи 1204 года Тамара названа теткой другого Алексея, внука Андроника? Объяснить это только лестью летописца, подчеркивавшего таким образом близость Тамары к византийским императорам, вряд ли возможно. Но именно из этой загадки и вырастает загадка событий 1185 года, о чем речь пойдет ниже.

После Грузии Андроник побывал у Кылыч-Арслана, затем оказался в одном из сельджукских эмиратов на Черном море, у самой границы с Византией. Эмир дарит ему во владение приморскую крепость. Активная деятельность Андроника в Малой Азии и в Закавказье дает право предположить, что идея создания Трапезундской империи, связанной с политикой Грузии, могла родиться именно в начале семидесятых

годов. Андроник не успел провести ее в жизнь, но царица Тамара это сделает.

Несколько лет Андроник провел в своей крепости, совершая набеги на византийскую территорию. Константинопольский патриарх по настоянию Мануила отлучил Андроника от церкви за брак с двоюродной сестрой и множество иных преступлений, но это не беспокоило мятежного принца.

Шли годы. Андронику исполнилось пятьдесят пять лет, он, казалось, успокоился и потерял боевой дух. Он обожал Феодору и детей, поэтому именно против них и направил свой удар Мануил. По его приказу правитель Трапезундской провинции Никифор Палеолог хитростью захватил Феодору и детей Андроника. Их увезли в Константинополь. И снова последовало послание Мануила, который обещал Андронику жизнь, если тот вернется с повинной. Иначе Феодора и дети погибнут.

Андроник покорился. Кроме семьи, у него ничего не оставалось.

Возвращение блудного кузена было обставлено в лучших традициях средневекового театра. Длинная железная цепь свисала к его ногам. Слуга подтащил за эту цепь Андроника, одетого во власяницу, к ногам императора. Андроник упал в ноги императору и принялся громко каяться в проступках против Мануила и империи. Мануил прослезился и попытался поднять кузена. Андроник кричал, что не встанет. Умиление было полное, Мануил торжественно простил Андроника, и тот воссоединился с семьей.

Разумеется, оставлять недруга в Константинополе Мануил не стал. Андронику определили в управление небольшой город на берегу Мраморного моря — не в столице, но под рукой.

Андроник прожил в этом городе с Феодорой и детьми почти пять лет. Он занимался изящной словесностью, философией, принимал гостей, делал вид, что не замечает многочисленных шпионов, которыми его окружил кузен, и уверял знакомых, что оставил

мысли о троне. Но в то же время зорко следил за делами византийскими. А дела шли все хуже.

В 1176 году Мануил с большим войском выступил против Кылыч-Арслана II, который, пока император был занят авантюрами на западе, усилился, захватил соседние эмираты и княжества и с каждым годом расширял владения за счет византийских земель.

Сельджуки избегали крупных боев, заманивая врага в глубь своей территории. На пути византийской армии встречались лишь сожженные деревни, засыпанные колодцы и отравленные водоемы. Армия была обременена громадным обозом в пять тысяч повозок и продвигалась страшно медленно. Кылыч-Арслан дождался своего часа, когда византийское войско втянулось в ущелье, на отвесных склонах которого затаились сельджуки. Сдавленное крутыми стенами, лишенное возможности маневрировать, отягощенное обозом, войско византийцев сражалось два дня, и большая часть его была перебита. Сам Мануил еле успел бежать. Никита Хониат пишет о том разгроме: «Зрелище, представшее глазам, было воистину достойно слез, или, лучше сказать, беда превосходила то, что можно оплакивать. Из-за множества трупов ущелья сделались равнинами, долины превратились в холмы, рощи едва были видны».

Этот разгром свел на нет многолетние труды византийцев в Малой Азии. В столице Мануила обвиняли в неумении командовать, а многотысячная константинопольская чернь, которая становилась активной силой в смутные времена, волновалась в предчувствии грозных событий, питаясь слухами о распрях при дворе и болезнях стареющего Мануила. Ему теперь ставили в вину то, что он покровительствует латинянам, которые дороже ему, чем греки, что в столице хозяйничают итальянские купцы и что по их наущению он бросает войска в прорву итальянских войн.

Потерпев поражение на востоке и потеряв позиции

в Италии, Мануил бросился искать новых союзников. Ему казалось, что таким союзником может стать Франция.

В 1178 году в Константинополе остановился проездом из Святой земли граф Фландрский. Мануил обратился к нему с просьбой о посредничестве в брачном союзе между Византией и Францией, предложив женить своего наследника Алексея на французской принцессе.

Людовик VII, французский король, согласился на это предложение: партия для его младшей дочери Агнессы казалась выгодной. Может быть, даже более выгодной, чем для старших дочерей, которые были выданы за английских принцев Генриха и Ричарда, воевавших с собственным отцом.

Весной 1179 года восьмилетняя Агнесса взошла на борт корабля в Марселе и отправилась в путешествие на Восток. Помолвка ее с Алексеем состоялась 2 марта 1180 года. Наследнику престола было лишь одиннадцать лет, и свадьбу отложили до той поры, пока супруги не подрастут. Тем не менее с момента помолвки невеста, окрещенная в православии Анной, считалась императрицей-наследницей.

Последние месяцы своей жизни Мануил провел во дворце, окружив себя астрологами и хиромантами. Доступ к нему имели лишь латиняне — французы и итальянцы, а абсолютной властью при дворе пользовалась его давнишняя любовница Феодора. Алексей рос избалованным, капризным мальчиком, и к шатающемуся престолу тянулись руки сильных соперников.

Осенью 1180 года Мануил занемог. У него началась лихорадка. Что скрывалось за этим диагнозом, сказать невозможно, но в Константинополе все, кроме императора, были убеждены, что он вот-вот умрет. Когда же патриарх Феодосий явился к Мануилу, чтобы уговорить его сделать распоряжения на случай смерти, дабы обеспечить наследование Алексея, тот ответил с улыбкой, что надежный предска-

тель убедил его в том, что он проживет еще четырнадцать лет, и потому у него еще будет время ввести Алексея в курс императорских дел. С этим убеждением Мануил и умер*.

Первые дни после смерти императора прошли в заботах о достойных похоронах. Престол занял двенадцатилетний Алексей. Регентшей при нем стала его мать, все еще прекрасная Мария Антиохийская.

Мария, женщина слабая, как ива, начала искать дуб, к которому могла бы приникнуть. Разумеется, недостатка в мужских плечах не было, но всех опередил племянник Мануила Алексей (набор благородных имен в Византийской империи был очень ограничен, и потому всегда приходится иметь дело с несколькими Алексеями, Мануилами или Мариями одновременно), человек, по рассказам летописцев, весьма красивый и хорошо воспитанный, который проводил дни в постели, а ночи в пирах. Положение фаворита императрицы-матери и фактического главы государства не изменило образа жизни Алексея, получившего высший в империи чин — протосеваста. Можно было подумать, что он с царственной любовью жил в раю, а не на вершине муравейника.

Окружение императора Алексея продолжало политику привлечения латинян. Пришельцы с Запада, лишенные корней в Константинополе, были куда надежнее, чем родственники и провинциальная знать. Но если при властном Мануиле недовольство знати было подспудным, то теперь оппозиция росла как на

* Роль предсказателей в те времена была важнее, чем нынче. Не потому, что они были умнее, а потому, что пользовались официальным статусом, правда, порой рисковали жизнью. И если предсказатель Мануила выбрал самый разумный путь, успокоив императора и обеспечив себе безбедную старость, то через несколько лет на другом конце Европы куда более наивный предсказатель предрек английскому королю Иоанну (Джону), что тот умрет на будущий год. Джон с трепетом, а остальные подданные с надеждой ждали, когда это случится. А ничего не случилось. Джон прожил еще несколько лет, но на радостях приказал содрать с предсказателя кожу.

дрожах. Население Константинополя было возмущено засильем венецианских и генуэзских купцов, кварталы которых были государством в государстве. Двору поддержка этих кварталов обеспечивала доходы, но для горожан венецианцы и генуэзцы были чужими, наглыми и слишком богатыми чужеземцами.

В борьбу вступило и духовенство, для которого латиняне были еретиками. И даже Мария Антиохийская, еще недавно обожаемая, стала еретичкой и чужестранкой.

Но одно дело — всеобщее недовольство, а другое — переворот. Он невозможен, если у заговора нет решительного вождя. Первым кандидатом на такую роль был Андроник, но он продолжал выжидать. Он не спешил принимать участие в первом акте драмы. Его героями стали старшая дочь Мануила, лишенная престола властная и решительная Мария, которую в свое время чуть было не отдали за венгерского принца, и ее муж, граф Ренье, брат Конрада Монферратского. Целью заговора было убийство протосеваста. Покушение должно было состояться 17 февраля 1181 года, но было перенесено на более поздний срок. Это промедление и погубило заговорщиков: шпионы Алексея-протосеваста узнали о заговоре, и все его участники были брошены в тюрьму. Только кесарисса Мария и Ренье успели спрятаться в храме святой Софии. Мария Антиохийская и ее фаворит не посмели послать солдат в храм и упустили время. Из храма с помощью священников Мария начала призывать константинопольский люд к восстанию против соперницы. Эти призывы пали на благодатную почву — толпы народа заполнили улицы, они громили дома приверженцев императрицы-матери, жгли канцелярии, чтобы уничтожить податные списки. Начались погромы в кварталах латинян, правда, не везде. Итальянские солдаты примкнули к восставшим, а французы и немцы остались на стороне правительства.

Испуганный восстанием, Алексей-протосеваст приказал своим войскам взять храм святой Софии штур-

мом. Но храм не был беззащитен — мгновенно к нему сбежались тысячи горожан, и закипел отчаянный бой, который остановило лишь вмешательство патриарха. Алексей-протосеваст пошел на компромисс и простил заговорщиков. Те вышли из собора победителями, народными кумирами.

Но, не справившись с кесариссой Марией, Алексей-протосеваст решил отыгаться на патриархе, что было глупейшей ошибкой. Патриарх был отвезен в монастырь, и тут же восстание вспыхнуло с новой силой. И опять правительству пришлось отступить — возвращение патриарха в город было триумфальным.

И тут пришла пора выйти на сцену Андронику. Он ждал этого часа всю свою жизнь. В муравейнике воинственных ничтожеств он был гигантом. Вот почему, когда он двинулся из своего города к Константинополю, его шествие было подобно возвращению Наполеона с Эльбы: правительственные отряды немедленно переходили на его сторону, отовсюду к нему спешили войска провинциальных правителей, и армия его росла как снежный ком. Разрозненное сопротивление верных правительству войск не могло задержать его продвижение.

Между тем восстание в городе ширилось. Агенты Андроника подняли народ на разгром «латинских» кварталов. Начались сражения с французами и немцами. Андроник не спешил — он стоял лагерем в Халкедоне, принимал сторонников и ждал момента, чтобы ударить наверняка.

И весной 1182 года, исчерпав все возможности сопротивления, правительство было вынуждено открыть ворота Константинополя перед Андроником. Его торжественно встречали как освободителя не только толпы народа, но и патриарх Феодосий и кесарисса Мария.

Вступив в столицу, Андроник обратился к народу с речью, в которой не пожалел пафоса и слез. Он клялся всеми святыми, что пришел исключительно для того, чтобы освободить обожаемого юного императора

Алексея от господства безнравственных людей, что его интересует лишь благоденствие империи, что власть ему не нужна — он верный сын отечества. У него лишь одно желание — оградить императора от вредного влияния его распутной матери и ее фаворита, которых он просит добровольно отказаться от власти.

После того как пропагандистская прелюдия к перевороту была завершена, растерявшегося Алексея-протосеваста схватили в его дворце и доставили к Андронику. Андроник разыграл патетическую сцену, обвиняя Алексея в низкой измене, и тут же приказал выколоть ему глаза.

После этого «из соображений безопасности» регентшу Марию и молодого императора отправили на загородную виллу Филопатион. Андроник нанес им визит, преклонил колени перед Алексеем и поклялся ему в верности. Императрицу-мать он не замечал. Затем он посетил патриарха Феодосия — своего союзника, целовал ему туфлю, также клялся в вечной дружбе и благодарности. Но старый патриарх уже понял, что в городе воцарился страшный хищник, который одержим всепоглощающей ненавистью к семье Мануила. Когда в душевном на вид разговоре с патриархом Андроник начал жаловаться на то, как он одинок, как трудно будет ему стать настоящим опекуном и наставником юному императору, как трудно будет оградить мальчика от соблазнов жизни и заговоров врагов, патриарх тихо ответил:

— Нет оснований для беспокойства. С того момента, как ты, Андроник, вошел в Константинополь, можно считать, что этот мальчик мертв.

Андроник вежливо поклонился и, ничего не ответив, покинул патриарха. Тот понял, что ему недолго осталось занимать свой пост.

Первые месяцы правления Андроника были лишь уверткой к тому, что случилось потом. Он активно занимался государственными делами, причем так, чтобы завоевать любовь народа. Он отменил непосильные налоги, разогнал мздоимцев и жестоко покарал

ненавидимых чиновников. До сих пор некоторые историки характеризуют его как демократически настроенного монарха, «крестьянского царя». В то же время Андроник подавлял сопротивление в провинциях, где еще оставались сторонники протосеваста. И ни на минуту не забывал о своей основной задаче — убрать с пути всех соперников.

Неожиданно по Константинополю разнеслась весть, что таинственным образом умерли кесарисса Мария и ее муж граф Ренье, союзники Андроника. Никто не сомневался, что их отравили по его приказу.

А Андроник отправился к гробнице Мануила и при большом стечении народа умолял тень императора простить ему бывшие прегрешения. Он поклялся положить жизнь на то, чтобы мальчик Алексей был счастлив.

После этого Андроник велел всем уйти, чтобы он мог побеседовать с покойным императором наедине. Убедившись, что он один, Андроник сказал:

— Теперь ты у меня в руках, мой гонитель и мучитель. И разбудить тебя смогут только трубы Страшного суда. Я заставлю тебя дорого заплатить за все зло, которое ты мне причинил.

Эти слова якобы подслушал один из придворных и разнес их по городу. Но даже если Андроник их не произносил, думал он именно так.

В последующие недели страшные слухи разползлись по Константинополю. Родственников императора арестовывали. Затем начались публичные суды. Из политических соображений Андроник избегал тайных убийств. Если у тебя послушные судьи, можно обеспечить нужный приговор. А уж пыточных дел мастера заставят жертву признаться в чем угодно. Что и произошло. Так погибла вся верхушка семьи Комнинов. Недаром Карл Маркс называл Андроника человеком алкивиадо-нероно-византийского склада.

Наступила очередь самых главных соперников — императрицы-матери и мальчика-императора.

*Юный византийский император Алексей II.
Мозаика XII века.*

Андроник не был бы самим собой, если бы не внес театральности в расправу с ними.

Сначала он принялся публично обвинять императрицу в том, что она строит против него и империи страшные козни, поэтому он якобы будет вынужден покинуть Константинополь. Он не может нести ответственность за безопасность императора.

После того как почва была подготовлена, Андроник приказал начать судебный процесс, на котором сам не присутствовал. Марию обвинили в том, что она иностранная шпионка. Нашлись и свидетели ее шпионской деятельности, и обвинители, которые доказали, что она намеревалась продать Византию франкам. Приговор был единодушен — смертная казнь.

Но этот приговор был недействителен без санкции императора.

Приговор был написан красными чернилами, словно кровью. Андроник принес его мальчику и приказал подписать смертный приговор матери. Мальчик плакал. Плакала и маленькая невеста Анна.

Андроник внимательно посмотрел на девочку. Потом погладил по голове и пообещал, что ее никто не обидит.

Прежде чем задушить Марию в камере, ей показали подпись сына.

Прошло еще несколько месяцев, и послушный совет империи обратился к Андронику с нижайшей просьбой короноваться, так как иначе ему будет трудно нести бремя власти. Андроник картинно возмущился неожиданным предложением и тут же во всеуслышание отказался от незаслуженного поста. Совет настаивал, народ бушевал на улицах — слава Андроника еще не потускнела. Многим казалось, что, если он станет императором, в Византии наступит золотой век.

Процедура коронования Андроника, как пишут историки, была хорошо разыгранной комедией. Он буквально дрался с придворными, которые старались надеть на него пурпурную мантию и корону. Его еле

Патриарх благословляет на царство византийского императора. Фреска XI века.

втащили на трон. И в конце концов, обливаясь слезами, Андроник покорился воле народа и поклялся, что делает это лишь для того, чтобы помогать Алексею.

Остался пустяк. Через месяц Алексея привели во дворец к Андронику и в то время, как император занимался государственными делами, задушили в соседней комнате. Труп мальчика выволокли к ногам Андроника.

Высокий, седой, все еще стройный император оттолкнул труп ногой и произнес:

— Твой отец был клятвопреступником, а мать — шлюхой!

И приказал выбросить труп в Босфор. Что и было сделано.

Патриарха Феодосия сослали в монастырь, а на его место поставили менее прозорливого иерея.

Девочку-императрицу Анну Андроник велел привести к себе в спальню. Она стала его наложницей.

В конце 1183 года Андроник повелел расторгнуть свой брак с Феодорой и женился на Анне, которой тогда было тринадцать. Бракосочетание состоялось в храме святой Софии и стало одним из предвестников падения Андроника, ибо было непристойно.

Демократизм Андроника быстро улетучился. Всю жизнь плетя заговоры, Андроник сам безумно боялся заговоров. Поэтому тайная полиция была во много раз усилена, столица была наводнена сыщиками и доносчиками, с каждым месяцем террор против любого проявления свободомыслия усиливался. Восстания феодалов и возмущения крестьян подавлялись с неслыханной жестокостью. Когда вспыхнуло восстание в Вифинии, император утопил в крови Бруссу и Никею. «Деревья, — пишет летописец, — были увешаны гроздьями трупов. Он запретил хоронить их, желая, чтобы они были высушены солнцем и, подобно чучелам, колебались под ветром, отпугивая птиц».

Старик изобретал все новые способы казни. Когда однажды некий горожанин был задержан соглядатаем за то, что неуважительно отозвался об императоре, Андроник приказал проткнуть его железным вертелом, поджарить на медленном огне, принести в его собственный дом и положить на обеденный стол. Постепенно страх охватывал государство. Разумные реформы, проведенные Андроником, потерялись среди преступлений и казней. Прошел всего год с того дня, как громадные толпы народа требовали, чтобы Андроника короновали; теперь люди с ужасом старались понять, почему они это сделали.

Андроник, словно предчувствуя близкий конец, старался не упустить ни минуты наслаждений. Он окружил себя стайей куртизанок; по выражению Никиты Хониата, «подобно петуху во главе своих кур, или козлу впереди своих коз, или Дионису, окруженному менадами и вакханками, вел он за собой своих любовниц». Черный юмор никогда не изменял императору. Вся столица знала, что, заметив на улице

красивую девушку, император непременно прикажет ее схватить и доставить к нему в загородный дворец. Бравируя этим, он велел прибить под портиками Форума рога убитых им оленей, открыто намекая на участь константинопольских мужей.

В судьбе знаменитых авантюристов часто действует принцип маятника. Чем с большим энтузиазмом их принимает чернь, чем большие надежды возлагает на них народ, тем глубже разочарование в них и тем скорее оно наступает. Под маской кумира и народного царя скрывалось лицо деспота, какого еще не приходилось видеть Византии.

Предаваясь забавам, Андроник постепенно терял нити управления империей. Многих способных государственных деятелей он уничтожил, других заставил бежать и окружил себя ничтожествами. Он мог бы продержаться дольше, будь он моложе, но в шестьдесят пять лет ему было все труднее казнить, развлекаться и управлять одновременно.

Это стали понимать и его враги. Бежавший из столицы Исаак Комнин провозгласил независимость Кипра, в провинциях зрели заговоры и вспыхивали восстания. Наконец в дело вмешались внешние враги. Сицилийский флот в 1185 году высадил десант в Фессалониках, и норманны медленно двинулись к Константинополю. Высланные навстречу войска византийцев сражались неохотно, военачальники переходили на сторону норманнов.

Еще одним ударом по репутации Андроника было восстание в Болгарии. В 1185 году братья Петр и Асень подняли Болгарию против византийского господства, и началась борьба второго болгарского царства за независимость. Вернуть Болгарию не удалось и преемникам Андроника. В 1187 году Византия вынуждена была признать независимость Болгарии, и дальнейшие события были связаны в значительной степени с попытками византийской дипломатии посягать рознь между братьями. Это до какой-то степени удалось, и Петр стал склоняться к миру с Византией,

однако после того, как в 1196 году в результате византийских интриг был убит Асень, Петр возглавил сопротивление болгар.

Плохи были дела и на границе с Венгрией. Король Бела поддерживал связи со своей бывшей невестой, кесариссой Марией, а после ее смерти торжественно объявил, что будет мстить за нее. Его армия опустошила пограничные провинции Византии. Лишь преемник Андроника, сам женатый на венгерской принцессе, смог наконец восстановить мир.

Отложились Сербия. В результате похода византийцев в 1183 году были снесены с лица земли Белград, Равно, Средец. Поднялось восстание сербов, и жупан Стефан Неманя, разбив византийскую армию, завоевал Южную Далмацию и совершил несколько походов в глубь византийских земель. Лишь к 1190 году византийцам удастся вернуть часть завоеванных сербами районов в обмен на признание независимости Сербии.

Таким образом, за несколько лет правления Андроника почти все плоды многолетних трудов и походов Мануила были потеряны. И разумеется, это не прибавило популярности новому императору. Среди его многочисленных талантов не было таланта полководца.

В первые недели войны с норманнами Андроник, словно пробудившийся от эйфории, начал укреплять флот и приказал чинить дряхлые стены Константинополя, но вскоре ему все надоело, и он вновь бросился в развлечения. В столице росло возмущение. И чем ближе подходила норманнская армия, тем шире распространялась уверенность, что это вторжение — наказание Византии за то, что на престоле сидит такой тиран.

Император старался подавить недовольство. Шли повальные аресты, тюрьмы были переполнены, казни участились.

Андроник нигде не появлялся без отряда телохранителей и даже завел себе громадного пса, который спал у его ложа. Он выступал с речами, в которых

утверждал, что норманнов привели предатели. Лишь разоблачив их, можно будет отразить нашествие.

В разгар этих событий Андроник отправился в загородный дворец. Возможно, он оставил столицу для того, чтобы новая волна арестов и казней не связывалась с его именем.

В отсутствие Андроника его подручные начали подскребать остатки знати, еще остававшейся в Константинополе, тех, кто надеялся отсидеться. К таким относился вельможа Исаак Ангел. Три года судьба миловала его, но наконец подошел и его черед. Когда Исаак увидел, что к его дому направляются всадники, он приказал запереть ворота. Но стражники взломали двери и ворвались в дом. Исааку удалось отбиться от них и скрыться. Так с мечом в руке он и вбежал в храм святой Софии, который за последние годы перевидал немало беглецов.

Исаак Ангел не был ни знаменит, ни отважен, и в ином случае смерть его прошла бы незамеченной. Но вид человека с окровавленным мечом вдруг напомнил всем, кто трепетал в ожидании казни, что есть выход — сопротивление. Толпы людей начали стекаться к храму, все громче звучали призывы к восстанию. Так как кесаря в городе не было, никто не мог принять решительных мер; стражники окружили площадь перед собором, на которой гудело море людей, но не решались пустить в ход оружие или штурмовать собор. Только тогда послали гонца к императору.

Андроник вернулся в столицу только на следующий день. К тому времени восстание уже нельзя было подавить. Были взломаны ворота тюрем, и на свободе оказались тысячи врагов Андроника, которым нечего было терять. В храме святой Софии народ провозгласил Исаака Ангела императором, и епископы, оказавшиеся там, короновали его.

Андроник понял, что опоздал. Ему ничего не оставалось, как укрыться в императорском дворце. Через несколько часов дворец был осажден народом,

а войска, за исключением тайной полиции и телохранителей, перешли на сторону восставших.

Некоторое время Андроник, уверенный, что и на этот раз обманет судьбу, руководил обороной дворца, сам стреляя из лука с башни.

Когда ворота были взломаны и толпа растеклась по бесчисленным помещениям дворца в поисках императора, Андроник, повторив свой путь бегства из тюрьмы, спустился, переодевшись воином из восточных провинций, к лодке, где его уже ждали любовница-флейтистка и юная жена Анна. Они пересекли Босфор и высадились на восточном берегу.

Удивительна магическая сила этого человека. Девочка, жениха которой он убил, а саму ее обесчестил, осталась ему верна до конца.

Андроник, как всегда в критические моменты жизни, полностью владел собой. Когда он добрался на лодке до маленького порта в том месте, где Босфор соединяется с Черным морем, он столь властно приказал дать ему корабль, что никто не посмел ослушаться. Корабль был снаряжен и вышел в море.

По версии Никиты Хониата, Андроник спешил на Русь, в Галич, к старому союзнику Ярославу Осмомыслу. Но для того чтобы попасть к Ярославу, Андронику надо было миновать устье Дуная, где его ждали враги. Поэтому не исключено, что он хотел плыть на восток, в Грузию.

Но когда берег уже скрылся из глаз и Андроник, успокоившись, принялся строить планы мести, налетел сильный шквал. словно рукой провидения корабль быстро понесло обратно.

Как только судно было выброшено на берег, Андроника схватили и заковали в цепи. И вот тут возникает другой Андроник — актер, которому мог бы позавидовать даже Нерон. Он валяется в ногах у солдат, рыдая и крича, по словам летописца, «из какого славного рода он происходит, как знатна его семья... несчастье, обрушившееся на него, теперь должно вызвать сострадание. И обе женщины, сопро-

вождавшие его, вторили его жалобам, делая их еще более трогательными...». Но у солдат жалобы не вызывали сострадания. Андроника грубо подняли с земли и повлекли к повозке.

Смерть Андроника была ужасна.

Его протащили в цепях по улицам Константинополя. Еще вчера кумир, сегодня он был презренным негодяем, виновником всех несчастий. На этом долгом страдальческом пути ему выбили зубы, вырвали бороду и волосы, жестоко изувечили. В таком виде он предстал перед новым императором. Он уже не молил о пощаде. Он молчал. Исаак Ангел в ужасе от представшего его глазам зрелища велел увести Андроника. Андроника выволокли на площадь, отрубили ему правую руку и бросили в темницу. Любой другой умер бы от таких мучений, но могучий организм Андроника перенес и это. Через несколько дней, в течение которых его не кормили и не поили, его вновь вытащили на солнце и выкололи глаза. Затем на верблюде провезли по улицам Константинополя. Что там творилось и до какого изуверства доходили участники этой жестокой церемонии, описывать не хочется, но все это подробно изложено в хрониках. Наконец страшная процессия достигла ипподрома. Жалкий обрубок императора повесили вниз головой на перекладине, укрепленной между двумя колоннами. Говорят, что Андроник повторял разбитыми губами: «За что вы так яритесь на сломанный тростник?»

Прибежали и франки, которые не забыли погром в их квартале, устроенный по наущению Андроника. Они начали пробовать остроту своих мечей на теле Андроника и спорили, чей удар сильнее. Эти удары и прекратили его страдания.

В те дни, когда изуродованный труп Андроника валялся на ипподроме, в столице отыскивали и предавали мучительной смерти всех, кто был ему верен. Были арестованы и сыновья императора. Сдержанному и умному Мануилу выкололи глаза, отчего он скончался.

Исаак Ангел, который хотя и считается императором тихим, незлобным, проводившим десять лет своего правления (пока не был свергнут и ослеплен собственным братом) в забавах, охоте и иных развлечениях, старался как можно быстрее уничтожить всех родственников Андроника, чтобы избавиться от возможных мстителей.

Уже через несколько дней после его прихода к власти эта задача была выполнена. За одним исключением: таинственно исчезли Алексей и Давид, маленькие внуки Андроника, дети Мануила. Был отдан строжайший приказ отыскать и убить мальчиков, старшему из которых было в то время только четыре года. Были допрошены и подвергнуты пытке все, кто имел к ним отношение: слуги, няньки и придворные Мануила. Но след мальшей простыл.

К сожалению, о том, что случилось с ними, в хрониках не говорится. Даже такой осведомленный летописец, как Никита Хониат, ничего сказать не смог. Вскоре о внуках императора забыли — они были лишь каплями в кровавой реке жертв.

Но можно строить предположения, и весьма интересные.

При византийском дворе всегда находились выходцы из Грузии. В основном среди военных. К примеру, самым славным полководцем и ближайшим другом императора Алексея, деда Мануила, был Григорий Бакуриани, павший в сражении с норманнами в конце XI века. В Константинополе был грузинский квартал, где останавливались пилигримы и торговцы из Грузии, и была грузинская церковь.

Сам Андроник некогда жил в Тбилиси. Некоторые грузинские летописи называют царевичей из рода Андроника Комнина близкими родственниками царицы Тамары.

Мгла времени скрыла от нас детали человеческих отношений и политических союзов, но зато мы знаем о их результатах. Можно предполагать разное. Не исключено, что внуки Андроника и в самом деле были

родственным образом связаны с грузинским царским домом. Возможно, грузинский царь обещал Андронику позаботиться о его детях и внуках, если тот погибнет. Андроник мог обратиться к грузинам с просьбой о спасении внуков, когда дворец уже был осажден.

Как бы то ни было, но в конце 1185 года — замечательный сюжет для исторического детектива — Алексей и Давид (странное для Византии и обычное в Грузии имя), которые загадочно исчезли из Константинополя во время резни, оказываются в Тбилиси при дворе молодой царицы Тамары. Там они растут вместе с грузинскими детьми, грузинский язык становится им родным, по образу мысли и поведению они постепенно превращаются в грузинских витязей.

В 1204 году, во время четвертого крестового похода, Константинополь захватывают западные рыцари, и на большей части территории Византии возникает Латинская империя. Тамара дает Алексею и Давиду войска. С помощью грузинской армии царевичи занимают южное побережье Черного моря и основывают Трапезундскую империю, просуществовавшую до XV века.

В 1916 году, во время первой мировой войны, русские войска высадились в Трапезунде. Вместе с армией были и археологи во главе с Ф. Успенским. В течение двух сезонов археологи вели раскопки в этом древнем городе, который был некогда столицей империи, основанной двумя грузино-византийскими принцами. Христианские церкви его давно уже были превращены в мечети, могучая цитадель почти разрушилась, от дворцов остались одни колонны. Грязь и запустение царили в бывшей столице.

Русский комендант, одержимый идеей воссоздания Византийской империи под главенством российского императора, приказал закрыть все мечети, которые ранее были христианскими церквями. С опозданием на пятьсот лет он желал восстановить справедливость. Этот шаг сыграл на руку археологам. Успенскому удалось обнаружить в бывших мечетях гробницы

императоров и знати, отыскать полустертые фрески и реконструировать облик ряда памятников XIII века. В одной из башен цитадели, где некогда была устроена небольшая церковь, нашли погребение Алексея, императора Трапезунда, внука Андроника...

Юная императрица Анна осталась жива, и в царствование Исаака Ангела ее не преследовали. В пятнадцать лет она стала вдовой двух императоров, а впереди у нее была еще долгая жизнь. Через несколько лет Анна сошлась с военачальником Феодором Вранасом. Они не могли пожениться, так как брак лишил бы Анну императорской «вдовьей чести». Они мирно жили с Феодором до тех пор, пока Константинополь не был завоеван крестоносцами. Первое время Анна была в оппозиции к новым хозяевам, но вожди крестоносцев, зная, что она сестра французского короля Филиппа Августа, оказали ей знаки почтения и предложили Феодору высокие посты в государстве.

Понемногу Анна все более сближалась со своими единоплеменниками, и те даже помогли ей осуществить давнишнее желание: Феодору Вранасу было предложено скрепить их союз законным браком — в новом государстве «вдовья честь» византийской императрицы уже не играла роли. А через некоторое время Феодору был пожалован титул кесаря и отданы в ленное владение Адрианополь и окружающие его земли на границах с Болгарией. Последние годы жизни Анны прошли спокойно. Она выдала дочерей замуж за французских баронов и умерла в своем дворце в 1220 году, на тридцать пять лет пережив Андроника.

ЦАРИЦА И ПОЭТ

Для истории каждой страны 1185 год — мгновение в череде лет и событий. Заглянуть в это мгновение и сразу понять что-либо в нем, не будучи профессиональным историком, невозможно. Поэтому, преодолев очередной водораздел и оказавшись в долине следующей реки, мы вынуждены остановиться и кинуть взгляд вверх по течению, прежде чем бросаться в быстрые воды 1185 года и пересекать реку.

Например, в Грузии нельзя понять события 1185-го и последующих лет, не вернувшись далеко назад. Когда были завязаны узлы, разрубленные в восьмидесятые годы.

В течение столетий странам Закавказья — Грузии, Армении и Азербайджану — приходилось отстаивать свою независимость от могущественных соседей, терять ее, снова восстанавливать. И судьбы этих трех стран сложились по-разному. Азербайджанцы не имели к началу арабского завоевания единой религии и единого государства. И потому они не могли противостоять завоеванию духовно — они были обращены в ислам. «Я ширванец», — мог сказать житель Баку. Понятия «азербайджанец» не существовало.

Иначе было в Грузии и Армении. В этих странах сложилась давнишняя традиция государственности и существовала единая древняя религия, чуждая завоевателям, гонимая ими, но оттого еще более ценная как

духовный стержень, помогающий сохранить самобытность и бороться за независимость.

В отличие от жителя Азербайджана, уроженец Мцхеты мог сказать, что он картлиец. Но он и больше чем картлиец: подобно кахетинцу, месху, пшаву, он — грузин. Житель Ани или Двина, обитатель Киликийского царства, был киликийцем или двинцем, но он был и армянином. И знал об этом, потому что его объединяли с другими людьми, сознававшими себя армянами, общий язык, общие предания, общая память о древности армянского государства, а главное — общая вера.

В 1071 году Византия потерпела сокрушительное поражение от сельджуков и уступила им почти всю Малую Азию. Под властью их оказались страны, прилегающие к Каспийскому морю, и Армения. С каждым годом набеги на Грузию становились все более опасными. Грузинский царь Георгий II, желая спасти страну от разорения, признал сюзеренитет сельджукского султана Маликшаха. Это не принесло и не могло принести облегчения Грузии, потому что покорность в таких ситуациях воспринимается как слабость. В результате самые лучшие земли — плодородные долины Картли и Кахети — были заняты кочевыми сельджукскими племенами, а высокогорные луга стали местами их летней откочевки. Грузинское население отступило на запад и в ущелья. Организовать сопротивление было нелегко. Сам Георгий II, как утверждают источники, был человеком слабохарактерным и даже робким, при нем власть в стране захватили феодалы-азнауры, которые в борьбе между собой и с царем зачастую шли на союз с могучими сельджуками.

Продолжаться так до бесконечности не могло. Да и не все азнауры были безразличны к судьбе Грузии. Георгий был вынужден отречься от престола. Его преемником стал шестнадцатилетний Давид, известный в истории Грузии под именем Давид Строитель. Это случилось в 1089 году.

Народ выдвигает героев в самые отчаянные, трагические периоды своего существования. Таким героем был Давид.

Юноша, властитель разоренной и ограбленной страны, оказался не только зубаст, но и мудр. Он не мог начинать войну с Сельджукской империей, в сотни раз превосходящей Грузию числом подвластных людей и ресурсами. Но войну начал. Как бы неспешно, не поднимая ее до уровня большого конфликта, не разрывая окончательно отношений с могучим врагом. Он исподволь готовил армию, обучал ее и закалял в небольших набегах на сельджукские племена, что кочевали в грузинских долинах. Он возвращал на освобожденные земли крестьян и добивался их доверия, внушая им мысль о том, что воины царя их защитят.

Нелегко утверждал молодой монарх свою власть над страной. Он предпочитал опираться на мелких дворян и свободных крестьян, нежели идти на союз с крупными феодалами, почти независимыми владельцами областей, представителями могучих родов, которые хотели иметь покорного царя. Кульминацией борьбы со знатью стало столкновение с Липаритом Иванэ-дзе, одним из могучих князей, илдекарским эриставом. Липарит был изгнан из Грузии.

Тем временем в выгодную для Грузии сторону изменилась обстановка в Сельджукском государстве, созданном кочевниками и державшемся на страхе. Из Европы на Ближний Восток пришли крестоносцы и отвоевали у сельджуков Палестину и часть Сирии. Выступила против сельджуков Византия, стараясь отобрать свои земли в Малой Азии. Восставали и другие страны. Давид отказался платить дань сельджукскому султану.

Но прежде чем начать войну, надо было завершить объединение Грузии. И Давид захватывает важнейшие области, не признававшие его ранее, — Кахети и Эрети. Он проводит реформу церкви, чтобы вырвать ее из рук крупнейших вельмож, деливших церковные

должности. Наконец, он призывает на службу половцев.

Это были годы правления на Руси Владимира Мономаха, того самого, который провел против половцев, как он сам утверждал, восемьдесят три похода и остановил их продвижение на запад.

Отступая под натиском русских дружин, некоторые из половецких племен откочевали на Северный Кавказ, где им тоже было несладко, потому что степи там были заняты другими племенами, не желавшими уступать место пришельцам. Именно этим половцам Давид предложил переселиться в Грузию. Под именем кипчаков они сыграли немаловажную роль в истории страны. Функция их была сходной с той, какую выполняли на Руси черные клобуки и берендеи — степные племена, занимавшие пограничные с половцами земли. Они были не совсем вассалами — скорее союзниками. Во время распада Руси на множество враждующих княжеств их вожди порой вмешивались в борьбу за власть в Киеве.

На рубеже XII века сорок пять тысяч половецких семей перешли Дарьяльским ущельем в Грузию и заняли часть сухих долин, откуда были вытеснены сельджуки. В течение веков они служили в грузинской армии. Постепенно берендеи и другие союзные Руси степняки смешались со славянским населением и стали составной частью будущей украинской нации. Также и половцы влились мало-помалу в грузинский народ — степная кровь и по сей день течет в жилах русских, украинцев и грузин.

Всю первую четверть XII века Давид провел в борьбе с сельджуками. Освободив основные районы собственно Грузии, он вступил в Ширван. Владелец Ширвана объявил себя вассалом Давида, что вызвало гнев сельджукского правителя Ирана. Он поднял громадное войско, для того чтобы наказать Давида, и двинул его на Грузию.

Чем располагал царь Давид? Его хорошо обученная и дисциплинированная армия состояла из сорока

тысяч грузин, пятнадцать тысяч кипчаков, нескольких сотен осетин (аланов) и двухсот рыцарей, присланных иерусалимским королем.

Так как мусульманская армия по численности значительно превосходила войско Давида, тот встретил ее не в открытом поле, где сельджукская конница смяла бы грузин, а в ущельях и узких долинах у Дигори. Численное превосходство сельджуков перестало играть решающую роль. Грузины по частям разбили врага, и мало кому из сельджуков удалось спастись.

Дигорская битва 1121 года означала конец сельджукского владычества. На следующий год Давид освободил Тбилиси, остававшийся еще в руках врагов. Вскоре удалось взять старинный армянский город Ани и присоединить Ширван. Большая часть Закавказья оказалась под властью Давида.

В следующем году Давид неожиданно умер.

Ему удалось воссоздать Грузию, но он не успел консолидировать свои владения, укрепить в них центральную власть.

После его смерти оказалось невозможно сохранить завоеванное. Твердая рука Давида Строителя держала в страхе и покорности спесивых феодалов, заставляла трепетать сельджукских владетелей. В момент смертельной угрозы Грузия нашла Давида. Но его преемник уступал Давиду силой и характером.

Сын Давида Дмитрий (Деметре) царствовал долго — тридцать лет. Он вел войны с сельджуками и другими соседями, вел с переменным успехом. Владения отца он увеличить не смог. Подняли головы могущественные феодалы, соперники царской власти. Подобно европейским баронам, они стремились превратить ее в условность, чтобы она не мешала им богатеть и преследовать собственные цели.

Наиболее сложные отношения у царя были с родом Абулетисдзе. То были не только могучие феодалы, но и крупные государственные деятели. В 1130 году один из них, Иванэ, готовил заговор против Дмитрия. Заговор провалился, но Иванэ каким-то

образом сумел свалить вину на брата Димитрия Константина. Константин был ослеплен, Абулетисдзе вышел на волю. Через пять лет Иванэ и Тиркаш Абулетисдзе отправились в поход на армянский город Двин, которым в то время правил будущий основатель династии атабеков, владевших во второй половине XII века Северо-Западным Ираном, включая большую часть Азербайджана, Ильдегиз. Однако командовали своей армией они так неудачно, что большинство их воинов попало в плен. Ильдегиз приказал отрубить пленным головы, сварить их и черепа выставить на зубцах крепостной стены, дабы все видели, что будет с теми, кто осмеливается поднять на него руку. Еще через четыре года Абулетисдзе вновь предприняли поход и опять были разбиты, на этот раз одним из мусульманских владетелей Закавказья.

Неудачи и постоянные интриги братьев настолько опротивели Димитрию, что при первой же возможности (а она представилась в 1145 году) он бросил Иванэ и Тиркаша в тюрьму. Иванэ казнили — видно, обвинения были достаточно серьезны, а Тиркаш бежал к мусульманскому правителю Южной Армении Шах-армену и, получив от него в управление округ в Араратской провинции, начал совершать набеги на Грузию.

Шла борьба не только между царями и феодалами, но и внутри царской семьи. Сначала против Димитрия поднялся его младший брат Вахтанг, затем старший сын Давид. Грузия превратилась в арену свар и междоусобиц. Наконец Давид победил собственного отца, заставил его отказаться от престола и постричься в монахи.

Давид продержался на троне полгода. Как полагают летописцы, он был отравлен. Вернее всего, собственным братом Георгием. Но занять освободившийся престол при жизни своего отца-монаха Георгий не посмел. Тотчас по получении известия, что Давид умер, Димитрий вышел из монастыря и снова взял в свои руки власть, но через полгода занемог и почув-

ствовал приближение смерти. Слишком уж быстро начинают сменять друг друга грузинские венценосцы. И уж очень близок к престолу столь жаждущий его младший сын Димитрия Георгий.

Но законным наследником престола был не Георгий, а Демна, сын его старшего брата Давида. Перед смертью Димитрий пожелал удостовериться в том, что Демна не будет отстранен. Он созвал всех знатных людей царства и в их присутствии передал власть Демне. Для того чтобы спасти внуку жизнь и сохранить трон, он попросил Георгия стать регентом до совершеннолетия Демны. Однако воспитание Демны Димитрий поручил главе могущественного рода Орбели, бывшего во вражде с царским домом. Георгий поклялся выполнить волю умирающего.

Трудность изучения средневековой истории Грузии заключается в том, что имеется каноническая летопись, в которой все сказано. Это «Картлис Цховреба» — свод, существовавший, очевидно, с VIII века и дополнявшийся до XIII века. Известны и другие летописи, например, хроники, составленные историками царицы Тамары. В этих летописях есть общее: твердая редакторская рука Тамары или близких к ней людей чувствуется в каждой строке. Все лишнее убрано. Всеу придана нужная окраска. «Картлис Цховреба», впитавший в себя исторические сочинения предыдущих лет, воспекает великую Тамару, а следовательно, изображает ее отца Георгия (того самого, которому Димитрий отказал в праве на власть) идеальным и мудрым властителем.

В летописях средневековой Руси — громадной страны, где существовало множество самостоятельных государств и еще больше самостоятельных монастырей, — такая редакция была невозможна. Историю Руси XII века можно воссоздать с большой долей вероятности именно потому, что летописи, как и князья, враждуют между собой. О том, что скрывает одна, с удовольствием повествует другая.

Грузия же была невелика, и летописей было немного. Их можно было собрать и отредактировать.

Что же достоверно известно о Георгии, отце царицы Тамары?

Власти (в качестве регента) он достиг в зрелом возрасте. В 1161 году он отвоевал у мусульман Ани и передал его военачальнику Иванэ Орбели. Помощником к нему и градоправителем определил верного своего сподвижника Саргиса Мхаргрдзели. Туда же перевезли мальчика Демну — Иванэ должен был его воспитывать.

Хотя вряд ли Иванэ постоянно жил в Ани. Ведь ему, как полководцу Георгия, приходилось участвовать в походах; к тому же у него были многочисленные владения в других частях Грузии, по размерам не уступавшие царскому домену.

Не забыл Георгий и о горькой судьбе пленных в Двине, которых погубили полководческие просчеты Абулетисдзе. Он взял Двин, перебил в нем всех мусульман, а черепа грузин положил в гробы и приказал муллам Двина нести их босиком до Тбилиси.

Георгий поддерживал худой мир с Орбели и другими крупными феодалами, а те ждали своего часа — совершеннолетия Демны. Мальчик рос в семье Орбели, и его воспитывали в убеждении, что дядя Георгий — узурпатор. Мало кто верил в Грузии, что Георгий добровольно отдаст власть подростку царевичу, тем более что он, не удовлетворившись званием регента, официально короновался.

Очевидно, в течение семидесятых годов шли сложные переговоры между знатью и Георгием в поисках компромисса. Предполагалось — намек на это находят в поэме Руставели «Витязь в тигровой шкуре» — отдать за Демну дочь Георгия, царевну Тамару, родившуюся в середине шестидесятых годов. Точная дата ее рождения неизвестна. К 1177 году, когда Демна достигнет совершеннолетия, ей должно исполниться лет двенадцать — для династического брака вполне допустимый возраст. Но здесь могли возникнуть слож-

ности из-за родства — ведь дети были кузенами, требовалось разрешение церкви.

На Демне прерывалась мужская линия царского рода Багратидов. Правда, был еще один Багратид — царевич Давид Сослан из осетинской линии, который воспитывался при дворе, но о его молодых годах мы ничего не знаем.

Переговоры, по-видимому, провалились, и крупнейшие феодалы Грузии, недовольные Георгием, собрались в 1177 году в родовом имении Орбели в Ларбазе, дабы решить, что делать. Речи князей становились все более страстными, призывы к свержению узурпатора — все более громкими. Настолько громкими, что некий не оставивший в летописях своего имени юноша услышал их и счел необходимым довести до сведения Георгия.

Если юноши и не было, то его следовало изобрести: он появился в очень подходящий момент.

Пока заговорщики совещались и обсуждали, кому и когда выступать, Георгий нанес им решительный удар. Он приказал укрепить Тбилиси, отправил гонцов к кипчакам и стал собирать армию. Узнав о том, что Георгий выступает, заговорщики избрали порочную тактику — оборонительную. И хотя их отряды насчитывали тридцать тысяч воинов, хотя среди них были представители большинства знатных фамилий страны, они чего-то ждали, спорили, ссорились и затем начали перебегать к царю. Первыми это сделали, судя до летописи, Мхаргрдзели, участие которых в заговоре вообще сомнительно: они были в доверии у царя и не потеряли его впоследствии. Георгий тепло встречал перебежчиков и спешил их простить.

Оставшись практически одни, Орбели решили сражаться. Иванэ отправил младшего брата Липарита к Пахлавану, наследнику жестокого атабека Ильдегиза, того самого, что украсил стены Двина черепами грузин; сам же заперся в крепости Лори.

Дальнейшие события были трагикомичны. Каждую ночь со стен крепости спускались веревки, открыва-

лись потайные ходы и защитники ее стремились с повинной к царю. Падение Лори было делом ближайших дней. Наступила ночь, когда из крепости сбежал и сам законный царь Грузии Демна. Он пробрался в шатер к дяде, припал к его ногам и поклялся, что был лишь игрушкой в руках Орбели. Георгий был милостивен и даже почитителен с племянником и обещал ему прощение. Затем послал гонца к Орбели и велел передать, что простит Иванэ, если тот прекратит сопротивление.

Ворота Лори раскрылись, и оттуда в сопровождении последних верных рыцарей вышел неудачливый заговорщик Иванэ.

Георгий тут же забыл о своем обещании. Он понимал, что сейчас он господин положения и осуждать его некому: все изъявили покорность. Иванэ был отправлен в тюрьму и там ослеплен. Затем убили его младшего брата Кавтара, зарубили сына Сембата и племянника Синана. Всех женщин, детей и престарелых Орбели утопили или задушили. Демна был также ослеплен, затем оскоплен, а потом вообще пропал. Вероятно, изувеченный юноша был замучен в тюрьме.

Больше соперников не оставалось, прервалась и мужская линия Багратидов.

Кому отдать трон?

И вот тогда произошло необычайное событие — такого в истории Грузии не было. Царь Георгий объявил, что коронует на царство свою дочь, девочку Тамару, и будет отныне править вместе с ней.

Вряд ли кто-нибудь в Грузии одобрил решение царя, но, с его точки зрения, оно было единственно разумным. Он отлично понимал, что в ином случае, когда он умрет, знать не пустит Тамару на престол. А Георгий рассчитывал прожить еще много лет и подготовить все к тому, чтобы после его смерти Тамара престол сохранила.

Готовясь к этому шагу, царь убрал из своего окружения враждебных его планам вельмож и ближайшими своими помощниками сделал вождя кипчаков

Кубасара, назначив его главнокомандующим — амир-спасаларом, и незнатного дворянина Афридона, возведя его в чин мсахуртухуцеса (главного министра). Эти люди, всем ему обязанные, должны были верно служить Тамаре. Была у царя и еще одна сильная союзница — его сестра Русудан.

В начале пятидесятых годов Русудан просватала за великого князя Киевского Изяслава Мстиславича, который решил породниться с грузинским царем. Изяслав был уже в летах, жизнь он провел в бесконечных войнах, сражаясь с братьями за киевский престол, входя в союзы то с венграми, то с поляками, то с чехами, то с половцами. Основным его соперником был дядя — Юрий Долгорукий.

Грузинская царевна совершила долгое путешествие через Грузию, затем по Черному морю, по Днепру, пока не оказалась в 1153 году в громадном кипящем Киеве.

Свадьба несколько раз откладывалась из-за походов, в которые спешил Изяслав. Но наконец летом 1154 года ее сыграли, и новая великая княгиня воцарилась в княжеском тереме.

Этот брак оказался недолговечен, и в истории Руси Русудан следа не оставила: через несколько месяцев после свадьбы Изяслав умер. Его бездетная молодая вдова спустя некоторое время решила вернуться домой: в Киеве ей было неуютно и одиноко. Ее никто не удерживал: за Киев уже боролись другие князья.

Возвратившись в Грузию, Русудан жила у брата. В одной из грузинских летописей говорится, что она совершила еще одно путешествие — в Иран, где вышла замуж за какого-то из сельджукских владетелей. Так или иначе, в последние годы правления Георгия она жила в Тбилиси и воспитывала свою племянницу Тамару. Связи с Русью у нее сохранились. И русский язык ей был, возможно, знаком.

После вторичной совместной коронации Георгий не удалился от дел, а продолжал активно править страной и старался держать знать в узде. Дочь росла,

и царь много внимания уделял ее образованию и воспитанию. Его рискованный план удался в первую очередь потому, что он прожил после воцарения Тамары еще шесть лет, и к моменту его смерти в 1184 году Тамаре уже было около двадцати и последние годы она участвовала в управлении государством.

И вот царица Тамара осталась одна.

На неустойчивом троне, окруженная тайными и откровенными недоброжелателями, а то и врагами.

Вряд ли кто мог предположить, что она останется на троне почти четверть века и превратит Грузию в могучее государство.

Тамаре помогло то, что на ней кончалась линия грузинских Багратидов. И если на Руси Рюриковичей было хоть пруд пруди, то грузинские вельможи, которым приходилось в 1184 году решать, оставить ли трон Грузии женщине, пусть даже официально коронованной, должны были считаться с фактом, что царственных по крови реальных претендентов на престол не было. Правда, при дворе (а может быть, в ссылке) жил царевич Давид Сослан, но он не имел поддержки и, очевидно, не рвался к власти.

Царь Георгий не зря посадил рядом с собой на трон статную красивую девушку* — он учил ее править страной. После подавления мятежа сторонников Демны он уничтожил главарей оппозиции. Рядом с Тамарой оставались верные люди, и первой из них была ее тетка Русудан.

И все же воцарение Тамары прошло совсем не так гладко, как надеялся ее отец. Оппозицию составили крупные феодалы-дидебулы, к которым принадлежал и католикос Микаэл Марианисдзе. Они желали вер-

* Для грузинских летописцев все грузинские цари, независимо от их физических характеристик, обязательно красивы. Так что истинный облик государей можно представить себе лишь в сравнении между просто красивым и исключительно красивым. Но эпитеты, которыми награждают Тамару все без исключения летописцы, так восторженны, что трудно поставить под сомнение ее красоту.

нуть себе власть, отобранную Георгием, который после мятежа Демны старался опираться на мелких дворян, а то и на безродных и потому верных помощников.

Но за годы относительно спокойной жизни в Грузии поднялся и окреп слой состоятельных горожан, которые тоже хотели власти. Города, как и везде, противостояли феодалам. И также стремились посадить на престол своего человека.

Первый удар наносят дидебулы. Они требуют новой коронации, доказывая, что проведенная Георгием была недействительна без их санкции. Тамара вынуждена согласиться на это.

Тогда дидебулы начинают добиваться смещения самых верных помощников Тамары — Кубасара и Афридона. Дидебулы не желают им подчиняться. Тамара скрепя сердце соглашается и на это.

Дидебулы полагают, что Тамара у них в руках. Но борьба вокруг трона продолжается. Приходит очередь главного казначея Кутлу Арслана. Он выступает в качестве «гласа народного», то есть зажиточного городского населения и купцов. Он требует создания в Исани (царская резиденция на окраине Тбилиси, где теперь находится район Авлабар) нового учреждения — карави, который стоял бы выше дарбази — государственного совета, включал бы представителей сословий и держал бы в своих руках действительную власть. При этом царице запрещается присутствовать на заседаниях карави. Она должна будет лишь выслушивать его постановления и подчиняться им. Тут уж поднялись на дыбы дидебулы. Узкий круг вельмож намеревался править страной, используя царицу как ширму, но не желал делить власть с мелкими дворянами или купцами.

Тамара проявила талант стратега. Она сумела опереться на дидебулов и арестовать Кутлу Арслана. Горожане — а в Тбилиси сторонников Кутлу Арслана, видимо, было немало — окружили ее дворец. Толпа гудела, требуя освобождения вождя и выдачи вельмож.

Тамара и здесь не растерялась. Зная, насколько

глубоко развито в Грузии уважение к матери, она попросила двух знатных старух, Кравай Джакели и Хошак Цокали, выйти к бунтовщикам и уговорить горожан отказаться от насилия.

Кутлу Арслан был освобожден, но власть фактически перешла к вельможам — к дарбази и католико-су. Отныне все решения должны были приниматься «совместно с дидебулами и по согласной их воле».

И тут Тамара делает умный политический ход. Она выписывает из Иерусалима бывшего католикаса Николая, побежденного в свое время Микаэлом, и созывает церковный собор. О Николае летописец Тамары Василии осторожно сообщает, что он «по скромности в свое время бежал от сана картлийского католикаса». Тамаре надо убрать властного Микаэла, одного из столпов княжеской партии, так как католикос был одновременно и канцлером.

Хронист, рассказывая об отчаянной борьбе, проходившей на соборе между Николаем и его главным союзником Антонием, архиепископом Кутаисским, с одной стороны, и Микаэлом с его сторонниками — с другой, пишет: «Руководители собрания Николай и Антоний не пожелали, чтобы в их среде пребывал тогдашний картлийский католикос, потому что стал он допускать вещи, совсем искажающие церковные правила, и коварством получил от Господа власть канцлера. Но не смогли отлучить, хотя и много потрудились. А из прочих епископов многие были смещены, и вместо них посадили Божьих людей...»

Молодая царица присутствовала на этом соборе. Кипели страсти — на католикаса и его сторонников сыпались обвинения чуть ли не в безбожии. Старец Николай, проделавший ради этого боя трудный и далекий путь из Иерусалима, потерпел поражение. За Микаэлом стояли дидебулы, а многие епископы были с ними в близком родстве.

Тамара не добилась решительной победы, но это сражение, одно из первых, которое ей пришлось вести, было не бесплодным. Ей удалось изгнать и

епархий наиболее одиозных, проворовавшихся и разложившихся епископов, которые получили эти места, потому что принадлежали к знатнейшим семьям царства. А ведь они были духовными феодалами и владели лучшими землями. Этот шаг сразу увеличил популярность Тамары. Что же касается Микаэла, то Тамаре еще несколько лет пришлось ждать его смерти.

Затем последовали новые назначения на важнейшие должности в государстве, которые тоже были результатом компромисса. Главным казначеем вместо Кутлу Арслана стал Варданисдзе, амирспасаларом — Саргис Мхаргрдзели, мсахуртухуцесом — Чиабер. Сыновья Мхаргрдзели также получили высокие должности.

Царство Тамары, занимавшее почти все Закавказье, было государством христианским. И служили царице христиане. Они могли быть грузинами, курдами, армянами или осетинами, но все вместе ощущали себя христианами в противопоставлении миру ислама. Внутри же системы различалась независимо от национальности принадлежность к тому или иному течению в христианстве. Это положение отлично иллюстрируется в случае с братьями Мхаргрдзели. Отцом своим Саргисом они были воспитаны в лоне армянской церкви. В грузинской державе достигли высочайших постов. Оба стали заметными фигурами как в грузинской, так и в армянской истории. И сохранились свидетельства о них как грузинского, так и армянского летописца того периода.

Вот что пишет грузинский историк Базили: «Призвали двух сыновей амирспасалара Саргиса Мхаргрдзели — Захарию и Иванэ, людей мудрых, мужественных, хорошо испытанных к тому же и, по родовым преданиям, верных царям, за что Мхаргрдзели были сильно любимы дедами Тамары, также и отцами... эти люди достойны быть людьми, хотя они по вере были армяне... Иванэ был прекрасным знатоком Священного писания, в силу чего постиг всю кривизну веры

армян, перекрестился и стал истинным христианином».

Оценка ясная. Оба достойны, но Иванэ более достоин, ибо грузин верой.

Вот что пишет армянский летописец Киракос Гандзакец: «...имя первого было Закарэ, а второго — Иванэ. Это были люди храбрые, могущественные владетели, бывшие в почете у царицы грузинской. ...Иванэ впал в ересь халкедонскую, в которую повержены были грузины, ибо он, очарованный царицей, полюбил славу людскую больше, чем славу Божию; а Закарэ остался верен православию*, которое исповедуют армяне».

Опять же оба достойны, но Закарэ более достоин, ибо верой — армянин.

Впрочем, все это не мешало братьям верно служить Тамаре и много лет сражаться рядом.

Мать Тамары была осетинкой, а второй муж — более осетином, чем грузином. Но неправомочно утверждать, что после Тамары престол Грузии занимали осетины. Характеры рождались осознанием принадлежности к этносу и воспитанием. Русский князь мог быть на три четверти половцем, от этого он не переставал быть русским князем. Тем более проблема национальности не играла роли в династических браках.

Это соображение важно, когда переходишь к следующему этапу в жизни Тамары, к следующей схватке за власть в Грузии — к истории с ее замужеством, темной и запутанной, о которой летописцы говорят туманно, словно о наваждении.

Чтобы лучше понять суть этих событий, полезно вспомнить, что кроме летописей эпоха Тамары оставила нам величайшее произведение грузинской литературы, написанное гениальным поэтом Шота Руставели, «Витязь в тигровой шкуре».

Как начинается поэма «Витязь в тигровой шкуре»?

* Так в переводе источника.

С восхваления царицы Тамары.

Это странное восхваление. Оно противоречиво, словно противоречиво отношение Руставели к царице.

Воспоем Тamar-царицу, почитаемую свято!
Дивно сложенные гимны посвящал я ей когда-то.
Мне пером была тростинка, тушью — озеро агата.
Кто внимал моим твореньям, был сражен клинком булата.

Мне приказано царицу славословить новым словом,
Описать ресницы, очи на лице агатобровом,
Перлы уст ее румяных под рубиновым покровом, —
Даже камень разбивают мягким молотом свинцовым.

Той, кого я раньше славил, продолжаю я гордиться.
Я пою ее усердно, мне ли этого стыдиться!
Мне она дороже жизни, беспощадная тигрица.
Пусть, не названная мною, здесь она отобразится!*

Есть определенные законы панегирика. Особенно если он предшествует поэме, основная тема которой — любовь. Объект панегирика должен быть возвышен и безупречен, тем более если речь идет о царице. На первое место выступают ее ум, мудрость и милосердие. Женские прелести воспеваются куда скромнее, дабы не преступить границ. Таковы и были оды, созданные поэтами средневековой Грузии. Таков и стиль летописей. Хронист сообщает о бурном начале ее царствования: «Возвысив свой ум, со смиренной душой узрела тяжесть ей порученного дела и, направив взоры к своему небесному руководителю, стала управлять, как то внушал ей Святой дух».

Образы Руставели рождают тревожную картину. Служители, сраженные клинком булата, сравнение царицы с беспощадной тигрицей... Никакого смирения: Руставели воспекает яростную воительницу.

Есть соблазн рассматривать поэму Руставели как рассказ о событиях в Грузии в молодые годы царицы Тамары. Этот соблазн не минул некоторых историков.

* Стихи Руставели приводятся в переводе Н. Заболоцкого.

Крайнюю точку зрения выразил А.Дандуров в книге «Шота Руставели». Для него поэма — политический памфлет, в котором лишь заменены имена. Руставели — Автандил, Давид Сослан — Таризэл, Юрий Суздальский — Фридон, Тамара — Нестан-Дареджан. Движение поэмы — это движение истории Грузии.

На такую точку зрения становиться опасно. Она всегда будет неправдой, потому что поэт, тем более великий, создает свой мир, а не маскирует псевдонимами мир окружающий. Но если такая точка зрения существует в XX веке, то нет сомнения, что подобные мысли возникали и в головах современников Руставели. Они читали о молодой царице, а на престоле в Тбилиси сидела молодая царица. Они читали о проблеме жениха для Нестан-Дареджан, а царица Тамара никак не могла решить своих матримониальных проблем. Даже если Руставели и сам не подозревал о таких ассоциациях, это не могло остановить окружающих от поиска их. А его врагов — от того, чтобы толковать их как политические выпады.

Примем к сведению, что любое большое произведение литературы питается соклами окружающей действительности.

Поэма начинается с ситуации, которую просто невозможно не связать с грузинской, — с размышлений старого царя о том, кто займет престол после его смерти. Ведь у него только дочь. И когда он решает короновать ее, вельможи соглашаются на это. И затем царь возлагает корону на голову Тинатин, хотя сам еще здравствует. Можно перекопать всю историю Грузии и соседних стран: такая ситуация возникла лишь однажды.

Царю верно служит молодой полководец Автандил, влюбленный в Тинатин. Когда однажды старый царь и Автандил встречаются на охоте загадочного печального рыцаря в тигровой шкуре, который затем исчезает, царь рассказывает об этом дочери. Тинатин заинтригована настолько, что хочет любой ценой того человека отыскать. И она посылает на его поиски Автан-

дила на целых три года, обещая за это свою верность. Влюбленный отказаться не смеет: царица не дает ему никакого выбора. Автандил подчиняется.

И тут же эта ситуация проигрывается поэтом вновь. На другой паре возлюбленных.

Появляются царевна Нестан-Дареджан и безнадежно влюбленный в нее рыцарь Таризл.

И снова очень трудно не увидеть в царевне Тамару. Хотя берется иной срез ее судьбы — замужество.

Таризл, полководец отца Нестан-Дареджан, узнает, что тот выбрал ей жениха — наследника хорезмийского престола.

Таризл покоряется решению царя, так как сознает, что ему с хорезмшахом не соперничать, да и соображения государственные ему понятны.

Он-то покоряется. Но не царевна. Узнав о женихе, она тут же принимает меры. Сначала вызывает Таризла и обвиняет его в предательстве. Перед нами тигрица, которая добивается своей добычи. Оправдания Таризла, рассуждения о чести и интересах державы ее не интересуют. Она уже решила за него: он убьет жениха.

Таризл — влюбленный рыцарь, не думающий о последствиях. Если еще пять минут назад он был верным подданным царя, сейчас он обезумел. Он немедленно решает убить жениха и всех, кто с ним придет. Нестан-Дареджан добила своего. Но она куда разумнее, чем рыцарь. Она приказывает ему убивать, но не желает, чтобы Таризл для этого собирал дружину, устраивал войну и привлекал внимание к ней, вдохновительнице убийства. Все должно быть сделано иначе — тонко, тихо.

«Сделай так, герой отважный, наделенный силой львиной:
Жениха убив укладкой, не сражайся ты с дружиной.
Ты его единоверцев не равняй с простой скотиной, —
Сердце вынести не в силах этой крови неповинной».

Непонятно, в чем же вина хорезмийского принца? Едет он по приглашению царя, не подозревая, что у

принцессы иные жизненные планы, едет мирно, открыто. К тому же царевна отказывает Таризлу в праве на рыцарский поединок, на открытый и честный бой. Она велит ему зарезать гостя тайком.

Таризл не видит нелогичности поведения царевны. Он готов на все, потому что любит. Любовь же Нестан-Дареджан может вызвать сомнения. Уж очень ее действия расчетливы.

Странность этой ситуации всегда вела к поискам аналогий. А.Дандуров предположил даже, что Руставели здесь говорит об убийстве Георгием царевича Демны, которое расчистило Тамаре дорогу к престолу. Хотя такие рассуждения кажутся необязательными, вопрос о том, насколько Руставели одарил тигрицу Нестан-Дареджан характером тигрицы Тамары, конечно, встает.

Хорезмийский принц приезжает. В государстве радость. Царь, полностью доверяя Таризлу, посылает его встретить хорезмийца и позаботиться о его удобствах. Хорезмийцу устраивают лагерь за городом.

Таризл медлит. Сам он объясняет промедление усталостью:

«Все, что надобно, исполнив, я к себе вернулся в дом.
Утомившись на приеме, я хотел забыться сном».

Странное признание для убийцы, горящего желанием поскорее расправиться с соперником.

Таризл ложится спать, но тут же появляется служанка Нестан-Дареджан, которая поднимает его и ведет к царевне. Та в гневе: почему Таризл до сих пор не выполнил ее приказания?

«Что ты ждешь? — она спросила. — Разве жертва не готова?
Иль опять меня забыл ты? Иль обманываешь снова?»

Таризлу ничего не остается, как приняться за черное дело.

Он собирает сотню молодцев и с ними спешит к лагерю хорезмийцев. Так как именно Таризл отвечает за безопасность гостя, его пропускают в шатер, где

спит принц. Тогда Таризэл хватает несчастного юношу за ноги и ударяет головой об столб. Принц мертв, а Таризэл спасается бегством в собственный замок.

Сюжет поэмы получает два толчка. Тинатин посылает Автандила на поиски рыцаря; Нестан-Дареджан заставляет Таризэла убить жениха. Обе девушки вправе распоряжаться уступающими им по положению возлюбленными. Оба рыцаря подчиняются. Молодые тигрицы так сходны, что кажутся одним портретом, лишь под разным углом зрения написанным.

Царь посылает к замку Таризэла послов. Те осыпают витязя справедливыми упреками. Царь задает через них Таризэлу вопрос, который давно уже вертится на губах у читателя:

«Ты зачем мой дом, безумец, этой кровью запятнал?
Если дочь мою любил ты, отчего мне не сказал?
Престарелый твой наставник, от страданий я устал...»

И в самом деле — зачем? Затем, что так пожелала тигрица. Затем, что мужчины Руставели не смеют отказать любимым.

Таризэл не находит ничего лучшего, как заявить послам, что он не желает жениться на Нестан-Дареджан, что он хозяин в своем замке и претендент на царский трон.

Все это нелогично. Зачем молодому человеку, который должен себя чувствовать виноватым, грозить благодетелю и отказываться от любимой?

И еще одна странность.

В самом начале поэмы вскользь сообщается, что девочкой Нестан-Дареджан отдали на воспитание сестре царя по имени Давар. Потом об этой Давар все забывают. Но вдруг становится известно, что гнев царя обрушился не столько на убийцу, сколько на собственную сестру — за то, что она допустила роман Таризэла и Нестан-Дареджан. Таризэл сидит спокойно в своем замке, Нестан-Дареджан как ни в чем не бывало пребывает во дворце, а виновной объявляют сестру царя.

Та клянется в своей невинности и обращается к Нестан-Дареджан со словами:

«Ты, блудница, амирбара на убийство навела!
Почему должна я кровью за твои платить дела?..»

После этого она организует похищение царевны. И послушные тетке черноликие рабы увозят Нестан-Дареджан за море. И она исчезает.

Узнав об этом, Таризл бросается искать Нестан-Дареджан, не находит, погружается в отчаяние и удаляется в пустыню.

Новый персонаж — тетка и воспитательница Нестан-Дареджан, которая разлучает царевну с ее любимым, — также, разумеется, вызывал у читателей ассоциации. Ведь рядом с Тамарой находилась ее тетя Русудан, которой царь Георгий оставил свою дочь. Русудан играет важную роль во всех делах первых лет царствования Тамары. Если идти следом за Руставели — то двойкою и скорее отрицательную.

И тут новое раздвоение. Уже понимаешь, что почти у каждого основного персонажа есть в поэме двойник, который чуть иначе проигрывает одну и ту же тему. Есть два старых царя, есть две дочери-царевны, есть два рыцаря — исполнители воли своих возлюбленных. И обнаруживается, что есть две тетки. Одна — Давар, которая похищает Нестан-Дареджан. Вторая — Дулардухт.

Что это за злодейка?

...В Каджети правил хороший царь.

Пораженный злым недугом, умер он в години эти.

Много льется слез сиротских без него на белом свете.
У сестры его, царицы, все его остались дети.

Дулардухт — сестра царева, величава, как скала.
И никто ее дружине причинить не смеет зла.

Двух сирот, Росана с Родьей, под присмотр она взяла.
И, воссев на трон Каджети, правит царские дела.

У нее сестра внезапно где-то за морем скончалась...

Информация, полученная из этих строф, удиви-

*Таризл убивает хорезмийского жениха Нестан-Дареджан.
Рисунок Зичи.*

тельна. Во-первых, повторяется ситуация с царем, который, уходя в мир иной, оставляет детей своей сестре. Во-вторых, оказывается, что эта женщина имеет за морем родную сестру, которая умирает. Кто умер? Давар, тетка Нестан-Дареджан, покончившая с собой. Если это так, то со смертью одной тетки ее функция переходит к другой. То есть Дулардухт — тоже тетка Нестан-Дареджан.

Что делает Дулардухт, увидев Нестан-Дареджан, которая, того не ведая, попала в Каджети? Тут же начинает устраивать ее судьбу. Она решает отдать ее за своего племянника Росана. Опять сватовство, опять разлука с любимым.

Кто живет в Каджети? Руставели словно забыл, как только что уважительно говорил о покойном их государе. Каджи — это плохие люди, настолько плохие, что возникает вопрос, не злые ли они духи. Но Фатьма, которая добыла для Автандила сведения о Нестан-Дареджан, объясняет ему:

«Каджи — это те же люди, только, тайнами владея,
Каждый кадж напоминает колдуна и чародея.
Ослепить он нас сумеет лучше всякого злодея,
И сражаться с ним, проклятым, бесполезная затея...»

То, что каджи оказались людьми, а не духами, радует Автандила, так как он убежден, что втроем — с Таризлом и Фридоном — они смогут взять штурмом цитадель каджей и освободить Нестан-Дареджан. За столь приятные новости он дарит свои ласки плебейке Фатьме, полагая, что иметь любовницу во время исполнения приказа царицы простительно, если любовница помогает этот приказ исполнить.

Кульминация поэмы — штурм крепости каджей и освобождение Нестан-Дареджан. Три друга разят каджей беспощадно — никого не оставляют в живых. Только истребив обитателей горных замков, они добывают свободу царевне.

Да, это сказка, ведь настоящая царица Тамара

никогда не была в плену у каджей и ее тетка не кончала жизнь самоубийством.

А если это не каджи? Если за образами каджей скрываются реальные враги Тамары, желавшие через брак лишить ее свободы и разлучить с тем, кого она любит?

Допущение, рождающее исторические ассоциации. И не только у нас.

Теперь наступило время вернуться в Тбилиси 1186 года.

Исторических сведений о тогдашних событиях чрезвычайно мало. Есть только отдельные факты, которые для летописцев настолько невыигрышны, что они говорят о них походя, с сожалением.

Но очевидно, что за трон Тамаре пришлось платить. Отстранением помощников, оставленных в наследство отцом, ограничением собственной власти, отступлением перед католиком, уступками горожанам. Утешение лишь в одном: противники царицы ненавидят друг друга, так что каждая из партий нуждается в Тамаре.

Прошло слишком мало времени для того, чтобы Тамара смогла найти средства бороться с осаждавшими ее советчиками. А времени ей не дадут. Кончился траур по царю Георгию. Тамаре больше двадцати. По нормам той эпохи, она почти старая дева. Формальных оснований для отказа от брака у Тамары нет. И именно вопрос о браке становится пробным камнем на новом этапе борьбы за то, кому править страной — дидебулам, тетке Русудан или молодой Тамаре.

По преданиям, претенденты на руку Тамары уже появлялись. В их числе сын византийского императора Мануила (легендарная фигура, так как Алексей уже убит, а других сыновей у Мануила не было), антиохийский князь Боэмунд, сын эмира Гранады, специально перешедший для этого в христианство, и два осетинских князя. Вернее всего, это апокриф. На самом же деле найти жениха для Тамары совсем не

так просто. Жених должен быть из знатного рода, желательно царского. Он должен принести с собой выгодный политический союз. Он должен быть послушен партии дидебулов, следовательно, важно, чтобы он был чужаком при грузинском дворе. Сомнительно, чтобы в тот момент можно было обратиться к Византии: только что в Тбилиси прибыли спасенные из Константинополя внуки Андроника. В Византии об этом известно, и Исаак Ангел, по-видимому, не слишком доволен вмешательством Грузии в византийские дела. Иерусалимское королевство и латинские княжества находятся в тяжелейшем положении — неизвестно, что их ждет в самые ближайшие годы. Остаются Киликийская Армения и Русь. С более далекими западными странами нет постоянных связей, да и политический союз с ними, например, с Англией, бессмыслен.

Можно предположить, что для Тамары ее будущий брак был совсем не политической проблемой. Все летописи, все предания, наконец, Руставели в своей поэме говорят о том, что в Тбилиси живет молодой человек, с которым Тамара вместе росла, дальний ее родственник, осетинский царевич Давид Сослан. Он — Багратид, но вряд ли выгоден дидебулам. Он и Тамара любят друг друга, значит, этот брак приведет к усилению Тамары; не исключено, что у Давида есть свои сторонники, подобные Руставели, — партия самой Тамары.

Жених, которого находят дидебулы, отвечает их расчетам и скорее всего выбран именно теткой Русудан и ее партией.

На Северном Кавказе, возможно, в городе Сунджа, у половцев, скрывается изгнанный своим дядей Всеволодом Большое Гнездо из родового княжества законный наследник владимиро-суздальский, бывший князь Новгородский, сын Андрея Боголюбского Юрий Андреевич. Прошло уже несколько лет, как он вынужден был бежать с Руси. Сведения о нем скудны и противоречивы. Не исключено, что он побывал в

*Автандил в гневе.
Рисунок Зичи.*

Константинополе, вполне вероятно, имеет половецкую дружину.

Происхождения он самого лучшего. Но не это главное — по мужу он родственник тетке Русудан. И достаточно близкий. Ведь она была женой двоюродного брата его отца.

Сопротивлялась ли этому решению Тамара или покорилась ему — летописи не говорят. Героиня Руставели сопротивлялась отчаянно.

Но решает дарбази. За Юрием Андреевичем отправляют богатого купца Занкана Зорабабела. Юрий согласен. И он едет в Тбилиси.

События последующих недель — материал для исторического романа. Властная тетка, русский князь, десять лет искавший пристанища у чужих очагов, могучие дидебулы, вынужденная покориться гордая Тамара, ее друзья, в том числе молодой Руставели, и осетинский царевич, который во время свадебных торжеств неожиданно покидает Тбилиси.

Тамара снова терпит поражение, но с каждым поражением она делает шаг к зрелости, она учится терпеть, она готовит свою победу, и можно лишь преклоняться перед силой молодой женщины, которая сумела в конце концов всех одолеть. И веришь не панегирикам, не авторам приглашенных летописей — веришь Руставели. Тигрица затаилась.

Юрий Андреевич, которого в Грузии звали Георгием, был человеком неординарным. Молодость свою он провел в походах, ему приходилось править Новгородом, воевать с дядьями, терпеть поражения, ныне же он — князь без княжества, кондотьер. Когда грузинские летописцы пишут о нем презрительно и перечисляют его грехи, они забывают, что два года, проведенные им в Тбилиси, он почти все время был в походах и первые победы грузинского оружия при Тамаре связаны, в частности, и с его именем. И никто из летописцев не говорит, что он был труслив или слаб в бою.

Но его брак с Тамарой — фикция. Тигрица скорее

всего не допускает к себе нелюбимого мужа. Детей у них нет. Да и Юрий не балует Тамару вниманием. Он начинает строить собственные планы: он намерен остаться в Грузии, но быть не принцем-консортом, а царем. И для этого он сколачивает свою партию. Неизвестен расклад сил при дворе, неясно, какую роль играет Русудан, но Юрий становится опасен для правящих страной дидебулов.

Опасен он тем, что сближается с провинциальными феодалами, оппозиционными столичной знати, тем, что имеет тесные связи с половцами, тем, что пользуется поддержкой Византии.

И тогда Тамара понимает, что пришел ее час.

Она объединяется с вельможами, обиженными Юрием. Ей удастся добиться большинства в дарбази, и вельможи, воспользовавшись тем, что Юрий в столице один, арестовывают его, объявляют брак с Тамарой недействительным, выдвигают против Юрия ряд обвинений, призванных замаскировать истинные причины падения князя: грубость по отношению к царице, содомский грех, пьянство — и высылают его из страны. Брак Тамары — плен у каджей — продолжался два с половиной года.

Тамара уже не та, что была когда-то. Она нашла союзников, оппозиция потеряла единство, тетка ее потерпела поражение, ибо потерпел поражение ее ставленник. К тому же успешная государственная деятельность сильно укрепила авторитет молодой царицы. Она красива, она умна, она привлекательнее спесивых дидебулов.

И не исключено, что Руставели уже читает вслух главы «Витязя» и они разносятся по стране...

Нам известны результаты поступков, о движущих силах мы только догадываемся. Но как только Юрий покидает Грузию, в Тбилиси появляется Давид Сослан. Тамара объявляет дидебулам и народу, что намерена выйти замуж за любимого человека.

Юрий еще не добрался до Константинополя, где

он ищет поддержки у императора, как торжественно сыграна свадьба. Казалось бы, конец романа.

Но Юрий не успокоился.

Он имел царство, потерял его и считает, что может его вернуть.

Кто его соперница? Слабая женщина.

В 1191 году, после долгих сношений с недовольными вельможами, Юрий с отрядом появляется в пределах Грузии. Его ждут. Южные провинции присоединяются к нему. Губернаторы Самцхе и Имеретии ведут к нему свои войска. Дидебулы, прижатые Тамарой, спешат к нему. Конфликт между царицей и крупными феодалами, который таился пятнадцать лет под пологом переговоров и интриг, вырывается наружу. И чем шире оказываемая Юрию поддержка, чем ближе его войска к столице, тем более растеряны советники царицы — каджи, сторожащие ее. Они уже потеряли значительную часть власти и теряют остатки ее с каждым мгновением. Мятеж Юрия Андреевича в чем-то подобен восстанию Демны. Он оказывается нужным не мятежнику, а государю. Восстание Демны позволило Георгию уничтожить крупных феодалов, которые выдвигали Демну как знамя. Мятеж Юрия позволил Тамаре сделать то же самое с новым поколением феодалов. В отличие от Руси, Грузия не развалилась на княжества, к чему стремились вельможи.

Вести, достигающие столицы, тревожны. Юрий занял Кутаиси. Юрий в городе Гегути коронован царем Грузии. Юрий взял Гори. Юрий подходит к Тбилиси.

И тогда Тамара приняла на себя командование войском. С ней рядом Давид Сослан и братья Мхаргрдзели, будущие командиры ее победоносных армий. Тамара, оставив лишь заслоны перед Тбилиси, повела армию в тыл Юрию, в Самцхе — центр восстания. Она столь быстро захватила эту область, что Юрий был вынужден остановить наступление. Он лишился своей базы, да и отряды его, набранные на

юге, отказывались двi гаться вперед, когда в их родной земле уже хозяйничало войско Тамары.

Юрий повернул назад, и в долине Нигала, в верховьях Куры, произошло решительное сражение. Юрий был разбит. И попал в плен.

Тамара была милостива к побежденным. Она обошлась без казней, ибо понимала, что ее победа над Юрием — победа над феодалами, даже если они остались живы. Юрий был вновь выслан из страны. Впоследствии он сделает еще одну неудачную попытку вернуться, но к тому времени Тамара будет столь сильна, что выступление провалится в самом зародыше, и после этого Юрий исчезнет из истории.

С тех пор и до самой своей смерти в 1207 году* Тамара правит Грузией самодержавно. Власть Грузии распространяется от Черного до Каспийского моря, в вассальную зависимость от нее попадают мусульманские государства Закавказья. В войнах с соседними монархами Тамара всегда берет верх. Сельджуки собирают против Грузии громадное войско, чтобы остановить христианскую царицу и вернуть утерянные армянские и азербайджанские земли. В 1195 году произойдет грандиозная Шамхорская битва. Армией Тамары будет командовать Давид Сослан. Объединенное войско сельджуков будет наголову разгромлено.

В могучем государстве, окруженная покорными вельможами и епископами, поющими славу царице поэтами, Тамара будет править твердо и разумно. Несчастья и унижения молодости отойдут в прошлое.

Но о них напоминают строки «Витязя в тигровой шкуре».

Шота Руставели — одна из самых загадочных фигур средневековья. Потому что о нем почти ничего не известно.

Можно возразить: мало что известно о Низами и

* В литературе и документах встречаются также иные даты смерти Тамары: 1210 и 1213 годы.

даже о Шекспире, хотя они фигуры не менее значительные, чем грузинский поэт. Но разница есть. Шекспир для его современников — простой актер, социально человек незначимый. И когда Шекспир закончил выступать и соответственно писать (так как он не считал себя литератором, а поставлял пьесы для театра и вне его себя не мыслил), для современников он канул в небытие. Истинное величие Шекспира стало очевидно лишь через много лет после его смерти.

То же самое можно сказать о Низами.

Если бы Низами, подобно другим поэтам тех времен, прилепился к могучему и славному царскому двору и получил бы — а это случалось с другими поэтами — придворную должность, мы бы знали о нем куда больше. Но он сознательно предпочел жить в провинциальном городе, занимаясь каким-то неважным, с точки зрения летописцев, делом, у него всегда возникали проблемы, кому посвятить ту или иную поэму. Покровителей приходилось искать на стороне, порой далеко от дома. Даже восхищаясь его поэмами, шахи и эмиры, жившие в сотнях километров от Гянджи, мало интересовались биографией Низами. Для Гянджи Низами не стал при жизни престижным явлением.

Иное дело Руставели.

Он дожил до старости в государстве, которое лишь недавно вернуло себе силу и которое противостояло мусульманскому Востоку, стремившемуся поглотить Закавказье.

В Грузии, как и в Армении, относительно широкое распространение получила грамотность, и для читателей, от царя до монаха, литература, имевшая давние традиции, ощущалась как путь к сохранению духовных ценностей, в первую очередь христианских.

В Армении в XII веке жили талантливые писатели. Одним из наиболее ярких был Нерсес Шнорали, известный под именем Благодатного. Он происходил из княжеского рода и с 1166 года был католикосом

Киликийской Армении. Он был политиком, поэтом, публицистом, историком, композитором, философом и даже фольклористом (он выпустил сборник загадок). Все ему было по плечу, все удавалось. В. Брюсов вообще считал, что Шнорали в поэзии настолько обогнал свое время, что ближе всех стоял к Верлену. Многие из того, что было создано Шнорали, пропало в последующие мрачные века, и все же мы знаем и даты, и обстоятельства его жизни.

От него до нас дошли «служебные» документы — его духовные послания пастве. Поводом для создания его самой знаменитой поэмы — «Элегии на взятие Эдессы», горького рассуждения о судьбе народа и человечества, — послужило падение созданного крестоносцами княжества Эдесса в 1144 году, когда мусульмане, захватив город, перебили там почти всех христиан. Среди защитников Эдессы был племянник Шнорали, который и рассказал ему о том, что происходило во время штурма.

Мы знаем о Шнорали недостаточно, но все же жизнь и творчество его восстанавливаются по известным нам вехам.

Шнорали при всем его таланте остался в своем времени: его поэмы и послания, умные и глубокие, все же не стали явлением всемирного масштаба. Руставели — феномен иного порядка. Это гений всемирный, образы и строфы которого живы сегодня и будут волновать завтра, как и трагедии Шекспира.

И притом — абсолютная биографическая пустота.

Напрашивается простое объяснение: Руставели, как и Низами, скромный отшельник, низкого происхождения, проводивший жизнь в тиши деревенского уединения.

Ничего подобного. Сегодня принято считать, что он одно время был мечурчлетухуцесом, то есть главным казначеем Грузии. Об этом есть сведения в документах грузинского монастыря Святого креста в Иерусалиме. Возможно, его рукой сделана свидетельская запись под грамотой Шио-Мгуимскому монасты-

рю от 1191 года, сразу после подписей Тамары и католикоса и перед подписями князей Орбели: «Я, Шота, в моем владении в Жиновани это утверждаю...» Другой Шота в Грузии того времени, столь высокий по рангу, вроде бы неизвестен.

То есть мы имеем дело с вельможей.

И этот вельможа, о котором, даже если бы он не написал ни строчки, мы должны были бы знать что-то из летописей, исчез.

Для нас (как, может быть, и для большинства читателей) «Витязь в тигровой шкуре» — вершина западного рыцарского романа, достигнутая не на Западе, шедевр восточной сказки, рожденный в христианском государстве, апофеоз гуманизма и идеалов Возрождения, появившийся на свет за века до самого Возрождения. Для нас это — Литература.

А если вернуться в XII век?

А если далеко не всеми «Витязь в тигровой шкуре» был воспринят как великий взлет авторской фантазии? А если сам автор не считал своей целью создавать именно фантазию?

Руставели — поэт. Не столь знаменитый в свое время, как Чахрухадзе и Шавтели — слагатели од. Но в отличие от прославленных поэтов Руставели гениален.

Сам он этого, разумеется, не знает: кто мог ему сказать?

Он пишет поэму о том, что у женщины не меньше прав руководить людьми, чем у мужчины, что Георгий имел все основания отдать престол дочери, так как «два щенка равны друг другу, будь то самка или семя».

Но Руставели не одописец — он попадает под власть своего творения. Поэма разрастается в грандиозный роман, в ней живут и страдают разные люди, и даже прототип Тамары, Нестан-Дареджан, раздваивается, обретая одновременно и облик Тинатин. А на первый план выходит гимн великой любви и высокой мужской дружбе.

Можно предположить, что писалась поэма в самые бурные годы — в период упрочения власти Тамары. Вполне вероятно, что брак ее с русским князем Юрием отразился в рассказе о смерти жениха от руки Автандила; Юрий был жив, но Руставели убил его, ибо так было лучше для Грузии.

Вернее всего, когда поэма была завершена и Тамара прочла ее, она была рада. Поэма разнеслась по Грузии, и каждый видел, что речь в ней идет не только о великой любви и верной дружбе, о рыцарстве и благородстве — речь идет о молодой царице, которая вправе быть великой.

Допустимо, что Руставели становится другом и доверенным лицом Тамары. И, может быть, именно тогда поднимается до высокого государственного поста. Все они молоды — и царица, и ее друзья. И даже язычество поэмы не смущает Тамару. Язычество в широком смысле этого слова: поэма лежит вне религий, вне догм и концепций*. «Месх безвестный из Рустави» притворяется, утверждая, что отыскал это древнее предание: подобного в литературе не существовало. Да иначе и быть не могло. Воспевая женщину-государя, женщину — предмет поклонения, женщину-мудреца, Руставели поневоле должен был разрушать средневековые традиции. Героини Низами также высоки и свободны, но смысл их жизни — любовь. Женщины Руставели еще и царицы.

Все говорит о том, что в летописях для Руставели, великого поэта и близкого к Тамаре государственного деятеля, должно было бы найтись подобающее место.

Понятно, когда о Руставели забывают его современники-поэты. Для них он был слишком сильным соперником, нарушителем канонов, фигурой неприятной. Ни Чахрухадзе в «Тамариани», ни Шавтели в «Абдул-мессии», посвященной, вероятнее всего, второму мужу Тамары Давиду, ни словом, ни намеком не

* Формально Тариэл и Нестан-Дареджан — мусульмане. Тариэл даже клянется на Коране.

вспоминают Руставели. Хотя Руставели о своих современниках-поэтах пишет уважительно. Но как же историки?

И возникает предположение: прошла молодость Тамары, прошли годы неуверенности, борьбы за власть, неудачного брака с Юрием. Тамара утвердилась на троне, она велика, безгрешна и богобоязненна.

Нужна ли такой Тамаре поэма Руставели, каждой своей строкой раздражающая епископов и вельмож? Нужно ли ей, чтобы ее сравнивали с Нестан-Дареджан, которая заставляет возлюбленного убить ее жениха, которая попадает в крепость и томится, заточенная там врагами, и маски врагов прозрачны — это князья и епископы ее же Грузии.

Но поэму уже не уничтожить. Каждый грузин знает наизусть строфы из нее. Зато Руставели можно отдалить, забыть, как, вероятно, и других помощников первых лет борьбы. Теперь Тамара окружена покорными каджами. Они помогают править страной. Они ходят в походы и собирают подати.

Подобное столько раз случалось в истории, что возможность такой перемены вполне допустима.

Лев Толстой и Махатма Ганди вели в молодости достаточно легкомысленный образ жизни. В старости они об этом не любили вспоминать, ибо учили человечество, что такой образ жизни предосудителен. Наполеон, став императором, убрал своих соратников по республиканскому прошлому.

Руставели мог стать напоминанием об ушедших временах, а к новым мог и не приспособиться.

Нам неизвестны годы жизни Руставели. Но он дожил до старости. В монастыре Святого креста сохранился его портрет. И в 1960 году он был исследован грузинскими учеными. На портрете изображен белобородый старец. Надпись под портретом сообщает, что на деньги Руставели монастырь был отремонтирован и расписан фресками. К началу XIII века относится поминальная запись о Руставели, также

найденная в монастыре. Портрет мог быть сделан с натуры, мог быть исполнен уже после смерти поэта. В любом случае он куда более достоверен, чем те красавицы, которых принято изображать на титульных листах различных изданий «Витязя в тигровой шкуре». У Руставели большие глаза, густые черные печальные брови, длинный нос и окладистая белая борода. Одежда светская, одежда богатого человека.

Можно предположить, что Руставели оказался не у дел и к старости уехал в Иерусалим, где, совершив богоугодные дела, скончался. Прошло много лет с тех пор, как он, молодой и дерзкий, писал «Витязя».

Фреска и поминальная запись указывают на то, что он умер в начале XIII века. Значит, поэт был ровесником царицы. Или немного старше ее.

С уходом со сцены бунтарей и молодых спутников царской юности в Грузии восторжествовали знатные роды, царицу окружили седые епископы и умудренные опытом полководцы, которые постепенно забыли, что когда-то ставили под сомнение законность ее прав на престол. Появилась нужда в авторах од и песнопений, в создателях летописей, где Тамара искони безгрешна. Появилась нужда в редакторах, которые вымарывали из истории сомнительные пассажи. Желавших выполнить столь благородный исторический долг было достаточно.

Поэма Руставели стала частью народной памяти. Ее нельзя было отредактировать. Хотя и старались, выкидывая при переписке строфы и заменяя их другими. Но существовало столько списков, что за всеми не уследишь.

Свободный мир поэмы возмущал ревнителей нравственности еще долгие века. Первое печатное издание «Витязя» — в 1714 году — было отдано на сожжение по приказу грузинской церкви.

В поэме есть Нестан-Дареджан, мудрая, отважная, молодая, страстная и порой жестокая. И есть кипучий мир царицы Тамары. Есть верные друзья и злобные враги.

Руставели был вычеркнут из истории, но навечно остался в литературе.

Читателю, как и автору книги, хочется увидеть людей, о которых идет речь. Описания оставляют чувство неудовлетворенности, потому что воображение неизбежно лепит образ героя, но ему некуда обратиться за подтверждением.

Когда было решено эту книгу иллюстрировать, то обнаружилось, что отыскать портреты всех действующих лиц невозможно. Некоторых из них попросту не сохранилось. Другие можно отыскать, но, насколько они схожи с оригиналами, можно лишь догадываться, причем не в пользу изображений. Ведь зачастую, особенно в восточном искусстве, изображается не человек, а представление о человеке.

Если рассмотреть эту проблему, двигаясь с караваном с Востока к Западу, то окажется (это схема и она грешит упрощением), что в Юго-Восточной Азии портреты земных персонажей порой встречаются, но весьма редко. Джаяварман в Ангкоре — исключение, ибо он таким образом старался оставить о себе память в веках. Так что с Джаяварманом мы «знакомы в лицо». В Пагане, а также в других странах Юго-Восточной Азии живых людей практически не изображали. Известен лишь случай в конце XI века, когда в храме Ананда у ног гигантского будды были поставлены две коленопреклоненные статуи — царя Чанзитты и монаха Шина Арахана. Судя по всему, эти статуи похожи на оригиналы, ибо лица их вылеплены вне канонов.

В Японии и Китае существует древняя традиция как во фресковой живописи, так и в изображениях на бумаге. Но существование традиции не означает, что до нас дошли портреты наших героев. Впрочем, все что касается эпопеи — войны родов Тайра и Минамото часто описывалось и иллюстрировалось в японской исторической литературе. Японцы, как и китайцы — нации пишущие, с древних пор они оставили

нам массу романов, записок и исторических хроник, которые было принято иллюстрировать. Однако иллюстрации далеко не всегда, а вернее, практически никогда не соответствовали оригиналам. Первоначальные рисунки давным-давно пропали, и первоначальные представления о красоте и уродстве персонажей также кардинально изменились. Но тем не менее при возможности я привожу в книге рисунки из японских книг — по крайней мере вы сможете увидеть того же Ёритомо таким, каким его представлял японец триста или четыреста лет назад.

Что касается чжурчжэньских вождей, то об их портретах мне ничего не известно, хотя изображения самих чжурчжэней и киданей существуют.

Зато портрет Чингисхана считается достоверным — автор его был современником великого полководца.

Как только мы вступаем в пределы Центральной Азии и Ближнего Востока, обнаруживается, что исламский мир, признавая порой миниатюру, вплоть до XIX века не воспринимал ее как средство отображения действительности. Мы знаем подобную же эволюцию иконы в России и в Византии — икона обращается к земной личности лишь в период упадка, когда появляется светский портрет. И тогда икона делает попытку соревноваться с ним. Вне этого соревнования икона изображает не людей, а определенные символы.

Исламский мир дал весьма немного портретов из эпохи средневековья. Так что, к сожалению, в центре этой книги зияет лакуна: какими были правители сельджуков, вожди исмаилитов, багдадские халифы, как правило, неизвестно.

Можно было бы ожидать, что христианский мир Византии и Закавказья, в отличие от мира ислама, подарит нам портреты властителей. Но все не так просто. В Византии существовали мозаики и фрески с изображением некоторых императоров. Однако далеко не всех. К тому же при насильственной перемене власти фрески безжалостно уничтожались. А

вот скульптуру — вершину портретного творчества Римской империи — ортодоксальная церковь изгнала из храмов и из жизни. Так что и в Византии далеко не все герои книги знакомы нам в лицо.

Несколько лучше обстояло дело в Грузии.

В Грузии была развита фресковая живопись. Она еще строга, статична, она не оторвалась от византийской традиции. И все же есть основания полагать, что в Грузии изображение конкретного человека было общепринято. А так как, несмотря на множество бед и разрушений, терзавших Грузию, относительно добрый климат и уединенность храмов способствовали сохранению живописи, то некоторые из портретов дошли до нас, а современные методы их исследования позволяют увидеть наших героев если и не такими точно, какими они были в жизни, то по крайней мере такими, как их представляли себе современники.

Изображений царицы Тамары сохранилось по крайней мере четыре (имеются в виду прижизненные изображения).

Первая фреска находится в храме пещерного монастыря Вардзии, на юге страны. Там, в глубине горы, можно увидеть фигуры Георгия и его дочери Тамары. Тамара уже взрослая — значит, фреска относится к последним годам жизни Георгия. В то же время она без платка, который проходит у замужней женщины под подбородком — следовательно, можно предположить, что фреска написана до смерти царя. Будем считать, что в начале 80-х годов.

Круглолицая, со сросшимися бровями, узкоглазая Тамара кажется воплощением персидской красоты — это никак не грузинское лицо. Так как фреска в Вардзии сохранилась лучше прочих и была широко известна, то в грузинской иконографии именно это изображение царицы Тамары считалось эталоном.

В наши дни среди грузинских историков и реставраторов возникли закономерные сомнения, насколько лик царицы соответствует тому, который изобразил на фреске художник. Сотрудники Государственного музея

искусств Грузии внимательно исследовали фреску и пришли к выводу, что портрет неоднократно подновлялся с различной степенью умения. Последняя расчистка фрески производилась реставраторами в 30-е годы нашего века, и в ходе ее была снята копоть, а обнаружившиеся утраты, куски осыпавшейся штукатурки были скреплены воском и затонированы.

Портрет сфотографировали в ультрафиолетовых лучах, и обнаружилось, что под слоем позднейших подчисток и исправлений находится иное лицо. Пожалуй, наибольшая разница была в глазах, преобразивших лицо — вырвавших его из гаремной тупости к мысли и неординарному характеру.

Для проверки своих предположений грузинские исследователи перенесли свое оборудование в Бетанийский храм.

Судьба этой фрески иная, нежели первой. Бетанийский храм был разрушен и забыт. Горный лес покрыл развалины. Раскрытие храма и возвращение к искусству его многочисленных фресок связано с именем князя Г.Гагарина, который, будучи вице-президентом Академии художеств, путешествовал по Грузии. Отыскав храм, он приказал его расчистить и защитить открытые свету и дождям фрески — храму были возвращены перекрытия.

Среди фресок в храме есть изображение Тамары и ее сына Георгия Лаши, уже взрослого. Известно, что родился он в 1192 году, а царем стал не раньше, чем в 1207 году. То есть бетанийский портрет написан незадолго до смерти Тамары. Так как умерла она относительно молодой женщиной (по нашим меркам), то нечего удивляться тому, что лицо ее на фреске столь же молодо, вернее, лишено возраста, как и на фреске в Вардзии. Однако платок, которым охвачено ее лицо, проходит под подбородком, указывая на то, что перед нами матрона, замужняя женщина.

В отличие от вардзийского портрета, Тамара в Бетани была фактически скрыта от глаз благочестивых

*Портрет царицы Тамары. Фреска в храме пещерного города
Вардзия:*

- 1 — современное состояние фрески;
2 — фреска в ультрафиолетовых лучах.*

паломников, и потому фреску не подновляли до тех пор, пока за дело не взялись молодцы князя Гагарина.

Как выяснилось при ультрафиолетовом анализе, реставраторы прошлого века столкнулись с тем, что штукатурка была повреждена и осыпалась. Так что они, подкрашивая фреску, следовали сохранившимся линиям первоначального портрета, и Тамара, которую вы можете увидеть в храме Бетани сегодня, больше похожа на женщину, обнаруженную под слоем записи в Вардзии, чем на современный вариант вардзийской фрески.

Ультрафиолетовые лучи показали, что в начале XIII века лицо Тамары было куда мягче и выразительней, но и в нем можно угадать сходство с первоначальной фреской в Вардзии. На них запечатлена одна и та же женщина.

Так что с определенной долей вероятности можно утверждать, что облик Тамары нам известен. По крайней мере мы знаем, какой ее видели современники.

*Портрет царицы Тамары из Бетанийского храма:
1 — современное состояние фрески; 2 — фреска в ультрафиолетовых лучах.*

Что же касается самого Руставели, то сомнений в его облике куда больше. Казалось бы, художник, писавший его, не был столь жестоко скован канонами, как живописец царицы. Но в случае с Тамарой мы имеем безусловное подтверждение того, что это именно Тамара, как в подписи под фреской, так и в самом царском наряде.

Считали ли грузины в начале XIII века, что Шота Руставели достоин быть запечатленным на фреске рядом с царями и князьями?

Иерусалимский портрет, изображающий старого монаха, невыразителен и малодоказателен.

Казалось бы, шансов увидеть Шота Руставели таким, как его видели современники, не осталось. Но положение изменилось после находок в Гелатском монастыре возле города Кутаиси.

Среди плохо сохранившихся и почти невидных фресок этого монастыря еще в начале 50-х годов был определен портрет грузинского царя Давида Навина,

царствовавшего во второй половине XIII века. Заслуга в открытии фрески и определении царя принадлежит искусствоведу Р. Меписашвили, которая добилась того, что была расчищена стена церкви рядом с Давидом, черная от копоти и времени. Под черным слоем обнаружилось еле видное изображение немолодого монаха. Две фигуры — царя и монаха — стоят в полный рост, глядя друг на друга, они одного размера, и обе изображены в молитвенных позах. Меписашвили предположила, а остальные историки согласились, что фрески изображают одного и того же человека — Давида Навина. Только та, на которой мы видим царя, — это Давид в молодости, а монах — это Навин в старости, когда он перед смертью ушел в монастырь.

Уже в наши годы те же специалисты, что исследовали портреты Тамары, — А. Цамцишвили и И. Гильгендорф задались вопросом: а есть ли вообще основания считать монаха старым Давидом? Ведь если последние пять лет своего официального правления Давид провел в монастыре, он должен был оставить престол сыну. Но известно из летописей, что его сыновья взошли на престол в 1293 году, лишь после смерти отца.

Меписашвили прочла надпись у фигуры монаха, как «Царь Давид, сын Русудан». Но это нелогично: если на фреске изображен монах, то он никак не может именоваться царем. Там должно стоять имя монаха, которое он принял в монашестве.

Применив, как и в случае с фресками царицы Тамары, ультрафиолетовые лучи, а также рентгеновское исследование, искусствоведы увидели, что надпись с именем царя исчезла — как позднее наслоение, но зато обнаружилась другая надпись, которую можно прочесть как «златокузнец», а можно как «Руставели», благо эти слова близки по написанию. Таким образом, нашла свое подтверждение теория некоторых грузинских историков о том, что Руставели — это не фамилия поэта, а его прозвище — златокузнец, отра-

*Предполагаемый портрет Шота Руставели.
По фреске Гелатского монастыря в Кутаиси.*

жающее преклонение современников перед мастерством поэта.

Фреска в Кутаиси дала основание исследователям утверждать, что Шота Руставели, изображенный на ней, выступает как бы в роли духовного наставника царя Давида Навина.

Выводы эти можно оспорить, и они не были приняты единодушно коллегами исследователей. Вызывает сомнение и то, что они отыскиали рядом с фреской буквы, обозначающее слово «Шота». Но художница Л.Копалиани, как бы проявив почти невидную живопись, восстановила портрет в его первоначальном виде. Он здесь и представлен.

Лицо этого монаха далеко от смирения. Хоть он и не похож ничем на стоящего рядом царя, по осанке, взгляду, гордости черт он скорее относится к царскому роду, нежели к армии смиренных иноков.

А раз уж мы не знаем иных полностью достоверных портретов великого грузинского поэта, то можно согласиться на том, чтобы считать его изображением кутаисскую фреску. И согласиться также с тем, что через сто лет после его смерти цари почитали его равным себе.

Покинув пределы Кавказа, наш караван вступает на просторы Руси. Перед нами раскрывается иной мир — мир Европы. Он связан с восточными соседями — Великий шелковый путь соединяет в одно целое весь континент. Эти связи — нити караванов и торговых дорог. Но порой по этим дорогам идут не караваны, а армии, передвигая массы людей, перемещивая расы, народы и идеи, ибо после каждой войны мир изменяется, но по изменившемуся миру вновь идут караваны...

Наша задача — дойти до западных границ Европы и вернуться оттуда на Восток.

О чем и пойдет речь в следующем томе.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3
Часть I. Истоки	
Выдуманный король	21
Лики живого бога	48
История одной вражды	66
Смерть тирана	129
Голодный волчонок	147
Мертвый город	169
Часть II. Мир ислама	
Госпожа Инандж-хатун	181
Старец горы	201
Отшельник из Гянджи	236
Часть III. Между двух миров	
Крестоносцы и сарацины	287
Интриги византийского двора	331
Царица и поэт	369

МОЖЕЙКО Игорь Всеволодович
(Киp Булычев)

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Историческая серия

1185 ГОД
ВОСТОК

Составитель *А.В. Алексеев*
Художник *К.А. Сошинская*
Технический редактор *А.Н. Аникеев*
Корректор *Л.М. Гусева*
Оригинал-макет *Л.И. Шмелева-Агинская,*
О.В. Новикова
Ответственный за выпуск *Е.А. Новиков*

Издательство «Хронос»
121099, Москва, а/я 880

ЛР № 061490 от 30.07.92

Подписано в печать 12.12.95. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага офсетная. Объем 21,84 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 20.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Тираж 5000.
Заказ 7458.

При участии издательства «АРМЭ»

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Комитета РФ по печати.
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

